

**Б
МЕДОВЫЙ
МЕСЯЦ**

МАРИНА ЕФИМИНЮК

Annotation

По-моему, выйти замуж за богатого столичного мага — большая удача! Особенно для скромной выпускницы с двумя тетушками и тремя приводами в участок за активную жизненную позицию. Пусть Филипп Торн чуток надменен, но он хорош собой и щедро согласился прихватить в медовый месяц моих родных. Нас ждали две недели семейного отдыха в снегах, горах и на морозном воздухе... Не понимаю, когда все пошло не по плану? И как хорошая идея превратилась в эту бедово-медовую катастрофу?

План таков:

- 1) влюбить в себя мужа
- 2) достойно провести первую брачную ночь и не спрятаться под кровать
- 3) отдохнуть с любимыми тетушками на знаменитом горном курорте
- 4) влюбить в себя... А! Это уже было...

Если вам, как и мне, придет в голову пункт № 3, то сразу вспомните правило трех "Н": никогда, ни при каких обстоятельствах, не берите в медовый месяц родственников!

Вообще никого не берите! Даже домашних животных. Главное, мужа не забудьте. И, конечно, великую книгу всех соблазнительниц: "Сто фактов о мужчинах и их особенностях".

Всегда ваша, леди Тереза Торн (в девичестве Вудсток)

От автора. Комедия положений о том, как выйти замуж по договоренности семей, постараться влюбить в себя мужа, выжить в медовом месяце. И, самое главное, после его окончания не остаться вдовой... Ой! Разведенной дамой с содержанием и странным питомцем.

-
- [Марина Ефиминюк](#)
    - [Пролог](#)
    - [ГЛАВА 1. Идеальная жена и воз родственников](#)
    - [ГЛАВА 2. Первая брачная ночь](#)
    - [ГЛАВА 3. Лекарство от досадных провалов](#)

- [ГЛАВА 4. Банкет с десертом](#)
  - [ГЛАВА 5. Клуб защиты магических тварей](#)
  - [ГЛАВА 6. Свадебные подарки](#)
  - [ГЛАВА 7. Полный кавардак](#)
  - [ГЛАВА 8. Соблазнение по-книжному.](#)
  - [ГЛАВА 9. Старая дева на выданье](#)
  - [ГЛАВА 10. Третий лишний](#)
  - [ГЛАВА 11. Развод и девичья фамилия](#)
  - [ГЛАВА 12. Примирение по Филиппу Торну.](#)
  - [Эпилог](#)
-

Марина Ефиминюк
Бедовый месяц

Пролог

Вилсон всегда считал себя атеистом, но за год службы на Филиппа Торна, мага в шестом поколении, всерьез уверовал. И в бога, и в судьбу, и в святую пятую стихию. Хотя магическая наука давно доказала, что именно этой стихии не существует.

Он научился везде находить дурные знаки, предупреждающие о быстрой отставке с самыми отвратительными рекомендациями. И ведь срабатывало!

Сейчас об опасности кричала идеально вычищенная бронзовая ручка на двери в личные покои хозяина. Ее следовало нажать, чтобы войти внутрь, но внутри личного помощника точно не ждало ничего хорошего. Кроме, разумеется, Филиппа Торна. Тот был хорош собой во всех смыслах. Это признавал даже сам секретарь, вообще-то с юного возраста интересующийся исключительно женщинами.

— Вилсон, я слышу, как вы топчитесь под дверью, — прозвучал спокойный хозяйский баритон. — Заходите.

Перехватив покрепче тяжелую кожаную папку, секретарь приоткрыл дверь и проник в покои. В них все кричало о богатстве: сдержанные цвета в интерьере, мебель красного дерева. И высокий мужчина перед напольным зеркалом в полный рост тоже олицетворял богатство.

Как однажды Вилсону сказали, «от мага Торна пахнет старыми деньгами и древней магией». От Филиппа вообще-то пахло абсурдно дорогим благовонием. Личный помощник сам его заказывал в парфюмерном ателье на площади Сендан по цене своего ежемесячного жалования за один флакон. Но в целом он понял, о чем тогда говорил собеседник. Дай бог памяти вспомнить, кто это был...

Точно! Миранда Фарнет! Любовница Торна...

Ей-богу, лучше бы не вспоминал эту рыжую ведьму, чтобы не накликать.

— Господин Торн, я знаю, что вы собираетесь в театр, но дело не требует отлагательств.

Филипп посмотрел на него сквозь зеркальное отражение. От ледяных хозяйских глаз хотелось немедленно закопаться под наборный

паркет или спрятаться под шерстяной ковер с неброским рисунком.

— Если дело безотлагательное, почему вы молчите? — мягко спросил Торн. — Говорите, пока собеседник готов вас слушать.

Почему-то рядом с этим человеком Вилсон, между прочим, лучший за последние десять лет выпускник юридической академии, начинал чувствовать себя бараном. В смысле, постоянно блеял, терял связность мысли и замороженно следовал в ту сторону, какую ему указывали.

Хорошо, что Торн пока не указал ему на дверь дорогого особняка. Жить в этом доме было сплошным удовольствием. В смысле, было бы, не живи в нем высший маг. Видимо, дело в энергии, которую излучал этот человек. Он просто стоял перед зеркалом, поправляя запонки, а воздух вокруг него словно бурлил.

— Ваша драгоценная тетушка завтра планирует нанести визит, — выпалил Вилсон, потому что понятия не имел, как озвучить исключительно деликатную проблему, решение которой затягивать больше не следовало.

— Что Марджери забыла в столице?

— Вы не ответили ни на одно ее письмо о женитьбе.

— Что не так с моей женитьбой? — Филипп выразительно заломил левую бровь. — Я же сказал: обряд в декабре, свадебное путешествие на курорт в Эрминские горы, не больше двух недель. Остальное на ее откуп.

— Но невеста... — Вилсон почувствовал, что, подходя к сути вопроса, начинает терять и голос, и решимость.

— А с ней какая проблема?

— Как вам сказать...

— Говорите, как есть. — Хозяин, определенно, начал раздражаться, пусть и не допускал раздосадованных интонацией. Он не любил глупцов. — Сейчас только июль, рановато для предсвадебной истерии. Отправьте ей нюхательные соли.

— Некому присылать!

— Она вернула обручальный браслет?

— Вы еще не выбрали, кто будет носить этот браслет! — в отчаянье выпалили Вилсон, на секунду зажмурившись.

Повисла страшная тишина. Личный помощник приоткрыл сначала один глаз, потом второй глаз. Впервые за год верной службы он увидел

в лице надменного высшего мага, обычно держащего себя так, словно в комнате он самый умный, просто нечеловеческое недоумение.

От этого Вилсон сам чуть не впал в истерику и едва не полез в карман за собственной баночкой с нюхательной солью. Господи боже, он был готов эту самую соль сжевать!

— Не выбрал что? — на всякий случай уточнил Филипп, видимо, отказываясь верить в неловкость.

— Кого... Невесту, — осторожно поправил секретарь и немедленно протянул трясущуюся в руках папку: — Я взял на себя смелость и забрал из вашего кабинета папку с портретами кандидаток, которую месяц назад прислали от свахи.

Торн коротко кивнул в сторону письменного стола, видимо, смирившись, что без невесты ни в декабре, ни в любой другой месяц не сможет отдать священный семейный долг. Секретарь подозревал, что самый завидный холостяк столицы, может, не отдавал бы его еще лет пятнадцать кряду, но отцовское завещание обязывало.

— У нас десять минут.

— Полагаю, этого будет вполне достаточно! — обрадовался Вилсон и поспешно разложил папку на столешнице, случайно сдвинув в сторону письменный набор из розового мрамора с золотыми жилками.

Без особого интереса Филипп принялся просматривать портреты и скользить быстрым, словно небрежным, взглядом по описаниям. Со стороны могло ошибочно показаться, будто он читал по диагонали. Но Вилсон-то знал, что хозяин оценивал каждую написанную почти каллиграфическим секретарским почерком литеру.

— Позвольте заметить, госпожа Прэйм — дочь королевского советника и обладает сильным магическим даром, — хотя его мнения никто не спрашивал, прокомментировал личный помощник. Они с лакеем поспорили, кого выберет хозяин, и дочка советника значилась в списке Вилсона под первым номером. — В приданое дают золотой рудник и драконью ферму.

— Ни одна драконья ферма не окупит родство с ее отцом, — с равнодушным видом проговорил Торн и, не задержав взгляда, отшвырнул карточку в растущую стопку отбраковки.

Лучше бы Вилсон промолчал и придержал не то чтобы авторитетное мнение при себе, потому что дальше сконфуженный

Торн превратился в обычного Торна! Он отвечивал емкие комментарии каждой из красивых образованных девушек, за которыми очередь из женихов, должно быть, строилась от королевского дворца и до часовой башни. Претензии по большей части адресовались родственникам невест.

— Чем вам не угодила Элизбет Сайт? — осознавая, что продул лакею десять крон, неожиданно даже для себя взвыл секретарь.

— Дар, как у прачки, и мамаша невыносима. — Торн взял новую карточку и прочел на обороте: — Тереза Вудсток.

С портрета смотрела светловолосая барышня с голубыми глазами. Ничего особенного. Портретист явно поленился ей польстить. Или же попался паршивый мастер, не умеющий создавать представительные миниатюры для ярмарки невест.

— Ох, простите! — испугался Вилсон. — Видимо, сваха положила карточку, чтобы оттенить других кандидаток.

— Помолчите. — Хозяин быстро читал ее анкету.

Секретарь невольно и сам заглянул в бумагу. Двадцать лет, сирота, воспитана родственницами. Летом выпускается из пансиона для девиц из благородных, но разоренных семей, кому не хватало средств на приличное магическое образование. Но по иронии судьбы, единственное, что не вызывало сомнений в Терезе Вудсток, был дар.

— Она, — объявил Филипп.

— А?

— Я женюсь на Терезе... Как ее?

— Вудсток.

Маг положил портрет на стол и постучал по нему пальцем, словно вбивая гвозди в холостую жизнь, а заодно и в девичье изображение:

— Свяжитесь с ее родственниками.

Часы на столе подсказали, что выбор безупречной супруги у Торна занял ровно семь минут. Даже чуток осталось времени, чтобы обсудить еще какое-нибудь срочное, но позабытое дельце.

— Но, господин... — пролепетал Вилсон, с ужасом представив завтрашний разговор с мадам Торн. Сам-то хозяин перед ней не появится, отговорится срочными делами и отправит в адское пекло личного помощника. — Девушка воспитывалась тетками. Владеет одним захудалым поместьем в глухой провинции. Из магического

образования — курс бытовых заклятий да основы зельеварения. Почему она?

— Не понимаете? — Торн бросил надменный взгляд. — Вилсон, какой женой будет сирота из разоренной семьи?

— Судя по ее образованию, хозяйственной, — с готовностью поделился размышлениями тот и едва не проглотил язык, заметив жалостливый взгляд. Так смотрели на окончательных идиотов или полных кретинов. Ни к тем, ни к другим Вилсон себя не причислял... Как правило.

— Кроткой, послушной и, главное, благодарной по гроб жизни, — заключил Филипп. — Идеальная жена.

ГЛАВА 1. Идеальная жена и возродственников

«Ни о чем не беспокойся!» — говорили они.

«Свадьба будет скромной!» — увещевали они.

«Соберутся только самые близкие друзья и родственники!» — уговаривали они.

Наврали во всем. Или же в друзьях и родственниках моего будущего мужа Филиппа Торна ходила половина столицы. Оценить толпу мне не позволяла густая фата, но гул голосов за спиной недвусмысленно намекал, что центральный храм трещал по швам.

Перед обручальным обрядом тетушки одарили меня всевозможными советами разной степени мудрости и сомнительной практичности. «Не перечь мужу хотя бы до второго ребенка», «не демонстрируй характер в первые сорок лет брака — в женщине должна оставаться загадка», «соглашайся во всем с мужем, пусть думает, что в доме он самый умный». И мое любимое от Лидии: «почаще улыбайся — мужчинам нравятся прелестные дурочки».

Замуж она ни разу не ходила, знания черпала из любовных романов и считала себя экспертом. Рукодельничала тоже неплохо. Вот и подсказала бы, как проделать незаметные дырочки в слоях кружева перед лицом. Для обзора и доступа к свежему воздуху. Ни того, ни другого мне категорически не хватало.

Но, по всей видимости, на свадьбе невесте полагалось задыхаться и смотреть в светлое будущее. Коль ничего другого вокруг, а не под ногами, разглядеть было невозможно.

— Возлюбленные дети, Филипп и Тереза, перед лицом бессмертных богов и смертных людей наденьте обручальные браслеты! — Покончив с бесконечной проповедью о супружеской верности, scomандовал святой отец, но немедленно добавил: — Если у вас есть причины, по которым этот брак невозможен, назовите их сейчас или храните в тайне, пока смерть не разлучит вас.

В храме наступила благоговейная тишина, словно зрители ожидали, что возлюбленные дети начнут, как на духу, каяться в грехах. Дескать, святой брат и уважаемые гости, тут такое дело: невеста во

время учебы три раза попадала в участок к стражам за активную жизненную позицию, а жених выбрал ее по портрету от свахи.

Безусловно, отказываться от брака ни один из нас не собирался. Филипп сжал мою руку прохладными, сухими пальцами и надел широкий браслет. Из-под края кружевной завесы, скрывающей лицо до подбородка, я следила, как золотой обруч начал быстро сужаться и неощутимо слился с кожей. От вида поблескивающей полоски на меня напал столбняк. Я действительно вышла замуж!

— Тереза? — с вопросительной интонацией вымолвил Торн, тонко намекнув, что пауза затянулась до неприличия.

В смысле, почти вышла замуж. Но тетушки, поди, решили, что невеста хочет просто выйти из храма, и затаили дыхание. Подозреваю, зал тоже застыл в ожидании, что я полностью передумаю станювится женой красивого богатого мужчины и предпочту умереть опозоренной старой девой в бедности. Зато с библиотекой любовных романов от тетушки Лидии и десятью миниатюрными драконами. Драконы мне, конечно, очень нравились, но не до такой же степени, право слово!

Опомнившись, я взяла с серебряного подноса широкий мужской браслет. Он легко скользнул на крепкое обнаженное запястье Филиппа и мгновенно сжался.

— Жених можете поцеловать невесту, — с улыбкой в голосе предложил святой отец.

Тут-то и нахлынуло то самое волнение, которое, по словам Лидии, испытывают абсолютно все нормальные девушки во время свадебного обряда, а у меня оно застряло на подступах к сознанию. Я нормальная, — правда! — просто не выпалась. По-моему, подъем невесты на рассвете надо приравнять к тяжким преступлениям строгим королевским указом.

Муж сделал ко мне уверенный шаг и аккуратно поднял фату. Я уставилась на него широко раскрытыми глазами и забыла, что очень хотела глотнуть свежего воздуха. Филипп Торн по-прежнему был хорош собой, как и все четыре раза, что мы виделись после скромной помолвки в моем родном городке Энтиле.

Впрочем, он оказался постоянен во всем, не только в привлекательности. На меня тоже смотрел точно так, как в прошлые разы. С вежливым интересом. Честно, ничего не имею против, но с похожим интересом при первой встрече он разглядывал Лидию. И

дядюшку Рендела. И ветвистые олени рога, тридцать лет висящие над каминной полкой в нашем скромном доме...

Филипп легонько сжал мой подбородок и заставил приподнять голову. Мысли о рогах моментально из головы выветрились, сердце заколотилось, а дыхание перехватило. В глазах чуточку смешалось то ли от нехватки воздуха, то ли от волнения. Я приготовилась нырнуть в наш первый поцелуй!

— Леди Торн?

— Здравствуйте, — выдохнула я остатки кислорода. Хорошо, не хватило на «давно не виделись». Прозвучало бы еще глупее.

В льдисто-голубых глазах новоприобренного мужа мелькнула тень улыбки.

— Вы восхитительно выглядите.

Он медленно склонился и... прижался мягкими губами к моему лбу.

По храму сначала пробежала судорога восхищенных вздохов, а потом этим целомудренным касанием мы сорвали аплодисменты зрительного зала. Я-то наивно полагала, что страстные лобзания молодоженов — единственное в брачном обряде, ради чего стоило выслушивать напутственную проповедь храмовника. Какие неприятельные до поцелуев люди! Похоже, кроме невесты больше никто не испытал разочарования.

— Идемте. — Филипп протянул раскрытую ладонь, предлагая взять его за руку. Из-под рукава выглянул край обручального браслета. — Нас ждут.

О голодных невестах.

Сверху, словно из стеклянного купола, грянула органная музыка. Под торжественные раскаты, мы повернулись к гостям. От невинного мужниного поцелуя горел лоб, словно в нем светилась звезда. Ей-богу, лучше бы пекло губы!

Как я, прячась под фатой, и подозревала, на венчальный обряд Филиппа Торна съехалось столько аристократов, сколько, поди, не собиралось на летние драконьи гонки. Если вдруг они прямо в храме передерутся за возможность попасть на банкет в королевской оранжерее, то нашу свадьбу точно запомнят надолго. В Энтиле, дядюшка Рендел не даст соврать, каждый людный праздник обязательно заканчивается коллективным мордобоем.

Дядюшка, к слову, стоял в первом ряду, опираясь на трость. Невысокий и коренастый, одетый в щегольской камзол, заказанный у столичного портного. Аккуратно зачесанные волосы, ловко скрывали круглую проплешину.

Рядом с ним, прижимая ладонь к пышной груди, растроганно улыбалась тетушка Клементина. Лидию нахальные зрители оттеснили в толпу. Я опознала ее по темноволосой макушке, выглядывающей из-за плеча какого-то незнакомого типа с обширными телесами.

Торны, как и положено по старой традиции, многочисленным кланом занимали лучшие места с правой стороны от венчального алтаря. Лично я была знакома только с Марджери, двоюродной теткой Филиппа. Она единственная из родственников, сохраняющих кислые мины истинных аристократов, изображала сдержанную улыбку.

Внешне мадам была приятной, но отчаянно напоминала мне лимонный сорбет. В смысле, она не наряжалась бледно-желтый колер, да и вообще избегала плебейского желтого цвета в одежде, а так щедро раздавала советы по любым поводам, что неизменно вызывала изжогу. Потом ни одним снадобьем не погасишь.

Вступи такая чрезвычайно энергичная дама в наш женский клуб по защите магических тварей в дикой природе, мы сразу добьемся, чтобы болотных драконов внесли в книгу исчезающих видов. Но я не имею права обречь подруг на Марджери Торн. Видит бог, они не сделали мне ничего плохого!

Позволив гостям полюбоваться на растерянную невесту, у которой, как назло, соскальзывала на затылок тяжелая фата, Филипп увлек меня в длинный проход. Величественные двери храма начали медленно раскрываться. С морозной улицы в венчальный зал ворвался поток ледяного зимнего воздуха и взлохматил лепестки, устилавшие путь к алтарю. Между дверными створками расширялась яркая полоса дневного света, словно действительно открывая ворота в светлое будущее.

Следующие часы в королевской оранжерее до отъезда в свадебное путешествие прошли, как в тумане. Я не запомнила никого, кто подходил к нам с Филиппом с поздравлениями. Он держал в руках бокал с игристым вином и отвечал гостям с небрежной надменностью. Мне оставалось мило улыбаться и украдкой поглядывать на круглые

столы, за которыми аристократы набирались дорогим хмелем в честь молодоженов. Очень хотелось булку с корицей, а не вот это все.

— Тереза? — Филипп сжал мой локоть, заставив оторваться от тоскливого созерцания высокой этажерки с маленькими бутербродами. — Нам пора прощаться с гостями и уезжать.

Подождите! Мы же с ними только поздоровались...

— А поесть невесте и не дали, — едва слышно буркнула я себе под нос, но у мужа оказался на удивление острый слух.

— Что?

Я подняла голову и наткнулась на внимательный взгляд. Впервые с момента знакомства Филипп смотрел на меня не как на пыльные олени рога, а как... на живого оленя с этими рогами.

— Что? — повторила за ним с улыбкой той самой прелестной дурочки, о которой говорила Лидия.

Придурочно улыбаться у меня всегда получалось. Хорошо помогало, когда приходилось торговаться на рынке или объясняться с придирчивым преподавателем по бытовым заклетиям в пансионе. С городской стражей, опять-таки, прекрасно срабатывало...

— Вы голодны? — мягко спросил он.

Господи, дождалась! Неужели первый человеческий вопрос за сегодняшний день?

— Очень, — с чувством призналась я.

— Поужинаем на борту дракона.

— А что нам мешает здесь поесть? — вырвалось у меня.

— Время.

Зачем только про еду спросил? Мысленно я почти переварила десяток тарталеток с мягким сыром и заела их тончайшими листиками ферзайской ветчины.

— Дракон не успеет в теплые края? — любезно уточнила я.

Да помню — помню! — как тетушка Клементина советовала до самой старости, пока зубы не выпадут, прикусывать язык. Потом просто прикусывать станет нечем и можно будет шамкать в лицо муженьку правду-матку. Но от голода во мне всегда просыпалась жуткая ворчунья. Клянусь, самой с собой тяжело уживаться!

Губы Филиппа дернулись, словно он пытался сдержать улыбку.

— Не знаю, что насчет дракона, — совершенно серьезным тоном ответил он, — но будет лучше, если к ночи мы окажемся на месте.

Острая мысль прошила, как иголкой. Конечно же! Сегодня нас ждала первая брачная ночь. Я не забыла. Да и как об этом забыть? Просто старалась не думать о том, что идет в довесок к свадьбе.

Как любая прогрессивная девушка с образованием, я естественно знала, из чего состоит мужчина. В смысле, когда на нем не было никакой одежды. По анатомическим атласам. Да и о том, что происходит в супружеской спальне имела представление. В пансионе от девчонок чего только не наслушаешься! Но ведь эта особенная ночь произойдет со мной, а не с соседкой по комнате...

Никогда не считала себя трусихой, но в животе вдруг завязался крепкий узел. С другой стороны, голод сразу же прошел.

— Тогда пора переодеваться, — пробормотала я и, оглядев украшенный лентами и огоньками зал, кивнула бдящей тетушке Клементине, дескать, нужно нам собираться в дорогу.

О сборах и женских разборках

В просторной дамской комнате, уставленной вазами с живыми цветами, суетились две молоденькие горничные. Одна раскладывала на зеркальном столике расчески и благовонные косметические эликсиры для волос. Вторая девушка оглаживала щеткой дорожный костюм, надетый на портняжный манекен. Второй манекен был наряжен в голубой плащ с меховой опушкой.

От мысли, что на новый гардероб пришлось потратить четверть родительского наследства, у меня до сих пор дергалось веко. То правое, то левое. Деньги много лет хранились на счету в королевском монетном дворе на черный день. Может, это какой-то намек Вселенной, что часть этих сбережений пошла на подготовку к замужеству? А я его и не распознала.

— Идите, — отозвалась горничный тетушка Клементина.

Товарки испуганно переглянулись. Марджери у меня навести ужас на белошвеек, доставщиков и всех слуг.

— Но мадам Торн сказала...

— Присылайте эту вашу мадам к нам! — отрезала тетушка.

— Девушки, нас тут трое. Мы справимся, — уверила я и несколько ошалела, как те присели в вежливом книксене и безропотно потянулись к выходу. — Благодарю за помощь!

На краю зеркального столика лежал сверток из цветной бумаги, перевязанной лентой. Под нее был засунут нарядный конверт с

нарисованными от руки цветами.

— Кто это передал?

— Твои бандитки после венчания подходили, — проворчала Клементина. — Придумали тоже: общество по защите диких тварей.

— Магических, — невольно улыбаясь, поправила я.

Повидаться с подругами перед свадьбой не удалось, но было приятно знать, что они действительно приходили в храм.

— Посмотрите, какая довольная! Связалась с дурной компанией и радуется, — фыркнула тетушка. — Ты вышла замуж за уважаемого человека, Тереза. Аристократа, мага в третьем поколении...

— Шестом.

— В шестом! — со значением повторила она. — Не смей позорить его фамилию, как позорила фамилию отца.

Пока тетушка сердито вытаскивала припрятанный за диваном маленький дорожный сундучок, я вскрыла конверт. На бархатистой карточке Эвита, бессменная глава нашего клуба, написала знакомым размашистым почерком: «Дорогая Тесса, мы с девушками за тебя искренне рады. Счастья в семейной жизни!»

Под праздничной упаковкой прятался пухлый томик в более чем неприятной обложке с названием «Приручение домашних драконов». Видимо, в моем лице отразилось такой силы недоумение, что Лидия не удержалась:

— Что за книга?

Она заглянула мне через плечо.

— Видимо, полезная в хозяйстве, — протянула я и наугад открыла томик на середине.

На картинке красовалась совершенно, абсолютно, просто обворожительно обнаженная пара, слившаяся в тесных объятиях. Оказалось, что под фальшивой обложкой, призванной облапошить окружающих, прятались «Сто фактов о мужчинах и их особенностях».

— Ты права, — восхищенно охнула Лидия, — очень полезная в семейной жизни книга.

— И эта туда же! — проворчала тетушка. — Тереза, возьми. С рассвета крошки во рту не было. Эти аристократы сначала голодом мучают, а потом ругаются, что похожа на немощную хмарь.

— Меня назвали немощной хмарью? — встрепенулась я, готовая мысленно составлять черный список людей, обругавших невесту на

свадьбе.

— Попробовали бы они! — презрительно фыркнула тетушка и вручила сдобную булочку, завернутую в льняную салфетку.

Жевать и избавляться от свадебного наряда одновременно оказалось сложновато. Я отложила еду, о которой весь день мечтала, и мысленно порадовалась. Те самые узлы, что стянулись в желудке при мысли о первой брачной ночи, вызывали тошноту даже при виде румяной булочки. Поверьте, ни одна тарталетка с мягким сыром тоже не прижилась бы.

Без фаты голова показалось очень легкой, а без жесткого корсета, не позволяющего ни вздохнуть, ни ссутулиться, в легкие начал нормально поступать воздух. Не представляю, как модницы ежедневного носят это орудие женских пыток.

От природы я была кудрявая, и утром пряди выпрямили с помощью специальных лосьонов. Чтобы потом завить в локон. Не очень-то логично, но спорить с «выдающимся», по словам мадам Торн, мастером причесок постеснялась. Расчесать жесткие волосы оказалось невозможно, так что пришлось просто стянуть на затылке опрятным узлом. Оприятным он был только в моем представлении, безусловно.

— А где теплые ботинки? — озадачилась тетушка, когда подошло время одевания, и вопросительно посмотрела на Лидию.

Та перестала разглядывать картинки в «полезной» в домашнем хозяйстве книге и пожала плечами:

— В горах.

— Что они там делают?

— Уехали вчера вместе с остальным багажом, — доходчиво объяснила Лидия. — Надо было оставить?

У тетушки грозно затряслись длинные тяжелые серьги, а по увядающей от возраста шее пошли красные пятна.

— Не ругайтесь! — примирительно вклинилась я. — Просто поеду в туфлях.

— Да ты до смерти простудишься! — охнула она.

— Переплюнь.

Ей-богу, у меня не было никакого морального права потратить четверть наследства на дорожные шмотки во имя счастливой семейной жизни, а остальную часть — на собственные похороны.

Мысль о бездарной растрате родительских денег не даст упокоиться с миром!

— У меня есть теплые чулки, — радостно вспомнила Лидия и с торжествующей миной вытащила из ридикюля чулки в черную и синюю полоску. — Взяла на всякий случай. Смотрите, как удачно!

— Лучше сразу лягу в гроб, — сухо отозвалась я.

— Они же чистые, — не поняла она.

— И полосатые.

— Зато к плащу подходят! — поддержала Клементина.

— Как я в этих чулках перед мужем разденусь? — возмутилась я.

— А зачем тебе перед ним скидывать одежду?

— Тетушка, ты больше тридцати лет замужем. Неужели я должна говорить об этом вслух? Догадайся!

— Да кто ж перед супругом обнажается, дурочка? — всплеснула она руками и немедленно поделилась опытом, нажитом в браке с дядькой Ренделом: — Переоденешься в будуаре и выйдешь красивая.

— А так можно? — усомнилась я.

В романах Лидии все происходило по-другому. Герой страстно сдирает с молодой жены одежды, но обязательно оставляет шелковые чулки. Дались им эти чулки! Может, у мужчин какой-то фетиш именно на эту часть женского туалета?

— Так нужно! Не капризничай и надевай. — Тетушка выхватила чулки из рук Лидии и сунула мне. — Не заставляй больную тетку нервничать, а мужа ждать. К ожиданию мужчин надо приучать постепенно, а не сразу после венчания.

То-то дядька с кислым видом по часу сидит в гостиной, пока она собирается, а потом костерит нерасторопное «женское племя».

Едва я облачилась в дорожный костюм и кое-как втиснула ноги в туфли, дверь широко раскрылась. Вместе с гулом голосов в дамскую комнату вихрем ворвалась Марджери.

— Горничные сказали, что вы их выставили!

Резким движением я одернула подол, чтобы — ни дай бог! — она не заметила полосатые чулки и не скривилась.

— Мы уже закончили, — заявила Клементина.

Двоюродную тетку Филиппа она невзлюбила с первого взгляда. Выхоленная аристократка средних лет, искренне полагавшая, что молоко дают не коровы, а хрустальные графины, мгновенно вызвала в

ней изжогу. А когда уж Марджери спросила, зачем дядька Рендел привесил над камином *свои* рога, стало ясно, что дружбы между будущими родственницами принципиально не случится.

— Моя дорогая, ты прекрасно выглядишь! Говорила же, что этот цвет подчеркнет глаза, а то ты совсем невзрачная, — в своем стиле отвесила она комплимент, от которого хотелось или самой удавиться, или удавить мадам.

— У нашей Терезы прекрасные голубые глаза, — немедленно вставила Клементина.

Глаза у меня были самые обычные, но дурнушкой я себя никогда не считала. Впервые услышала критику в адрес внешности, когда мадам при первой встрече заявила, дескать, я действительно похожа на свой портрет.

Не зная, к чему придраться, если невестка уже полностью готова к отъезду и даже выглядит прилично, Марджери огляделась вокруг и заметила на зеркальном столике разложенную салфетку с булочкой и с наслаждением скривилась. Понятия не имею, чем ей не угодили булки.

— Дорогая, ты уже летала на драконе?

— Нет, госпожа Торн.

— Тогда не стоит наедаться перед полетом. Вдруг тебя укачивает в воздухе.

— Марджери, не переживайте за мою племянницу, о ней есть кому позаботиться, — пошла в наступление тетушка Клементина и припечатала: — Мы летим в Эрминские горы все вместе.

На секунду у мадам вытянулось ухоженное лицо, но она быстро справилась с дурной новостью и расцвела улыбкой. Очень неприятной, фальшивой улыбкой.

— Хотите сказать, вы и ваша сестра, — она кивнула в сторону Лидии, — отправляетесь на курорт?

— И господин Вудсток, — с мстительным удовольствием добавила тетушка.

— Филипп охотно поддержал их поездку, — поспешно вставила я.

— И полностью оплатил! — с торжеством добавила Клементина.

О свадебном путешествии на зимний курорт в Эрминские горы Филипп объявил своеобразно. В начале октября прислал немногословное письмо о поездке и предложил выбрать личную горничную. По портретным карточкам и анкетам.

— Зачем тебе нанимать чужого человека? — заворчала тетушка Клементина, читавшая письмо через мое плечо. — Лучше возьми Лидию. Она не сворует драгоценности.

Мы обе знали, что из драгоценностей у меня имелись лишь мамины ожерелье с сережками и папины рубиновые запонки — воровать вообще нечего, но на Лидию мы все равно посмотрели оценивающе. Не обращая на нас внимания, та вдохновенно перечитывала любимый роман и мыслями явно находилась далеко от гостиной.

— С тобой поеду я! — решительно заявила Клементина.

— И оставишь дядюшку без присмотра?

Теперь мы синхронно повернулись к Ренделу. Уронив голову на грудь, он похрапывал в кресле перед зажженным камином. Совсем скоро этот храп грозился перерасти в медвежий рев и загнать в кухню всех слышащих в этом доме.

— Нет, оставлять его нельзя, — покачала Клементина седеющей головой. — Сбежит на охоту, потом месяц будем по лесам искать. Притащит еще одни рога — клянусь! — я его на эти рога насажу! Придется прихватить Рендела с собой.

— Тогда Лидия обидится и уйдет из дома.

— Может, уже замуж выйдет? — тихо проворчала тетушка. — К ней сватался хозяин скобяной лавки. Такая выгодная партия! У нас бы до старости не было проблем со шпингалетами.

— Он женился пять лет назад, — поморщившись, напомнила я. — Скорее всего, она просто выйдет и оставит нараспашку входную дверь.

— А я всегда хотела побывать в Эрминских горах, — неожиданно прозвучал голос Лидии. Оказалось, что она мечтательно смотрела в стену, затянутую синей тканью. — Говорят, там потрясающие виды. И воздух кристально чистый.

— Ты нас слушала? — осторожно спросила я.

— Но я ведь не глухая, — отозвалась она и снова углубилась в чтение.

На следующий день я отправила Филиппу письмо о том, что вместо компаньонки хочу взять в путешествие родных. Всех троих скопом. И он согласился!

Ну как согласился... В своей обычной манере, то есть чрезвычайно коротко, ответил: «превосходная идея», — и без лишних

намеков оплатил им двухнедельное проживание. Никогда не заподозрила бы в нем внимательное отношение к семье будущей супруги.

Между тем, в дамской комнате королевской оранжереи росло напряжение. Пока новоиспеченные родственницы не вошли в азарт и не вцепились друг другу в волосы, я выпалила на одном дыхании:

— Дамы, нам пора выдвигаться!

Вообще, не представляю высокомерную мадам Торн, выдирающую кому-то лохмы, но жизнь всегда богаче, чем мы все о ней думаем.

О сюрпризах и красноречии

Прощаться с каждым гостем отдельно не пришлось. Казалось, только в добродушном Энтиле всей толпой провожали молодоженов: кричали пожелания, а под ноги бросали монетки. Столичные аристократы тоже не побрезговали старой традицией и, несмотря на холод, высыпали из дверей оранжереи. Правда, без воплей и скабресных шуток.

Под широкой лестницей нас дожидался дорогой экипаж с замысловатым гербом на дверце. Следом, нахально портя величавый вид полысевшего к зиме городского дендрария, пристроился простецкий наемный кеб для моих родных. За ожидание вознице доплатили отдельно, так что ради щедрых клиентов он подкатил прямиком ко входу.

Филипп, одетый в фасонистое пальто, помог мне забраться в свой экипаж, дал последние быстрые наставления секретарю Вилсону, опрятному, но очень нервному молодому мужчине. Сухо попрощался с Марджери, закутанной в меховое манто, и обратился к Ренделу:

— Господин Вудсток, по возвращении мы с Терезой непременно нанесем визит.

— Обязательно нанесите! — Тетушка Клементина не дала дядьке открыть рот. — Непременно! Всегда рады. Вы езжайте, господин Торн, а мы сразу за вами.

Наконец Филипп уселся напротив меня, и показалось, что в просторном салоне резко закончилось свободное место. Слуги закрыли дверцу, и экипаж тронулся. Звонко застучали по обледенелой брусчатке лошадиные копыта.

На улице дозревал короткий зимний день. Холодное солнце блестящим диском скатывалось за припорошенные снегом черепичные крыши. Из каминных труб к полупрозрачному небу уходили мягкие клубы густого дыма. Обогревающие артефакты могли позволить себе не все, так что грели дома дровами и углем.

— Ваша семья не захотела остаться на банкет? — прервал Филипп молчание.

— Они едут с нами.

— Решили проводить вас до воздушного порта?

Тут я по-настоящему напряглась и с подозрением посмотрела на мужа. Он ответил вопросительным взглядом.

— Они едут с нами в Эрминские горы, — напомнила я.

— Простите, куда? — переспросил Филипп, словно не расслышал или же не верил своим ушам и хотел бы еще уши Вилсона, чтобы тот подтвердил: никакой ошибки нет.

— В Эрминские горы, — терпеливо повторила я.

— В наше свадебное путешествие? — уточнил он, и в мягком голосе прозвучало подозрение, будто его разыгрывают. — Ваши родственники?

— Вы же согласились, — заволновалась я. — Назвали идею взять их с собой вместо горничной превосходной.

— Всех троих?

В салоне повисла нервирующая пауза. Нервировала она исключительно меня. Филипп, похоже, переваривал новость, что супружеским отдых будет только отчасти.

Мужчина в неполные тридцать лет может страдать провалами в памяти? Я внимательно пригляделась к мужу, стараясь отыскать в привлекательном лице с аристократическим носом признаки раннего старческого маразма. Признаков не находилось. Стальные глаза смотрели ясно.

— Господин Торн...

— Филипп, — поправил тот.

— Простите?

— Мы теперь женаты, Тереза, — напомнил он, словно присутствовал в храме в одиночку, а меня оповестить о знаменательном событии забыли. — Называть мужа по имени более чем уместно.

Значит, уместно? Меня как будто снова макнули в хорошие манеры на уроках этикета!

Тут я поняла, что пришло время милой дурочки, иначе заговорю и тетушки с дядюшкой всем коллективом помашут мне рукой, глядя на улетающего в сторону горизонта дракона.

— Филипп...

От милой улыбки свело челюсть. Он заинтересованно вскинул левую бровь. Поверить не могу, что мужчины действительно велись на кокетливые ужимки, а мой представительный муж ничем от остальных не отличался!

— Да, дорогая супруга?

Боже! Не дай ни одной резкости вылететь из моего рта. Спасибо! В смысле, аминь.

— Ничего не отыграть обратно. Вы уже заплатили за их проживание.

— Неужели? — хмыкнул он.

— Полностью! За всех троих на две недели. — Я набрала в грудь побольше воздуха и проговорила на одном дыхании: — Клянусь, они очень деликатные люди и не доставят никаких хлопот!

Воздух, к сожалению, закончился. Не быть мне ныряльщицей за жемчугом. Филипп, определенно, ждал продолжения. Разочаровывать его не стала и приложила все красноречие, чтобы казаться убедительной:

— Тетушка с дядюшкой очень любят свежий воздух и красивые виды. Все время будут гулять. В горах. А Лидия читает! Чтение — тихое и непритязательное занятие. Да вы с ней ни разу за две недели не встретитесь.

— У меня только один вопрос, — вымолвил он, снимая с рукава пальто невидимую ворсинку.

— Какой?

— Кто будет сопровождать вас, когда меня не окажется рядом?

— Лидия может читать на ходу! — ляпнула я. — Прекрасная компания.

— И безмолвная, — в его тоне просквозила ирония.

— Знаете ли, я люблю провести время в уютном молчании, — соврала, как на духу, и даже не покраснела. Вернее, покраснела, но

раньше. От духоты. — Так что скажете, Филипп? Они могут поехать с нами?

— Ну я ведь уже оплатил их проживание.

Я выдохнула от облечения и поблагодарила:

— Спасибо!

Не ответив, он скрестил руки на груди и отвернулся к окну. Может, вспоминал, в какой момент согласился на всех моих родственников? И вроде договорились, а на душе все равно беспокойно.

— Вы злитесь? — осторожно спросила я, хотя прекрасно знала, что не стоило задавать спорные вопросы, чтобы случайно не получить ответы, которые очень не понравятся.

— Вовсе нет. — Филипп бросил на меня нечитаемый взгляд. — Но личного помощника мне, похоже, пора поменять.

О драконьих портах

Грядущую отставку Вилсона я никак не прокомментировала и остаток дороги энергично доказывала, что действительно люблю проводить время в молчании. Уютного в нем, правда, ничего не было, по крайней мере, для меня.

Больше всего это молчание напоминало длинную натужную паузу, а в нашем случае, почти бесконечную. Одну из тех, что возникают в беседе с плохо знакомым человеком, и приходится лихорадочно придумывать тему для разговора, чтобы как-то скрасить неловкость.

Филиппа, правда, ничего не угнетало. Он о чем-то размышлял. Никак мысленно составлял категоричное письмо с требованием к секретарю собирать вещички.

Через некоторое время за окном появился воздушный порт. Пять мощных взлетных башен стояли вокруг главного здания и были соединены с ним каменными мостами, протянутыми высоко над землей. Над раскрытыми воротами порта светился королевский герб. Въездная площадь походила на муравейник: стояли экипажи, сновали люди и докеры — разнорабочие порта, носильщики толкали тележки с багажом.

На вершухе одной из башен, куда по мосту торопились пассажиры, сидел величественный монстр. Я посчитала, что любопытство вполне вписывается в образ милой дурочки, и с интересом прильнула к оконцу. Дракон дремал. В лучах заходящего

солнца на гладком сером теле с костяными наростами по хребту поблескивала крупная магическая сеть.

— Вы летали раньше? — вдруг спросил Филипп.

— Не приходилось, — замороженная зрелищем покачала я головой.

— Кабины прицеплены к дракону мощными заклятьями, — вдруг принялся он рассказывать о тонкостях драконьих перевозок. — Управляет животным профессиональный маг. В нашей семье служит один из лучших погонщиков королевства, вам не о чем беспокоиться. Я лично нанимал его на службу.

Спору нет: под руководством лучшего погонщика королевства вмазаться в Сумрачный пик Эрминских гор не так страшно, как с каким-нибудь бытовым магом, по ошибке забредшим в кабину из портовой подсобки.

Минув общественный порт, экипаж остановился напротив каменной башни со святящимся гербом Торнов на стене. Дожидавшийся полета дракон щурил огромные глаза-блюдца. Длинный шипастый хвост словно пытался обхватить башню кольцом.

У открытых ворот нас встречали две улыбчивые проводницы и тот самый, отрекомендованный, погонщик, коренастый усатый мужчина средних лет. Мы с Филиппом здоровались и принимали поздравления, а мое притихшее семейство, демонстрируя удивительную сплоченность, тарацилось на огромного монстра, оседлавшего башню. Судя по траурному молчанию, им не доставало позитивной лекции о безопасности драконьих перевозок.

Когда мы поднимались по лестнице, тетушка подхватила меня под локоть и зашептала:

— Если что, в перину на моей кровати защиты сто крон.

— Зачем ты мне это говоришь? — не поняла я.

— Вдруг мы не долетим.

— Полагаешь, в этом случае мне повезет больше всех? — проворчала я, заражаясь ее нервозностью. Не зря говорят, что паника и зевание — вещи коллективные. — Не бойся, Филипп сказал, что у него служит лучший погонщик королевства. Он лично его нанял.

— Ну раз лично, то, безусловно, бояться нечего... — пробормотала она.

— Ты же путешествовала на драконе, — напомнила я.

После каждой ссоры с Ренделом, она непременно припоминала ему путешествие на Освейское озеро, до которого им добраться не удалось. В воздушном порту дядька перепутал мосты, они сели не на того дракона и через три часа оказались в северных землях. На следующий день вернулись в Энтил, потратив на обратный перелет отложенные на отдых кроны.

— Да, но Лидия ни разу никуда не летала, — буркнула она. — Смотри, какая испуганная.

Невольно я оглянулась через плечо, проверяя младшую тетушку. Та шла с равнодушным видом, не проявляя ни капли беспокойства.

— Да, — с иронией отозвалась я. — Она точно в ужасе.

Спокойнее ее был разве что Филипп. И Рендел. Не помню, чтобы дядюшка так резво поднимался по ступенькам. Он словно очень торопился усесться в крайне опасную кабину, оторваться от земли и провалиться в какую-нибудь глубокую пропасть, чтобы раз и навсегда покончить с надоевшим браком, в котором ему только один раз позволили уйти на охоту.

Через открытые двери мы вошли в кабину, похожую на шикарный салон с удобными глубокими креслами, широким диваном и столиком из красного дерева. На окнах висели портьеры дороже, чем в нашей гостиной. На полу лежал шерстяной ковер.

— Какое счастье, что ты вышла замуж за этого замечательного человека, — прошептала тетушка.

Дорогой интерьер драконьей кабины явно делал Филиппа замечательнее, чем он был, прихватив в медовый месяц всех моих родственников. С легкой руки почти разжалованного секретаря. Даже обидно за Вилсона. Хороший же парень, на редкость исполнительный и услужливый. Видать, велели, чтобы невесте ни в чем не отказывал, вот он и не перечил хозяйскому слову.

К счастью, на бормотание Клементины никто не обратил внимание. Мы расселись. Дверь закрыли на засов. Через некоторое время над головой прозвучало громкое змеиное шипение, донесся мягкий шелест, словно дракон расправлял крылья. Кабина задрожала и наконец оторвалась от земной тверди. Огромный тяжелый монстр взлетел с легкостью птицы.

С любопытством я посмотрела в окошко. Башни воздушного порта, засыпанная снегом земля, извилистые ленты дорог и экипажи

на них начали отдаляться, словно становясь совсем игрушечными.

Неожиданно нас тряхнуло. Кресло словно ухнуло подо мной вниз, а все внутренности наоборот подпрыгнули. Я схватилась за руку Филиппа, спокойно лежащую на соседнем подлокотнике.

— Не бойтесь, — мягко вымолвил он, — просто воздушная яма.

А такие тоже бывают?!

— Помоги боже, чтобы моя девочка не стала сиротой второй раз, — неожиданно во весь голос помолилась тетюшка, выказывая совершенно нехарактерную набожность.

— И вдовой, — для чего-то добавил Рендел.

— А за нас с Тессой кто-нибудь помолиться? — тихонечко спросила Лидия.

Филипп выразительно кашлянул. Я немедленно отпустила его руку и повернулась к окну, стараясь слиться с мягкой бежевой спинкой кресла. На том мы и отправились в медовый месяц.

ГЛАВА 2. Первая брачная ночь

Эрминские горы встретили нас низким небом и предчувствием скорой снежной сумятицы. Тяжелое облако, скрывающее знаменитый Сумрачный пик, тянулось до самого горизонта, нависало над маленьким, всего в две башни, портом и приглушало чистый белый колер зимнего покрова.

В сероватом воздухе горные пейзажи и снежные склоны особенно потрясающими не выглядели, такие же унылые, как окрестности Энтила или Айрока, где я училась. А уж провинциальная-то зима на редкость безотраднa и меланхолична! Недолгая разноцветная вспышка веселья случалась только один раз, на Новый год.

У ворот нас уже дожидались два экипажа на широких полозьях вместо колес. Один маленький, похожий на расписную шкатулку. Второй побольше, пусть не такой яркий, без цветов и птиц, но в нем точно никто не упрется в противоположную стенку коленями.

Выходило неловко. В двухместной карете ни трое не поместятся, ни мы с Филиппом. У него длинные ноги и распухшее чувство собственной значимости. Такое разве что в просторный экипаж влезет, но тот остался в столице, а аристократическое высокомерие муж привез с собой, как ручную кладь.

Тетушка начала что-то подозревать, еще когда спускалась по лестнице во взлетной башне, и внимательно поглядывала на улицу сквозь окошки. Не успели мы выйти на морозный воздух, в котором ощущалось приближение снегопада, как она с деловитым видом нырнула в карету побольше, уселась и расправила юбки. Следом забрались остальные, а дядюшка выразительно пристроил на колени дорожный сундучок.

Всем видом дорогие родственники демонстрировали, что из теплого салона их не выкуришь ни укоряющими взглядами, ни тонкими намеками. Впрочем, как и прямолинейной просьбой поменять транспортное средство.

— Господин маг, — обратился к Филиппу сопровождающий, присланный из гостевого дома, — придется ехать без остановок. Жаль, что ваша супруга не полюбуется на горы со смотровых площадок, но

мы можем попасть в снег. Подниматься по серпантину в снегопад — последнее дело.

— Полагаю, моя супруга успеет насмотреться на горы, — сухо отозвался Филипп.

Супруга, скажем откровенно, не считала себя безмолвной табуреткой и очень не любила, когда о ней говорили в третьем лице, но промолчала, как — демоны дери! — та самая табуретка. Во время полета я из принципа дождалась обещанную еду, без аппетита погоняла по салатным листьям крошечный помидор и уснула, как младенец, под мерный шелест драконьих крыльев. Проснулась только после прилета и не настолько пришла в себя, чтобы искренне возмущаться пренебрежением мной, как личностью думающей. Не сейчас, а вообще думающей.

Однако, когда мы уселись в тесный кузовок, в лучших традициях городских омнибусов, где обязательно попадался напыщенный индюк, в воспитательных целях я попыталась отдавить Филиппу ногу. И не дотянулась! Только громко стукнула каблуком.

— Вы замерзли? — вежливо уточнил Филипп.

— Нет, все чудесно.

Я продемонстрировала улыбку милой дурочки, и тут же ощутила, как с пола начала подниматься теплая волна. Пришлось топнуть еще разок. Воздух стал горячее. Похоже, постукивание прибавляло в салоне температуру.

— Если вам жарко, то постучите по стенке. — Костяшкой пальца Торн тихо постучал по стенке коробка. — Вот так.

Теплый поток мгновенно иссяк. Пол перестал греть и начал стремительно остывать. Ноги в туфлях очень быстро озябли, даже хваленые шерстяные чулки не помогли. С независимым видом я пару раз топнула. Через пять минут запарилась. Не выдержала и снова постучала по стенке, но температура никак не желала налаживаться. Или задыхайся от жары, или коченей от холода.

Подозреваю, что Филипп решил, будто супруга, приехавшая из дикой провинции, никогда не сталкивалась с благами магической цивилизации и просто от любопытства развлекается. Не леди, а бодрая барабанщица!

— Остановитесь, — сдержанно попросил он и в два притопа совершил чудо.

В салоне заструилось приятное, необязывающее раздеваться тепло, и пол не прожигал подошвы насквозь.

— Спасибо, — пробормотала я и попыталась посмотреть в оконце: едет ли за нами карета с моими родными.

— Они едут, — отозвался Филипп.

— Хорошо, — пробормотала я и поспешно добавила: — Вы очень любезны.

Пусть не думает, что взял в жены неблагодарную сволочь.

Спустя десять минут и два поворота снова сделалось беспокойно. Я поерзала на сиденье и хотела украдкой выглянуть в окошко. Украдкой не получалось, только шею едва не свернула. Оконце было выше моей макушки.

— Посмотрите, пожалуйста, — проблеяла я. — Карета все еще следует за нами?

К чести Филиппа, он действительно проверил.

— Она по-прежнему с нами.

За окном перестали мелькать опрятные домики маленького городка, уютно прижившегося у подножья склона. Потянулась зимняя пустошь, практически окунувшаяся в новорожденный сумрак. Закружились первые крупные хлопья снега, пока еще редкие.

— И теперь?

— Да, — глянув в оконце, ответил он.

Через один поворот и скальный уступ я прошелестела:

— Филипп, мне действительно неловко вас отвлекать от важных мыслей, но... вы не проверите?

— Они с нами.

Видимо, он имел в виду, что незримо, потому как не потрудился удостовериться в наличии второй кареты зорким взглядом в окно.

— Вы это почувствовали внутренним чутьем, господин маг? — сухо уточнила я. — Вы даже не посмотрели.

Удивительно, но все-таки повернулся и вдруг протянул подозрительное:

— Кхм...

— Что? — напряглась я.

— Их нет.

— Как нет?!

Я вывернулась и, прилично толкнув его локтем, по-моему, в челюсть или куда-то еще, но точно не аристократический сон, встала коленями на сиденье. В просвете заснеженного оконца была видна длинная белая лента дороги, уже припорошенная свежим снегом.

— Куда они делись? — встревоженно пробормотала я.

— Они отстали. Мы встретимся с вашими родными в гостевом доме. Сядьте, Тереза, — проговорил он, словно пытался вразумить ребенка.

— Филипп, давай встретимся с ними прямо здесь, — потребовала я, но на сиденье вернулась и одернула юбку. — Если, не дай бог, они не приедут к ночи в гостевой дом, я до утра не найду себе места от беспокойства.

Мы встретились глазами. Видимо, намек, что от моего беспокойства ему тоже не найдется места, Филипп очень тонко расслышал. Люблю догадливых мужчин.

— Хорошо.

Не опускаясь до показательного ворчания под нос, он отодвинул заслонку между салоном и кучером. На сдержанную просьбу притормозить сопровождающий, сидящий на козлах, неожиданно взбунтовался:

— Но, господин маг, начинает вьюжить! Полозья увязнут. Лошади не сдюжат!

— Ждем, — перебил его Филипп тоном человека, привыкшего, что его приказы слышат и исполняют, если не с первого звука, то точно с первого раза. Столько в его мягком голосе прозвучало властности, что даже у меня побежали мурашки.

Второй экипаж никак не появлялся. Торн приказал возвращаться. По иронии развернуться удалось только на широкой смотровой площадке, откуда, должно быть, действительно открывался красивый вид на горы. Через некоторое время наш кузовок остановился. Снаружи донеслись голоса.

— Какое счастье, что вы вернулись! — громко жаловалась Клементина. — У нас тут все сломалось.

— Оставайтесь в карете, — приказал Филипп и выбрался наружу.

Дверца еще не закрылась, а я уже вывалилась на дорогу. Туфли мгновенно увязли в снегу. Отставший экипаж накренился — одна направляющая отскочила. На обочине, завернувшись в плащ,

изображала заметенную статую Лидия. Дядюшка с кучером, присев, что-то разглядывали под днищем кареты. Тетушка что-то энергично объясняла нашему проводнику.

— Я же просил остаться, — заметил Филипп, как-то ловко скрыв досаду.

— Но я изучала бытовые заклятья, — пояснила я. — Вдруг смогу помочь в починке?

— Вы разбираетесь в устройстве карет?

— А вы? — с надеждой спросила я.

— Возьмите своих теток и сядьте в карету, — сухо приказал он тем самым, пробирающим до нутра тоном, каким нашему сопровождающему велел остановить экипаж.

Мы кое-как упаковались в тесный салон. Клементина развязала платок, Лидия сидела, не шевелясь.

— Ты жива? — тихо спросила я у нее.

— Еще не поняла, — промычала она из широкого капюшона.

— Все так неожиданно случилось. Карету вдруг занесло, и полозья отвалились. Кто делает такие непрактичные кареты? — ворчала Клементина. — Но слава богу, обошлось. Мы живы и здоровы.

— Испугались? — с сочувствием уточнила я.

— Ни в коем случае, — отозвалась она. — Мы знали, что вы вернетесь.

— Она сетовала, что не написала завещание, — заметила Лидия.

Тут дверца отворилась. Мы мигом примолкли и, как три испуганные совы, воззрились на Филиппа, заглянувшего в салон.

— Возвращаемся в город, — оглядев нас, произнес он. — Переночуем на постоялом дворе. Рендел поедет на козлах.

— А проводник?

— На багажной полке.

Невольно вспомнилась жердочка позади кареты, куда привязывали дорожные сундуки. Полагаю, эту поездку наш сопровождающий запомнит надолго.

— Хорошо, — поспешно согласилась я. — А как вы поедете?

Возникла странная пауза. Было очевидно, что места хватило всем, кроме моего мужа. Насколько жестоко заставлял его труситься следом

за каретой?

— Господин Торн, тут много места, — немедленно засуетилась тетушка. — Мы сдвинемся.

Очевидно, что Лидию можно размазать по стенке, но высокий плечистый мужчина в тесную коробчонку точно не уместится.

— Тереза сядет вам на колени, — нашлась Клементина.

Мы с Филиппом переглянулись. И столько в его взгляде было всего невысказанного, что мне самой захотелось бежать бодрой рысцей, глотая летящую из-под полозьев кареты снежную порошку.

— Отличная идея, — с улыбкой поддакнула я, понимая, что иду по самому краю и сейчас мы поскачем на своих двоих всем веселым коллективом Вудстоков. — Скажите, Филипп?

Он ничего не сказал. К счастью. Однако на лице показательно заходили желваки.

Некоторое время мы пыхтели и словно бы играли в детские пятнашки, пытаюсь сложиться так, чтобы втиснуться в тесное пространство. Я сидела у мужа на коленях, стараясь не елозить, но капюшон утыкался ему в лицо и мех от опушки лез в глаза. С двух сторон Филиппа подпирали тетушки. Чтобы хоть как-то впихнуться в узкий зазор между женщинами, он вытянул руки и обнял меня за талию. В тишине раздался подозрительный треск. Интересно, у него на спине порвалось пальто?

— Господин Торн, — вдруг проговорила Клементина, — я так вам и не сказала: добро пожаловать в нашу дружную семью.

Да, и сейчас мы все особенно дружны...

— Благодарю, мадам Вудсток, — проскрипел Филипп.

— Скажите, что это отлично, когда вся семья собирается вместе? — не унималась она.

— Определенно.

Я прикрыла глаза. Следовало расслабиться и получать удовольствие, раз ничего изменить невозможно, но почему-то хотелось провалиться под землю.

Уверена, семейные посиделки он представлял иными. Точно не в карете, припертый с двух сторон новоявленными родственницами, а сверху прижатый собственной супругой. Если против второго, он, может, ничего не имел, то Лидия и Клементина в нашем соседстве явно были лишними.

О том, как добраться хоть куда-нибудь.

Сумрак за оконцем враз сменился темнотой. Ни в карете, ни за ее пределами было не видно ни зги. Наша маленькая, но гордая коробчонка остановилась. Видимо, кучер решил запалить фонарь.

— Простите, дамы, — вымолвил Филипп и попытался ссадить меня с колен.

Ссаживать было особенно некуда, разве что упереть носом в противоположную стенку. Извернувшись загогулиной, я переползла к Лидии. Та не ожидала подленького маневра, крикнула, словно из груди у нее выбили воздух, и что-то прошипела под нос, очевидно, на последнем издыхании. Полагаю, от души посоветовала сесть на диету «хочешь есть, пей воду, милая племянница».

Между тем, Филипп приоткрыл дверцу, и в душный салон ворвался веселый поток острого холода. Казалось, что муж сейчас отвесит какое-то важно распоряжение, но он удивил нас всех, меня-то точно, до глубины души. Протянул руку в щель и выпустил с ладони «путеводную звезду», любимое заклятье путников и мореходов. Яркий нахальный огонек взмыл в воздух, озарив снежную круговерть. Дверь захлопнулась. В плачущее от жары окошко пробился призрачный свет, окрасивший наши лица голубоватым мерцанием.

— Благодарю, господин маг, — прогудел возница. — Тогда уж трогаюсь!

— Трогай, — согласился Филипп и втиснулся обратно на сиденье, невольно распахав нас широкими плечами.

Он деятельно смахнул с рукава растаявшие снежинки, а подставить колени, чтобы вернуть дорогую супругу и спасти ее почти сплюсненную тетюшку, что-то не поторопился. Всю дорогу мне казалось, будто я сидела не на мужниных коленях, а на раскаленных углях. Да еще вынужденно на них танцевала, когда полозья кареты подскакивали на дорожных колеях. Но Лидию было чисто по-человечески жалко. Пришлось проявить инициативу и переползти самой.

— Простите, господин Торн, — пробормотала я, напрочь забыв, что мужа следовало называть исключительно по имени, иначе люди не поймут. — Пожалуй, вернусь к вам, а то Лидия уже не дышит.

— Конечно, дорогая супруга, — отозвался он, ловко перехватывая меня за талию и снова ныряя лицом в опушку плаща. — Не

стесняйтесь и присаживайтесь.

Что-то ты припозднился с приглашением, я уже пристроилась и даже поерзала, устраиваясь поудобнее.

— Господин Торн, а вы можете сделать это место чуть-чуть просторнее? — вдруг высказалась Клементина, наконец признавая тот факт, что мы не просто стеснены, а буквально стиснуты. Полагаю, на эту светлую мысль ее натолкнул мой случайный пинок промокшей туфлей под коленную чашечку.

— Ни к чему, — в обычной манере, словно вокруг все дураки, а только он один самый умный, коротко проронил Филипп.

— Но вы же высший маг, — с некоторой укоризной заметила тетушка.

Высший маг оказался тертым калачом и хитрую манипуляцию мигом просек. Он же не дядюшка Рендел, право слово. Того достаточно оленьими рогами попрекнуть.

— Но мы же не хотим остаток пути пройти пешком, — не изменяя вежливому тону, намекнул Филипп, что начини он колдовать по-настоящему, наша последняя надежда доехать хоть куда-нибудь уйдет в небытие вместе с каретой. Расписная коробочка просто-напросто развалится на кусочки.

Зато при желании кто-то сможет пристегнуть полозья к ногам и покатиться как на лыжах, помогая себе тростью дядюшки Рендела. Остальным, правда, останется шкандыбалить по колено в снегу или использовать сломанные стенки в качестве ледянки по филей и с ветерком донестись до ночлега. Хотя спуски у подножья пологие... Значит, доскрестись пятками, подгребая руками.

И так меня захватила фантазия о муже, перебирающем длинными ногами, чтобы сдвинуться с места на куске деревяшки, что я очнулась только, когда он щелкнул над ухом пальцами. «Путеводная звезда» погасла, но в окошках расплылись пятна фонарного света. Мы все-таки добрались до постоянного двора.

Спасибо, святые заступники, что не на своих двоих и полным составом! Похода по сугробам мои туфли точно не выдержали бы. Не то чтобы я собиралась их носить, но до гостевого дома в горах хотелось бы добраться обутой.

Дверцу кареты раскрыл коренастый бородатый работник в распахнутом тулупе. Когда мы по очереди начали выгружаться под

снег и разминать затекшие тела, он по-простому спросил:

— Как же вы туда набились?

Филипп его причитания проигнорировал и удовольствием размял шею, словно держал жену не на коленях, а усадил прямиком на плечи.

— С трудом, но мы очень упорные, — простучал зубами окоченевший проводник, на пузе съехавший с багажной полки.

По заставленному каретами и заметенному снегом двору с первого взгляда было ясно, что здесь полный аншлаг. Двухэтажное здание светилось всеми окнами. В маленьких домиках для постоя, спрятанных в глубине обширной территории, тоже светились огни. Очевидно, все, кого непогода застала на подступах к горе, не рисковали забираться дальше и заворачивали на ночлег в гостеприимно раскрытые ворота.

В просторном обеденном зале было многолюдно. Пахло едой, медовухой и копченым мясом. Стоял галдеж. Перед камином, расставив стулья полукругом и вытянув ноги, хмельная компания весьма приличных с виду господ сушила сапоги. Надолго в шумном вертепе не задержались, а следом за хозяином поднялись на второй этаж, куда гвалт доносился непрерывным гулом.

Нас развели по разным сторонам коридора, освещенного магическими лампами. Видимо, дела здесь шли неплохо, раз владельцы могли позволить дорогостоящее освещение. Моих родных провожала горничная, а нас с Филиппом повел лично хозяин.

Он страшно нервничал, все время оглядывался через плечо, хотя единственный человек, на мой взгляд, кому здесь действительно стоило нервничать, была супруга. Чем, собственно, я и занималась. Активно трусила! От мысли о первой брачной ночи в животе снова завязались крепкие узлы.

— Господин маг, комната специально для молодоженов! — важно объявил хозяин, распахивая дверь в просторную комнату с большой кроватью, круглым столом у окна и с двумя добротными стульями. — Сейчас принесут ужин.

— Благодарю, — кивнул Филипп, проходя внутрь.

Чувствуя себя так, словно прыгаю в пропасть, я переступила через порог.

О будуарах и паникующих девушках

За спиной тихо закрылась дверь. Ручка толкнула в поясницу, заставив меня сделать несколько мелких шажочков внутрь. Пока я тарасилась на деревянную кровать, словно впервые видела такой предмет мебели, Филипп успел скинуть пальто и повесить его на деревянную напольную вешалку.

— Почему вы не раздеваетесь? — Он бросил в мою сторону недоуменный взгляд.

Что вот так, с порога раздеваться? Даже едой не покормят, сразу в постель уложат?

— Мне удобно в плаще!

Сам-то этот приткий мужчина успел снять пиджак, вытащил из манжет рубашки запонки с черным опалом и небрежно бросил их на поднос с кувшином воды. Костюмный жилет красиво подчеркивал широкие плечи и узкую талию.

— Не жарко? — любезно уточнил Филипп, словно был и не против, чтобы в первую брачную ночь жена оставалась в полной амуниции. Дескать, чем бы дорогая супруга не тешилась, лишь бы не упала без чувств от теплового удара.

— Удобно, но жарко, — со вздохом призналась я и нервно дернула завязки на вороте.

Ворот, что ни удивляло, крепко стянуло. Пришлось потереть узелок между пальцами и распутать простеньким заклятьем. От бытовой магии на бархатистую ткань осыпались затухающие золотистые искорки.

— Я помогу, — произнес Филипп и, встав позади, действительно помог стянуть с плеч тяжелый зимний плащ. — Почему вы нервничаете?

Почему *вы* стоите так близко, что чувствуете, как я нервничаю?! Но, с другой стороны, Филипп — мой муж, ему по статусу положено. Было бы странно, попытайся ко мне притереться чужой мужик.

— С чего вы решили? Я спокойна, как кирпич! — Стало ясно, что какое-то дурацкое выбрала сравнение и уверила: — Абсолютно спокойна.

— По-моему, вы ужасе, Тереза. Не бойтесь. Я не причиню вам вреда. — В его голосе вдруг прорезались такие ноты, что по спине взметнулись мурашки и, кажется, зашевелили волосы на затылке.

— Просто на мне полосатые чулки, — ляпнула я быстрее, чем подумала, и тут бы мне заткнуться, но рот вдруг зажил собственную жизнь, а собственный голос, несущий чудовищный бред, словно зазвучал со стороны: — Они совершенно не сексуальные. Вы в курсе, что в таких нельзя появляться перед мужем?

Филипп кашлянул, словно поперхнувшись смешком.

— Уверяю, что ваши... — он запнулся, — полосатые чулки не способны привести меня в трепет.

— В этом-то и проблема! — проворчала я, не смея оглянуться. — Они даже меня не приводят в трепет. Где здесь будуар?

Возникла ошарашенная пауза. Полагаю, произносить на постоялом дворе заграничное слово «будуар» все равно, как громко сквернословить, стоя посреди светской гостиной.

— Здесь есть уборная, — подсказал он.

— Тогда мне надо туда.

Я решительно двинулась к крашеной двери, рванула ее на себя и чуть с деловитым видом не шагнула в пустой стенной шкаф с плечиками на перекладине. Довольно просторный, к слову. Хоть в нем и стаскивай дурацкие полосатые чулки, способные испортить любую брачную ночь, а не только первую.

— Видимо, уборная за другой дверью, — резюмировала я.

— Видимо, — согласился Филипп и с любопытством проследил за торжественным проходом в другой угол комнаты.

Кошмарная планировка! Кому пришло в голову поставить клозет в пяти шагах от супружеского ложа? Ни капли нелогично.

Как последняя трусиха, я закрылась от собственного мужа в туалете и прислонилась спиной к двери.

Святые заступники, пожалуйста, сотрите у меня из памяти последние пять минут жизни. А лучше сотрите у Филиппа! Иначе он до старости будет вспоминать, как в первую брачную ночь жена металась по комнате в постоялом дворе.

Балансируя на одной ноге, я попыталась стянуть влажный чулок, но начала накреняться, как подломленная рябинка, и с грохотом врезалась плечом в медную раковину с горбатым краном. Из него ни с того ни с сего, шипя, полилась вода. Вернее, потекла тонкая струйка, но громкий скрип возмущенных труб, возможно, взбудоражил весь постоялый двор.

— Ну спасибо, тетушка, — прошипела я, пытаюсь закрыть вентиль. — Удружила чулки!

— Тереза? — Филипп сдержанно постучал в дверь. — Вы в порядке?

Какой уж порядок, когда я с задранной юбкой, спущенным чулком и с паникой в сознании? Да еще о раковину отшибленная!

— Все прекрасно! — крикнула в ответ. — Дайте мне пять минут.

Но из уборной я не появилась ни через пять минут, ни через десять — пыталась справиться с одеждой и взъерошенными чувствами. Проторчала в итоге столько времени, сколько ни одна совесть не выдержит.

Если с чулками было понятно: просушила простеньким заклятьем и рассовала по глубоким карманам юбки, то со страхом перед первой брачной ночью справиться не удавалось. Из овального зеркала на меня по-прежнему смотрела не леди Торн, а испуганная девчонка с растрепанными кудрями, освобожденными от многочисленных шпилек.

Скрестив руки на груди, Филипп сидел перед накрытым столом с безнадежно остывшим ужином. Рядом с откупоренной бутылкой вина красовался стакан с плешивой елочной веточкой, украшенной хлипким красным бантиком. Хотелось верить, что муж от скуки не гадал на иголках, как на ромашковых лепестках, вернется супруга из туалета или нет. Может, уже решил, что я сбежала в метель и предпочла превратиться в снежную бабу.

В смысле, не в ту, что сказочное тонкокостное создание с серебристыми волосами, приносящее на Новый год счастье влюбленным, а в волосатую страшную невидаль, по слухам живущую в пещере у Сумрачного пика. Хрупкие девы в дикой природе без подшерстка не выживают, его приходится активно отращивать вместе с клыками.

— А вот и я, — объявила с улыбкой. — Я не очень долго?

— Что вы, моя дорогая супруга, — с иронией в голосе протянул он. — Мы никуда не торопимся.

От тонкого намека в его словах я едва не рванула обратно в уборную, но — ей-богу! — не баррикадировать же дверь от человека, который имел право на некоторый сарказм. С другой стороны, мог бы

и войти в положение девушки, черствый, как прошлогодняя булка, человек!

О первой брачной ночи

— А это, — он кивнул, — должно быть, те самые чулки, которые не выпускали вас из *будуара*?

— Чего? — не поняла я и опустила взгляд.

Из кармана юбки вылезал нос полосатого безобразия. Пришлось с непроницаемым видом, словно и не позорно вовсе, заправить его обратно.

— Хотите поужинать или сразу ляжем? — уточнил муж таким светским тоном, словно предлагал вместе полюбоваться на горные виды.

— Давайте поужинаем, — копируя его манеры, улыбнулась я и приблизилась к столу.

Мы ели в задумчивом молчании. Стараясь отсрочить главное событие этой ночи, я ритмично работала столовыми приборами, пока не почувствовала, что складировать еду просто некуда. Внутри она не помещается.

— Вы закончили? — уточнил Филипп. Он-то утробу не набивал, обошелся бокалом вина и куском жареного мяса.

— Нет! Интересно, какое на вкус жаркое, — выпалила я, удрученно понимая, что жаркое меня прикончит. — Считаете, оно достойно моего внимания?

— Приятного аппетита, — гостеприимно повел рукой Филипп. — Ни в чем себе не отказывайте.

С большим интересом он следил, как ножом я разрежала картофелину из жаркого на крошечные кусочки, и медленно тянул вино. На втором ломтике мы с организмом сдались.

— Здесь неплохо готовят, — улыбнулась я, хотя вообще не ощущала вкуса еды и с одинаковым успехом могла заталкивать в себя рыбу, мясо и пшеничную кашу. Все равно не понимала, что именно жую.

— Вам больше не надо в *будуар*? — спросил Филипп таким вежливым тоном, что сразу и не распознаешь иронии.

— Нет-нет, — уверила я, пряча под крышку стола руки. — Туалет в вашем полном распоряжении.

Когда он скрылся в заветной комнатухе, я опрометью бросилась раздеваться. Проворности, с какой удавалось сдирать с себя одежду, пожалуй, позавидовал бы любой боевой маг. Слышала, они учатся одеваться и раздеваться на время, чтобы, в случае тревоги, не путаться в пуговицах. Оставшись в тонкой нижней сорочке, я скинула туфли, юркнула в ледяную постель и натянула до подбородка одеяло.

Филипп вышел и неторопливо, без смущения принялся разоблачаться, словно специально красуясь под верхним освещением. Белая рубашка прятала крепкий торс со всеми рельефами, которые так любили изображать на картинках в любовных романах. Но в меру! Когда мускулистость приятная, как у атлета, а не чрезмерная, как у боевого мага с прессом, похожим на стиральную доску.

Вообще, сидя за письменным столом, скорее заработаешь опрятный живот, а не крепкое тело. Филипп, поди, занимается каким-нибудь спортом, но непременно агрессивным, а на миролюбивыми шахматами или унылой спортивной ходьбой. Надо же ему куда-то скидывать раздражение, чтобы потом проявлять почти нечеловеческое терпение к окружающим. Аристократам, знаете ли, по статусу положено быть сдержанными и не ругаться матом, даже если на ногу острым углом упала толстенная родовая книга.

Когда он, не щадя девичьи чувства, привычным жестом взялся за пояс на брюках, я натянула до носа одеяло и закрыла глаза. Раздался щелчок пальцами, свет потух. Прозвучали тихие шаги. Под тяжестью мужского тела прогнулся пролежанный матрац.

Дыхание остановилось, сердце застучало не в груди, а где-то в горле. От страха вспотели ладони. Хотелось их аккуратно вытереть о простыню, чтобы не хватать обнаженные мужские тела холодными влажными руками, но от паники каждая мышца в теле одеревенела. Я превратилась в неподвижное бревно.

Рядом растянулся во весь немаленький рост красивый мужчина, на которого было приятно посмотреть со стороны, но сегодня меня подвела смелость, и я ничего не рассматривала.

— Спокойной ночи, Тереза, — прозвучал из темноты мягкий голос.

А?!

Ноги, руки и вообще все тело мгновенно вернули подвижность. Что значит это его «спокойной ночи»?! Почему мне всегда казалось,

что первая брачная ночь беспокойная? Буквально ни минутки свободного времени, пока не срубит сном от изнеможения.

— Что вы там пыхтите? — через паузу тихо спросил Филипп.

— Я не пыхчу, а медитирую.

— Тереза, расслабьтесь, — посоветовал он.

Это вряд ли. Но спасибо за еще один, несомненно, практичный совет. Я запишу его в блокнотик к тем ста штукам, которые уже успела дать тетушка Клементина. Хотя... зачем я сейчас вспомнила про тетку?!

— Я же медитирую, поэтому абсолютно расслаблена.

— Иначе не сможете заснуть, — заметил он.

— И почти засыпаю.

— Поверьте, я искренне чту традиции, но подумал, что у вас, как и у меня, нет желания продолжать род Торнов в дешевой придорожной таверне. Спите.

Ничего себе перевернул! Вроде как из нас двоих именно я жажду немедленно отдать супружеский долг, чтобы, так сказать, отстреляться и успокоиться.

Неожиданно в голове всплыл давний разговор с соседкой по комнате, просто девчачий треп после того, как она вернулась со свидания. Мы так же лежали в темноте общежитской комнатенки, а она вдруг изрекла:

— Невинность надо терять непременно на шелковых простынях.

— А вы с ним лежали на шелковых простынях? — с восторгом спросила наша третья соседка.

— Нет, — легкомысленно отозвалась та, что опытная, и, отворачиваясь к стене, пробормотала: — Но в следующий раз обязательно.

По всей видимости, Филипп, как мужчина опытный, понимал, что первый раз на то и первый, чтобы оказаться единственным, и тоже яро радел за шелковые простыни.

— А нельзя было предупредить, что мне рано нервничать? — с удовольствием переворачиваясь на бок и засовывая руку под подушку, пробормотала я себе под нос. — Я бы тогда не ела, как в последний раз.

С другой стороны кровати донеслось ошарашенное молчание.

— Тереза? — наконец с искренним удивлением вымолвил он.

— Спокойной ночи, дорогой супруг.
О незваных гостях

Первая брачная ночь у мужа, в отличие от моей, действительно выдалась безмятежной. Даже хотелось специально ему ткнуть локтем куда-нибудь... в ребра, чтобы как будто случайно разбудить и заставить разделить радости бессонницы с переевшей супругой. Но я боролась с соблазном и старалась лишний раз не шевелиться. Не дай бог, спросонья Филипп решит, что жена настаивает на продолжении рода Торнов. Возьмет и не откажется от внезапного предложения, даже несмотря на принцип шелковых простыней. Кто знает, какая каша варится в голове у сонных мужчин?

Переполненный постоянный двор постепенно стихал. В коридорах воцарилась зыбкая тишина. Где-то в дворе сначала брехала собака, но быстро сдалась. Заснули, похоже, все. Разумеется, кроме меня. К людям, проглотившим трехдневный рацион за один присест, даже дрема не идет.

Под одеялом было душно. Я осторожно пошевелилась, пытаюсь спасти от онемения руку, и прислушалась к мужчине рядом. Филипп не проснулся. Сразу видно, у человека здоровый, не омраченный ни перееданием, ни муками совести сон. Ободренная тем, что он ничего не заметил, я маневренно перевернулась на другой бок и неожиданно носом уткнулась в крепкое обнаженное плечо!

Этот подлый мужик устроил дерзкую эскападу на мою половину и задрях как ни в чем не бывало, беспечно закинув руку за голову. Словно имел право на весь матрац! Знала бы — нет, не стала теснить его, — сама бы сдвинулась на край кровати. Во избежание, так сказать.

Неожиданно он — хитрый лис! — резко перевернулся. Одеяло, скрывающее все, что было ниже пояса, охотно соскользнуло и продемонстрировало крепко обнаженное тело с темным покровом на бедрах. Понятия не имею, что снилось дражайшему супругу, но его мужская гордость не отличалась ландшафтной ровностью. Наоборот бугрилась и показательно натягивала ткань.

Отчасти я понимала, что именно происходило с мужчиной рядом с женщиной, когда он бодрствовал. Но мой-то спал! О том, что некоторые физиологические функции продолжали действовать даже в

состоянии мертвецкого сна, в медицинской энциклопедии ничего не говорили. Господи, да даже не намекали!

Вплоть до этого мгновения я искренне верила, что инстинкт размножения засыпал вместе с мужчиной, как и инстинкт говорить гадости или инстинкт реагировать на улыбки милых дурочек... Как жить с этим знанием? Да и зачем в таком случае я пролежала демон знает сколько времени неподвижно, если опасность внезапно оказаться отдающей брачный долг никуда не делась?!

И пока я, сбитая с толку внешним несоответствием мужа с энциклопедией, предавалась рефлексии, его ладонь вкрадчиво скользнула по изгибу моей талии, да там и остановилась.

— Филипп, у вас очень тяжелая рука, — испуганно попыталась остановить я дерзкое поползновение.

Он категорично накинул на мои бедра тяжелую ногу, пригвозждая к кровати. Хорошо под себя не подмял!

— У вас чугунные ноги, — посетовала я и поняла, что смогу пережить ночь только после пары глотков успокоительной настойки, а заодно снадобья для желудка.

Кое-как я выскользнула из-под ноги Филиппа. В темноте наощупь надела туфли, схватила наброшенный на вешалку плащ и тихонечко выскользнула за дверь.

В коридоре царил полумрак, магические огни в фигурных светильниках еле-еле теплились. В углах и у пола собирались глубокие тени. Быстренько накинув на плечи плащ, я двинулась в комнату, где ночевали мои родные. Тетушка Клементина обязательно таскала в дорожном сундуке шкатулку с аптекарскими снадобьями.

С другого конца коридора, разделенного лестницей на первой этаж, в замороженной тишине неслось нечто среднее между рыком умирающего вепря и демонским ревом. Дядька Рендел храпел на весь постоянный двор.

Неожиданно куча белья, наваленная на широкий хозяйственный сундук у стены, зашевелилась. Вообще, я никогда не считала себя набожной, но от страха отшатнулась и осенила грудь божественным знаком. Инфернальное создание село, спустило ноги на пол. Им оказалась Лидия, завернутая с головой в одеяло.

— Ты что делаешь в коридоре? — изумилась я.

— А ты? — прошелестела она.

В тусклом свете тетушка выглядела взлохмаченной, измученной и очень несчастной. Под глазами темнели круги.

— Иду к вам. Хочу снадобье для сна.

— Господин Торн тоже храпит?

— Нет, просто не спится, — буркнула я, не объяснять же все перипетии нашей с Филиппом первой брачной ночи.

— Понимаю, — вздохнула она. — Ты полна впечатлениями.

Не столько впечатлениями, сколько едой.

— Почему ты сидишь в коридоре, как бедная родственница? — перебила я.

— Слышишь? — тихо спросила она с очень странным видом.

— Что? — решив, что у тетушки слегка подтекла от бессонницы крыша, осторожно уточнила я.

— В отличие от твоего мужа, Рендел храпит. Это невыносимо!

Дома дядюшка спал в отдельной спальне со звуконепроницаемой дверью из специальной древесины. Храпел ночи напролет, никому не мешая.

— Затычки в уши тоже не помогают, — жаловалась Лидия. — Клементина-то заткнула и успела уснуть раньше Рендела, а я решила чуть-чуть почитать и упустила момент.

Неожиданно внизу зазвучали мужские голоса. На лестнице раздались тяжелые шаги. Мы обе встрепнулись. Пока незнакомцы не появились в коридоре, я тихо скомандовала Лидии подниматься и утянула за собой в комнату для молодоженов. Вообще-то, план был просто переждать, когда коридор опустеет, а потом вернуть тетку к родным, но стоило нырнуть в пахнущую едой темноту номера, как Филипп проговорил:

— Вернулись?

Раздался щелчок пальцами. Вспыхнули стенные светильники, и наступила ошарашенная пауза.

Я морщилась от яркого света. Филипп, растянувшийся на кровати во всей полуобнаженной красе, смотрел на Лидию, а та из одеяла вытаращила на него большими круглыми глазами.

— Госпожа Вудсток, как неожиданно вас встретить в нашем номере, — вымолвил он, вкрадчивым жестом натягивая на нижнюю половину покрывало. — Что вас привело сюда?

— Сюда меня привела Тереза, — честно ответила тетка.

Филипп обратил на меня выразительный взгляд:

— Леди Торн, позвольте вас на минуту.

— Конечно, господин Торн, — покаянно вздохнула я. — Если вам очень хочется поговорить.

— Дайте мне... — Он на мгновение прикрыл глаза, словно пытаюсь справиться с раздражением, и протянул руку: — одежду.

— Я выйду, — прошелестела Лидия.

— В коридоре небезопасно, — спохватилась я, разрываясь между мужем без порток, и Лидией без места для ночлега.

— Тогда просто отвернусь, — предложила она. — Вы не стесняйтесь, господин Торн. Чувствуйте себя, как дома.

Честное слово, лучше бы она промолчала и просто отвернулась!

Пока он поспешно облачался, Лидия сосредоточенно изучала горный пейзаж, висящий в рамочке на стене.

Мы с Филиппом вышли из комнаты в прохладный сумрачный коридор. Он прикрыл дверь и тихо спросил:

— Почему вы сбежали, Тереза?

— Не спалось, — покаялась я.

— И вы решили, что лучше не спать в компании.

— Хотела взять у тетушки снотворных капель, но наткнулась на Лидию. — Я указала рукой на хозяйственный сундук. — Вы же знаете, как опасно девушке оставаться одной на постоялом дворе.

— Поэтому вы решили составить ей компанию?

— Нет, я хотела ее вернуть к родным, но по лестнице начали подниматься какие-то хмы... подозрительные личности. И мы спрятались в ближайшей комнате. По случайности ближайшей оказалась наша с вами спальня.

— Какое любопытное приключение, — протянул Филипп и вдруг стало ясно, что он не просто раздражен, а по-настоящему взбешен. Признаться, его можно понять, сама ненавижу, когда меня будят среди ночи с какой-нибудь идиотской проблемой. — Тереза, не подумайте, что я предъявляю претензии...

Поздно. Я уже об этом думаю.

— Но вы не находите, что ваших незаметных родственников становится слишком много в нашей жизни?

Какой хороший вопрос! Найти бы на него достойный ответ.

-

— Просто наша с вами совместная жизнь только-только началась, — в порыве вдохновения я взмахнула рукой, — поэтому их присутствие кажется концентрированным. Потом оно размажется по годам, и вы их перестанете замечать.

— Какая интересная теория, — с чувством проговорил он.

— Филипп, умоляю вас: потише! Лидия только кажется оторванной от мира, но у нее очень острый слух. А дядюшка, как назло, очень громко храпит. Ни одни беруши не помогают. Я использовала бы магию, чтобы решить их проблему, но не обучена таким заклятьям.

— Готов по-родственному лишить вашу тетку слуха, — сцедил он.

— Какая жестокость, господин Торн! — охнула я.

— Вы предлагаете ее подложить к нам третьей?

— Я к тому, что не надо делать ее полностью глухой! Это негуманно. Но чуток глуховатой, по-моему, уместно. И ей хорошо, и нам тоже... неплохо.

У Филиппа выразительно изогнулась одна бровь. То ли от удивления, то ли от нервного тика.

— Тереза, вы серьезно?

— Но только на эту ночь! — добавила я. — Иначе мы с утра ее не добудимся.

Мы вернулись в комнату. Лидия лежала на кровати, прикрывшись своим одеялом, и крепко спала. В ошарашенной тишине было слышно сопение.

Я жалобно посмотрела на Филиппа и прошептала:

— Если я лягу посередке, то вы даже не заметите ее присутствия.

Он прикрыл глаза и потер переносицу, видимо, что-то серьезно обдумывая. Может, вспоминал, какое содержание прописал в брачном контракте в случае развода, и подсчитывал, заслужила ли я эту весьма внушительную сумму, пробыв его женой меньше суток.

— Не так я себе представлял первую брачную ночь, — пробормотал он.

— Понимаю, вы хотели хорошенько выспаться, — тихонечко поддакнула я, следуя совету тетушки «соглашайся с мужем во всем, через сорок лет объяснишь ему, что он кретин».

Торн для чего-то снял с вешалки пальто и начал его надевать. В сугроб, что ли, решил закопаться или просто прогуляться?

— Филипп, вы куда? Хотите снять еще одну комнату?

— Если бы здесь были свободные комнаты, ваша тетка лежала бы в своей, а не в нашей, кровати, — проговорил он. — Ухожу в общую залу.

— Тогда идем вместе!

— Зачем? — насторожился Филипп.

— Я ваша жена и обязана разделять все жизненные тяготы.

— Не лишайте себя радостей спокойного сна.

Наверное, Торн представил, как следом за нами в общий зал, где на деревянных раскладушках спали те, кому не хватило крон на отдельную комнату или же не досталось отдельного закутка, потянутся все мои родственники. Управлять парадом будет тетушка Клементина, Лидия о кого-нибудь споткнется и поднимет переполох, а потом дядька Рендел ударит драконьим ревом и распугает всех конкурентов на мирный отдых.

— Вы уже спали на раскладушках? — нешуточно всполошилась я. — Спину потом не прихватит?

— Не беспокойтесь, у меня здоровая спина, — отозвался он, продвигаясь к выходу.

— Если вдруг не хватит раскладушки, то возвращайтесь! Как-нибудь разместимся.

— Хорошенько выспитесь, дорогая жена, — бросив выразительный взгляд, с иронией отозвался он и дал последнее указание: — Поставьте на замок заклетье, чтобы никто не вошел.

Филипп скрылся за дверью. Я стояла посреди комнаты и не верила, что умудрилась выставить мужа из спальни в нашу первую брачную ночь. Если мы вопреки всему дотянем до старости, то расскажу эту историю нашим внукам. А еще лучше, напишу мемуары с самыми позорными моментами своей жизни.

О неожиданных сюрпризах

Погода в горах была непостоянной, как ветряная кокетка. К утру тучи разошлись, явив бескрайнее прозрачное небо и потрясающий воображение Сумрачный пик на горизонте, словно окутанный сизой дымкой. О ночной непогоде напоминали лишь искрящие на солнце сугробы, да глубокие колеи на дороге.

О том, как спалось мужу в общей зале, легко угадывалось по его настроению и непроницаемому взгляду, обращенному в бесконечность. Тетушки и дядька Рендел с самого пробуждения так отчаянно доказывали, какие они деликатные и незаметные люди, что лишней раз старались не попадаться Филиппу на глаза. Молчком уселись в расписной коробчонки, полностью признав право молодых ехать в просторном комфортном экипаже, присланном из гостевого дома. Ну просто образчик кротких родственников! Сердце радовалось.

И оно радовалось бы гораздо больше, если бы ночью не случилось неловкости с Лидией. Я чувствовала себя виноватой. Видно же, что у Филиппа Торна, высшего мага в шестом поколении, жизнь разделалась на две части: до ночевки в общей зале придорожного постоялого двора в компании простых смертных и после нее. Пропустив дурацкие вопросы о том, как ему спалось — очевидно, что не очень хорошо, — сразу начала каяться:

— Филипп, я чувствую себя чудовищно от того, что вам пришлось уйти в общую залу. Мне жаль.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули, — отозвался он, снимая с измятых брюк ворсинку. Не воображаемую, а самую настоящую.

Вообще, складывалось ощущение, что возле него спал кот. Или даже два кота. Так и представлялось, как он спихивал с себя хвостатых тварей, но они наседали, отвоевывая пространство на раскладушке.

— Я почти не спала.

Мягко говоря, обеспокоенность мужниным благополучием была сильно преувеличена. Едва коснувшись подушки, я провалилась в такой крепкий сон без сновидений, что с утрачка Лидия с трудом меня добудилась. Оказалось, что тетушка Клементина, не досчитавшись сестры, решила, будто та сбежала с незнакомцем в неизвестном направлении и, видимо, поторопилась поделиться радостной вестью. Почему-то идея, что Лидию украли, в голову ей не пришла. Обнаружив беглянку в комнате для молодоженов вместо моего новоиспеченного супруга, тетка впала в глубокую задумчивость и сделалась очень тихой. Во всех смыслах этого слова.

— Филипп, мне действительно очень жаль! — с душой повторила я.

— Вы уже говорили, — уронил он.

— Я хочу еще раз повторить, чтобы вы поняли, насколько мне жаль. Очень!

— Не беспокойтесь, я понял. — Он бросил на меня нервирующий взгляд из-под ресниц.

— Хорошо, — вздохнула я и, сама от себя не ожидая, выдала глубокую мудрость от Марджери Торн, полученную во время ее приезда в Энтил: — Взаимопонимание — путь к счастливой жизни.

Филипп подавился на вздохе и едва слышно кашлянул в кулак. Ладно, согласна: большой перебор. До взаимопонимания нам, как на костылях до Сумрачного пика.

Дальше мы ехали в обоюдном молчании. Не знаю, о чем думал муж, глядя в окно, но я зачем-то подсчитывала в уме, как далеко в горах можно доскрестись на костылях. Очень успокаивающее занятие, к слову. Так расслабилась, что едва не начала зевать.

Как оказалось, гостевой дом назвать именно «домом» не повернулся бы язык ни у одного вмняемого человека. Это был старинный замок с облагороженным фасадом, подновленной въездной площадью и помпезным парадным входом. Значительный и тяжелый, он стоял на фоне горы, прикрытой снежной шапкой, и высокомерно возвышался над уютной курортной деревушкой. Одной из тех, что рисовали на цветных карточках и продавали в книжных лавках по четверть кроны за штуку.

У дверей нас встретил импозантный распорядитель в камзоле с вышитой на груди эмблемой гостевого дома. Пока мы поднимались в холл по длинной лестнице, покрытой красным ковром, он невероятно горд, что Филипп Торн выбрал для медового месяца их гостевой дом. Ей-богу, наверное, если бы его собственный сын женился, он не испытывал такой всепоглощающей гордости! А еще с чувствовал сетовал, как сильно сожалеет о случившемся в дороге недоразумении с каретой. Филипп высокомерно молчал, чем нервировал не только раздухарившегося многословного распорядителя, но и нас всех.

Проклятые ступеньки никак не заканчивались. Где-то на середине подъема у дядюшки Рендела началась отдышка, а Клементина засопела. Только Лидия поднималась немым призраком, старательно глядя себе под ноги.

Когда мы оказались в холле, я на секунду ослепла. Не от богатой обстановки, а от яркой люстры на сотню магических огней, каскадом

спускавшейся с потолка и отбрасывающей вокруг мозаичную тень. Народу в дорогом гостевом доме было ничуть не меньше, чем в дешевом постоялом дворе. Казалось, что вся столичная публика, только вчера поглощавшая тарталетки на свадьбе, переместилась на зимний курорт. Правда, по большому счету, на нас никто особенно не обращал внимания, разве что некоторые бросали любопытные взгляды.

— Ваши апартаменты давно готовы, господин Торн, — отчаявшись выбить из гостя хотя бы слово, докладывал распорядитель.

— Попросите кого-нибудь проводить родственников моей супруги в их номера, — наконец пожелал разлепить губы господин Торн.

— Совершенно не за чем, — обрадованно объявил распорядитель. — Мы устроили все по высшему разряду! Вы живете на одном этаже.

— Простите? — от чудесной новости Филипп даже притормозил.

Мы тоже всей кучей притормозили, а заодно попятились, собираясь вокруг дядьки Рендела. Вообще, сбиваться в стайку было тактически недальновидно. Если придется прятаться, то мы споткнемся друг о друга и начнется куча-мала.

Распорядитель замаялся, видимо, решив, будто что-то напутал.

— Как вы и велели в письме, — почти с отчаяньем напомнил он и почему-то уставился на меня, словно именно я была главным недовольным элементом. — Просторные апартаменты по соседству. С видом на горы и балконом. Одни для молодоженов, другие для их сопровождающих. Правда, номера не совсем по соседству, а в разных концах коридора... Мы, конечно, попробуем что-нибудь поменять, но вы же понимаете, высокий сезон. Все лучшие номера выкупили еще с осени.

— Что ж, видите, — кивнул муж, видимо, мысленно смиряясь с неизбежным соседством.

И что-то вдруг стало так жалко Вилсона. Было у меня подозрение, что его не просто рассчитают с позором, а вдогонку отвесят пинок под зад, чтобы летел, как гордый дракон, куда-нибудь подальше от столицы. Скорее всего в провинциальный Энтил, где можно устроиться в помощники к счетоводу или судебному заступнику даже с отвратительными рекомендациями от бывшего нанимателя. С таким идеальным почерком секретаря с руками оторвут. В смысле, просто оторвут. Руки ему для чернильного пера пригодятся.

Оказалось, что мы не просто жили в разных концах замкового крыла, нас еще разделял поворот! Напоследок тетушка Клементина шепнула, что через пару часов заглянет в гости и по-генеральски скомандовала остальным заходить в номер.

— Добро пожаловать в гостевой дом Сиал, — толкнув дверь, с большой помпой распорядитель пропустил нас в просторную гостиную со светлой стеной тканью, бежевыми порттьерами и с теткой Марджери Торн на антикварной козетке.

— Мои дорогие! — С фальшиво-лучезарной улыбкой она легко поднялась и театрально раскинула руки, словно собиралась нас обоих одним махом заключить в тесные объятия. — Вы добрались! Как я рада вас видеть в добром здравии!

Здравие после ночи на постоялом дворе у нас явно было не особенно доброе. Да и отпавшую челюсть я подобрала с трудом.

— Я не стал ничего говорить о госпоже Торн, чтобы не портить сюрприз, — заговорщицким тоном пояснил сверкающий, как золотая корона, распорядитель. — Хорошего дня, господа!

Ей-богу, чем дальше в хороший день, тем страшнее сюрпризы.

ГЛАВА 3. Лекарство от досадных провалов

Совершенно точно распорядителя спасли быстрые ноги. Он мастерски ускользнул в коридор и мягко прикрыл дверь. Скажу больше: заговорщицки подмигнул мадам Торн. Я видела, потому как в этот момент оглянулась.

В возникшей паузе из глубины номера доносились чьи-то тихие голоса. Казалось, тетка не просто заявила к нам в номер, а еще привела с собой парочку кузенов Торнов, и те теперь соображали, как поделить на всех спальню.

— Марджери? — Филипп то ли поздоровался, то ли задал вопрос, какого демона она околачивается в апартаментах, когда мы даже до гостевого двора не успели добраться.

Мгновенно догадавшись, что ее неожиданное появление действительно произвело впечатление — быть точнее, самое унылое впечатление, — мадам заговорила с доброй улыбкой пойманного дракона:

— Не злись на Роджера. Он по старой дружбе открыл мне номер и позволил тут чуточку похозяйничать. Тереза не дала никаких указаний насчет багажа. Сундуки стояли не разобранные, и я здесь, чтобы проследить, как горничные развешивают ваши вещи.

Ничего себе выпад! Мысль, что кто-то там, в комнатах, копался в моих вещах страшно не понравилась. Понятно, что в новой жизни придется привыкнуть к присутствию слуг, но я леди Торн всего второй день, а любая привычка, даже дурная, появляется за три недели. Именно так утверждают умные книги. В них, правда, речь шла о том, как от привычки избавиться, но — уверена, — процесс работает в обе стороны.

— Ты ради этого прилетела в Сиал? — уточнил Филипп. — Сегодня возвращается в столицу?

— Ты такой шутник! — всплеснула она руками, хотя племянник-то выглядел серьезным. — К праздникам здесь собрался весь свет. Говорят, его величество приедет. Грех пропускать настолько высокий сезон. Я и так не появлялась последние пять лет.

Другими словами, запросто грешила, но именно в этом году совесть покусала и заставила прискакать в Эрминские горы. К нам под бок. Видела я, как тетку перекосило от новости, что мои родные едут с нами в путешествие. Вот до чего доводит зависть к новоявленным родственникам. Пять лет дома просидишь, а потом в горы без приглашения припрешься! Даже на костылях.

Между тем, Филипп помог мне освободиться от жаркого плаща, небрежно бросил его на спинку дивана и снял пальто.

— Ты какой-то помятый, — заметила тут же тетка.

Еще бы! Поспи на раскладушке в общей зале придорожного постоянного двора. Не так еще помнешься.

— Марджери, мы рады тебя видеть, но хотим отдохнуть с дороги, — немедленно указал он направление к выходу.

Однако тетку было просто так, простыми намеками, не выставить! Она словно решила у нас окопаться.

— Так, может, согревающего чаю? — Марджери указала на кофейный столик, где стоял поднос с фарфоровым чайником и две чашки. Одна была наполовину наполнена бледненьким чайком.

— И было бы неплохо помыться, — уже прямолинейно ответил Филипп.

— В таком случае, давайте попозже вместе пообедаем! — просияла тетка. — Я уже заказала столик в ресторации на верхнем этаже. В три часа.

— Ты разве не хотела поболтать со старыми приятельницами? — вежливо спросил он.

— Они не видели меня пять лет, один день ничего не изменит. Мы с ними позавтракаем. Тереза, вы ведь не против пообедать?

— Я скажу своим родным, — с улыбкой милой дурочки объявила им обоим, дескать, решили обедать в компании, так пусть она будет большой и дружной. Надеюсь, в конце гастрономического праздника никто не подерется. — Тетушка Клементина страшно обидится, если мы не позовем их на семейные посиделки.

— Ах, Вудстоки всем составом... — протянула Марджери. — Куда их, к слову, поселили? Далеко?

— Мы живем рядом, — вынужденно призналась я. — А вы?

— В северном крыле. Там превосходные виды.

По лицу мадам было заметно, что она уже вычисляла, как переехать к нам поближе. Можно этажом выше, но непременно над новыми родственниками. Всегда приятно ходить на острых каблуках по паркетному полу, чтобы людям внизу казалось, что прямехонько в темечко забивают гвозди.

— Филипп, ты меня проводишь? — Она стряхнула с пиджака племянника ворсинку.

— Конечно, — согласился он и указал на дверь, дескать, идемте, тетушка, мне очень хочется поскорее вернуться.

— Увидимся в три, моя дорогая.

Когда оба скрылись в коридоре, «дорогая» облегченно выдохнула и с интересом огляделась. Помимо диванов здесь стоял круглый обеденный стол с полированной крышкой и мягкими стульями с резными ножками. В углу стояла напольная статуэтка: девица с плоской в руках. Понятия не имею, для чего ее приставили. Может, в гипсовую тарелку следовало складывать ключи и чаевые для obsługi.

— Леди Торн, — раздалось в тихой гостиной, и я едва не подпрыгнула.

Откуда ни возьмись, вернее, из спальни появилась горничная в форменном платье и переднике.

— Мы закончили, — объявила она.

— Спасибо, — отозвалась я.

Девушка чего-то ждала.

— Мы можем идти или будут какие-то пожелания?

— Нет, — покачала я головой, но вдруг вспомнила: — Кстати, а как связаться с соседним номером?

— В вашей спальне есть почтовая шкатулка. Можно отправить записку в любые апартаменты или сделать заказ в номер, — не выказав никакой иронии, дескать, дикая какая-то леди Торн, ничегошеньки не знает, пояснила она.

— Благодарю, — улыбнулась я.

Девушка двинулась к выходу, а следом целый отряд горничных в количестве пяти штук, со стороны похожие друг на друга, как близнецы. Они торжественно несли стопки аккуратно сложенных очень знакомых вещей, а одна держала в руках мои теплые ботинки со шнурками. Те самые, которых так сильно недоставало в дороге!

— Подождите! — скомандовала я, признав собственный халат из фланели. Он давно пережил первую молодость, но был теплым и уютным.

Служанки сбились со строевого шага и едва не врезались одна в другую.

— Куда вы уносите мои вещи? — удивленно спросила я.

— На сжигание, — с самым обычным видом, словно не собиралась провести кремацию чужой одежды, пояснила старшая горничная.

Ничего себе сервис в дорогом гостевом доме!

— Зачем? — потрясенно воскликнула я. — Чем вам не угодил мой... халат?!

Девушки странно переглянулись.

— Так ведь мадам Торн велела от этих вещей избавиться.

— Мадам Торн? — повторила я нараспев, потому как дыхание чуточку сперло и удавалось почему-то петь, но не нормально говорить. Слов-то не было, одни междометия.

Тетка под шумок решила проредить мой гардероб. Нашлась поборница моды! Хочет избавиться от одежды, пусть перетрясет свои дорожные сундуки.

— Дамы, верните все обратно, — велела я. — Сейчас же!

Вообще, хотела сказать «пожалуйста», но от возмущения запас вежливости несколько прохудился.

— Хотя... просто положите их вот сюда, — я указала на диван, — и идите. До свидания.

Ботинки аккуратно встали на кофейный столик, потеснив поднос с фарфоровым чайником. Стопки одежды были бережно переложены на диванные подушки. Злосчастный любимый халат соскользнул с верхушки и съехал на пол серой лужицей с белыми цветочками. Вообще, дорогая сердцу вещь. Да я в нем весь пансионат прошла! Не в прямом смысле слова, конечно, но надевала и радовалась, когда весной, едва-едва выглядывало солнышко, из экономии в стенах гасили теплые жилы, и в спальнях становилось холодно, как в склепе. Мне все соседки завидовали! Уверена в этом.

О полосатом недоразумении

Подхватив ворох одежды и зажав под мышкой халат, я отправилась искать гардеробную. Или просто гардероб, куда

поместилось бы спасенное добро. Желательно сразу всем скопом, без скрупулезного раскладывания. Пока Филиппа не было в номере, хотелось привести себя в порядок и уж потом объявить Клементине о неожиданном пополнении в наших рядах. Рассказать плохую новость никогда не поздно, а мне хотелось отмыть запахи постоянного двора в тишине и спокойствии.

К гостиной примыкал застеленный ковром коридор, двери в комнаты были открыты. Видимо, чтобы постояльцы не заблудились в апартаментах, хотя не представляю, какой кретин заплутает в гостевом доме.

Выглядывая из-за вещей в руках, я повернула в туалетную комнату. Гардеробная пряталась за реечной дверью, которую удалось открыть, не выронив ворох вещей, исключительно благодаря чудесам акробатики. Сама от себя такой ловкости не ожидала!

Нашу с Филиппом одежду развесили по разные стороны. Мужскую и женскую половины длинным волнорезом разделял полированный комод для нижнего белья. Я пристроила сверху башню, больше похожую на неустойчивую пирамиду, аккуратно положила драгоценный сердцу халат и открыла ящик. Внутри лежало мужнино исподнее...

— Извините!

Ящик был немедленно задвинут обратно. На секунду я замерла в большом недоумении, вдруг осознав, что извинилась перед трусами за то, что увидела их одним глазком, и фыркнула себе поднос:

— Разложили тут... всякое.

Не семейная жизнь, а поле с магическими ловушками. Никогда не знаешь, что именно обнаружишь, просто открыв ящик комода. Поди, разберись с этой гардеробной иерархией!

Чтобы Филипп не вошел, я плотно закрыла дверь, споро скинула одежду и улизнула в ванную комнату. Хорошо, что она прилегала к туалетной и не пришлось мелкими перебежками нестись через весь номер.

Войдя, я слегка обалдела. Такого размаха в мытье мне видеть не доводилось. Ванная в гостевом доме Сиал по размеру не уступала гостиной Клементины. Разве что камина с рогами не хватало, и вокруг блестел мрамор с розовыми прожилками. Даже два кресла уместились, а в полу был овальный бассейн.

Купальня пряталась за стеклянной перегородкой с цветным витражом. Я повернула кран, и с потолка хлынула вода, словно в отдельно взятом номере гостевого дома начался тропический ливень. За секунду меня, кажется, промочило до костей и струями сбило запах придорожного постоянного двора. Ни открыть глаза, ни сделать вздох. Это вам не лейка в купальне пансиона, выплевывающая водичку так, словно каждая капля шла на счет. Хорошо, что саму в слив не смыло.

Конечно же, тонкий намек из закрытой двери Филипп напрочь проигнорировал. Когда я душистая, намытая и в уютном халате вышла из ванной комнаты, он стоял в гардеробной, среди рассыпанных вещей.

Сбитая с комода стопка зависла в воздухе, не долетев до ковра, и теперь мои девичьи скромные одежды застыли на разном расстоянии от пола. А перед Филиппом висели гордо расправленные полосатые панталоны, колером ровнехонько под вчерашние чулки. Он разглядывал их, склонив голову набок, с таким нечеловеческим недоумением, словно никогда в жизни не видел женского белья.

Признаться, я и сама встречала такие, с позволения сказать, пестрые изделия швейного промысла только в одном месте: в лавке женских штучек мадам Руфьи в Энтиле. Она шила их собственными руками, чем сильно гордилась! Никак тетушка Клементина подсунула зимнее бельишко, побоявшись, что племянница в горах отморозит нежное место, какое следовало пристраивать на диваны и возить исключительно в теплых каретах.

— Вы чего на них пялитесь? — тихо, но свирепо спросила я, словно он совершал гнусное злодеяние, а не изучал приبلудное исподнее.

Филипп перевел на меня растерянный взгляд, и брови его поползли на лоб.

— А теперь на меня, — сердито добавила я, покрепче запахивая ворот. — Никогда не видели халата в стиле... ретро?

— Ретро — это когда одежда на женщине, как из бабушкиного сундука.

— Вы же не пытаетесь оскорбить мой халат? — обиделась я и огладила ладонями любимую вещь. — Ретро — это удобно и уютно. И знаете, что?

— Да?

— Отдайте уже мои панталоны... Шорты!

Приблизившись, я попыталась сорвать полосатое недоразумение, но оно словно было прибито гвоздями к воздуху. Пришлось дернуть посильнее, отчего ткань хрустнула.

— Они с начесом, — оповестил он, словно именно начес определял надежность ткани.

— Что вы удивляетесь? Они зимние. Никогда ведь не знаешь, когда усядешься в сугроб, — проворчала я, пряча цветастое безобразие подальше от его внимательных глаз. В смысле, за спину. — Не догадывались, что такие существуют?

— Их надо носить постоянно, как только на улице похолодает? — въедливо допытывался муж.

Да дались же ему эти демонские штаны! Послушаешь и решишь, что сам захотел на досуге примерить и испытать на морозе.

— Как только похолодает до такого мороза, что птицы начнут падать замертво, а задницы...

Я поперхнулась воздухом.

— Продолжайте, — кивнул он. — Что вы там говорили?

Его глаза вспыхнули смехом. Уголки губ подрагивали. Я чуть не проглотила собственный длинный язык. Можно больше не напрягаться и не строить из себя милую дурочку. Репутация таковой у меня уже есть.

— Зачем вы вообще сюда зашли? — буркнула недовольно, стараясь сменить тему.

— Переодеться, — подсказал он.

— А не заметили, что дверь закрыта?

— В этом был сакраментальный смысл? — утончил Филипп.

— Не сакраментальный, а самый обычный. Закрытая дверь как бы тонко намекала, что здесь занято. — В порыве вдохновения я взмахнула треклятыми панталонами и пожелала самой себе провалиться под паркет. — Филипп, не хочу показаться грубой, но, может быть, вы уже выйдете куда-нибудь, чтобы я оделась?

И по возможности спрятала позорное исподнее. Ей-богу, они удивили меня ничуть не меньше, чем Филиппа. Держу и поражаюсь, кто в здравом уме натянет на себя это колючее недоразумение. Разве что в качестве наказания за плохое поведение. Зря не дала их сжечь!

— Дорогая супруга, давайте я выйду в ванную комнату, — предложил он и даже кивнул в нужном направлении. — Обещаю не торопиться, переодевайтесь без спешки.

— Благодарю, — с достоинством ответила я, сдвигаясь с пути.

Едва муж шагнул из гардеробной, как за его спиной взмыли в воздух застывшие возле пола вещи. Красивое колдовство, совершенное с небрежной естественностью. Одежда встряхивалась, складывалась и слеталась в аккуратную стопку. Неожиданно среди прочих мелочей обнаружилось очередное исподнее с длинными штанинами. Расцветкой в ярко-красное сердечко. К ним в комплект шли чулки! И теперь обе штанины мельтешили в воздухе. Клементина точно решила меня доконать!

— Тереза?

— Да? — Я резко развернулась и закрыла собой дверной проем, чтобы Филипп не заметил, как отвратительные чулки в сердечко скатываются в воздухе аккуратными валиками.

— Я ваш муж.

— Я в курсе.

— Не стоит меня стесняться, — пряча улыбку, мягко проговорил он и скрылся за дверью.

Клянусь, я выдохнула и первым делом попрятала в нижний ящик комода цветастое приданое, купленное тетушкой Клементиной. Потом шустро надела платье, просушила кудрявые волосы простеньким заклятьем и отправилась на пять минут к тетке. Задать вопрос: в какое страшное мгновение она решила меня этим приданым одарить? А заодно рассказать об обеде с мадам Торн.

О блужданиях в коридорах

Широкий коридор оказался пуст и тих. Мирно стояла в кадке украшенная елочка, на стенах в круглых стеклянных колпаках потрескивали магические огоньки. Ковер на полу заглушал стук каблучков.

Я повернула за угол и задумчиво притормозила, обнаружив две совершенно одинаковые двери, смотрящие друг на друга. Слева и справа. Номера у них отличались одной цифрой, и какой на следующие две недели принадлежал моим родным, я — хоть убей, — не помнила.

Сначала двинулась влево, потом передумала и, протянув кулак, постучалась в дверь справа. Удивительно, но угадала! Изнутри

крикнули голосом Лидии:

— Заходите!

Я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. В гостиной, уютно забравшись на диванчик с ногами, сидела моя тетка и читала книгу «Приручение домашних драконов». На придвинутом поближе столике на тонких изящных ножках лежала фарфоровая тарелка с очищенными орешками.

Звонкий и тонкий фарфор с золотой каемочкой был местный, а орешки, определенно, энтильскими, прихваченными запасливой Лидией в путешествие. Но по дороге всех неплохо кормили, а некоторых (меня) даже с большим перебором. После вчерашнего пиршества внутри не приживались даже мысли о еде.

В номере царило умиротворение. В окна лился безмолвный солнечный свет, виднелась присыпанная снегом гора. Никакого задорного скандала в духе тетушки Клементины, ненавидящей, когда разбирали сундуки не так, как ей нравилось, что-то не наблюдалось.

— Ты одна? — недоуменно огляделась я. — Где остальные?

— Клементина вышла, — объявила Лидия и, оттопырив мизинчик, перевернула страницу.

— Куда?

— К тебе, — легкомысленно отозвалась она. — Ты не представляешь, какую полезную книгу подарили твои соратницы...

— Подожди! — перебила я. — Когда она ко мне пошла?

— С полчаса назад. Вы разминулись?

— Здесь не такой длинный коридор, чтобы по нему идти полчаса, — нахмурилась я.

Может, тетушка и пыталась дойти к нам с Филиппом в номер, но определенно добралась в какое-то другое место.

— А где Рендел?

— Так известно же где. — Лидия пожала плечами. — Как только за Клементиной закрылась дверь, тут же сбежал.

— Куда?

— Откуда мне знать? — Она наконец пожелала поднять голову и посмотреть на меня укоряющим взглядом. Дескать, не отвлекай от чтения.

— Ты же сказала, что тебе известно.

— Это была колкость, соразмерная ситуации. Кстати, ты действительно должна прочесть эту книгу...

— Поищу Клементину с Ренделом! — выпалила я. — Не дай бог, потерялись.

— Куда они денутся из гостевого дома? — равнодушно отозвалась Лидия.

Да куда угодно! У них талант блуждать в самых неожиданных местах. Даже в воздушном порту, где для людей с богатым воображением и топографическим кретинизмом установлены указатели, умудрились усесться на другого дракона.

— Пойти с тобой? — Лидия принялась слезать с дивана и скривилась, выпрямляя, очевидно, затекшие ноги.

— Нет! — рявкнула я, и тетка вздрогнула. — Не выходи из номера! Вообще с дивана не вставай! Вдруг они вернуться, а дверь закрыта. У нас еще обед с Марджери.

— Марджери Торн здесь?! — охнула она. — Это же огромная проблема!

— Да, но сейчас не самая главная.

Внутреннее чутье подсказывало, что до трех часов разбредшихся по гостевому дому родственников можно и не согнать, ладно, в одну комнату, хотя бы в стайку посреди холла. Ни в коем случае нельзя явиться в ресторацию без группы поддержки. Они помогут портить аппетит мадам Торн. Если сильно повезет, то доведут ее до несварения. Иначе до несварения наверняка доведут меня.

Для начала я решила проверить коридор. Вдруг Клементина ушла не в ту сторону и теперь с интересом любуется пейзажами в узких золоченных рамах? Пару раз повернула и уперлась в тупик со знакомой елочкой, украшенной красными бантиками. На секунду почудилось, будто самым нелепым образом я вернулась к собственным апартаментам. Даже к картине на стене присмотрелась.

Если она и отличалась от той, что висела напротив нашего с Филиппом номера, то человек с непритязательным художественным вкусом, непримиримо боровшийся за сохранение драконов в дикой природе, разницы явно не увидит. А я была как раз такая, непритязательная и непримиримая. Последнее, правда, если дело касалось истребления невинных магических тварей.

Я отправилась в холл. Тут-то меня и ждал сюрприз! Лестница привела вовсе не в ярко-освещенный людный зал, а в вымерший, словно всех постояльцев в замке слопали кровожадные чудовища, длинный переход. Непонятно куда. Возможно, в соседнее крыло. Или в ад, судя по темному зеву арки.

— Так... — пробормотала я себе под нос, начиная смутно осознавать, отчего тетушка Клементина целилась в мой номер, а потом исчезла в запутанных замковых лабиринтах. В этом гостевом доме и поисковым заклятьем не разберешься! Еще бы уметь их создавать.

Решительно развернувшись, я начала подниматься обратно. В голове бродили странные мысли. Если Филипп не досчитается жены до темноты, то поднимет на уши стражу? У нас же с ним впереди... то самое. В смысле, второй заход на первую брачную ночь.

Вдруг вспомнились и полосатые панталоны, и в сердечко, и даже красивая кружевная сорочка, дожившаяся своего часа в верхнем ящике комода. В животе снова завязался крепкий узел. Зато несварение во время светской трапезы с Марджери Торн мне больше не грозило. Пф! Уже и так нормально. Сама себя, похоже, до ручки довела.

Вынырнув из панических мыслей, я обнаружила, что не только до ручки, но еще и до очередного коридора себя довела. Более того, шла по нему весьма шустро, как будтоопаздывала на вторую брачную ночь или в светлое будущее, ворота в которое медленно закрывались.

По факту оказалось — в очередной тупик. Вокруг было элегантно и подозрительно знакомо: елочка, светильники, картины на стенах. Чужой коридор выдал зеленый, а не красный, ковер под ногами. Перспектива оказаться у себя в номере уже в потемках все ярче маячила на горизонте.

— Да драконью ж мать! — пробормотала я, упирая руки в бока.

В гостевом доме заблудится только кретин? Ну и, возможно, тетушка Клементина. Что ж, знакомьтесь: леди Тереза Торн в девичестве Вудсток собственной персоной.

О родственной заботе

— Девушка, благослови тебя боже! Я встретила живого человека, а не только елки! — прозвучал громкий голос Клементины.

Не веря собственным ушам, я развернулась. Потерянная родственница в последние годы стала слаба глазами: вдаль видела плохенько, но признавать, что ей пора бы подумать об очках,

отказывалась. Удочеренную племянницу она не признала, но в резво маршировала в тупик. Никак желала припереть случайную жертву к стенке и не отпускать, пока та не согласится проводить заблудившуюся даму степенных лет к людям.

— Тетушка, я вас обыскала! — воскликнула я.

— Тереза! Девочка моя, какое счастье! — охнула Клементина, наконец разглядев знакомое лицо. — Я шла к тебе в номер, но оказалась здесь. Ты знаешь, как вернуться?

В чувствах она на секунду меня прижала к пышной груди.

— Ну... — промычала в ответ, вдыхая пыльный запах теткиного благовония. — Я точно знаю, на какую лестницу не стоит заворачивать.

Она отстранилась и спросила изменившимся голосом:

— Ты тоже заблудилась?

— Что за обвинительный взгляд? — возмутилась я, убирая за ухо выбившуюся из пучка кудряшку. — Иначе как бы я тебя нашла?

С какой стороны ни посмотри, довод был нелогичен, но тетку устроил. Она с жаром согласилась, что у умных женщин всегда мысли сходятся, и блуждаем мы по одному маршруту. Я деликатно промолчала, что умные женщины вряд ли теряются в гостевых домах и оказываются в такой зад... на задворках цивилизации. Лишь бы Клементина, не брюзжала, как кастелянша в дурном настроении!

— Какая необычная графика, — вдруг вымолвила она, шагая со мной рядышком.

Мазнув равнодушным взглядом по стене, я затормозила. В нише висела схема этажа! Ее ловко прикрывала высокая елка с бантиками, словно неприятный чертеж портил тривиальным видом написанные маслом романтические пейзажи. Ей-богу, проскочишь и не заметишь!

— Что? — испугалась тетушка.

— Ты нашла схему замка, — с облегчением объяснила я. — Сейчас посмотрим, где мы находимся и быстро выйдем.

— Так что же они не повесили ее на самое видное место? — возмутилась она.

Очень хороший вопрос, который возникнет у любого практичного человека. Особенно, если он, этот человек, потерялся между проклятуших этажей, практически не отличимых друг от друга.

Схема подсказала, что мы самым нелепым образом кружили по четвертому этажу! И здесь имелось целых две лестницы, ведущие в разные стороны. Если верить надписи и стрелочке, нарисованной чертежником по линейке, проход справа отправлял постояльцев точненько в холл.

Синхронно выгнувшись, мы с Клементиной выглянули из ниши. Посмотрели направо, потом налево, и в глубоком молчании снова выпрямились перед схемой. Надо признать, в картографии я никогда не была сильна, и света в коврово-елочном лабиринте никак не зажигалось.

— Так... — Тетушка неожиданно попыталась сдвинуть кадку с елью, попутно оборвав парочку бантиков.

— Ты что делаешь? — удивленно изогнула я брови.

— Возьмем карту с собой.

— Мы не будем воровать схему! — возмутилась я. — Это неприлично!

— Зато очень практично! — отрезала Клементина. — Иначе издохнем от голода в этих коридорах. Помни, что, забирая эту схему, ты спасаешь своей тетке жизнь! Помоги мне сдвинуть ель! Понаставили тут разного хлама, понимаешь, чтобы слабые женщины себе срывали спину.

Похоже, дерево пристроили в нишу не ради интерьерной красоты, а чтобы схему никто не стащил.

— Оставь кадку в покое, — скомандовала я.

Клементина действительно выпрямилась, но только для того, чтобы попытаться протиснуться к чертежу между елкой и стеной. Богатая грудь не позволила совершить сей пагубный для моей репутации маневр, но в разные стороны брызнули бантики. Новогоднее дерево оказалось чуток общипанным. Тетка не сдавалась.

— Господи, да не тяни ты к ней руки! — разозлилась я. — Ты говорила, что леди Торн не имеет права опозорить фамилию мужа. Представляешь, если кто-нибудь узнает, что мы утащили чертеж?

— Не переживай, карту возьму я. Фамилия Вудсток все равно тобой уже опозорена, хуже не станет. Встретим в холле коридорного и отдадим.

— Ага, и скажем, что она стояла прислоненная к стеночке. Забрали, чтобы никто не стащил, — взъерепенилась я.

— Леди, могу я вам чем-то помочь? — раздался за нашими спинами женский голос.

Пойманные на месте преступления, мы резко развернулись. Возле нас, держа в руках аккуратную стопку с постельным бельем, стояла горничная в форменном платье и в чепце. Она вежливо улыбалась, но на сорванные бантики, валявшиеся под ногами леди, смотрела с явным укором.

— Милочка, идите, мы тут сами справимся, — как-то чрезвычайно недальновидно отправила Клементина легким взмахом руки единственного человека, который мог указать правильную дорогу.

— Нет! — резко выпалила я, заставив их обеих остолбенеть. — Подождите! Уважаемая, нам нужна помощь. Мы заблудились.

— В каких апартаментах вы живете? — серьезно уточнила она.

Сразу видно, мы не первые, кто бродит по пустым коридорам и пытается втихаря свинтить схему замка.

— В светлых, — не дав мне открыть рот, подсказала тетушка.

— А номер?

— Дай бог памяти, — вздохнула Клементина, намекая, что боженька не надоумил нас въедливо присмотреться к номеру апартаментов и запомнить так твердо, чтобы во сне сказать без запинки.

— Хотя бы какой этаж? — не столь уверенно уточнила горничная.

— Третий, — с облегчением ответила я.

— В каком крыле?

Девушка, зачем вы задаете такие сложные вопросы? Хорошо же все было! Если бы мы знали, в каком крыле поселились, разве потерялись бы, как самые умные женщины нашего славного королевства?

— У нас в коридоре был красный ковер, — указала я пальцем себе под ноги.

— Так вы в восточном крыле, — догадалась горничная, а потом три раза объяснила, с какой лестницы спускаться и куда повернуть.

— Спасибо, милая! — вздохнула Клементина, прижав руку к пышной груди. — Сегодня на ночь я помолюсь за твое здоровье.

— Ты же не молишься, — прошептала я, когда мы со служанкой разошлись в разные стороны.

— Хочешь сэкономить на чаевых? Скажи, что помолишься. После такого неловкого намека на кроны, — тихо буркнула тетка и вдруг вспомнила: — Ты же теперь леди Торн?

— И? — не поняла я

— Тебе стыдно экономить на кронах. — Она быстро оглянулась и позвала служанку: — Девушка!

Та притормозила и с вежливой улыбкой, словно прилипшей к губам, снова повернулась к нам.

— У меня нет с собой денег, — сквозь зубы едва слышно пробубнила я.

— И утром тоже вознесу за вас молитву! — немедленно нашлась тетка. — За крепкое здоровье и семейное счастье.

— Благодарю, мадам. — Служанка, видимо, не чаявшая, как от нас избавиться, изобразила быстрый книксен и сбежала за поворот.

— Господи, какой позор. — Я подхватила тетку под локоть и едва ли не потащила к правильной лестнице. — Уходим быстрее! Нам еще надо успеть на обед с Марджери.

— Ты с кем-то успела познакомиться? — не сообразила Клементина.

— Тетка Филиппа приехала на отдых и пригласила нас всех на обед.

— Старая интриганка здесь?! — громко воскликнула она. — Мы заселиться толком не успели, как уже нарисовалась. Знаешь, она с самого начала так нехорошо на тебя смотрела. Глаза бы ей выцарапала! Точно решила испортить вам медовый месяц.

Тетушка, мы и без Марджери, похоже, прекрасно справляемся с этой миссией. Портим Филиппу медовый месяц.

— Ну ничего! Пока мы одни... — Клементина притормозила и, воровато оглядев пустой коридор, вытащила из кармана маленький флакон темно-зеленого бутылочного стекла, заткнутый самой обычной аптекарской пробкой. — Возьми, дорогая! Я специально к тебе шла, чтобы это отдать. Как знала, что надо приберечь для хорошего случая.

С торжественным видом она сунула флакон мне в руки.

— Зачем мне аптекарское снадобье? — с недоверием проверила я бутылочку на свет. По толстым стенкам стекала густая маслянистая жидкость — с недоверием проверила я бутылочку на свет.

— Витамины для твоего супруга. У тебя совсем нет опыта, но, поверь, даже с молодыми мужчинами такое случается.

— Что? — озадачилась я.

— Досадные провалы, — тихо проговорила она заговорщицким тоном. — С этим средством все получится. Десять капель, и он не сможет думать ни о чем, кроме спальни.

— Он наконец выспится! — догадалась я. — Спасибо, тетушка. Прошлой ночью Филиппу пришлось несладко в общей зале.

— Ну после, конечно, выспится, — согласилась она. — Главное, не перелей, иначе выспаться не удастся тебе.

Мы замолчали на некоторое время. Уверена, в ее словах была какая-то логика, только мне никак не удавалось ее уловить.

— Что за странное снотворное? — наконец спросила я.

— Снотворное наоборот, — пояснила Клементина. — Внимательно отсчитывай капли, чтобы не пришлось вызывать лекаря.

Я почувствовала, как меняюсь в лице, а к щекам приливает кровь. Похоже, по доброте душевной тетка всучила мне самопальный афродизиак. Вообще, законно покупать подобные средства? Страшно же представить, что в него намешали.

— Теперь ты во всеоружии, и мое сердце спокойно, — объявила Клементина и подхватила меня под локоть. — Главное, не забудь надеть красивое белье. Я кое-какие штучки тебе положила в дорожный сундук.

— Полосатые начесанные панталоны? — вырвалось у меня.

С афродизиак и зимнее бельешко покажется жуть, каким сексуальным.

— Они попали в твой багаж? — охнула Клементина. — А Лидия все полки перерыла. Я ей говорила, что найдутся. Никто не станет воровать чужое исподнее. Даже такое красивое.

— Угу, — промычала я, как-то живо вспомнив ошарашенную мину мужа при взгляде на полосатую «красоту».

— Если понравилась, оставь себе, — велела она.

— Белье Лидии?

— Только ей ничего не говори. Белье совсем новенькое, ни разу не надеванное.

Уже радуется.

— Мы с ней вместе ходили перед отъездом в лавку к мадам Руфье, — продолжила тетка. — Но тебе нужнее, Лидии все равно не перед кем красоваться.

— Благодарю, но не стоит, — вежливо отказалась я. — Мне флакончика с дивным средством вполне достаточно.

Тетушка, честное слово, лучше бы ты мне компас вместо полосатых панталон попыталась подарить. По крайней мере, полезная в хозяйстве вещь. Особенно, в огромных гостевых домах.

В первый момент яркий суетливый холл ослепил. Потеснее прижавшись боками, мы с Клементиной огляделись вокруг, словно за последние полтора часа превратились в горных аборигенов, одичали и забыли, как выглядят люди в одежде, а не в волосах по всему телу.

Вокруг сновали коридорные, толкали тележки с багажом. На диванчиках дожидались номеров постояльца. Девушки с корзинками, как у цветочниц, раздавали зазывные листовки на всевозможные развлечения, каких, судя по всему, в Сиале для отдыхающей публики придумали немало. Завораживала даже гигантская картина с замком на фоне уже знакомой горы и тремя поэтично летящими драконами.

Неожиданно изображение зарябило, размылось, и живописный пейзаж исчез. Вместо него появился нарисованный зал для торжеств, заполненный красиво одетыми людьми, и надпись витиеватыми буквами приглашала всех на праздничный аукцион украшений королевского ювелирного дома.

Кажется, я начинала понимать, как себя чувствует человек, десять лет проживший на необитаемом острове: ошеломленным. Хотелось удивленно воскликнуть: «Люди, вас никто не сожрал?!», но я — естественно, — промолчала. Не к лицу леди Торн, как, впрочем, и любой здравомыслящей девушке, выкрикивать странные вещи в пространство. Сразу примут за сумасшедшую.

— Смотри-ка, Тереза, — проговорила тетушка, — Рендел-то меня ищет.

Я бросила взгляд в указанном направлении. С самым благолепным видом, пристукивая тростью, дядюшка важно пересекал холл. Выглядел он так, будто в хорошую погоду степенно прогуливался по центральной улице Энтила и ведать не ведал, что с высунутым языком обязан разыскивать вторую половину.

По мнению Клементины, лучшую половину. Сам Рендел, до свадьбы десять лет прослуживший в королевском полку, не разделял убеждение жены, что она спасла ему жизнь и превратила в приличного человека.

— Вот, Тереза, учись, пока тетка жива! Мужа надо воспитывать, как ребенка. Понимаешь? Берешь, что дали, и растишь, чтобы вышло хорошо. С Филиппом-то, наверное, посложнее будет, но я в тебя верю, моя деточка, — вздохнула Клементина, почти с гордостью глядя на важничающего дядюшку и одухотворенно окликнула его: — Рендал, душа моя!

Вообще-то, получилось громко и по-генеральски. Дядька резко остановился и вжал шею в плечи, как будто та самая душа у него бухнулась в пятки и потянула за собой лысеющую голову.

Неожиданно обзор загородила тележка с дорожными сундуками. Когда она отъехала, нам предстала дивная картина. Рендел улепетывал! Споро частил в сторону арки, ведущей в восточное крыло, и не оглядывался.

— Не услышал, что ли? — озадачилась Клементина.

Даже я, не воспитавшая ни одного мужа, понимала, что глава рода Вудсток, выращенный ею кнутом и пряником — но больше кнутом, — раскрыл паруса и с попутным ветром уходил в закат. В смысле, в номер, но выглядело так, будто на часик другой надумал затеряться в коридорах.

Тетка, правда, не смекнула и грудью вперед, как тяжеловесная шхуна, заставляющая расступаться мелкие нарядные лодчонки, ринулась за прикормленным супругом. Я заторопилась следом. Когда у Клементины наступит прозрение, выживут не все. Вдруг придется спасать дядюшку? Или репутацию семьи Торн, если Рендел окажется потерянным для мира. Возможно, и имущество гостевого дома потребует спасения.

— Рендел, ты чего несешься, как на соседские похороны? — нагнала беглеца тетка. — Так ветер в ушах свистит, что ничего не слышишь?

Дядька на секунду замер, словно ища в себе силы предстать перед грозным ликом дражайшей супруги, и неуклюже оглянулся через плечо.

— Ох, вишенка! — пробормотал он с дурацкой улыбкой. — А я-то думаю, кто меня звал?

Глаза у Рендела подозрительно блестели. На гладко выбритых по случаю отдыха щеках краснели пятна. Он повернулся всем корпусом, и стало ясно, что трость нужна дядьке вовсе не для важности, а для устойчивости.

— Вы с Терезой решили подышать свежим воздухом? — спросил он.

Клементина начала меняться в лице. Я быстро огляделась. На нас по-прежнему никто не обращал внимания, но это пока тетушка не успела открыть рот. Впервые за двое суток репутация семьи Торн была в такой ужасающей опасности!

— Ты что же, успел накидать за воротник, старый паршивец, пока мы бродили по замку? — прошипела тетушка. К счастью, от возмущения у нее пропал голос.

Можно выдохнуть, но ни в коем случае не расслабляться! Голос - штука непостоянная. Легко исчезает и возвращается.

— Как ты нехорошо сказала, Клементина! — Дядька позволил себе пристукнуть тростью, но тут же съежился под гневным взглядом супруги. — Я участвовал в дегустации благородных вин! Меня-то ты на экскурсию по замку не взяла.

Я едва заметно покачала головой, давая понять, что он зарывается и уже практически по пояс стоит в могиле.

— Вишенка, так сказала бы, что надо составить вам компанию, — засюсюкал он. — Чтобы ты знала, я дегустировал и все время о тебе вспоминал. Не икалось?

— Нет, — процедила тетка, снова обретя пронзительную тональность. — За мной, дегустатор непуганый. Расскажешь, как так вышло, что твоя лучшая половина чуть не сгнула в гостевом доме, а ты себе спокойно жизнью наслаждался.

— Постой, тетушка! — остановила я воинственную родственницу. — Лучше пойдем за Ренделом, он знает дорогу.

— Так вы от экскурсовода, что ли, отстали и заблудились? — не очень натурально охнул Рендел.

Тетка поджала губы. Если она поставит руки на пояс, то репутации Торнов ничто не поможет.

— Тетушка, помните, что вы не в Энтиле, — без экивоков попросила я не скандалить в самом эпицентре светского общества. — Доберитесь до номера, а потом беседуйте. Можно громко. Главное, не разбейте фарфоровую тарелку с орешками...

Орешки на фарфоре Клементину точно впечатлили. Хоть виду она и не подала.

— Веди, — скомандовала супругу.

— Прошу, ненаглядные леди, — немедленно махнул он тростью, догадываясь, что пришло время не ерепениться, а сотрудничать. — Препровожу со всеми почестями.

Лестница показалась бесчеловечно длинной. Ноги гудели, как после похода по пересеченной местности. Понятно, что в походах мне бывать не приходилось, но точно болело ничуть не меньше.

Я поднималась, держась за перила, и смирялась с мыслью, что Вудстоки вряд ли разделят со мной «радость» от обеда с Марджери. До трех часов дня треть из них не доживет.

Сейчас эта самая треть не желала держать язык за зубами и подписывала себе смертный приговор. Может, Лидию делегируют? Если сумеют выкурить из номера.

— Да что же ты злишься, вишенка? — бубнил Рендел. — Я не потратил ни медяшки. Дегустация была совершенно бесплатная. Сказали, что все на счет запишут.

— На чей? — напряглась я.

— Я не понял, — признался дядька. — Меня все время называли фамилией твоего мужа, а исправлять хороших людей ни в коем случае нельзя. Зачем их ставить в неловкое положение?

Благослови боже начесанные панталоны! После полосатых трусов в моем гардеробе Филипп, в принципе, ничему не должен удивляться. Даже счету за дегустацию из питейного зала.

— Вишенка, ты меня слушаешь? — канючил Рендел.

— Очень внимательно, — мрачно отозвалась Клементина, определенно продумывая новый план по воспитанию старого супруга.

— Клянусь, что теперь от тебя ни на шаг! — уверил он.

— Да кто ж тебе позволит? — нехорошо хмыкнула та.

— Если на экскурсию, то вместе, — с жаром поддержал дядька, видимо, решив, будто жена дает слабину. — И на дегустацию...

Клементина проткнула Рендела злобным взглядом промеж кустистых седых бровей.

— На экскурсию, — примирительно повторил он.

Но прежде чем зайти в номер следом за мрачной «вишенкой», вручил мне трость и пробормотал, дескать, от греха подальше.

В номер я не вошла, а втащилась. Филипп сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и внимательно изучал какие-то бумаги. На удобном расстоянии, чтобы не тянуться, в воздухе висела чашечка с кофе на тонком блюде, словно пристроенные на невидимую полочку. Похоже, запомнил, как на кофейном столике стояли мои ботинки, нахально развалив расшнурованные голенища. Хорошо, что их успели прибрать. Хотелось надеяться, что не в топку.

Торн переоделся в широкие брюки без стрелок и белый свитер с высоким воротом. Видимо, одежда считалась домашней, но в этом мужчине не было ничего домашнего или уютного. В полупрозрачном солнечном свете, с небрежном прической и в расслабленной позе он казалось сошел с картинки из женского альманаха, висевшей над кроватью моей соседки по комнате. Вообще-то, та портретная карточка призывала купить дорогие наручные часы известной часовой мастерской. У Филиппа из-под рукава как раз такие выглядывали.

— Вернулись, леди Торн? — Он посмотрел на меня над краем бумаг. — Ваши родственники в добром здравии после дороги?

— Спасибо, здравие у них преотличное. Надеюсь, так оно и останется, — добавила я себе под нос, пристраивая трость на деревянную стойку для зонтов, а заодно и магией присобачила, чтобы не скособочилась.

Где-то на полдороге к вожделенному дивану, Филипп проговорил, откладывая документы:

— У нас осталось время до обеда. Прогуляемся по замку.

Только не снова! Я больше не способна любоваться на картины и елки в бантиках.

— Да лучше сразу пристрелите заклятьем, чтобы не мучилась! — вырвалось у меня.

У мужа поползла наверх бровь. Только одна. Видимо, таким образом проявлялось удивление. На самом деле, он сделался таким же привлекательным, как тот незнакомый актер с картинки, но очков Филиппу это не прибавило.

Пришлось изобразить милую улыбку, что было поистине большим мужеством, учитывая, как ныли ноги, а филейная часть желала пристроиться туда, где ее больше никто не побеспокоит прогулками по коридорам.

— Филипп, я ценю ваше желание провести экскурсию, но уже достаточно близко познакомилась с гостевым домом. Ближе, чем хотелось бы. И нам с ним стоит друг от друга немного отдохнуть. Особенно, от меня устали его коридоры.

— Другими словами, вы заблудились, — резюмировал он серьезно. Но как-то по-особенному серьезно, словно с трудом сдерживал смех.

— Вы удивительно проницательны, — чинно кивнула я.

— Когда шли к родственникам или на обратном пути?

Вот ведь въедливый!

— Но не в тот момент, когда уточняете подробности, — заметила я. — И коль, теперь вы почти все знаете моем позоре...

— Вы ничего не рассказали.

— Почти все, что следует знать о моем позоре, вы уже знаете, — исправилась я, — поэтому позвольте пережить его, сидя на диване.

— Как я могу отказать вам, леди Торн? — Он взмахнул рукой в пригласительном жесте. — Не стесняйтесь. Кофе?

— Пьете черный? Он же похож на деготь.

— Любите со сливками?

— Предпочитаю цветочный чай. — С видом выпускницы института благородных девиц я присела на краешек дивана, потом поерзала и отъехала поглубже. Ни ноющей пояснице, ни свинцовым ногам необходимость держать спину ровно не помогала.

— Раз уж вы и полосатые панталоны видели, и о позоре знаете, давайте совсем не будем стесняться. Посидеть мне мало, очень хочется полежать. — Шустренько скинув туфли, я с удовольствием растянулась на мягких подушках. — Эти коридоры меня уходили, как дракона крутые склоны.

По-моему, этот диван — лучшее, что случилось со мной с брачного обряда. Лежать на нем в неудобной позе натурщицы было настоящим преступлением против всех постояльцев, сегодняшним днем желавших своровать со стены схему сложной планировки Сиала. Окончательно отбросив смущение, я подложила под голову маленькую

бархатную подушечку, с удовольствием вытянула ноги и блаженно прикрыла глаза.

— Кстати, Тереза, — проговорил Филипп в тишине, отчего-то желая превратить нашу безмолвную компанию в беспрерывно что-то обсуждающую. — Когда вы забываетесь, выходите из образа милой дурочки.

— Часто? — нисколько не смутившись, спросила я.

— Весьма.

— Значит, можно больше не притворяться? От внезапных улыбок у меня сводит челюсть.

— Буду благодарен, — с иронией отозвался Филипп. — Никогда не любил глупых женщин.

Лидию хватил бы удар, услышь она это признание от мужчины, которого считала эталоном всех своих женских надежд и чаяний. Он буквально опроверг все, во что она свято верила.

Проснувшись я с ощущением, что дивно отдохнула. Да просто, как к жизни возродилась! Даже странно, учитывая, что всего на минуточку прикрыла глаза. Тут обнаружилось, что глаза я прикрывала на минуточку и в гостиной на диване, а открыла уже в спальне на широкой — хоть троих укладывай, — кровати со столбиками, закутанная в мягкий плед фиолетового колера. И каким образом на эту кровать переместилась, совсем не помнила.

Комната утопала в уютном полумраке, на столике горел ночник с резным хрустальным колпаком. Свет преломлялся в гранях, рассыпая по цветочным стенам желтые крапины, и отражался в ослепших от темноты окнах. Стрелки на настольных часах сошлись в одну горизонтальную линию, время подступало к девяти вечера. Другими словами, я не только счастливо продрыхла обед с Марджери, но и большую половину дня. То-то такая отдохнувшая!

Домашние туфли обнаружились возле кровати, стояли педантично одна к другой. Я сунула в них ноги, провела по изрядно измятому платью ладонями, стирая складки и рассыпая по ткани золотистые искорки заклатья. Невольно нащупала в кармане бутылочку, подаренную Клементиной. Упаси боже перепутать эту гадость с каплями от мигрени!

В комнатах было тихо. Мысленно я решила, что Филипп отправился на какую-нибудь дегустацию благородных вин или просто

захотел пообщаться со старыми приятелями, так сказать, поделиться семейным опытом. Пусть не особо богатым, но точно очень ярким.

— Добрый вечер, Тереза, — прозвучало из гостиной вкрадчивым мужниным голосом, когда я преспокойненько направлялась в туалетную комнату.

Видимо, приятелей, готовых продегустировать вместе с мужем благородные напитки, а заодно дать парочку чисто мужских советов по укрощению жен, не нашлось. Или их просто не было. Несчастный он, в таком случае, человек.

— Добрый вечер, Филипп, — отозвалась я. Хотелось бы сказать, что певуче, но нет: ото сна проскрипела, словно в горле прокрутились несмазанные шестеренки.

— Хорошо выспались?

В общем, дать мне умыться он никак не желал. Пришлось явить себя в натуральном виде: заспанную и с растрепанными волосами. Пусть любит, раз не понимает, что благоверная не успела подружиться с зеркалом.

Гостиная была озарена приглушенным светом. Филипп, словно и не вставал с кресла, но на столике высилась внушительная стопка кожаных папок для документов, лежала перьевая ручка и с самого краешка притулился поднос с кофейником. Чашка, правда, перед мужем не висела, и читал он не документы, а свежий номер «Вестника».

Очень хотелось попросить газету никуда не девать, оставить и супруге ознакомиться с тем, что в мире происходит. Люблю, знаете ли, быть в курсе последних событий. Но вместо этого спросила, как и полагается примерной жене, а не активистке из общества защиты магических тварей в дикой природе:

— Вы проработали весь день?

— Сходил в атлетический зал на тренировку.

— Бег? — ляпнула я первый вид спорта, который пришел в голову.

— Бокс.

Да кто бы сомневался! Трусил бы он мирно по дорожкам, а потом расслабленно улыбался на любую глупость. Как бы не так! Без бутылочки с успокоительным в этом случае не протянул бы и дня.

— Почему вы не разбудили меня к обеду?

— Проголодались?

Вообще-то, есть действительно хотелось. В отличие от совести, обязанной терзать за пропущенную встречу с мадам Торн, голод проснулся вместе со мной.

— Я пропустила встречу с вашей теткой, — пояснила ему. — Вышло неловко. Надо было разбудить.

— Вы сказали, что во сне человек есть не хочет. Я был с вами полностью солидарен.

— Но вы хотя бы уважили мадам Торн? — осторожно уточнила я.

— На растерзание была отдана Лидия, — неожиданно с доброй долей юмора отозвался он. — Полагаете, мы должны ей подарить что-нибудь ценное?

— Лучше порошки от несварения, — вырвалось у меня, но тут же длинный язык захотелось прикусить. — Не поймите меня неправильно. Ваша тетка — прекрасная женщина и замечательный собеседник...

— Она невыносима.

— Согласна, — сдалась я. Удивительно, но в том, что касается Марджери мы были в полной гармонии. — В спальню я перенеслась своими ногами?

— Моими руками, — поправил Филипп, откладывая газету.

— То есть вы меня перенесли?

— Чужим рукам я не доверил бы супругу. — В его взгляде вспыхнула подозрительная улыбочка. — Если вам станет легче, даже во сне вы сопротивлялись.

Видимо, сопротивлялась громко, иначе не ухмылялся бы. Я вообще становилась ужасно коварной и нетерпимой, когда дело касалось пробуждения. В бессознательном состоянии и врал красиво, лишь бы с кровати не подняли, и ругалась... не очень красиво. Запросто выдавала весь словарный запас брани, услышанный в детстве — и, как выяснилось позже, впитанный, — во время походов с тетушкой на рынок Энтила.

Правда, со временем этот запас не менялся. Но соседки по комнате, пусть его и изучили, всегда спорили, кому меня будить. Потом на день рождения купили пробуждающий артефакт. Два. Первый разбили, не донеся до пансиона.

— В этот момент моя речь была изящной? — смущенно кашлянув, уточнила я.

— Вы назвали меня отвратительным типом, лапающим чужих жен, — невозмутимо ответил Филипп. — Не помните?

— Нет, — вынужденно призналась я. — Но звучит довольно прилично.

— Это был вольный перевод.

— Мне жаль. Я неустанно борюсь с этой темной стороной своей природы, — покаялась я.

Хотя, будем честны, каяться в том, чего не помнишь, глупо и несправедливо. Однако леди Торн совершенно точно не имела права выдавать ядреные фразочки, даже если она в бессознательном состоянии.

— Вам не жаль, — хмыкнул он.

— Ладно, вы правы. Мне совершенно не жаль, но, прошу заметить, я проявила высокие моральные принципы.

— Вы цеплялись за мою шею и прижимались к груди, — принялся Филипп дразнить, явно из любопытства, сумеет ли супруга вывернуться из словесной ловушки.

Пф! Он же не ходил на занятия к моему преподавателю по изящным манерам и этикету. Вот где любое, даже самое приличное, слово оборачивалось против говорящего!

— Никто не контролирует себя во сне, — фыркнула я. — Зато я прекрасно выспалась и понятия не имею, как уснуть ночью. Разве что, вы мне дадите на ночь почитать «Вестник». Он сегодняшней?

В комнате стало очень тихо. Мы с Филиппом встретились глазами. Очевидно, сегодня он спать не планировал и дать супруге почитать газетку тоже. Может, глубоко за полночь. Однако потом мне захочется прикрыться «Вестником», а не вчитаться в новостные колонки. Да и сами новости будут уже не первой свежести.

К утру в мире произойдет много разных событий. Например, мы выполним супружеский долг перед родом Торнов. Если подумать, неплохая новость, учитывая, что попытка вторая. К счастью, о ней никогда не напишут в газете.

— Выйдем на ужин в ресторацию? — кашлянув от смущения, быстро спросила я. — Приведу себя в порядок и буду готова через полчаса. Хорошо?

— Я заказал ужин в номер, — тихо произнес он.

— Значит, через десять минут, — промычала в ответ.

Умыться-то и расчесаться все равно надо. Наверное, еще и кружевную сорочку надеть. Для создания правильного настроения.

С превращением в роковую красавицу что-то совсем не заладилось. Хотела накрасить ресницы, но нелепо ткнула себе три раза щеточкой в глаз. Пришлось отмывать краску. Долго. Угольная тушь размазывалась под глазами в отвратительные круги и оттерлась только розовым маслом.

С прической тоже не задалось. Светлые волосы кудрявой гривой падали до самого пояса. Лет пять назад мне в голову пришла идиотская идея подстричься. Почти год я проходила, похожая на переспелый одуванчик, теперь от вида парикмахерских ножниц приходила в не меньший трепет, чем от мысли о первой брачной ночи.

Вообще, вру. Второе меня нервировало сильнее.

— Не трусь, — подбадривая себя, я вытащила из ящика ту самую сорочку. — Сдавать экзамены тоже страшно.

Интересно, первую брачную ночь можно сравнить с экзаменом? Вряд ли, конечно. Это же не проверка на навыки профессиональной жены, прости господи.

С суровой миной я решительно вытряхнулась из одежды, и на ковер с глухим стуком из кармана выпал припрятанный флакон. Пришлось поднять. Невольно проверила маслянистое содержимое на свет.

Может... чем демон не шутит?

Пробка легко вышла из узкого горлышка. Я принялась к «лекарству от досадных промахов», но оно ровным счетом ничем не пахло. Хоть сейчас капай в напиток и хлебай, пока в глазах не потемнеет.

Вдруг перед мысленным взором появилась очень странная сцена. Напринимавшись чудодейственного эликсира, я карабкаюсь на стол и ползу на коленках в сторону опешившего мужа. На пол со звоном летят бокалы, посуда и одна туфля с высоченной острой шпилькой. А потом я падаю замертво. Прямо на столе. Лицом в тарелку с салатом, стоящую перед Филиппом.

Даже вздрогнула!

— Господи, о чем ты думаешь, Тереза? — пробормотала под нос и, поскорее заткнув афродизиак пробкой, спрятала флакон обратно в карман платья.

Облачившись в длинную кружевную сорочку из тончайшего кружева, я подошла к зеркалу и снова вздрогнула. Зря постеснялась примерить сразу после того, как получила коробку от модистки.

Одежду придумали, чтобы скрывать все, что должно быть скрыто, но этот наряд для новобрачной к такой категории явно не относился. Ни стежка пуританской сдержанности! Сплошная паутинка на всех местах, которые приличные женщины держат в зрительной недоступности.

Помнится, моя соседка по комнате, та, что с шелковыми простынями, утверждала, дескать, мужчине надо интриговать и заставлять фантазировать. Да-да, фантазия лучший афродизиак, а не тот, что мне вручила тетушка. Но позвольте! Как в этой сорочке устроить полет воображения? Тут для разгона-то места нет.

— Кто же шьет такую... развратную одежду? — искренне возмутилась я и вернулась в гардеробную за любимым халатом.

Надела его, как суровый воинский доспех. Плотно затянула пояс и тут же, крикнув, приспустила узел. Иначе грохнусь в тарелку с салатом от нехватки воздуха.

Надо признать, что сочетались две вещи, откровенная и уютная, приблизительно, как свадебное платье и рыбацкие сапоги. Только сапоги из-под длинного наряда невесты не разглядишь, а здесь кружевной подол нахально спускался до самого пола, тонко намекая, что под невзрачной оберткой спрятана конфетка. Леденец. С крапинками. Если считать две маленькие родинки у меня на животе, которые не скрывало кружевное безобразие под халатом.

Как и накануне, в обещанные десять минут я не уложилась. Вышла в гостиную и притормозила в дверном проеме. Свет был приглушен. Между тарелками на сервированном к ужину столе мерцали свечи. Тусклый свет преломлялся в хрустальных резных бокалах. Тут же стояло ведерко с бутылкой игристого вина. Хотелось надеяться, что лед в нем еще не успел растаять. В случае чего, можно начерпать пригоршню и приложить к вспыхнувшим от нервов щекам.

Муж стоял, сунув руки в карманы и повернувшись к окну.

— Филипп, — позвала я негромко.

Он обернулся. Через полумрак взгляд, скользнувший по мне от макушки до пяток, показался осязаемым. Невольно я обтерла влажные ладони о халат.

— Леди Торн... — неожиданно он перешел на официоз и отодвинул для меня стул, приглашая к столу.

Я присела и глянула на горку овощей в тарелке. По краям лежали креветки, где-то затерялась крошечная картофелина в мундире.

— Посчитал, что легкий ужин будет к месту, — пояснил муж, устраиваясь напротив меня, и вытащил из ведерка бутылку: — Вина?

Едва я раскрыла рот, намереваясь объявить, что не люблю алкоголь и предпочитаю ясную голову, как в двери постучались.

— Заказ в номер, — послышалось из коридора.

Мы с Филиппом недоуменно переглянулись.

— Я ничего не заказывала, — быстро отказалась от авторства.

Одним щелчком пальцев муж зажег лампу и заставил дверь медленно распахнуться. От потянувшего сквозняка свечи истерично замерцали и потухли. В дверном проеме, широко и выразительно улыбаясь, стоял Роджер, распорядитель гостевого дома.

— Добрый вечер, — поприветствовал он и кому-то махнул рукой.

подавальщик в кипенно-белой рубашке и в жилете ввез в номер тележку, заставленную тарелками. Второй тащил ведерко, из которого высывалось бутылочное горлышко.

— Госпожа Торн действительно просила передать, что желает вам приятного аппетита, — объявил Роджер.

Другими словами, тетке не удалось довести меня до несварения во время обеда, она решила воспользоваться ужином. Хорошо, сама не заявила. Лично пожелать этого самого аппетита, чтобы наверняка еда встала комом.

— Благодарим, — сунув нетронутую бутылку обратно в лед, сухо отозвался Филипп и сложил руки на груди.

Честно говоря, у любого адекватного человека от его тона случилась бы остановка сердца. Видимо, я была не очень вменяемой — у меня только мурашки побежали, а Роджер и вовсе не различил предупреждения в тихом, вкрадчивом голосе.

Вокруг нас началось бурное движение. Тарелки оказались сдвинуты. В центр встали два блюда, второе ведерко втиснулось рядышком с нашим. Стол был рассчитан персон на шесть, и вся посуда

легко поместилась. Это мы с Филиппом не были рассчитаны на трапезу в шесть персон.

— Пожалуйте, — пропел Роджер и собственноручно поднял с тарелок серебряные колпаки, скрывающие деликатесы.

Из салатных листьев на меня ненавидяще вытаращился красный омар, обложенный лимонными половинками. Я, в свою очередь, смотрела на него. Злобно-непримиримый омар пугал меньше, чем крупные улиточные панцири, выложенные дорожкой и глянцево поблескивающие на свету. Если не ошибаюсь, таких заводили в аквариумах, а нам предлагали съесть. Экзотического домашнего питомца. И не одного, целый выводок улиток.

— Хорошего вечера, господа, — пожелал Роджер, кажется, не обратив внимания, что господа молчали, пока им устраивали на столе пиршество для гурманов.

Вся команда вышла из номера. С собой они утащили канделябр со свечами, никак не вписавшийся в новую сервировку. Стало очень тихо. Омар смотрел волком, давая понять, что без боя не отдаст ни одной клешни. Вообще, я понятия не имела, что ели у омара. Может, его поставили только для красоты.

— Давайте ужинать? — нервно предложила я и взялась за приборы.

— Вина? — вновь повторил Филипп, вытаскивая бутылку из ведерка, а потом и пробку из длинного горлышка.

— Нет, благодарю, но вы себе не отказывайте.

Не успел он плеснуть игристый напиток в фужер, как раздался стук в дверь. Без преувеличений, я вздрогнула и со звоном уронила в тарелку только-только сжатую вилку.

— Заказ в номер, — послышалось из коридора.

У меня дернулся глаз.

— Филипп, давайте сделаем вид, что нас нет, — громким шепотом предложила я.

Стук повторился. В нем ощущались решительность и настойчивость человека, задавшегося целью прорваться внутрь, даже если дверь заперта на засов.

Муж с чувством пихнул бутылку обратно на дно серебряной посуды. Через край высыпалась горсть ледяной крошки и попала на

тарелку с улитками. Когда кристаллы растают, они смогут уплыть. Полагаю, омар им завидовал.

Когда Филипп лично открывал, то внешне ничто в нем не намекало на раздражение. Он был спокойным, как океан. Перед большой бурей. Не дай бог, кто-нибудь еще к нам заявится и предложит еду. Например, привезенные из Энтила орешки на фарфоровой тарелке. Всех точно смоем девятым валом.

— Добрый вечер, господин Торн, — с улыбкой поздоровался незнакомый подавальщик. — Доставка ужина в номер.

Господин Торн подвинулся в дверях, и к нам вкатили очередную тележку, заставленную блюдами. Было здесь и ведерко с игристым вином, и этажерка с пирожными.

— Госпожа Вудсток, просила передать вам наименее приятнейшего аппетита и превосходнейшего вечера, — объявил слуга.

Здравый смысл подсказывал, что тетка была щедра вовсе не за свой счет, а потому не поскромничала.

Блюда кое-как влезли на стол. Ведерко заняло место рядом с двумя точно такими же. Клементина заказала нам стейков и сыр, нарезанный аккуратными ломтиками. В некоторых были видны тонкие зеленоватые прожилки благородной плесени. Наш ужин становился чуднее и разнообразнее с каждой минутой.

— Манго и драконий фрукт для леди Торн, — пояснил подавальщик, подставляя мне под локоть тарелку с тонкими пластинками оранжевого цвета и белыми кубиками подозрительной мякоти с мелкими черными точками. Ни того, ни другого я никогда не ела и сегодняшним вечером не собиралась начинать.

Подавальщик замер с этажеркой сладостей в руках, орлиным взором окинул заставленный стол и нацелился втиснуть ее к омару. Хорошо, если не вместо омара и не поверх него.

— Поставьте на подоконник, — предложил Филипп. Его спокойствие нервировало меня, пожалуй, больше, чем омара перспектива быть разобранным на составляющие части.

Теперь у нас на подоконнике поселилась этажерка с разноцветными воздушными сладостями. Осталось налить в мисочку молочка и можно приглашать домового.

Хотя, нет, постойте! Не надо больше гостей! Брачная ночь не подразумевает никого, кто мог бы держать свечку... С другой стороны,

свечи у нас стащили предыдущие посланцы с дарами.

— Хорошего вечера, — пожелал подавальщик и, получив от Филиппа чаевые, быстро выкатил опустевшую тележку.

В обалдении я разглядывала ломившийся стол. Легкий ужин, прелюдия к *десерту*, который, в сущности, являлся основным блюдом, превратился в банкет. На крайне большую и голодную компанию. Видимо, из добрых побуждений родственники хотели накормить нас досыта, но казалось будто до смерти.

— Вина? — очередной раз предложил Филипп, приближаясь к столу.

— Будьте любезны, — тихо согласилась я, просто не способная в ясном рассудке и твердой памяти пережить вот это все. Этажерку с пирожными, омара, улиток и десяток тарелок с разной снедью, способной вызывать несварение одним своим количеством. Мне вчерашнего пиршества за глаза хватило. Ей-богу, наелась не до горла, а до глаз.

Муж наполнил фужеры. Я ждала, когда он скажет какой-нибудь тост, но аристократы до плебейских замашек за столом, должно быть, не опускались. Филипп просто сделал глоток и, разглядывая на свет играющие за хрустальными стенками пузырьки, одобрительно кивнул:

— Неплохо.

Я чуточку пригубила восхваленный напиток. На вкус оказалось страшной кислятиной, не скривилась только из вежливости. Острые, как иголки, пузырьки почему-то били в нос, а не в голову. Видимо, промахивались.

Немедленно захотелось закусить чем угодно, но к вилке было страшно прикоснуться. Каждый раз, когда в моих руках оказывались столовые приборы, обязательно кто-нибудь стучался дверь. Не хотелось рисковать, зато искренне хотелось верить, что родственники не подтянутся к нам следом за собственными дарами. Так сказать, проверить выжили новобрачные после обильной трапезы или все — крепко взявшись за руки, отъехали в гастрономический ад, поджидавший любого, кто не придерживался принципа умеренности в еде. Тут столько всего, что можно и поминки, не выходя из гостиной, устроить.

— Филипп, не удивляйтесь, когда вам придет счет за ужин, — очень серьезно предупредила я.

Он бросил насмешливый взгляд над краем хрустального бокала.

— Уверяю, дорогая супруга, удивляться я перестал еще вчера.

— И счет за дегустацию благородных вин.

— У нас банкет, а не дегустация. — Филипп обвел фужером теснившиеся на столе лакомства.

— Днем у вас была дегустация.

— Мне понравилось?

— Не знаю, как вам, а Рендел выглядел довольным. Даже трость отдал. — Я неопределенно кивнула в сторону стойки для зонтов, где строго вертикально стояла дядюшкина трость.

— Чтобы ничего не побить после благородных вин? — кажется, развеселился он.

— Чтобы не побили его, — со вздохом намекнула я на варварские порядки в семье Вудстоков, где «лучшая половина Рендела» держала в страхе всех безответных жителей дома. И даже олени рога над камином, которые все время грозились выкинуть.

Филипп расслабленно откинулся на спинку стула, повертел в руках бокал с остатками вина и уронил:

— Покажи.

Мы встретились глазами. Его темный взгляд как будто обжег. Дыхание перехватило.

— Что? — с трудом шевельнулись мои губы.

— То, что ты прячешь под своим монашеским одеянием.

ГЛАВА 4. Банкет с десертом

На залитую магическим светом гостиную опустилась глубокая тишина. Воздух мгновенно сгустился от возникшего незнакомого напряжения. Сердце ударилось о ребра и тяжело заколотило в груди, словно перед самой остановкой.

Филипп отставил бокал и поднялся одним плавным, как будто хищным движением. Комкая нервными пальцами халат, я следила, как он приближался, расслабленно и уверенно, без колебаний. Не сводя с меня выжидательного взгляда, протянул раскрытую ладонь.

У него были красивые руки и четкая длинная линия жизни. Филипп не носил перстней, на крепком запястье блеснул край золотого браслета — недвусмысленного намека, что муж в своем праве абсолютно на все, что связывало супругов.

— Тереза? — в его тихом голосе просквозила властность.

Глубоко вздохнув, словно перед прыжком в ледяную воду, я вложила нервные пальцы в его руку и заставила себя подняться.

Этого человека всегда окружала мощная энергетика. Рядом с ним легко почувствовать собственную незначительность, и с первой встречи я не позволяла себя поддаваться нелепому ощущению. Но сейчас эта самая энергетика мужа заставляла воздух словно бы потрескивать.

Необъяснимым образом Филипп заполнял собой все пространство вокруг нас. Наверное, погасил бы солнце, свети оно в окно. Однако в номере горели магически огни, и их отчаянно хотелось притушить. Разве приличные люди занимаются *такими вещами* при полной иллюминации?

Не разрывая зрительного контакта, он отпустил мою руку и потянул за пояс халата, вынудив сделать крошечный шагочек навстречу. Нас разделило столь ничтожное расстояние, что можно было легко почувствовать, как от его одежды исходит аромат мужского благовония, ужасно ему подходящий: аристократически-холодный, с головокружительной тонкой кислинкой.

Подозреваю, ловкие пальцы были способны легко преодолеть узел, но Филипп не торопился: развязывал с оттяжкой, усугубляя

возникшее напряжение. Медленно забрался пальцами под халат и скользящим движением спустил покров с моих плеч. Скромный «доспех» с тихим шелестом соскользнул на пол, нахально раскрыв кружевное развратное непотребство. Инстинктивно захотелось прикрыть почти обнаженную грудь руками, но я стояла, не шевелясь. Оцепенелая и плененная.

Он спрятал тяжелый вождедеющий взгляд под ресницами. На краю взерошенного сознания вдруг мелькнула дурацкая мысль, что, должно быть, подношение тетушки Клементины было не так чтобы очень невинно. Сдается, она подстраховалась: выудила из заначки еще одну бутылочку афродизиака и, точно рассчитав капли, помогла моему мужу разобраться, кто в нашем королевстве самая желанная для него женщина. По крайней мере, сегодняшним вечером.

— Филипп... — едва слышно прошептала я, готовая попросить сделать свет, вдруг ставший пронзительным, чуточку глуше.

— Не бойся меня, Тереза, — тихо проронил он.

— Я не боюсь вас.

Сейчас, без защитного слоя из плотной ткани, едва прикрытая паутиной кружева я чувствовала себя потрясающе... пугающе обнаженной.

— Ты в снова ужасе.

— Для меня все это впервые.

— Знаю, — прошептал он, скользя ладонями по моей талии и склоняясь к шее, — поэтому я женился на тебе.

Мягкие губы оставили на коже обжигающий след. Невольно я опустила голову, открывая шею для чувственных поцелуев. Внутри разливалась сладкая нега, колени превратились в желе. Стараясь устоять и не осесть на пол, вцепилась в его свитер. Бог мой, если именно так отдавался супружеский долг, то, пожалуй, я уже согласна отдать даже то, что вообще не должна.

Неожиданно одним плавным движением Филипп подхватил меня на руки. Комната качнулась перед глазами (не то чтобы она не шаталась до этого). Я смотрела в лицо мужа, почему-то ужасно серьезное и даже сосредоточенное, словно его не узнавая. Думала, что прямо сейчас мы отправимся в спальню, но он двинулся в сторону дивана.

Неожиданный, признаться, маршрут. Я-то почти приготовилась выяснить, какие на ощупь шелковые простыни, если к ним прижиматься голой спиной. Да и вообще узнать, какими простынями застелено супружеское ложе. Однако мне предложили, как бы сказать, предаваться семейному разврату в компании омара, все еще пучившего черные глаза-бусины в компании уползающих на тот свет улиток.

— Почему не в спальню? — вырвалось у меня. — Слишком далеко?

— Промедление раздражает? — усмехнулся он и прошептал с такой сексуальной хрипотцой, что меня перестал смущать даже наблюдающий из засады салатных листьев омар: — Обещаю, Тереза, до спальни мы с тобой обязательно доберемся...

На диван Филипп опустил меня довольно изящно, словно всю жизнь только этим и занимался: раскладывал женщин на диванных подушках. Он быстро стянул свитер, невольно продемонстрировав гладкий подтянутый торс с аккуратными, а не резкими, как у отбитых атлетов, мускулами живота.

Невольно я усомнилась, что мы оба поместимся в узком пространстве, но Филипп не попытался по-пуритански прилечь рядышком. Упершись руками, навис надо мной. Мускулы на руках напряглись, прорезались ключицы. Хотелось к ним прикоснуться пальцами, но я не решилась.

Хищным взглядом муж исследовал все, что открывало тонкое кружево. Мог бы и в глаза посмотреть, но, похоже, в моменты страсти то, что прилагалось к женской голове, мужчинам было куда интереснее.

— Погасите свет, — прошелестела я, не справившись со вновь проснувшимся желанием прикрыться.

— Нет, моя милая скромница-жена. Я хочу видеть, что днем скрывают твои скромные платья, — с хрипотцой протянул он и начал медленно склоняться.

Губы неизбежно приближались к губам. Даже не верилось, что спустя двое суток после венчания у нас наконец случился не только супружеский долг, но и первый супружеский поцелуй! Я прикрыла глаза, замерев в предвкушении страстного, чувственного прикосновения. Уверена, муж целовался божественно. Не то чтобы мне было с чем сравнивать...

Филипп внезапно рухнул сверху, как мешок картошки, придавив тяжелым телом. Из груди у меня выбило почти весь воздух, а горла вырвалось непотребное кряканье. Я резко открыла глаза и просипела, погладив его по голому боку:

— Что случилось?

Муж утыкался носом в подушку между моим ухом и плечом. И не шевелился!

— Господи, Филипп! Ты в порядке?

Очевидно, человек без сознания в порядке не мог бы даже теоретически.

В панике я задержалась, пытаюсь отодвинуть от себя неподвижное тело. Уперлась руками в плечи. Он как-то неловко завалился, съехал вниз и с грохотом рухнул голой спиной на пол. Одна рука вытянулась на ковре, другая оказалась прижата к боку.

— Господи боже! — Путаясь в длинном подоле, я соскочила с дивана и едва сама не вспорола носом ковер возле мужа.

Глаза Филиппа были закрыты. Лицо смертельно бледно.

Разве у мужчин в тридцать лет случаются сердечные приступы? Во время любовной прелюдии, демоны дери!

От страшной идеи в жилах заледенела кровь, а по спине пробежал холодок. Я просто не имею права стать вдовой в двадцать лет. Через двое суток после свадебного обряда.

— Да драконью ж мать!

Руки тряслись, как у припадочной, поэтому нащупать пульс на шее у мужа не удалось. Чуть с перепугу сама не прилегла с ним рядышком. Умирать. Или хотя бы от ужаса тихонечко отойти в обморок. Но сознание у меня всегда было нечеловечески крепко, как каменная глыба. Захочешь — не потеряешь.

Не придумав, как еще проверить, насколько муж жив, я прижала к его крепкой груди ухо и попыталась различить стук сердца. Наверное, если бы у меня в ушах от паники не колотилась кровь, то что-нибудь расслышала.

— Божечки ж мои дорогие, — пробормотала едва слышно и переместилась в левую сторону, проехав щекой по гладкой крепкой груди.

Сердца все равно не услышала, сколько ни задерживала дыхание, но экспериментальный путем выяснила, что Филипп не остывал и не

коченел. Полагаю, по шкале от «пусть земля ему будет пухом» до «выспится и встанет» он находился где-то посерединке.

Я категорично похлопала мужа по щекам:

— Филипп, очнись!

Приходить в себя он не собирался. Внезапно паника переросла в совершенно иррациональную досаду. Между прочим, я так много всего сделала: пульс ему пощупала, по груди поелозила, по щекам похлестала. Пора бы мужскую честь знать и приходить в себя!

— Воды! — вдруг припомнилось, как в пансионе прыскали водичкой в лица девушек, падавших в обморок перед экзаменами. Водные процедуры очень помогали привести впечатлительных студенток в чувство!

Я подняла голову, прицельным взглядом оценила наполненность графина, стоящего на подносе возле этажерки с пирожными, и шустро поднялась на ноги. Сначала хотела налить стакан, но потом решила, что в вопросе спасения мужниного сознания никак нельзя мелочиться и жалеть благословенную влагу. В общем, выплеснула, что было, облив диван, ковер и почти всего Филиппа, а последние капельки докинула сверху.

Затаив дыхание, я всматривалась в по-прежнему бледное, а теперь и облитое лицо. Волосы промокли насквозь, с груди, шеи и щек стекали ручейки воды. На крепком животе блестели крупные капли воды. Он был обязан очнуться просто от возмущения, что фактически лежит в луже, но Филипп не торопился, словно ему действительно нравилось валяться на мокром ковре и обтекать.

Ну все! Пришло время рыдать и совать к носу нюхательные соли, чтобы не впасть в истерику.

— Нюхательные соли! — озарило меня от одного воспоминания о «божественном» аромате разноцветных кристаллов в маленьких жестяных баночках.

Сама-то я не умела красиво отъезжать в бессознательное состояние. Даже в самой паршивой ситуации, которая просто требовала провалиться в категоричный обморок хотя бы из чувства самосохранения. Собственной баночкой с нюхательными солями обзавестись не додумалась. Как непредусмотрительно!

— Тетушка... — едва слышно пробормотала я и, подхватив длинный кружевной подол, кинулась к двери.

Почти на пороге вспомнила, что скорее раздета, чем одета, и вернулась за халатом, по-прежнему небрежным озерцом валявшемся на полу. Пока скрывала кружевное безобразие под нормальным покровом, не спускала взгляда с Филиппа.

Несвоевременно заела совесть. Он лежал полуголый на мокром ковре и наверняка замерзал. И перед людьми тоже неудобно: хорошая жена не оставит мужа в столь печальном виде. Перед какими людьми, правда, вообще не ясно, но точно неудобно. Понятно, что от пледа накрывшего Филиппа, насколько хватило длины, в смысле, от плеч до коленок, и от подушечки, подложенной под голову, вид веселее не стал, но мне-то сделалось менее совестно.

В комнату к родственникам я стучала громко, чтобы наверняка разбудить, если они уже заснули. Удивительно, но тетушка открыла мгновенно, словно ждала под дверью.

— Нужны нюхательные соли! — выпалила я и протянула дрожащую руку, дескать, кладите в ладонь, и побежала. — Дело жизни и смерти!

— Что случилось? — Клементина поменялась в лице и, вцепившись в мое запястье, заставила войти в номер. — Муж тебя обидел?

— Нет, — покачала я головой и уронила руку. — Скорее я его обидела.

Глаза тетки покруглели, рот открылся. Она явно силилась понять, что произошло в номере, но никак не смекала. Из противоположных спален, привлеченные нашими голосами, выкатились Лидия с Ренделом.

Другими словами, мне предлагалось рассказать всей семье о нашей с Филиппом интимной неприятности. Хотелось попросить всех лишних выйти, но время шло. По шкале омертвения, полагаю, муж все быстрее приближался к отметке «вызывайте духовника — соли не помогут», и молчание никак не помогало эти самые соли добыть.

— Понимаете... — Я развела руками, не зная, как ловчее объясняться. — Мы... кхм... так сказать...

— Что же? — охнула тетка и испуганно прижала к губам пальцы.

— Мы утопали в пучине страсти...

— И?!

— Филипп не выплыл, — скорбно покачала я головой.

На комнату не опустилась, а обрушилась такая тишина, что было слышно, как у Лидии из горла вырвался какой-то странный звук. То ли вздох, то ли писк, то ли отголосок заупокойной молитвы.

— Он жив? — поменявшись в лице, коротко спросила тетка.

— Ну... — Я замялась. — Если говорить практически, то он пока не остыл.

— Рендел! — рявкнула Клементина, обращаясь к мужу. — Ты говорил, что во время дегустации набрался с каким-то именитым лекарем? Самое время воспользоваться ценными знакомствами.

— Зачем лекарь? — вдруг испугалась я, вдруг осознав, что моя семейная трагедия, как черная дыра, засасывает все больше посторонних людей. — Клементина, ты же ничего не подливала нам в еду?

— Нет, — покачала она головой.

Спасибо, святые заступники!

— Я подмешала в вино, — покаялась тетка. — Но исключительно из добрых побуждений.

— Да ты почти вдовой меня сделала по доброте душевной! — в сердцах воскликнула я.

— Тоже неплохой, по-моему, вариант! — подала голос Лидия, но тут же заткнулась, попав в перекрестье трех недовольных взглядов: старшей сестры, свояка и единственной племянницы. — А что? Богатая юная вдова! Казнят-то за убийство все равно Клементину, но она сама говорила, что готова пожертвовать жизнью ради твоего счастья, Тереза.

— Типун тебе на язык! — в три голоса и практически в унисон высказали мы единодушное мнение об этом неплохом «варианте».

Рендел отправился за лекарем, а мы с тетками потянулись в номер. Отпирать замок было почему-то жутковато. Что если Филипп не очнулся? Или очнулся и, кутаясь в плед, ждет женушку, чтобы устроить разбор полетов? Или вообще продолжить с того места, на котором мы остановились. А я вернулась с командой сочувствующих, готовых и бесполезный совет дать, и яркую свечку подержать, и убойными каплями напоить, если присутствие свидетелей отобьет желание поработать над седьмым поколением магов Торнов.

Приоткрыв дверь, я осторожно заглянула внутрь, словно не к себе, а к соседу. Из гостиной пахло едой и кисловатым запахом трех

откупоренных бутылок с игристым вином. Муж, прикрытый пледом, по-прежнему лежал на полу и не подавал признаков сознания.

— Здесь надо проветрить. — С ненавистью, словно именно он был источником всех бед, я глянула на поникшего омара и двинула к окну.

— Не открывай! — охнула Клементина. — Филиппа на полу продует.

— От сквозняка не болеют, — проворчала я, аккуратно приоткрывая оконную створку. Холодный морозный воздух мгновенно потянул по полу и задул на подоконник с этажеркой пирожных снежную порошку. Холодно, конечно, но простуда — меньшее из зол, грозящих моему мужу. Вдруг он не хочет пробуждаться, потому что не хватает свежего воздуха?

— Вы как с голодного края земли, — протянула Лидия, оглядывая ломившийся от яств стол, и вдруг быстро сцапала какой-то кусочек из тарелки. — Откуда столько еды?

— Добрые родственники подсобили. — Я недобро покосилась на тетюшку и обнаружила, что та с деловитым видом приподняла плед, прикрывающий торс Филиппа, и что-то с интересом рассматривала. — Ты что там разглядываешь?

— Смотрю, есть ли синяки. Вдруг тебя попытаются обвинить в семейном насилии? — У меня не было слов, чтобы выразить многообразие возникших мыслей, а тетка уже опустила плед и велела: — Давайте положим твоего мужа на диван. Сейчас лекарь придет, негоже магу в шестом поколении валяться на коврике.

Филиппа мы поделили пополам. В смысле, мне достались ноги, а Клементина с Лидией схватили его подмышки. Перевалить мужчину на диван было несложной задачей, но муж вдруг показался чудовищно увесистым, как чугунная ванна. В общем, тяжелее, чем в тот момент, когда потерял сознание и навалился на меня всем телом. Теток повело. В тишине, разбавленной только нашим сопением, прозвучал глухой стук.

— Вы слышали? — замерла я, крепко-накрепко вцепившись в щиколотки мужа, и воровато оглянулась через плечо к запертой двери. — Что это был за звук? Кто-то постучался?

— Нет, — прокряхтела Лидия. — Твой муж ударился головой о стол. Два раза.

— Нельзя поаккуратнее? — возмутилась я. — Голова — очень важная часть Филиппа! Он ей думает.

— А я всегда говорила, что от ума одно горе, — пропыхтела Клементина и сдула со взмокшего лица выбившуюся из пучка седую прядь волос. — Если много думать, обязательно начинаются неприятности.

— Нет, тетушка! — подволакивая Филиппа к дивану, рыкнула я. — Если подлить в вино афродизиак, то начинаются неприятности. Но стоит перед этим получше подумать и не подливать, как не случается ничего. Вообще! Настоящая магия! Скажи?

— Неблагодарное дитя, — посмеив обидеться, буркнула Клементина.

Страшно недовольные друг другом, мы забросили Филиппа на диван. Одна рука с золотым обручальным браслетом тут же свесилась с края и никак не хотела прятаться под пледом. Оставалась оттопыренной. Видимо, в этой руке проявилось подсознательное упрямство высшего мага в шестом поколении.

Едва мы покончили с укладыванием, как раздался деликатный стук в дверь. Отперев замок, я осторожно выглянула в коридор. На пороге оказался Рендел в компании незнакомого невысокого господина с опрятной бородкой колышком, аккуратными очками на носу и примятыми с одного бока волосами. Из-под расшитого золотом халата торчали полосатые пижамные штаны. Видимо, дядька вытащил нового приятеля из кровати. В руках тот держал лекарский чемоданчик.

— Добрый вечер, — поздоровалась я, хотя, очевидно, ни у кого не повернулся бы язык назвать этот ужасный вечер добрым.

Мужчины вошли, и Рендел с большой помпой представил:

— Знакомьтесь: господин Эрлан Вестфольд. Лучший лекарь северных земель!

— Да бог с вами, батенька, — отмахнулся явно польщенный лекарь. — Врачуем потихонечку.

Надо же, до какого взаимопонимания доводят мужчин совместные дегустации!

Глянув в мое бледное лицо, лекарь как-то враз проникся проблемой и догадался, что страдающей леди не до расшаркиваний и хороших манер.

— Так где наш больной? — поправляя на носу очки, резко перешел он к делу.

Я указала на диван и мысленно согласилась с тетушкой. Все-таки она была права: не по статусу аристократическому магу в шестом поколении протирать спиной ковер. Жаль, туфли не додумалась стянуть. Так и торчали из-под края пледа.

— Господа, выйдите, пожалуйста, в коридор, — глянув сверху вниз на Филиппа, немедленно выставил лекарь всех лишних, и у меня нехорошо сжалось сердце. Точно углядел что-то плохое!

Вудстоки друг за дружкой потянулись в коридор. Бросив на нас последний взгляд, Клементина плотно закрыла дверь, и в гостиной образовалась гробовая тишина.

Некоторое время лекарь осматривал Филиппа: пощупал пульс, проверил зрачки, вытащил из чемоданчика трубку и послушал сердцебиение. Я нервничала и, как в детстве, расковыривала на пальце заусенец.

— Он будет жить, господин лекарь? — тихо спросила у эскулапа.

— Куда ж он денется? — отозвался тот. — Насколько мне известно, леди Торн, от крепкого сна еще никто не умирал.

— Он спит?! — Я чуть не поперхнулась на вздохе.

— Мертвецким сном, — согласился Вестфольд. — Ваш муж принимал какие-то снадобья?

Он пытливо глянул на меня над стеклышками очков, словно видел насквозь и давно догадался, что в бокале Филиппа сегодня играло пузырьками не только благородное вино.

— Некоторым образом... — уклончиво отозвалась я, пряча руки за спину.

— Что именно?

Какой страшный вопрос!

— Снадобье для тонуса, — отчаянно краснея, пространно объяснила я.

— Сердечной мышцы? — допытывался он.

— Вернее, мужской харизмы.

Видимо, Вестфольд не зря считался именитым лекарем. Судя по жалостливому взгляду, брошенному на Филиппа, и этого туманного объяснения оказалось достаточно.

— Много?

— Два бокала игристого, — с трудом проговорила я. — Он завтра будет в порядке?

— Ну... я не был бы так оптимистичен, — вздохнул лекарь. — Побочный эффект пройдет только через сутки.

— Какой еще эффект?

Господи, порадоваться не дали, а снова напугали! Отчего-то подумалось, что в ближайшее время, пару недель, роду Торнов продолжение не светит, но Вестфольд огорошил сильнее:

— Ваш уважаемый супруг не сможет пользоваться магическим даром.

— Он потерял магию?! — охнула я.

— Да что вы всполошились так? — удивился эскулап. — Дело-то житейское. Денек помучается и отпустит. Главное, дайте ему выспаться.

Он спрятал в чемоданчик трубку и вытащил какой-то флакон.

— Пусть утром примет это.

— Снадобье для возвращения магии? — доверчиво уточнила я, принимая лекарство.

— От похмелья, — поправил он, закрывая чемоданчик. — Очень советую. Отменное средство.

Осмотр закончился. Стало очевидным, что лекаря следует отблагодарить, но денег у меня не было ни одной завалящей золотой кроны, только мелочевка. Да и та в кармане плаща. Не будешь же высыпать в руку уважаемого лекаря пригоршню монеток. Хотя про пригоршню соврала — десяток медных геллеров. И это совсем паршиво, учитывая, что добрый эскулап, может, Филиппу не помог, но меня-то от нервного срыва спас.

Взгляд упал на омара, нахально выглядывающего из салатных листьев, словно он был на низком старте и планировал дать деру, едва проснется похмельный потерявший силу маг.

— Господин лекарь, угоститесь омаром? — сама от себя не ожидая, предложила я.

— Простите? — от удивления у Вестфольда сползли на кончик носа очки.

— Вы правы, про омара было неуместно, — вновь отчаянно краснея и мысленно обругав себя некрасивым словом, тут же покаялась я.

— С чего вы так решили? Очень даже уместно! — как будто даже возмутился он. — Кто ж отказывается от деликатесов, когда их предлагают с открытой душой?

— С открытой душой и искренними пожеланиями приятного аппетита, — с готовностью поддакнула я.

Какой замечательный лекарь! Истинная правда, что не зря считается именитым. Может, удастся ему сплавить еще и блюдо с улитками?

— Господин Вестфольд... — Я ни разу в жизни никого открыто не подкупала и слегка замялась. — В благодарность, что сегодня вы помогли моему мужу справиться с *жесточайшей мигренью*, может, и от улиток не откажетесь? Они выглядят очень аппетитными и почти живыми. С чесночком.

— Не ем улиток, уважаемая леди Торн, — развел руками лекарь, и у меня на лице погасла вежливая улыбка. — Я предпочитаю стейки. Еще и гарнир тоже можете переложить прямо к мясу. Знаете, после приступа мигрени вашему мужу следует воздержаться от чрезмерности.

Мало того, что лекарь отличный, так еще и человек понятливый. Отдала бы еще этажерку с пирожными, исключительно от хорошего расположения и большой благодарности, но он же не дотащит.

Честно говоря, я с любопытством следила, как Вестфольд распорядиться руками и куда денет чемоданчик. В зубы или как-то по-другому решит проблему доставки еды из номера в номер? Он зажал служебный чемоданчик под мышкой, а в каждую руку взял по блюду. Жаль, подавальщики утащили серебряные колпаки. Сейчас прикрыть еду было бы как раз кстати.

— Накроем салфетками? — предложила я, встряхивая льняную салфетку.

— Полагаете, по дороге запылится? — как будто озадачился одаренный эскулап.

— Скорее боюсь, что омар сбежит, — вырвалось у меня.

— Да, вы правы, — согласился он с серьезной миной. — Омар выглядит ненадежным пассажиром.

Салфетки легли поверх еды. Никто не догадается, что именно именитый лекарь планировал тащить по коридорам гостевого дома.

Когда я открыла дверь, чтобы пропустить в целом довольного сделкой Вестфольда, как мои ненаглядные неприметные родственники отшатнулись к стене. Точно подслушивали!

— Что с нашим зятем, господин лекарь? — прижимая к груди сложенные в молитвенном жесте руки, громко прошептала Клементина. Как на поминках.

— Мигрень прошла, и он спит, — коротко поведал тот.

— Какая еще мигрень? — моргнула тетка.

— Жесточайшая, — вклинилась я и снова улыбнулась: — Благодарю, господин Вестфольд.

— Всегда рад помочь. Обращайтесь, если что.

Господин лекарь, человек вы, вроде, неплохой и здравник тоже, но можно этот бедовый — проклятие! — медовый месяц мы проведем без врачебных услуг? Второй раз моя нервная система вряд ли выдержит такое потрясение, и я сбегу в горы к снежным бабам.

— Спасибо, дружище, выручил! — Рендел протянул лекарю руку, но понял, что пожать ее он не может.

— Доброй ночи, господа, — еще раз попрощался Вестфольд и засеменял наперевес с тарелками в сторону поворота.

Неожиданно он обернулся, словно что-то хотел еще добавить. Пришлось с идиотской улыбкой помахать ему рукой. В ответ для вежливости он поклонился, и с блюда соскользнула салфетка, открыв скатившегося на самый край злобного омара. Основное блюдо этого вечера словно действительно пыталось сбежать, возмущенное тем, что жестоко обманулся в надежде остаться несъеденным.

— А давай, дружище Эрлан, я помогу тебе! — вдруг нашелся Рендел и даже дернулся в сторону приятеля. Видимо, рассчитывал на продолжение дневной дегустации, наверняка за счет моего спящего без продыху мужа. Дорогие закуски он все равно уже оплатил.

— Стоять, — тихо скомандовала Клементина.

— Увидимся завтра, Вестфольд, — мгновенно переобулся дядька.

— Точно нет, — едва слышно отозвалась его дражайшая супруга.

— Еще увидимся, господин лекарь! — заключил Рендел, смирившись с тем, что придется остаться с семьей, и в его голосе прозвучало истинное страдание.

Стоило нам всем скрыться в номере, как тетушка накинулась с расспросами. Говорила она, правда, уважительным шепотом, не

забывая поглядывать в сторону дивана.

— Что он сказал?

— Что Филипп спит, а когда проснется, лучше ему не попадаться на глаза, — без подробностей заявила я, ужасно сердитая на тетку, устроившую нам незабываемый романтический вечер.

— Чем же мы ему не угодили? — возмутилась Клементина.

— Побочные эффекты у твоих капель печальные, — сердито проворчала я. — Похмелье, дурное настроение и невозможность использовать магию.

— Навсегда? — охнула она.

— На сутки, — вздохнула я. — Наверное.

— Пойду и немедленно выброшу проклятый флакон! Как чувствовала, что с ним что-то не то. Запах шел странный, — покаялась тетка. — Хотела, как лучше, но кто знал, что получится, как хуже. Когда вы с Филиппом к нам приедете в гости, приготовлю ему что-нибудь вкусненькое.

Почему-то от этой мысли мне стало очень тоскливо. Искренне хотелось верить, что мы с Филиппом дотянем до официальных поездок к родственникам и не разведемся еще до отъезда из гостевого дома.

— Одного не понимаю, если лекарь ничем не помог, зачем ты отдала ему омара? — неожиданно возмутилась Лидия.

— Это была взятка, — буркнула я. — Мы вытащили человека из постели. Я бы ему всучила всю еду, но в руки не поместилось.

— Как врагу? — серьезно спросила она.

— В смысле?

— Говорят, что завтрак надо съесть самому, обедом делиться с другом, а ужин отдать врагу, — с умным видом пояснила Лидия. Никак вычитала диетическую мудрость в каком-нибудь любовном романе.

— Заберете остальное? — тут же щедро предложила я. — Там еще улитки остались.

Вообще, не хотелось, чтобы еда кисла до утренней уборки, но прозвучало двусмысленно.

— Все равно все выбросят... — протянул Рендел, поглядывая на стол.

— Рендел! — возмущенно охнула Клементина, словно собираясь отчитать супруга, но вдруг скомандовала: — Ты бери улиток и закуски.

Я возьму сырную нарезку. Лидия, тебе нести сладости. Пойдем к себе, пусть молодые отдыхают. Они устали.

Ваши усилиями, дорогая тетушка, один из нас уже отдыхает. Беспробудным сном.

Они вышли, звеня посудой и тихонечко переругиваясь. Выстуженный номер погрузился в тишину. Стол практически опустел. Осталась пара сиротливых тарелок и три ведерка с игристым, стоящие рядом. От холода, воцарившегося в гостиной, хотелось ежиться. Я закрыла окно и вкрадчивым движением, зачем-то оглянувшись к дивану, смахнула с подоконника снежную поземку. Наверное, этажерку с пирожными тоже припорошило легким снежком. Надеюсь, в назидание он будет хрустеть у тетушек на зубах.

Филипп покрыться льдистой корочкой и законсервироваться, к счастью, не успел. Выглядел он гораздо лучше: не то чтобы совсем здоровым, но уже был вполне отличим от мужчины, плавно отъезжающего в сторону ворот в лучший мир. Цвет лица... оставался малость пугающим, однако грудь мерно поднималась и опускалась. По крайней мере, он хорошо дышал. Вот что делает осмотр хорошего лекаря! Только зрачки проверил, сердце послушал, как пациент фактически вернулся к жизни.

Стянув с мужа туфли, я подоткнула ему плед и с газеткой в руках уселась в кресло. Бдеть. Тут меня напала почти неприличная зевота. Чуть челюсть себе не вывернула! Не иначе как от устаревших новостей.

— Дорогой муж, отдыхайте, — заключила я и отправилась в спальню. дочитывать газету и чутко прислушиваться не свалился ли он с дивана.

Простыни на кровати, к слову, оказались из гладкого хлопка. Видимо, мироздание тонко намекало, что без шелковых простыней никакой брачной ночи не будет. Сначала шелк, потом десерт! Никак по-другому, порядок строго определен.

С этой странной мыслью я подложила под спину подушку, натянула мягкое одеяло и с умным видом раскрыла газету. В общем-то, с таким же умным видом и начала клевать носом в эту самую газету. Буквы расплывались. Я приближала лист ближе к лицу, пока со слипающимися глазами не уперлась в него лбом. Очнулась от шелеста смятой бумаги. Пришлось поморгать и сосредоточиться. Все-таки у

меня серьезная миссия: я к мужу прислушаюсь, сам себя он не посторожит...

Никогда бы не подумала, как коварны просторные кровати в дорогих гостевых домах, и как приятно на них засыпать после одного из самых нервных вечеров в моей жизни.

Разбудил меня солнечный свет, льющий в окна с незакрытыми портьерами. Недовольно поморщившись, я перевернулась на другой бок и мгновенно пробудилась. Даже глаза открылись. Широко.

На соседней подушке спокойно спал Филипп. Когда он переместился с дивана в кровать, я не слышала, но сейчас он лежал рядышком, утыкаясь лбом в изгиб локтя. Лица было не рассмотреть — он подсознательно прятался от яркого утра, давно расцветшего в горах. Видимо, пытался ухватиться за те крохи сна, которые оставались перед неизбежным пробуждением. Легчайшее пуховое одеяло сползло до самого пояса, открыв широкую спину. Темные блестящие волосы были спутаны.

Я изучала его с интересом исследователя. Поясницу, лопатки, линию позвоночника, рельефные мышцы плеча. Он дышал тихо, не храпел, не сопел. Гладкий золотой браслет на крепком запястье отчего-то вызвал спазм в животе. И тишина стояла такая неземная, словно мы остались одни на всем белом свете.

Громкий звон колокольчика заставил меня вздрогнуть и приподняться на локтях. Ошалелым взглядом я обвела спальню в поисках пробуждающего шара, но обнаружила, что светилась крышка почтовой шкатулки. Звон повторился.

Поспешно соскочив с кровати, пока этот неуместный звук не разбудил спящего Филиппа, я кинулась к столику. Между тем колокольчик затрещивал непрерывно, словно его заело. Пришлось быстро откинуть крышку. Изнутри раздалось громкое бряцанье, от которого подскочила полученная записка, точно шкатулка ее пыталась брезгливо выплюнуть.

— Да замолчи ты! — пробормотала я, встряхнув почтовый артефакт. Дурацкий колокольчик, призванный дарить переливчатую трель, но к концу громко кряхтевший, крякнул еще раз и наконец заткнулся.

Осторожно оглянувшись через плечо, я проверила Филиппа. Он остался глух к непотребному шуму и даже не пошевелился. Тихонечко

вернув шкатулку на стол, я развернула послание.

Писала тетушка Клементина. Вообще, тот факт, что она прислала записку, а не заявила лично обсудить планы, прямо сказать, говорил о многом. Видимо, тетка чувствовала себя виноватой. Или же незамысловато решила не показываться, чтобы не драконить злющего зятя этим замечательным солнечным утром. Я ставлю на второе.

Оказалось, что Лидия пожелала взять урок спуска на горных лыжах, и они втроем отправились на склон. Одна — кататься, остальные — с трепетом следить, что покорительница вершин сломает быстрее: ногу, шею или прокатные лыжи. В конце Клементина пожелала нам доброго дня, и я невольно покосилась на часы. Время приближалось к полудню.

— Вчера я оценил этот потрясающий наряд? — вдруг раздался мягкий голос Филиппа, как-то по-особенному растягивающего слова.

Молниеносным движением я резко прикрыла почти обнаженную грудь руками и осторожно оглянулась. Муж по-прежнему лежал в соблазнительно-ленивой позе, вытянувшись крепким телом. Голова покоилась на сгибе локтя, но Филипп проснулся и теперь разглядывал меня из-под полуопущенных ресниц. Очевидно, в солнечном свете оголенность под сорочкой была куда заметнее, чем в полутемной гостиной накануне.

— Вы не помните? — спросила я.

Не знаю, что он усмотрел в моем лице — мне-то просто хотелось накинуть халат, сейчас прикрывавший одежную вешалку, — но вдруг, поморщившись от головной боли, приподнялся на локте и тихо уточнил:

— Тереза... должен ли я извиниться за вчерашнее?

Точно ничего не помнит! А вечер-то был неплохим. Конечно, пока он не ушел в глубокие слои подсознания от тетушкиного заборного зелья.

— Нет, — покачала я головой.

— Я был груб?

— Вы были исключительно деликатны! — Я всплеснула руками, но тут же вернула их на место. В смысле, скрестила на груди, хотя стесняться мужа очень глупо. Рано или поздно придется продемонстрировать ему... женскую харизму. — Настолько деликатны, что просто заснули.

Филипп тихо кашлянул в кулак и уронил:

— До или после?

— Ну... — Я замялась и неохотно призналась: — В процессе.

— Хотите сказать, что я заснул во время...

— Мертвецким сном, — согласилась я.

— Проклятие.

Он лег на подушку и прикрыл глаза ладонью. Понимаю, у меня тоже изредка случались дни, когда очень хотелось заснуть обратно и сделать вид, будто первое пробуждение — фальстарт, но второе-то точно начнет замечательное утро.

— Но вы были просто неотразимы! — быстренько уверила я. — Очень энергичны. Да-да. Пока бодрствовали.

Возникла ошарашенная пауза. Честное слово, лучше бы прикусила язык и притворилась немой. Никогда не предполагала, что мужчины становятся настолько чувствительными, когда не доводят дело до конца.

— Тереза? — пробормотал он.

Думала, что он все-таки надумал извиниться за то, что не успел толком ничего продемонстрировать и впечатлить супругу, а просто вырубился на диване. Даже заранее стало неловко.

— Да, Филипп? — осторожно отозвалась я.

— У вас есть порошки от мигрени?

— Ой! У меня есть кое-что получше! — вспомнила я про бутылочку со средством от похмелья, оставленную врачом, и выскочила из спальни.

Запах еды и выдохшегося вина из гостиной волшебным образом не исчез, как и остатки вчерашнего неудавшегося пиршества. Я сцапала с кофейного столика флакон, оставленный врачом, и быстренько вернулась к больному мужу.

— Возьмите, — приблизилась к кровати.

Он посмотрел на меня очень странно. В смысле, как будто не замечал кружевного непотребного безобразия, не оставлявшего никакого места для разгона фантазии.

— Прекрасное средство от похмелья! — объявила я и с характерным звуком вытащила из широкого горлышка пробку. — Держите!

Филипп недоверчиво покосился на флакон. Интересно, что произошло за полминуты, пока меня не было в комнате? Отчего он вдруг превратился из сожалеющего мужчины в мужчину, что-то неясно подозревающего?

— Оно отличное! — уверила я.

— Откуда вы знаете? — произнес Филипп.

— Мне всегда помогает.

— Средство от похмелья? — В нем как-то несвоевременно проснулась знакомая ирония.

— В смысле, дядюшке Ренделу, — не дернув глазом, поправилась я и смело объявила: — Сами посмотрите, что оно абсолютно безопасно.

Не колеблясь ни секунды, я прихлебнула из флакончика. Средство от похмелья оказалось просто отвратительным на вкус. Густым, горьким и одновременно сладким. Как снадобья от горловой жабы.

— Видите? — с трудом улыбнулась я, надеясь, что меня не очень сильно перекосило. — Прекрасное, безопасное средство.

— Знаете, глядя на то, с каким удовольствием вы попробовали это действенное снадобье, я вдруг понял, что голова стала болеть меньше.

— Да? — удивилась я.

— Прихлебните еще, — предложил он. — Уверен, мне станет совсем хорошо.

— Боже, у меня нет слов! — буркнула я и, наклонившись, попыталась пихнуть флакон ему в руку. — Что вы, как малое дитя! Просто возьмите и выпейте. Когда мужчина страдает от похмелья, женщина рядом страдает от его дурного настроения. Пейте, пока ваше похмелье не закончилось печально для нашей общей нервной системы.

Осознание, что в порыве энтузиазма я практически навалилась на него той самой грудью, которую очень старалась прикрыть, заставило нас обоих замереть. Неожиданно ладонь Филиппа легла мне на поясницу, властно надавила, прижимая к крепкому телу, спрятанному под одеялом.

— Что случилось вчера, моя дорогая супруга?

— Ничего не случилось, — пискнула я. — Вы просто перебрали с игристым вином. Дело житейское.

— Серьезно?

— Seriously перенервничали, — быстро поддакнула я. Знаете, очень сложно врать мужу, практически упираясь носом в его мускулистое плечо. — Перед второй брачной ночью.

Филипп вдруг поперхнулся на вздохе и, выпуская меня, проворчал:

— Давайте волшебное средство. — Он уселся и забрал флакон. — Уверен, хуже уже не будет.

Как сказать? Ты просто проспал вчерашний переполох.

— Только пейте аккуратно, — посоветовала я, шустренько сползая с кровати, — оно...

Он уже приложился к горлышку и сделал глубокий глоток. Глаза на секунду покрутели. В них появилось выражение даже не изумления, а откровенного шока.

— Очень горькое, — пробормотала я.

Филипп выдохнул, как от ядреной сивухи, и надавил пальцами на веки, словно старался унять поток слез.

— Тереза, признайтесь: ваше дивное средство варила тетка для Рендела?

— С чего вы так решили? — удивилась я. — Эликсир аптекарский.

Мне хочется верить, что аптекарский.

— Уверен, ее сотворили для наказания, а не для лечения, — предположил он и протянул открытую ладонь: — Где пробка?

— Полагаю, вам надо допить до конца, — заметила я, пряча пробку за спину.

— До моего конца?

— До конца флакона.

— Надумали стать вдовой? — мрачно сыронизировал он.

Нет, спасибо. Я уже вчера пережила это чудесное ощущение и чуть сама не прилегла рядышком умирать.

— Может, вам принести воды? — щедро предложила ему.

— Справлюсь без помощников, — отозвался Филипп, явно не планируя продолжать пытку оздоровительным эликсиром. — Или вы хотите проконтролировать?

— Если вам не нужна компания, то, пожалуй, удалюсь в ванную, — чопорно кивнула я.

Он появился в туалетной комнате, когда я уже успела освежиться, подсушить кудрявые волосы и, стоя перед зеркалом, пыталась застегнуть на спине крючки у платья. Новый гардероб оказался ужасно непрактичным. Суставы вывернешь, а без чужой помощи одеться не сможешь! С прискорбием признаю, что без горничной справиться с банальным одеванием было страсть, как сложно.

В самый разгар борьбы, вошел Филипп, как был: в одном исподнем и без капли стеснения. Хотя зачем стесняться, когда способен озарить тесную глухую комнатенку крепким красивым телом?

— Давайте помогу. — Он встал позади, и я медленно опустила руки, отчего платье разъехало на спине и открыло скромную шелковую сорочку.

Филипп смотрел исключительно *на платье* и ловко застегивал крючки. Я смотрела сквозь зеркало исключительно *на него*.

Кажется, у меня начинался жар. Или просто в туалетной комнате стало нестерпимо душно. Ей-богу, огненный центр земли, а не гостиничный номер.

— Леди Торн, — проговорил муж, добравшись до середины крючочного ряда, — пожалуйста, закажите завтрак.

— Что вы хотите на завтрак? — хрипловато отозвалась я и смущенно кашлянула, пытаясь избавиться от вставшего в горле кома.

— Выберите на свой вкус. — Он поднял голову и в зеркале встретился со мной глазами. — И пригласите Марджери.

Такими ровными и вкрадчивыми голосами обычно раздавали распоряжения и ожидали их исполнения. И Филипп не просил, а приказывал.

— Хорошо, — промычала я и в отражении проследила, как, сказав напоследок, в каких апартаментах остановилась мадам, он двинулся к дверям ванной.

Покрутив колесики с цифрами на крышке почтовой шкатулки, я выбрала номер кухни и отправила заказ, а потом отослала записку с приглашением и Марджери. Через некоторое время подавальщик вкатил тележку с едой.

Он сноровисто убрал грязные тарелки и задумался, пытаясь решить поистине сложную конструкторскую задачу: как втиснуть в тележку три ведерка с вином. Глядя на его озадаченное лицо,

становилось очень неловко. Поди, подумал, что в номере живут горькие пропойцы. Наконец он справился со сложностями и начал заново сервировать стол.

Тетка Торн, между тем, не отвечала и не торопилась радоваться приглашению. Я даже начала чуток нервничать и поняла, почему секретарь Вилсон так сильно боялся хозяина. После вкрадчивого приказа, хотелось лично бежать в соседнее крыло и тащить мадам к завтраку и обещать себя в качестве главного блюда. Вроде как: потрошите морально, сколько душе угодно, слова не скажу.

Пришлось дать подавальщику взятку в пару крон и попросить разыскать Марджери. Хорошо, заранее сунула в карман платья деньги, чтобы не сесть в лужу, как накануне.

Оставшись одна, я села к накрытому столу и только раскрыла утреннюю газету, оставленную слугой, как появился Филипп. Он был собран и энергичен, с первого взгляда и не догадаешься, насколько печально закончил вчерашний вечер.

— Какой на сегодня гороскоп? — поинтересовался он, усаживаясь за стол.

— Понятия не имею, — отозвалась я, складывая газету.

— Не интересуетесь?

— Нет, но могу зачитать, если им интересуетесь вы.

Мы обменялись выразительными взглядами. Газету пришлось отложить, а так хотелось узнать, что там пишут на третьей полосе. Она, между прочим, самая интересная!

На первых двух обычно рассказывают о королевской семье, а на последних, помимо гороскопа, который, к слову, у них никогда не сбывался, печатали светские сплетни. В общежитии-то мы быстро делили страницы по интересам, а в семейной иерархии развороты, похоже, доставались по старшинству. Пока дождешься своей очереди, новости устареют.

— Я попросила слуг найти Марджери, — объявила я и, подняв кофейник, налила густой крепкий кофе в чашку Филиппа.

Оказалось, что с самым заинтересованным видом, словно никогда в жизни не видел флаконов, он крутил в руках подарок от Клементины. На секунду сердце подпрыгнуло к самому горлу, но рука не дрогнула.

— Ваше? — любезно уточнил он.

— Мое, — не стала отпираться я. — Где вы их нашли?

— Их? — Филипп выгнул бровь.

— Капли от мигрени, — невозмутимо подсказала я.

— Нашлись на полу в гардеробной. — Он поставил флакон посреди стола, точно главное украшение утренней сервировки. — Ваши капли выглядят, как афродизиак.

— Хотите сказать, что аптекарь — настоящий мошенник и продал мне какую-то гадость? — фальшиво охнула я. — Для чего ее используют?

— Что? — едва не поперхнулся воздухом Филипп.

— Афре... афри... Как вы там назвали?

— Вы знаете, моя дорогая супруга, что это такое, — усмехнулся он.

— Откуда? Я покупала в аптекарском дворе капли от мигрени, — с фальшивым недоумением напомнила я.

На лице Филиппа медленно расцветало восхищение. Он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и протянул:

— Тереза, улыбнитесь.

— Для чего? — удивилась я.

— Я начинаю скучать по милой дурочке.

Он щелкнул пальцами, видимо, пытаясь сотворить какое-то заклятье, но магия молчала. Поморщившись, Филипп потер затылок и, придвинувшись к столу, взял щипцами из сахарницы колотый сахарный осколок, цветом напоминающий мутную слюду. Кусочек плюхнулся на дно кружки, расплескав капли кофе.

Мы встретились глазами, и я сломалась! Спрятала вспыхнувшее лицо в ладонях и промычала:

— Филипп, я просто обязана сказать правду или изведусь. Вчера тетушка подлила в вино афродизиак. И для вас все закончилось печально!

С другой стороны стола последовало долгое молчание. Я расставила пальцы и сквозь них осторожно посмотрела на мужа. Он сидел, скрестив руки на груди, и, по всей видимости, ждал исповеди со всеми паршивыми подробностями. Короче, как на допросе у королевского обвинителя.

— Из этого флакона?

— Из какого-то другого, — покаялась я. — Клянусь, мне никогда не пришлось бы в голову использовать такое отвратительное средство,

чтобы...

— Что?

— Вас соблазнить! — в отчаянье выпалила я и, всплеснув руками, едва не сбила чашку. Та обиженно зазвенела. Благородный фарфор не любил, чтобы его смахивала с блюдца.

— Другими словами, вы все-таки в курсе, что такое афродизиак, — насмешливо уточнил он.

— Мне смертельно стыдно, что я наврала с три короба!

— Благодарю, — произнес он. — За то, что не стали скрывать правду.

На секундочку мы примолкли.

— А давайте я помогу размешать вам в чашке сахар, — сама от себя не ожидая, предложила я.

— Не стоит...

Вообще-то, я ляпнула просто так, но мгновением позже поняла, какая отличная идея. Хорошая жена должна быть услужливой. Таких замечательных женщин не наказывают, в угол не ставят и на третьи сутки после венчального обряда за завтраком у них просят кусочек воздушного омлета, а не развод.

— Тереза, не стоит... — попытался Филипп, но я, проскрежетав ножками по полу из дубового массива, уже подвинула стул поближе.

— Не выдумайте, помогу с огромным удовольствием! — С деятельным видом я подхватила ложку и принялась размешивать сахар в остывающем кофе, изредка ударяя по фарфоровым стенкам кружки. — Вы не злитесь из-за теткиной глупости?

— Злюсь, — признался он.

— Вы поразительно тихо злитесь, — покосилась я на него. — И это страшно нервирует.

— Я должен злиться громко? — уточнил он.

— Нет, но... — Я перестала терзать сахарный осколок в остывающем кофе и вытасила ложку. — Честное слово, я даже пойму, если вы захотите, чтобы мои родственники немедленно отправились с Энтил и сто лет не появлялись на пороге вашего... нашего дома.

— Судя по тому, что уже середина дня, а госпожа Вудсток не осаждает наш номер, вы и без меня, дорогая супруга, неплохо справились со своими родственниками, — с насмешкой ответил он.

— Они по-прежнему в Сиале, — вынужденно призналась я. — Штурмуют горные склоны.

— Но ведь я уже оплатил их проживание на две недели, — заметил Филипп, принимая подвинутую чашку с кофе. — Было бы бездарной растратой просто отправить их восвояси.

— Вы еще должны кое-что знать, — решила я покаяться почти во всем, что вчера произошло.

Филипп глянул на меня искоса и, кажется, напрягся всем телом, видимо, морально подготовившись к порции очередной очень приятной правды.

— Что-то еще произошло? — тихо произнес он.

— Вы вчера вдруг заснули. Я очень сильно испугалась и решила, что у вас случился сердечный приступ.

— С чего вы так решили?

— Вы же уже мужчина не первой свежести...

Муж подавился и отставил чашку на блюде. Я немедленно передала ему салфетку. Как говорится, услужливости много не бывает.

— В общем, я решила, что у вас сердечный приступ, и позвала лекаря. Господин Эрлан Вестфольд — именитый лекарь, — уверила я. — Очень повезло, что он отдыхает сейчас в Сиале, и Рендел познакомился с ним во время дегустации.

Вдруг Филиппу важно, чтобы осмотр проводил не штабной коновал, а целое светило лекарской науки. Правда, насколько оно было ярким и не мерцало ли где-то на задворках нашего обширного королевства, сказать было сложно.

— Теперь понятно, почему он хорошо разбирается в средствах от похмелья, — хмыкнул Филипп.

Пару секунд мы находились в совершенно не уютной и даже неприятной тишине.

— Хотите еще сахара в кофе? — спросила я. Во время нервного напряжения от меня сбегал аппетит, но нападала жажда деятельности. Сейчас очень хотелось ухаживать за мужем.

— Нет, благодарю, — отказался он от *ненавязчивой* заботы.

— Омлет? — быстро предложила ему и чуть-чуть подвинула большую тарелку с яйцами, овощами и с крошечной соусницей, наполненной томатной кашницей и пристроенной посерединке этого

разноцветного разнообразия. — Гренки? Намазать маслом? А сверху джемом? Медом?

— Я справлюсь, Тереза, — пресек муж и желание поухаживать за ним, и перевести разговор на безопасную тему возбуждающих аппетит блюд, а не о снадобьях, пробуждающих инстинкт размножения.

Оставалось признаваться дальше, пока он не перешел на еду, а только баловался утренним напитком.

— Я расплатилась с лекарем омаром! — на одном дыхании выпалила я.

— Простите?

Без преувеличений у Филиппа от удивления полезли глаза на лоб.

— Ох, не извиняйтесь, — вздохнула я. — Вы-то в это время спали на диване и не могли одолжить мне десяток крон.

— Одолжить? — как-то нараспев повторил он.

— Ничего, лекаря вполне устроило. Очень понятливый и предприимчивый человек. Еще и стейки прихватил. Впервые, правда, встречаю, чтобы осмотр проводили за еду, но он предложил обращаться, в случае чего.

— Тереза, коль у нас тут... — Филипп кашлянул, — разговор по душам. Зачем ваша тетка решила подмешать афродизиак?

— Ну... — Я пожалела, что недалеко видно подвинула стул почти вплотную, но обратно отбуксировать его было неловко. — Она посчитала, что между нами не достает искры.

Признание повисло в воздухе.

— Тогда зачем бы я женился именно на тебе? — прямолинейно спросил он, неожиданно забыв про официоз.

— Вчера ты сказал, потому что у меня не было других мужчин.

На лице Филиппа появилось очень странное выражение. Я такое еще не научилась расшифровывать, но оно изредка возникало и быстро стиралось, оставляя место непроницаемой мине. Но сейчас это выражение к нему, как прилипло, словно пресловутое «чего», для которого требовался лекарь, вполне могло наступить и немедленно.

— Это абсолютно нормально! — поспешно уверила я. — Мы же виделись до свадьбы всего пять раз. Один из них на помолвке.

— А вы вели подсчет?

— Ой, да тут не надо быть гением арифметики. Пальцы на одной руке даже ребенок способен загнуть, — отмахнулась я. — Мы

фактически незнакомы. С далекого расстояния друг друга хорошо не рассмотреть.

Наплевав, что кофе не просто остыл, а превратился в ледяной, он сделал быстрый глоток. Видимо, очередная маленькая порция правды подступила к самому горлу и теперь настойчиво просилась обратно.

Не зря говорят, что честностью надо пользоваться дозированно, иначе можно довести собеседника до недостойного желания выйти в окно. Или выставить в окно чистосердечного идиота, не знающего, что простота иногда хуже воровства.

— Заешьте чем-нибудь, — предложила я.

— Что? — не понял Филипп.

— Правду.

— Просто скажите, Тереза, есть ли что-то, что мне еще следует знать?

Он неопределенно махнул рукой, видимо, намекая, что морально готов к продолжению исповеди. На самом деле, никто не готов узнать, что в самом плачевном состоянии оказался окружен и даже перевален на диван новоявленными родственниками.

— На этом все, — слегка приврала я. — Самое шокирующее вы уже услышали. Голова у вас, если что, болит от вина, а не от того, что вы ей вчера два раза стукнулись о кофейный стол. Но шишке, в крайней случае, не удивляйтесь.

Тут в дверь постучали, требовательно и громко. Не успели мы решить, стоит ли впускать гостей, когда у нас первый семейный разговор на серьезные темы, как гости впустили себя сами: появилась тетка Марджери.

Легкой походкой, одетая в приталенное платье с узкой юбкой длиной до икры, в общем, по последней моде, она впорхнула в наш номер и улыбнулась одними губами:

— Добрый день, мои дорогие.

У дорогих, прямо сказать, день уже был ничуть не лучше, чем предыдущий вечер: омлет остыл, а кофе и подавно.

Как и положено воспитанному аристократу, Филипп поднялся и указал на накрытый стол:

— Позавтракай с нами.

— Благодарю, мой дорогой племянник, но уже пора обедать, — пересекая гостиную, отозвалась она. — Тереза, как твое самочувствие?

— Хорошо, мадам, — натянуто улыбнулась я, догадываясь, чем от вчерашнего обеда отговорился Филипп. — Вы чудесно выглядите.

— Как посмотрю, а ты все еще в мигрени? — Величественно опустившись на предложенное место, она немедленно указала на позабытую нами бутылочку с афродизиаксом. — Надо лучше следить за своим здоровьем, милочка. Проводи больше времени на свежем воздухе, а не в четыре стенах. Бери пример с Лидии. У нее вообще не болит голова.

Как правило, никогда и ни о чем.

Утреннее меню из омлета и гренок с джемом Марджери совершенно не смутило. Она взялась за приборы и с королевским достоинством сняла пробу.

— Свет хочет познакомиться с новой леди Торн. Филипп, выведи супругу в люди, иначе поползут слухи, что она не желает ни с кем общаться. — Тетка всегда нападала внезапно, когда я была расслаблена и не ждала подвоха от жующего человека. — Это плохо скажется на семейной репутации. Или ты не собираешься ее представлять обществу?

— Полагаю, общество поймет молодоженов, желающих побыть наедине, — самым светским тоном невозмутимо отозвался он.

— Но не сутки же напролет! — фыркнула она. — Это даже неприлично.

— Неприлично подсчитывать, сколько вечеров супруги провели в номере, — с иронией отозвался тот, тонко намекнув, что плевать хотел на мнение окружающих.

Некоторое время мы провели чудесным образом: в молчании. Но тетку разрывало поговорить.

— Вчерашний ужин вам пришелся по вкусу? Я заказала блюда, которые Тереза наверняка не пробовала.

К слову, и не попробовала, но выяснила, что омарами можно расплачиваться за лекарские услуги. Замечательный заменитель золотых крон.

— Ужин оказался неплох, — согласился Филипп.

— А вино? — тетка оказалась непробиваемой, как крепостная стена. — Я специально проверила, чтобы оно было из королевских виноделен.

— Вино превосходное, — согласился он и небрежно проронил: — Зачем ты в него подмешала отворотное зелье?

Пауза, следовавшая за этим как будто небрежным вопросом, показалась острой, как наточенное лезвие. Я поймала себя на том, что выпрямилась на стуле. В голове вдруг замелькали сцены злосчастного ужина. Филипп выхватывал бутылки с игристым вином, фактически не глядя, подливал в бокалы, пробовал. В общем, получил крепкий коктейль из возбуждающего и отрезвляющего.

— Отвращение к собственной жене, как правило, не способствует ни к благополучной семейной жизни, ни к продолжению потомства, — с обманчиво мягкими интонациями, от которых у меня похолодела кровь, проговорил Филипп и припечатал тетку ледяным, как осколок льда, взглядом: — Не согласна, Марджери?

Тетка отложила вилку, аккуратно промокнула губы и с достоинством произнесла:

— Полагаю, нам стоит завершить завтрак.

— Можешь не есть, — согласился он, — за этим столом тебе, в принципе, не рады, но ответы я жду.

Сама от себя не ожидая, я тоже подчинилась приказу и опустила столовые приборы. Жевать мигом расхотелось.

— Почему ты решил, что я что-то подлила? — спросила Марджери.

— Отсутствие магии достаточный признак?

Клянусь, никогда не слышала, чтобы во время скандала никто не поднял голос даже на полтона. Однако каждое слово, произнесенное этими тихими ровными голосами, словно взрывало пространство.

— Ты знаешь мое отношение к этой женитьбе.

— Твое мнение не учитывалось.

— Именно! Ты должен был трезво оценить свою супругу и осознать, что она никогда не приживется в нашей семье. Слишком простая.

Можно я ткну ее вилкой? Ну разочек? Один удар — четыре аккуратные дырочки. Промеж бровей. Никто и не заметит.

— Филипп, у тебя остались в запасе три месяца до тридцатилетия. Ты успеешь покончить с этим недоразумением и связать наш род с достойной фамилией, а не с какими-то Вудстоками из замшелого Энтила. — Она повернулась ко мне. — Не в обиду, милочка.

— Какие обиды? — У меня вырвался во всех отношениях недостойный этого великосветского скандала смешок. — Я оскорблена до глубины души. Вы терпели почти полгода, но устроили непотребный бедлам во время нашего медового месяца?

— Бедлам?! — охнула тетка. — Милочка, ты выражаешься, как уличная торговка.

— Мадам, если бы я выражалась, как уличная торговка, боюсь, вам пришлось бы достать банку с нюхательной солью, — сорвалась я.

— Тереза, — вымолвил Филипп, разом усмирив нас обеих: и меня, и свою тетку, — отворотные зелья срабатывают только с любовниками.

Сама от себя не ожидая, я начала густо краснеть. В общем, знала бы тетка, чем мы занимались на постоялом дворе, не торопилась бы с неприятными сюрпризами.

Честное слово, начинаю думать, что та метель и отсутствие шелковых простыней в дешевом постоялом дворе были буквально ниспосланы мне святыми угодниками. Иначе сейчас бы не с мадам ругалась, а подписывала документы о разводе.

— Марджери, я рассчитывал, что ты станешь Терезе наставницей. Научишь управляться с большим особняком и слугами. Поможешь организовать прием после нашего возвращения. И теперь ей решать, останутся двери нашего дома для тебя открытыми или нет. Мое доверие ты утеряла, но я соглашусь со своей супругой.

Ничего себе поворот! Хочешь серпентарий в гостиную? Ни в чем себе, дорогая, не отказывай. Заводи!

— А теперь сделай так, чтобы мы не догадывались о твоём присутствии в Сиале, — вымолвил он. — Желаю хорошего отдыха.

— Пойду. — Она аккуратно пристроила салфетку на стол и поднялась. — От разговоров разболелась голова.

— Возьмите средство от мигрени, — не удержалась я и любезно указала на флакон с афродизиаксом. — Прекрасно помогает.

— Предпочитаю снадобья от нашего семейного лекаря, — к огромному сожалению, отказалась Марджери.

Из номера она вышла в гробовом молчании, идеально ровно держа спину и не бросив напоследок ни одного презрительного взгляда. Разве что губы поджала.

Я сидела рядом с мужем и боялась на него посмотреть. В ушах звенело.

Если еще полчаса назад я только смутно догадывалась, то теперь совершенно точно поняла, отчего перед Филиппом Торном тряслись окружающие. Да перед ним хочется каяться даже в том, чего вообще никогда не совершала. Чужие грехи себе припишешь, как заслуги, лишь бы перестал говорить ледяным голосом, словно резал на тонюсенькие ленточки.

— Леди Торн?

— Да! — чуть не подпрыгнула я на стуле, смутно осознавая, что пришла моя очередь получать фунт презрения.

— Какие у вас на сегодня планы?

Постараться не довести себя до нервного срыва, а мужа до развода? Отличный, по-моему, план!

— Никаких.

— Прогуляйтесь со мной, — мягко вымолвил Филипп и вдруг добавил с неожиданной иронией: — Вы абсолютно правы, моя дорогая супруга.

— В чем? — насторожилась я.

— У нас не было ни одного нормального свидания.

ГЛАВА 5. Клуб защиты магических тварей

Скажем прямо, пока у нас с Филиппом, в принципе, не было ничего нормального ни до свадьбы, ни за целых три дня, проведенных в браке. И вдвоем мы прогуливались только один раз: душным полднем в цветущем саду мадам свахи после знакомства в ее же гостиной, где от переизбытка вычурного золота рябило в глазах.

Мы с Клементиной приехали гораздо раньше назначенного времени — междугородние дилижансы не делают скидок на пунктуальность пассажиров и прибывают на вокзал, как придется. Пока ждали появления Филиппа, оказавшегося точным, как часы на городской площади, я успела издергаться и толком не запомнила, о чем мы с ним беседовали, прохаживаясь вокруг маленького садового фонтана.

Помню, что фонтан звонко булькал, вокруг жужжали шмели и стрекозы. Я отвечала невпопад на самые простые вопросы и выглядела не милой дурочкой, а непроходимой тупицей. И не поверила глазам, когда через неделю получила письмо с предложением руки и сердца. Три раза перечитала! Филипп был конкретен и сух. Понятно, что не очень-то романтично, зато практично. Договорные браки — вообще вещь довольно практичная.

До нашей провинции жених добрался только через месяц. Для помолвки. Так мы увиделись во второй раз. Потом в середине осени собрались в строгом кабинете стряпчего семьи Торн, чтобы подписать брачное соглашение. А за пару недель до венчального обряда Филипп пригласил нас четверых в свой огромный особняк в центре столицы, куда я должна была переселиться после свадьбы.

Экскурсия по этому красивому ухоженному дому оказалась самым захватывающим событием, случившимся со мной с момента знакомства с будущим мужем. Если бы тетка Марджери не встревала по любому поводу и не советовала, как переделать гостиные под *ее безупречный вкус*, получился бы прекрасный день.

И когда, собравшись в нарядную деревеньку возле замка, в коридоре мы столкнулись с тетушкой и Ренделом, только вернувшимся

со склона, меня бросило в жар. Клементина держала в руках бумажный пакет, и вокруг одуряюще пахло горячими пирожками.

— Добрый день, господин Торн, — с фальшивой улыбкой поприветствовала она. — Решили прогуляться? Погода чудесная! Лидия до сих пор на склоне. Ищет лыжные палки.

— Как самочувствие, сынок? — по-свойски, спросил дядька у Филиппа.

Возникла неловкая пауза. Ситуацию следовало спасти, но ни одной умной мысли в голову не приходило. По-моему, спастись можно было только героическим побегом.

— Господин Торн, возьмите! — Клементина проворно пихнула Филиппу пакет, очевидно, тем самым желая извиниться за вчерашнюю глупость. — Горячие пирожки. На свежем воздухе всегда хочется есть. Прогуляетесь, закусите...

Он еще не успел понять, что происходит, а я уже выдрала пакет из его рук и пихнула обратно тетке:

— Мы уже позавтракали.

Пусть не думает, что прощена!

— В них нет ничего, кроме капусты. — Она многозначительно отодвинула протянутый пакет в мою сторону. — Пусть твой муж угостится.

— Забери!

— Ну раз совсем не хочется, — просекла тетка, что сегодня еду нам лучше не предлагать и вообще ничего не предлагать, особенно свою компанию. — Господин Торн, приедете в Энтил, и я непременно приготовлю свой знаменитый пирог с печенкой! Пальчики оближете.

— Благодарю, — сдержанно отозвался он.

Уверена, что Филипп ни при каких обстоятельствах не облизывал пальцы. Даже в кошмарных снах, в которых голыми руками разделывал вареных омаров.

— Хорошей прогулки, мои дорогие, — пожелала тетушка напоследок и толкнула Рендела локтем, чтобы тот пошустрее отпирал номер.

Дядька отчего-то ковырялся ключом в замочной скважине, словно не понимал, для чего придумана фигурная дырка в двери.

— Если что, сынок, заглядывай, — подмигнул он прежде, чем скрыться в номере следом за супругой. — Я знаю, где здесь проходит

дегустация отменных вин.

В тишине мы с Филиппом двинулись в сторону лестницы. Ковер на полу скрадывал звук шагов.

Муж молчал, но как-то очень значительно.

— Филипп, напомните, когда я в последний раз говорила, что мне очень жаль? — вздохнула я.

— Вчера утром.

— Сегодня мне снова очень жаль. Жальче, чем вчера.

— Вы собираетесь таким образом начинать каждый день? — хмыкнул он.

— Надеюсь, что сегодняшней последний. Когда мне будет не жаль, я вам тоже обязательно скажу.

В холле мы встретили знакомых Филиппа. Нас представили. Я не запомнила ни одного имени. Не то чтобы у меня была плохая память на имена или на лица, наоборот весьма неплохая, но этих представителей знати, что мужчин, что их спутниц, неуловимо роднила странная манера чуточку заискивающе поглядывая на моего мужа, словно проверяя его реакцию, и неестественно улыбаться.

Когда вокруг все фальшиво скалятся в тридцать два зуба, словно соревнуясь в желании выглядеть дружелюбными, невольно запоминается не имя, а ровность прикуса. Еще запомнился золотой клык у совсем молодого парня. Понятия не имею, как опознаю хозяина этой замечательной коронки, если мы случайно столкнемся на улице, и он сцедит приветствие через губу, толком не открыв рта.

Пока они громко, словно стая каркающих ворон, обсуждали, до чего хорошо этой зимой кататься со склонов, над плечом у невысокого крепенького господина я следила за коридорным, толкающим поперек холла тележку с дорожными сундуками. Ничего особенного в этом банальном действии, понятно, не было, но весь багаж, от самого большого сундука до крошечного ларца, венчающего аккуратную башню, оказался ярко-красного цвета. Очень приметный! Такой и не своруют, и на вокзале среди чужих вещей не потеряешь.

— Леди Торн тоже участвует? — вдруг донесся до меня голос одной из дам.

В оживленной беседе наступила выжидательная пауза. Я с трудом отвела взгляд от дорожных сундуков. Стая великосветских ворон

смотрела выжидательно. Знать бы, чего от меня хотят эти шумные люди...

— Безусловно, — проговорил Филипп с такими мягкими интонациями, словно записывал ребенка на конкурс поедания сэндвичей с ореховой пастой и по этому поводу заранее веселился.

Пришлось чарующе улыбнуться той самой улыбкой милой дурочки, которая у меня особенно хорошо удавалась, когда я понятия не имела, о чем толкуют люди вокруг. Только бы никто не догадался, что леди Торн слегка потеряла нить разговора. В самом его начале.

— Леди Торн, вы, без сомнения, станете главным украшением аукциона! — прокаркал один из мужчин.

Простите? Не изменяя все той же улыбке, я подняла выразительный взгляд на Филиппа. Дескать, дорогой супруг, я что-то не очень понимаю: вы собрались меня продать?

Не менее выразительно он изогнул бровь.

Что, правда?! Дорогой супруг, у вас помутнение рассудка после коктейля из паленых снадобий? Какой приличный муж отдает с молотка юную, невинную и — боже! — не целованную ни вами, ни каким-то другим мужчиной супругу? Просто усладу глаз!

Кто вообще усладу продает?!

— Господа, увидимся вечером. Нас ждет карета, — без экивоков попрощался Филипп. — Идемте, леди Торн.

— Всего доброго, — по-королевски кивнула я, демонстрируя лучшие манеры.

Ладно, может и не лучшие, но вежливость-то продемонстрировала. Не хочу, чтобы по углам Сиала шушукались, мол, молодая Торн двух слов не может связать. Сразу видно, что в девичестве была Вудсток из провинции. Вот! Два слова не только связала, но и выговорила без запинки.

— Филипп, признайтесь, я согласилась продаться в рабство? — пробубнила я, когда мы практически подошли к входным дверям и своим приближением заставили швейцара броситься их отворять. — Если что, позвольте напомнить, что в нашем королевстве торговля людьми, и даже законными женами, строжайше запрещена.

— Вы согласились украсить собой драгоценности королевского ювелирного дома, моя дорогая супруга, — пояснил он без капли иронии или насмешки.

Не услышав в его голосе ни одной фальшивой интонации, я вдруг почувствовала себя такой польщенной, что вспыхнула и немедленно передумала ехидничать.

В карету мы уселись прежде, чем нас успела перехватить новая компания и подписать на еще какое-нибудь нервирующее развлечение. Вряд ли они тут пекли сахарные печенья на конкурс. Наверняка демонстрировали какие-нибудь наряды для катания на лыжах или ныряния из сухих парилок в сугробы. С этих смелых дам станется!

Но, к слову, печенье я тоже не умею печь.

В курортной деревеньке не было стройности. Каменные домики ныряли под горку и с любопытством высовывали черепичные крыши, прикрытые шапками снега. Потом упрямо взбирались вверх, словно карабкались на склон. Были здесь и торговые лавочки с колоритными вывесками, и уютные чайные.

Филипп велел кучеру остановить напротив букинистического магазинчика, возле дверей которого под жестяным козырьком стояла стойка с цветными зимними карточками. Выбравшись на мостовую первым, муж поправил узкое короткое пальто и протянул мне раскрытую ладонь:

— Тереза.

— Благодарю. — Я взялась за предложенную руку, вышла из кареты и подхватила его под локоть. Даже слегка обалдела от собственной смелости. Но ведь мужей можно без застенчивости хватать за локоть. Замечательная же точка опоры!

Никогда особенно не любила прогулки. Мне не хватало в них энергичности, и возникало почти непреодолимое желание перейти с неспешного шага на бодрый галоп, словно в спину подгоняли важные дела. Но прогуливаться с Филиппом мимо витрин и вести неспешный разговор оказалось приятно. От ощущения сухого мороза, чистого воздуха и его сильной руки чуток кружилась голова.

— Вы сюда приезжали каждую зиму? — любопытствовала я, когда догадалась, что он знает местные улочки, как свои пять пальцев.

— Последние пару лет не удавалось, — ответил он. — Открывали новые драконьи фермы. Было не до отдыха.

— Поэтому вы фактически не появлялись у нас до свадьбы? — с невинным видом принялась подтрунивать я. — Лидия утверждала,

будто вы слишком близко приняли к сердцу примету, что жених не должен видеть невесту до свадьбы.

— Так и сказала?

— Да. Я посоветовала ей читать поменьше любовных романов. — Я помолчала и напрямик спросила: — Все-таки, почему вы сделали мне предложение?

— Почему вы его приняли? — легко ускользнул он от ответа.

— Мне импонирует то, как вы составляете письма, — хмыкнула я, тонко намекнув на исключительно деловой тон предложения руки и сердца. — Я подумала, что мы смогли бы стать друзьями.

— Мы уже женаты, — напомнил Филипп.

— Супруги не могут быть друзьями? — фыркнула я.

— Верите в дружбу между мужчиной и женщиной? — хмыкнул он.

— Судя по вашему ехидному тону, вы в нее не верите.

— Нет, но ваша наивность мне тоже нравится.

— Тоже? — оживилась я и с весельем заглянула в его лицо. Как ни странно, Филипп едва заметно улыбался. — Что еще вам во мне нравится? Уверена, вы умеете делать шикарные комплименты!

— Детская непосредственность.

— Пф... Не могли на ходу сочинить что-нибудь приятное? — подувала я. — Даже у Рендела лучше получается, а он, между прочим, отставной военный.

— Я тоже служил.

— Серьезно? — изумленно округлила я глаза.

— Два года после окончания учебы, — согласился он.

— И вы жили в казармах?

— Даже, бывало, ночевал на голой земле.

Зато понятно, почему он без проблем обходился без камердинера. Всегда думала, что избалованные богачи не способны самостоятельно вставить в петельки запонку, а Филипп прекрасно обходился без слуг, подносящих галстук, пиджак и утреннюю газету. Оказывается, у него имелся богатый опыт выживания в полевых условиях. В палатку-то кофе на блюдечке никто с поклоном не принесет.

— То есть деревянная раскладушка — не самая жесткая постель, на которой вам приходилось спать, — пошутила я.

— Да, но я ни разу не спал на голой земле женатым, — с особым вкусом ответил Филипп на колкость.

— Семейная жизнь бывает непредсказуемой, — сумничала я.

— Вы, похоже, об этом много знаете, — хмыкнул он.

— Иногда я тоже почитываю любовные романы. Грешна! Мои соратницы надо мной все время подсмеиваются.

— Соратницы?

— В смысле, подруги.

Неожиданно я поймала его острый, пронизательный взгляд. Обсуждать подвиги в Обществе защиты диких тварей что-то желания не возникало, и, не зная, как вернуть разговор в безопасное русло, выпалила первое, что пришло в голову:

— Вам нравилось служить?

— Я был обязан отдать долг королевству, как любой маг моего положения, — просто ответил он. — Потом не стало отца, и ко мне перешли семейные дела.

— А ваша матушка?

— Покинула нас гораздо раньше.

Вспоминалась красивая женщина с семейного портрета Торнов, висевшего в библиотеке столичного особняка. Судя по изображению, картину рисовали, когда Филиппу было не больше десяти лет. В том мальчике, в его взгляде, осанке и даже крепко сжатых губах, уже сквозила небрежная аристократическая надменность, с какой он смотрел на людей, став взрослым мужчиной.

— Мои родители тоже рано ушли к святым заступникам, — вздохнула я. — Рендел — дальний родственник по отцовской линии. Он забрал меня к себе в дом, а Клементина приняла, как родную. Филипп, они действительно хорошие люди. И если что-то делают, то от всей души.

— Я заметил, — хмыкнул он.

— У вас никогда не случалось, когда хочешь сделать, как лучше, а получается, как всегда? — проворчала я, уловив тонкий намек на дурдом, в который мы попали, в общем-то, с моей легкой руки и благодаря услужливости Вилсона. — Или у вас все и всегда получается хорошо?

Ответное молчание было до неприличия выразительным.

— Господи, вы так громко промолчали, что мне даже неловко, — прокомментировала я. — А знаете, что?

— Что, моя дорогая супруга? — в его голосе звучал смех.

— Когда мы приедем в гости в Энтил, ни в коем случае не ешьте теткин пирог. Он несъедобный, тем и знаменит. Но обычно гости не хотят показаться неблагодарными и нахваливают, как не в себе. Не уподобляйтесь этим трусливым людям!

Незаметно торговая улица перетекла в суматошливую ярмарочную площадь с маленькими лавчонками, и мы словно окунулись в праздник. На открытых прилавках продавались эрминские сувениры: глиняные и деревянные игрушки, необработанные горные кристаллы с острыми гранями. Висели на крючках гроздь бус из круглых разноцветных бусин. Лежали вязаные из шерсти горных коз гольфы, чудаковатые шапки с длинными завязками-косами и варежки. Глаза разбегались!

Подозрительно знакомые панталоны сказочно ярких колеров и разновеликих полосок тут тоже имелись. Похоже, мадам Руфья вдохновилась начесанным бельишком в Эрминских горах. Как флаги моего личного позора, злосчастные портки висели над макушкой румяной торговки в цветастом платье. Хорошо ветра не было, а то еще и развевались бы живописно. Полосатые чулки, раскатанные во всю длину, были здесь же и свешивались с края прилавка. Клянусь, эти проклятые комплекты меня преследовали!

— Может, выпьем что-нибудь горячее? — с излишним воодушевлением предложила я и деятельно указала в противоположную от панталон сторону, на палатку с травяным чаем и подогретым вином. — Вы когда-нибудь пили горячий чай на морозе?

— И не раз, — в своей обычной манере, словно не умел говорить длинные фразы или опасался, что я не пойму за раз больше трех слов, отозвался Филипп, но в указанном направлении зашагал.

— Ну да, — пробормотала я, — вы даже на голой земле спали...

— Тереза, вы замерзли? — поинтересовался он.

— У меня покраснел нос? — всполошилась я. — Сильно к вам прижалась?

— Вы резко прибавили ходу.

— Очень чаю захотелось.

— И полосатое белье в той лавке ни при чем? — полюбопытствовал мой муж, не страдающий невнимательностью и проблемами со зрением.

— Хотели прикупить? — съехидничала я. — Обещаю уступить вам свой комплект. Вместе с чулками. Подденете, как полезете на гору кататься на лыжах.

— Составите мне компанию?

— Я не настолько мерзну, чтобы втискиваться в начесанные шорты.

Перед мысленным взором вдруг мелькнуло, как мы пытаемся натянуть на мужнину ногу в узкий чулок, а сердечки расплываются. Какая страшная фантазия! Как ее теперь развидеть обратно?

— Завтра с утра я хочу сделать пару спусков со склонов, — пояснил Филипп, не обидевшись на шутку про панталоны.

— Вы в этом смысле... У меня, знаете ли, был травмирующий опыт катания с горок.

— На лыжах?

— На санках.

У мужа неожиданно вырвался громкий веселый смешок.

— Настоящая трагедия! — с трудом удерживая серьезную мину, с укором покачала я головой, дескать, грешно смеяться, где другие плакали. — Клементина запрещала мне кататься на ледянке. Считала, что девочкам благородного происхождения не к лицу скатываться с горки на... в общем, на той части тела, на которую они не должны искать приключений. Но Рендел тайком взял санки у соседей. Две сломанные руки.

— У вас?

— На двоих с Ренделом. Я упала, а дядька попытался меня поймать. Клементина так рассвирепела, что пришлось прятать трость. Дядька боялся, что ему вторую руку сломают.

— Другими словами, на лыжах вы не стоите? — резюмировал он.

— Господи, какой же все-таки проницательный!

— И любите льстить.

— Ну кто-то же из нас должен это уметь, — лучезарно улыбнулась я.

Мы незаметно добрались до напитков и попросили тетушку-торговку налить горячего чая. Она сноровисто подставила под краник

в большой медной посудине хрупкий слюдяной стаканчик. Стенки у такой, буквально одноразовой, посуды постепенно таяли и источались, если оставить питье надолго, но согреть ладони на колючем морозе времени хватало. А холод уже успел пробраться и под перчатки, и под теплый плащ.

— Четыре геллера, — объявила тетушка, ставя перед нами два стаканчика с темным дымящимся чаем.

Привычным жестом Филипп достал из внутреннего кармана пальто кожаное портмоне, извлек ассигнацию и запросто протянул тетушке. Возникла ошарашенная пауза. Бумажные деньги с королевской печатью мне доводилось видеть нечасто. Судя по тому, как покруглели глаза торговки, ей вообще повезло впервые в жизни.

— Филипп, вы что такое делаете? — пробормотала я сквозь зубы и одарила его красноречивым взглядом. — Спрячьте обратно в кошелек. Не позорьте нас.

— Простите? — От искреннего изумления у него изогнулась одна бровь.

— Тетушка, сколько, вы сказали, геллеров? — уточнила я и, стянув перчатку, наскребла в кармане плаща горку мелких монеток.

— Четыре, — поспешно напомнила она, следя, как я пересчитываю мелочевку.

С непроницаемым видом Филипп молча спрятал деньги в кошелек и вернул его обратно в карман.

Чтобы не выглядеть скупердяйкой при богатом муже, пришлось наступить на горло жадности и отдать за два жалких стаканчика горьковатого чая, пахнущего соломой и чабрецом, целую крону!

Когда мы отошли от палатки, я не удержалась и заворчала:

— Ближе надо быть к простому народу, господин Торн. Нас почти приняли за мошенников! — Я сунула Филиппу оставшиеся монеты. — Вот, возьмите. Хотя постоит! Сколько там денег осталось?

Эмоции на его лице не поддавались переводу. Честное слово, если не знать Филиппа Торна лично, решишь, что он чуток обалдел.

Я заставила его разжать кулак и предъявить на раскрытой ладони, затагнутой в перчатку, остатки медяков.

— Давайте еще купим пирожки, — предложила ему. — На свежем воздухе что-то аппетит разыгрался.

Он молча следил за тем, как указательным пальцем я перебираю мелочевку.

— Почему вы на меня смотрите? — не поднимая головы, уточнила у него. — Я же из сельской местности и привыкла считать геллеры.

— Хочу поблагодарить.

— Это еще за что? — насторожилась я.

— За бесценный жизненный опыт, — с насмешкой отозвался он.

— Филипп, можно задать очень личный супружеский вопрос?

— Пожалуйста, — щедро согласился он, не догадываясь, на что подписался.

— Вы умеете выдавать за раз больше двух слов?

— Что, простите? — Кажется, он поперхнулся воздухом.

— Вот слышите? Опять! — Я подняла голову. — Вы все время разговариваете, как будто не умеете произносить длинных фраз или действительно считаете меня дурочкой, неспособной понять распространенное предложение!

На его лице вдруг расцвела медленная и очень красивая улыбка. Сердце неожиданно сильно ударилось в ребра.

— Я умею разговаривать распространенными предложениями и складывать длинные фразы, дорогая супруга, — обволакивающим голосом без единой резкой ноты произнес он.

— Ох! Значит, вы действительно считаете меня дурочкой! — фальшиво охнула я. — И это после заявления, что вам не нравятся глупые женщины. Как неприятно! Я вдруг поняла, что была не готова к правде.

— У меня нет слов, — единственно, чем смог ответить он.

— Иногда такое случается даже с большими болтунами. Но вы-то не такой, да?

Мы встретились глазами. Неожиданно оказалось, что из взгляда мужа исчез вежливый интерес. Филипп смотрел просто с интересом.

— Тереза, вы надо мной подшучиваете? — тихо спросил он.

— Говорю же, вы удивительно проницательный мужчина.

На секунду возникла зачарованная пауза. Он стоял с раскрытой ладонью, на которой лежали монетки. Я не могла отвести взгляд. Ведь если в ледяных глазах мужчины вдруг появляются эмоции, непохожие на небрежную надменность, надо пользоваться случаем и запоминать.

Когда еще выпадет возможность полюбоваться на столь редкое зрелище?

— Так что? — Он неожиданно взвесил геллеры на ладони. — Здесь хватит на перекус?

— Не знаю, — пробормотала я. — Вы меня заговорили, и я сбилась со счета.

— Вы сами себя заговорили.

— Тогда вам самому пересчитывать, — проворчала я и, отворачиваясь, прихлебнула стремительно остывающий чай.

Казалось, что после долгого разглядывания мужниного лица перед глазами, как от солнца, плыли световые круги. Очень хотелось поморгать, а еще приложить руку к груди и проверить сердце. Оно что-то шалило, как при тепловом ударе, хотя на морозе нормальным людям грозило обморожение.

Пока мы считали медяки, как оголодавшие студенты-стипендиаты, наскребывающие денег на обед, возле лавчонки с пирожками выросла очередь.

— Кажется, господин Торн, у вас появилась возможность приобщиться к жизни простого народа, — задумчиво протянула я.

— Вы хотите ждать на морозе? — уточнил он.

— Не могу же я оставить вас без этого бесценного жизненного опыта. За что вы тогда будете меня благодарить? — пошутила я.

— За то, что вы не простудились.

— Деревенских девчонок простым морозом не возьмешь.

— Да, вашу жажду приключений способны остановить только санки, — хмыкнул он и кивнул: — Идемте, леди Торн, преодолеем очередь.

По дороге я притормозила возле прилавка со стеклянными елочными шарами, разложенными по ящичкам. Из кудрявых стружек высывались разноцветные грациозные бока, такие тонкие, что было страшно к ним прикоснуться. В маленьких корзинках лежали позолоченные и посеребренные еловые шишки.

Вообще, я уже была готова предложить Филиппу вместо пирогов купить изящную игрушку, но за спиной его не обнаружила. Оказалось, он пристроился в конец длинного людского хвоста и активно приобщался к простому народу.

— Тереза? — вдруг позвал знакомый женский голос, и я обернулась. — Точно Тереза Вудсток!

Всего в нескольких шагах от меня, возле палатки с разноцветными теплыми платками, во все глаза на меня смотрела бывшая соседка по общежитской комнате. Та самая, которая намеревалась познать мужчину на шелковых простынях. Во время учебы у нее с простынями что-то не сложилось, а потом мы разъехались, и я не узнала, чем закончилось дело.

— Вирена! — обрадовалась я.

Пусть особенно близкой дружбы мы не водили и частенько ссорились, но ее рассказы об ухажерах были... познавательными. Можно сказать, что Вирена и анатомический атлас научили меня всему, что я знала о мужчинах.

Забыв на прилавке сверток с платком, она подскочила ко мне и крепко обняла, отчего с головы свалился капюшон, а почти остывший чай выплеснулся под ноги.

— С самого выпуска не виделись! — Она заправила под меховую шапочку темную прядь волос. — Как ты здесь очутилась? С тетушкой приехала?

— У меня медовый месяц, — пояснила я, снова натягивая капюшон, пока не отморозила уши.

— Ты вышла замуж? — Вирена округлила темные, как переспелые вишни, глаза. — С ума сойти! Самая первая из нас троих! Наверное, по большой любви. Да?

Она потрепала меня за рукав, словно действительно жаждала узнать подробности неожиданного замужества.

— Вроде того, — сдержанно улыбнулась я и попыталась перевести тему: — Ты здесь отдыхаешь?

— С подружками решили покататься на лыжах. Ты уже пробовала? Это так весело! — Она рассмеялась, и мне вдруг представилось, как Вирена ищет по склону лыжные палки. — Кстати, завтра утром приезжает Кира.

— Наша тихоня Кира? — удивилась я, что третья соседка тоже оказалась любительницей зимних развлечений.

Во время учебы за ней такой слабости не замечалось. Она вырывала из любимых женских альманахов портреты театральных

актеров и доказывала, насколько опасно кататься на коньках. Не сломаешь лодыжку, так подхватишь горловую жабу.

— Летом Кира тоже собралась замуж. Приезжает сюда с женихом и его мамой. — Вирена искренне веселилась. — Кто берет с собой на курорт будущую свекровь? Представляешь, что за отдых ее ждет?

— Да уж... — пробормотала я, мысленно пересчитав бастион своих родственников. — Что-то она опрометчиво.

— А знаешь, Тереза, мы завтра в пять вечера встречаемся в чайной возле антикварной лавки. Приходи тоже! — предложила она.

— Мне надо спросить у мужа, — замялась я и невольно оглянулась к Филиппу. Он преодолевал! Очередь и, видимо, нежелание в ней стоять.

Как назло, хвост не уменьшался. Возле прилавка придирчивая дама в лисьем манто заставляла торговку демонстрировать пирожки из каждой корзины, словно выбирала самые румяные.

Неожиданно Филипп повернул голову, увидел рядом со мной незнакомую девицу и измерил ее внимательным взглядом. С задорной улыбкой, с какой встречала всех перспективных парней во время учебы, она живенько помахала ему рукой. И мне не понравилась ее нервирующая дружелюбность.

Выйти из очереди, чтобы познакомиться лично, мой дражайший супруг не потрудился и с характерным высокомерием холодно кивнул. Дескать, будем знакомы на расстоянии.

Зато господин рядом с ним очень энергично помахал в ответ и выронил из рук сверток. Он бросился этот сверток поднимать, толкнул мирно мерзнущего Филиппа и принялся суетливо извиняться, когда тот облил себе пальто чаем.

Ни один из нас горяченьким напитком не угостился, зато щедро полил площадь, а мой супруг местами и одежду. На его лице нарисовалась вся тоска аристократического народа по шикарным торговым домам, где в очереди стоял не он, а к нему — с радостью предложить все, что его душе угодно. Даже если товар продается в лавке через улицу.

— У тебя очаровательный муж! — воскликнула Вирена.

— Кхм... спасибо, — отозвалась я, словно внешняя привлекательность Филиппа Торна была моей личной заслугой.

— Бери его с собой на встречу, — распорядилась она.

— Полагаешь, будет уместно? — засомневалась я.

— Мы же старые друзья! — Вирена по-своему хлопнула меня по плечу. — Кира в любом случае придет с женихом. Он ее одну никуда не отпускает. Надеемся, что маму с собой не притащит.

Я снова с сомнением покосилась на Филиппа. Очередь все-таки продвинулась, сосед отступил на уважительное расстояние, а тоска на лице моего дорогого мужа осталась. Сразу видно, как он «наслаждался» новым жизненным опытом.

— Спрошу у него и пришлю тебе записку, — предложила я. — Где ты остановилась? В Сиале?

— С ума сошла! — Вирена всплеснула руками. — Мы сняли комнату здесь, в деревне. На всех выходит совсем недорого. Так вы с мужем живете в Сиале?

Я дернула плечом, дескать, повезло вскарабкаться на гору, теперь думаю, как с нее не скатиться на пятой точке.

— Конечно, на медовом месяце не экономят, — протянула она, и я деликатно промолчала, что экономию мой дорогой супруг, должно быть, видит только в страшных кошмарах.

Напоследок Вирена сказала название гостевого дома и, забрав у продавца сверток, зашагала к выходу из ярмарки. По дороге она оглянулась и помахала рукой:

— Завтра в пять!

Стоило пристроиться рядом с Филиппом, как он спросил:

— Ваша соратница?

— Бывшая соседка в пансионе, — поправила я. — Ее зовут Вирена. Приехала с подругами покататься на лыжах.

— Ясно, — отозвался он без особого интереса.

— Филипп, завтра мои сокурсницы встречаются в чайной в пять часов. Они приглашают и нас, — осторожно произнесла я.

— Хотите, чтобы я с вами поехал на девичник? — усмехнулся он.

— Наша третья соседка будет с женихом, — быстро уверила я. — И, наверное, с мамой.

— Своей?

— Его.

— То есть мы тут не одни отдыхаем с родственниками? — сыронизировал он и добавил: — Хорошо. Поедем на встречу с вашими подругами.

— Вы серьезно? — от неожиданного согласия я даже несколько опешила.

— Да. — Он покрутил в руках почти опустевший стакан с чаем.

— Вот так запросто взяли и согласились?

— Я должен был отказать? — усмехнулся он.

— Нет, просто я не ожидала такой быстрой капитуляции, — чистосердечно призналась я.

— Кто еще мне расскажет о том, как вы сумасбродничали во время учебы, кроме соседок?

— Я не сумасбродничала, — фыркнула я. — Получала образование и была примерной студенткой.

— Охотно верю, — протянул Филипп, всем своим видом доказывая, что верит, может, охотно, но точно не в примерное поведение.

Не успела я что-то возразить или хотя бы сморщить нос, дескать, дорогой супруг, вы плохого мнения о своей половине, возможно, даже лучшей половине, просто мы об этом еще не догадываемся, как возле нас началось столпотворение. Откуда ни возьмись, вернее, из торговых рядов, на соседа налетела супруга и четверо мальчишек-погодок в шапках набекрень и с одинаковыми леденцовыми дракончиками на длинных палочках. Говорили они все одновременно, но громче всех мать семейства.

— Ты что за людьми прячешься? — принялась ругаться она супруга, пихнув ему в руки корзинку со снедью.

— Так я же вас звал, — растерялся он. — Рукой махал.

— А рот тебе на что дан? — забранилась она. — Звать нас — он тебе дан, а ты все руками машешь.

Пироги мы покупали под невообразимый гомон. Я выбрала с ягодой шелковицей, растущей в Эрминских горах. Филипп приобщаться к народной кухне не пожелал, не прельстился даже плюшкой, щедро обсыпанной сахаром.

— Уверена, это будет самая вкусная еда в вашей жизни! — отходя от прилавка, уговаривала я испробовать изыск, пропитаться местными традициями и почувствовать себя еще ближе, так сказать, к простым смертным. — Поверьте, на морозе любая еда вкуснее! Зря, что ли, за ними столько стояли?

На провокацию он не поддался и с улыбкой пожелал приятного аппетита.

— Не сомневайтесь, мне будет очень приятно, — уверила я и, освободив румяный край из хрусткой бумаги, с удовольствием откусила кусок. Начинка оказалась на вкус чудовищной.

— И как вам? — не без ехидства уточнил Филипп, наблюдая, с каким отчаянным усердием я изображаю на лице наслаждение. Пришлось запить холодным чаем, чтобы проглотить.

— Как снадобье от похмелья. Только сладкое, — призналась я, что промахнулась с выбором, и недоверчиво посмотрела на пирожок. — Какой обманчиво аппетитный вид! Лучше бы взяла с картошкой.

— Они добавляют в нее местные специи, — дал он понять, что кулинарная авантюра была провальной изначально. — А капусту заворачивают квашенную.

— Признайтесь, вы уже пробовали?

— Ни разу не рискнул, — действительно признался Филипп.

— Почему не предупредили?

— О ваших вкусах я пока знаю только то, что вы любите цветочный чай. И поесть, — добавил он, видимо, чтобы поддразнить.

— Послушать, так вы женились на обжоре.

Немедленно вспомнилось, с каким нездоровым азартом я набивала живот за ужином на постоялом дворе, ни на секунду не прекращая жевать, и сделалось даже неловко.

Когда мы вышли с ярмарочной площади, стаканчики с остатками ледяного, практически замороженного чая полетели в мусорный короб. Я поняла, что просто не способна и дальше наслаждаться местной выпечкой, но выбрасывать еду не позволяла совесть.

— Давайте я избавлю вас от мук, — предложил Филипп.

— Сжуете сами? — любопытно спросила я, передавая ему злосчастный пирожок.

— Накормлю мусорный короб.

Только я открыла рот, чтобы назидательно объявить, что странную еду проще скормить бродячему псу — сейчас найдем, поймем и скормим, — да так и забыла его прикрыть. Распугав прохожих, к Филиппу метнулась проворная тень.

Пушистый зверек размером с кошку, но с длинным хвостом в черно-белую полоску пружинисто подскочил в воздухе, ловко выдрал

пирожок и повис в воздухе, схваченный за шкирку стремительной мужниной рукой. Филипп отодвинул мохнатого вора и, не скрывая недоумения, протянул:

— Белка?

— Кольцехвостый леймар! — удивленно охнула я, честно говоря, никак не ожидая на заснеженном горнолыжном курорте обнаружить исчезающую с лица земли магическую тварь с острова Рамдор. Магической она, по большому счету, считалась исключительно за умение чувствовать защитные чары и с ловкостью их обходить.

Зверек таращился круглыми желтыми глазенками. Полосатый хвост ходил туда-сюда, словно жил собственной жизнью. С ошейника на шее свисал обрывок веревки.

Люди проходили мимо нас, даже не стараясь спрятать улыбки.

— Смотрите, вы его пугаете! — охнула я. — Зачем вы его треплете?

— Я его?!

— Между прочим, на вас вскарабкался вымирающий вид магических тварей.

— И что?

— Гордитесь! — Я протянула руки к трясущемуся зверю и просюсюкала: — Иди ко мне, малыш.

— Не уж! — Филипп отодвинул зверька подальше. — Пусть эта дикая белка вымирает у стражей.

— Не белка, а леймар. Какой он вам дикий? Даже не вырывается.

— Конечно, я держу его за шкирку.

— Дайте! — рявкнула я тем самым тоном, которым приказывала Клементине спрятать дурацкие пирожки с капустой.

Леймар уронил пирожок. Муж уронил челюсть. Зверь в прямом смысле, супруг в фигуральном. Мина у Филиппа была красноречивой, и обе изогнутые брови тоже весьма выразительны. Видимо, не хватило одной, чтобы выразить степень удивления. Посмотришь и решишь, что на него никто и никогда не рявкал.

Пока впервые обруганный аристократ пытался оценить, насколько ему по вкусу подобный опыт в семейной жизни, я подхватила зверька на руки. Тот доверчиво уткнулся мне в плащ черной острой мордочкой, вцепился четырехпалыми лапками в ткань и принялся активно дрожать.

— Давайте отнесем его в участок, — наконец решил муж остаться миролюбивым и указал нужное направление. — Уверен, они найдут хозяина.

Я придержала язык и не стала уточнять, откуда Филиппу Торну знать, где в маленькой деревне участок стражей. Но главное, при каких обстоятельствах он выяснил место их обитания... в смысле, службы.

Мохнатый комок крепко прижимался к груди. Хвост доверчиво обернулся вокруг руки. Как такое нежное, слабое существо оставить на попечение стражей?

— Филипп, вы никогда не хотели домашнего питомца?

— Нет, — мигом разгадав, к чему идет разговор, отозвался он.

— Какой вы, оказывается, черствый человек, а с виду-то сразу и не скажешь.

Он резко остановился и почти с восхищением посмотрел на меня сверху вниз:

— Дорогая супруга, вы пытаетесь мной манипулировать?

— Догадались? — скривилась я и тут же спросила: — На всякий случай: получается?

— Нет, я не поддаюсь на манипуляции.

Мы снова двинулись вниз по улице, должно быть, к стражбему участку.

— А жаль. Просто этот маленький комочек так трясется. Он явно привык к людям.

— Вы все еще пытаетесь манипулировать, — сдержанно заметил он.

— А вы знаете, что леймаров запрещено вылавливать? — не унималась я. — Но браконьеры хорошо зарабатывают на экзотических магических тварях. Их держат дома вместо кошек.

— Браконьеров?

— Господь с вами! — фыркнула я. — Леймаров! Очень умные создания. Да, милашка, ты ведь умненький? Не будешь драть стенные ткани, ломать карнизы и грызть хозяйские ботинки?

Я погладила звереныша пальчиком по макушке. В ответ он смешно скривил уши.

— Уверен, на каждой прогулке по городу вы спасаете по одному котенку, — на вздохе пробормотал Филипп.

— Как догадались?

— Интуиция подсказала.

— Эй! Пойдите! — долетел до нас хриплый мужской голос.

Невольно мы обернулись. На всех парусах, в раскрытой душегрейке и с развевающимся шарфом, к нам несся патлатый, бородатый детина. Он преодолевал разделяющее нас расстояние широкими шагами, размахивал ручищами и распугивал прохожих, а заодно воробьев, сидящих на изящных кованых ограждениях, отделяющих пешеходную мостовую от дороги.

— Мадам, где вы нашли этого зверя? — Запыхавшийся мужик встал перед нами. От него ядрено пахло застарелым потом, с висков тек пот. — Всю ярмарку проверил. Думал, он с концами сбежал!

— Мы поймали его на улице, — спокойно пояснил Филипп, опустив тонкий момент, что ловля произошла на пирожок. — Хотели отнести стражам.

На меня с вопросом посмотрели двое одинаково высоких мужчин. Один был похож на медведя, второй на ледяную глыбу.

— Коль хозяин нашелся... — вздохнула я и попыталась отодрать леймара от плаща, но тот отдираться не желал, разве что вместе с самим плащом.

— Давайте помогу, — прогудел мужик и даже потянул руки.

Неожиданно леймар оцетинился и зашипел, а потом и вовсе зарычал таким неприятным трубным рыком, какого в столь милом создании с лупоглазыми желтыми глазенками никогда не заподозришь. В конечном итоге отцепиться ему пришлось. Мужик подхватил леймара за холку и поднял повыше, не давая тому зацепиться за меня хвостом.

— Детишкам на ярмарке показывал, а эта тварь вырвалась, — пожаловался он. — Благодарю, господа, что подсобили. Здоровья вам побольше!

Встряхивая звереныша, видимо, чтобы тот не пытался вырваться, мужик отправился в сторону ярмарки. Леймар безвольно висел, длинный полосатый хвост, гордость любой мохнатой твари, волочился по земле. И сердце вдруг защемило от жалости, как всегда, когда на глаза попадались брошенные котята, скулящие щенки или просто подранные коты, которых срочно требовалось показать зверомагу. Признаться, люди во мне такого участия не пробуждали.

— Филипп, — произнесла я быстрее, чем решение успело окончательно созреть, — говорю заранее, чтобы снять любые недопонимания. Мы заводим домашнего питомца.

— Когда?

— Прямо сейчас. Доставайте портмоне! — скомандовала я.

— Вы сказали, что нас примут за мошенников, — не без иронии напомнил он.

— Поверьте, нас и так примут, — пробормотала я и крикнула бородачу: — Уважаемый, подождите!

Со стороны «уважаемый» выглядел тяжелым и неповоротливым, но повернулся бодренько, словно ждал, что его окликнул. Я шагнула решительно: грудь вперед, капюшон на спине. В душе — жажда спасения невинного создания, которого явно толком не кормили. Иначе не кинулся бы на пирожок.

Да всем известно, что леймаров нельзя кормить мучным! В смысле, всем, кто знаком с леймарами не только по картинкам, но изредка перелистывает атласы исчезающих магических тварей. Сомневаюсь, что его хозяин вообще знает об этих атласах, иначе побоялся бы продемонстрировать несчастное создание на ярмарке.

— Леди Торн! — Филипп резко сжал мой локоть, остановив красивое выступление еще на старте, и требовательно спросил: — Вы же не собираетесь выкупить зверя?

— Нет, господин Торн.

— Спасибо.

— Я собираюсь спасти ему жизнь с помощью ваших денег.

— В моем доме белок не будет!

— Считайте это свадебным подарком.

Честно говоря, я ни разу не думала о свадебном подарке. Состоятельный маг в шестом поколении с более чем привлекательной внешностью уже подарок для девушки, выходящей замуж по брачному соглашению. И сама ничего дарить ему не планировала. Дернул же демон за язык! Да и что вручить человеку, у которого было все? Даже жена. Теперь еще экзотический питомец появится.

— Филипп, забудьте о подарке мне! Я вам сделаю свадебный подарок, — переобулась я. — Правда, за ваши деньги. Считайте, что дали мне в долг.

— Сколько? — резко спросил пока еще не одаренный муж.

Поверить не могу, что он спросил стоимость. Но, может, аристократы по дороговизне прикидывают, был ли дар сделан от всей души?

— Сейчас выясню! — Я повернулась к бородачу и громко спросила: — Сколько вы хотите за своего леймара?

Мужик поднял звереныша, оценивающе присмотрелся к нему и хмыкнул:

— Денег, господа, не хватит.

— Филипп, обойдется дорого, — тихо пробормотала я, не глядя на мужа, и объявила: — Сто крон!

На такое предложение не согласился бы только сумасшедший. И хозяин леймара.

— Да не нужны мне твои кроны, леди, — гнусно ухмыльнулся он, явно решив набить цену. — Я на нем заработаю, а потом за двести продам такой же дамочке из столицы. Вы любите странных животных.

— Пятьдесят, — резко произнес Филипп и, сделав шаг, загородив меня от противника. Заодно весь вид закрыл.

Пришлось по-глупому выглядывать из-за его спины, как будто я действительно пряталась.

— Мошенники! — обвинил нас мужик. — А с виду приличные люди.

— Сорок, — спокойно снизил цену Филипп.

— Никакой совести! — охнул мужик, обращаясь к собравшейся публике.

И когда только народ успел набежать? Видимо, предчувствовал знатное развлечение.

— Тридцать, — снизил цену Филипп.

Мне очень нравилось, как он решил сэкономить мои деньги, но всегда считала, что торг проводят по-другому. Какой-то аукцион наоборот. В принципе, это мне тоже импонировало.

— Нет, постой! — растерялся бородач. — Она сто предлагала!

— Это было до того, как ты начал оскорблять леди, — ответил Филипп, и его вкрадчивый голос с остро-ледяными интонациями уже резал на тонкие полоски противника, мостовую и даже чуток мою нервную систему.

— Хотя бы сорок пять, — заявил хозяин леймура и кивнул мне, выглядывающей из-за мужа. — Скажи, леди? Сорок пять крон — отличная цена за хвостатую тварь.

— Двадцать пять, — отрезал он. — И мы не станем подавать жалобу на торговлю редкими магическими тварями и организацию контактного зоопарка. Кстати, на него есть разрешение?

— Тридцать! — выпалил бородач. — Смотри, какой хороший живой леймар!

Он тряхнул зверенышем, бедняга пискнул. У меня чуть сердце не остановилось.

— Филипп, — тихонечко проскулила я и подергала его за пальто, дескать, остановитесь, мне стыдно дарить вам свадебный подарок дешевле полтинника.

— Двадцать.

— Хорошо, я согласен на двадцать пять!

— Леди Торн, — муж бросил над плечом взгляд, — забирайте свою белку.

Пока он вытаскивал портмоне, я подхватила мохнатую зверюшку и немедленно спрятала ее за шиворот. Бедняга схватился за шею, крепко прижался и сунул морду подмышку. Плащ на груди неприлично затопорщился, а между застегнутыми заново пуговицами повис полосатый леймаров хвост.

Филипп, между тем, с задумчивым видом перебирал содержимое кошелька.

— Что у вас стряслось? — пробормотала я и невольно посмотрела на купюры.

Самой мелкой оказалась ассигнация в сто пресловутых крон. Похоже, ею-то он и пытался расплатиться за чай.

— Серьезно? — вырвалось у меня. — Вы торговались, не зная, что лежит в кошельке?

С задумчивой миной он вытащил из кармашка личную карточку. На плотной бумаге витиеватыми буквами были выбиты полное имя, родовая принадлежность и даже поколение магов, в котором Филипп Торн соизволил появиться на свет. Адрес тоже имелся.

— Возьмите. — С королевским достоинством, словно не уселся с наскака в лужу, Филипп протянул карточку. — Мы с супругой живем в

замке. Вечером зайдете, отдадите это на входе. Деньги будут вас ждать у распорядителя гостевого дома.

— Ага, держи карман шире! — с неприятной ухмылкой скривился мужик и покрутил карточку в руках. — Да меня в ворота замка не пустят. Дамочка, отдавай мою тварь!

Невольно я прижала леймара к груди и отодвинулась.

— Господин, послушайте... — проговорил Филипп, пытаюсь решить дело миром.

— Нет, люди добрые, вы видели? — перебил его мужик. — Обмануть честного работягу! Отобрали дорогущего зверя и думают, что раз господа, то им все с рук сойдет. Где стража? Зовите стражу! Пусть повяжут аферистов!

Филипп вытащил из портмоне ассигнацию в сто крон и протянул скандалисту.

— Возьмите деньги и разойдемся.

Мужик выдернул купюру и нахально осклабился:

— Еще сто за моральный ущерб. И зверя отдай, дамочка.

Он двинулся на меня. Филипп резко припечатал раскрытую ладонь в его мощную грудную клетку.

— Шаг назад! — Он слегка оттолкнул противника, заставив подвинуться. — И не смей к ней приближаться. Она тебе не дамочка, а леди и на «вы».

Никогда бы не подумала, что мой лощеный, упакованный в дорогое пальто муж, с утра потерявший возможность использовать грозную магию, позволил втянуть себя в уличную драку. И даже глазом не моргнул. Хотя, может, моргнул, а я не заметила.

— Эй, народ, разойдись! Что за вопли посреди улицы? Устроили тут столпотворение.

Никогда еще стражи не появлялись так вовремя! Двое служителей порядка, одетых по форме и с пристегнутыми к поясам магическими дубинками, вальяжно прошли сквозь расступившийся народ. Один был постарше и носил густые усы, другой — совсем мальчика с румяными от мороза щеками.

— Да мы просто поспорили, господа стражи, — заюлил мужик, вдруг сделавшись очень кротким, и нервно огладил бородку. — Уже расходимся...

На секунду затаив дыхание, я оглядела стражей и выпалила:

— Этот человек — вымогатель!

— Чего? — охнул тот.

Блюстители порядка мгновенно насторожились. Филипп тихо произнес:

— Тереза, не стоит.

Но меня уже понесло по кочкам. Я жаждала расправы. И вернуть сто крон, что уж греха таить.

— Он показывает на ярмарке редких магических тварей. Уверена, там у него целый контактный зоопарк. — быстро заговорила я, пока не перебили. — Мы решили выкупить кольцехвостого леймара, чтобы передать в королевский питомник и спасти несчастному сознанию жизнь. Так он сначала потребовал от нас сто крон, а когда мы отдали деньги, то решил и леймара забрать, и денег еще стясти. Натуральный махинатор!

Мужик от изумления оцепенел. Филипп подавился на вздохе.

— Кого он продавал? — спросил усатый страж у напарника.

— Да белку он продавал за неприличные деньги! — Я потрясла торчащим из-под плаща хвостом, отчего тот ожил и принялся ходить туда-сюда. — Понимаете, белка такая есть. С острова. Мы в нашем женском клубе по защите магических тварей таких дельцов сдаем стражам порядка! Не благодарите, что мы сделали за вас всю работу.

Благодарить меня, понятное дело, никто не торопился. Наступила ошеломленная тишина. Я и сама, признаться, слегка обалдела.

— Леди, — тихо спросил молоденький страж, — у меня только один вопрос.

— Ядовиты ли кольцехвостые леймары? — уточнила я.

— Господин тоже входит в ваш женский клуб? — перебил меня страж.

— Он меня охраняет.

— Мы женаты, — загробным голосом вымолвил Филипп.

Оба стража посмотрели на него с неприкрытым сочувствием. Видимо, идейная жена им снилась только в кошмарах, а у кого-то этот кошмар стал явью.

— Говоришь, за деньги и без разрешения от управы устроил аттракцион на ярмарке? — уточнил усатый страж у бородача, и тот

вдруг съежился. — Идем, массовик-затейник, проверим, сколько от тебя пострадало народу...

— Подождите, господа стражи, уводить! — охнула я. — Пусть сначала сто крон вернет. Ведь выманил обманом!

— Да они сами отдали за леймара! — возмутился он.

— Господа стражи, где я могу написать жалобу на мошенничество? — деловито уточнила я.

Те переглянулись.

— Верни уважаемым господам кроны, подлец, — приказали мужику. — Иначе жалобу напишут.

Было очевидно, что никому, кроме меня, эта самая жалоба не сдалась, и стражи готовы забрать у бородача абсолютно все деньги и отдать леди. Этаким узаконенный разбой во имя справедливости и выживания вымирающих леймутов.

— Да пусть подавится! — Мужик вернул мне сто крон.

— Не подавлюсь. Я ее жевать не собираюсь. — Без стеснения я забрала измятую ассигнацию и сунула в карман. — И карточку верни.

— Какую еще карточку? — Взгляд усатого стража не сулил бородачу ничего хорошего.

— Личную, — подсказала я.

— Оставьте, господин страж. — Филипп чувствительно сжал мой локоть, дескать, дорогая супруга, уймись.

— Нет уж! — взбунтовалась я. — Пусть вернет все, что забрал.

Карточка перекочевала сначала в мои руки, а потом и в карман.

— Довольна, леди? — злобно сцедил мужик.

— Весьма.

— Господин? — обратились стражи к Филиппу.

— Вы уже все слышали, — сухо отозвался тот. — Хорошей службы, господа.

— Да, спасибо за службу. Иногда с вами очень приятно иметь дело, — улыбнулась я и презрительно бросила бородачу: — Жадность никогда до хорошего не доводит!

В Сиал мы возвращались в молчании. Звереныш сначала выбрался из-под теплого плаща, нервно поерзал, испугавшись нового места, но в конечном итоге мирно задремал у меня на руках, прикрыв мордочку хвостом. Филипп с непроницаемым видом смотрел в окно.

— Мне не жаль, — тихо оповестила я.

Он бросил на меня вопросительный взгляд.

— Я обещала сказать, когда мне будет не жаль. О добрых делах нельзя жалеть, а мы спасали живое существо. И кстати... — Поерзав, я вытащила из кармана окончательно измятую ассигнацию и протянула ему: — Возвращаю долг.

Филипп смотрел на меня таким взглядом, что становилось неловко.

— Берите. — Я сунула ему деньги и выудила из второго кармана карточку, превратившуюся в скомканный кусок картона. — Ваша карточка.

Некоторое время он рассматривал отвоєванные у бывшего владельца леймара сокровища и вдруг произнес:

— Леди Торн, в следующем месяце я закупаю магические кристаллы. Не хотите поприсутствовать на встрече? Мне нравится, как вы ведете переговоры. Куда ловчее моего стряпчего. К слову... — Он на секунду задумался. — Как вы назвали тот клуб?

— Женский клуб по защите вымирающих магических тварей.

— Давно в нем состоите?

— Некоторое время... — уклончиво отозвалась я. — Знаете, хочу торжественно объявить, что сегодня вы заслужили значок нашего клуба!

— Женского? — уточнил он с иронией.

— Пока еще женского клуба, — значительно поправила я. — Мы давно подумываем о привлечении в наши ряды мужчин. Станете первым и пока единственным соратником.

— Я в восторге, — отозвался Филипп с таким видом, точно думал, в гробу какого цвета видел значок нашего клуба.

ГЛАВА 6. Свадебные подарки

Я решила отправить записку Вирене, не поднимаясь в номер, и звереныша пришлось перепоручить чуткой заботе Филиппа. Оба не пришли в восторг. Свадебный подарок обшипел владельца, словно был не подарком, а заложником у горских варваров. Сам счастливый хозяин не собирался, в принципе, проявлять заботу и схватил его за шкуру, как нашкодившего кота.

— Где ваш питомец? — едва прикрыв дверь, спросила я у Филиппа.

— Ваш питомец, — выразительно поправил муж.

Удобно устроившись на диване, он читал многостраничное письмо. На кофейном столике стоял поднос с горой корреспонденции, видимо, доставленной в гостевой дом за время нашей прогулки.

— Вообще-то, это ваш свадебный подарок, — напомнила я, бросив плащ на спинку дивана. — Куда он исчез?

— Ваш свадебный подарок, полагаю, забился под кровать, — хмыкнул Филипп. — Кстати, емкость с опилками энтузиазма у него не вызвала.

— Леймары все равно не приучаются к лоткам, — ляпнула я.

Муж посмотрел многозначительно:

— Неужели?

— Но мы обязательно постараемся справиться с этим досадным недостатком.

— *Вы* постараетесь, дорогая супруга.

— Конечно. В случае чего, я прекрасно владею очищающими чарами, — уверила я. — Но туфли, пожалуй, вам лучше держать в недоступном месте. Кстати, как вы его решили назвать?

— Кого? — не понял Филипп.

— Ваш подарок.

— А его надо называть?

— По нашему дому будет прыгать безымянный леймар?

— Я полагал, что вы собираетесь отдать его в королевский питомник, — напомнил Филипп, как я торжественно заявляла стражам, что спасенный зверь обретет новый дом.

— Не знаю, как принято у Торнов, но у Вудстоков подарки не передаривают, — тонко намекнула я, что питомец обретет не какой-то дом, а конкретно наш. — Если мы отдадим малыша, то будем не спасителями, а доставщиками. Вас это не смущает?

— Вы правы: нисколько не смущает, - согласился он.

— Я говорила, что вы черствый человек?

— Да, но я ответил, что не поддаюсь на манипуляции.

— Уверена, вы его полюбите за эти дни и не захотите расстаться. Леймуры удивительно дружелюбные и очаровательные животные.

— Да, но тот, которого вы не хотите отдавать в королевский питомник, в отличие от своих сородичей, на редкость агрессивен.

— У него сложная судьба. Сжальтесь! Попробуйте взять его лаской и вкусняшкой.

— Зверю надо показывать, кто в доме хозяин, а не пытаться с ним заигрывать, — выдвинул исключительно спорную теорию Филипп. — Животные понимают только силу.

— Поверьте, когда вы его полюбите...

— Вряд ли, — весьма бесцеремонно полюбил он.

— Но отказываться от свадебного подарка все равно некрасиво.

На обеденном столе стояла тарелка с аккуратно порезанными и очищенными фруктами. Недолго думая, я подхватила ломтик яблока и с удовольствием откусила.

— Это корм для вашего свадебного подарка, — делая вид, что вернулся к чтению письма, прокомментировал Филипп.

Яблоко застряло в горле.

— Но он его презрел и сбежал в спальню. Я не стал останавливать, — добавил он как ни в чем не бывало. — Угощайтесь.

— Благодарю, вы мастерски умеете отбивать охоту, — проворчала я.

— Хотите что-нибудь заказать? До аукциона еще много времени.

— А этот аукцион сегодня вечером? — насторожилась я.

— В восемь. — Он отложил письмо и бросил на меня взгляд. — Мы можем отказаться от приглашения.

— Но вы ведь его уже приняли.

— Никто не посмеет осудить, если мы не появимся. Проведем время вдвоем.

Втроем, если считать забившегося в какой-то угол леймара, но он точно не подольет в игристое вино дикий коктейль из снадобий, и третья брачная ночь приведет к логическому завершению предыдущие две.

— Давайте сегодня выйдем в люди, — немедленно решила я на первый официальный выход в роли новой леди Торн. — Для разнообразия.

— Как скажете, — словно прочитав в моем лице все мысли, что бродили в голове, понимающе усмехнулся Филипп. — И позовите своих тетушек.

— Вы хотите их взять с собой?! — практически в вящем ужасе воскликнула я.

— Разве вам не нужна помощь, чтобы собраться? — кажется, развеселился Филипп. — Вы же отказались выбрать себе горничную.

Да, было дело. Сглупила. И теперь понимаю, в каком космическом масштабе!

Осматривать все углы в спальне не стала: сразу по-простецки плюхнулась на колени и заснула голову под кровать. Леймар действительно забился к самой стене и таращил из темноты круглые желтые глазенки.

— Иди сюда, малыш. — Я попыталась подманить звереныша тем самым надкушенным ломтиком яблока. — Смотри, какая вкусняшка.

На яблоко он не повелся. Сидел нахохлившись, как болотный сыч, и похлопывал хвостом по дубовому полу.

— Вкусно же! — уверила я и в доказательство прикусила ломтик.

Как и с Филиппом, отказавшимся пить средство от похмелья, не помогло. Мы с яблоком у леймара доверия не вызвали. Пришлось вытянуться из-под кровати, попутно шмякнувшись затылком об остов, и с самым независимым видом вернуться в гостиную за тарелкой с фруктами.

— Отыскался? — спросил Филипп.

— Вы были правы, ваш подарок укатился под кровать.

Следующие пять минут он с незатухающим интересом и возрастающей иронией следил за моими метаниями туда-сюда. Я вернулась еще раз за водичкой, потом, тихонечко извинившись, вытащила из-под спины мужа клетчатый плед, чтобы соорудить в кресле мягкое гнездо.

В конце концов, пока забирала подставленную под кровать тарелку, слетела сережка. Попыталась дотянуться рукой, но не достала даже кончиками пальцев. Не втискивать же, право слово, под кровать на пузе, чтобы одни ноги торчали.

С независимым видом я пересекла гостиную и вытащила из стойки для зонтов трость дядьки Рендела. От магического укола заклятье распалось, и набалдашник выплюнул сноп затухающих золотистых искр.

— Пришли к выводу, что ласка не действует? — промурлыкал муж, поднимая взгляд от очередного письма.

— Теперь под кроватью не только ваш подарок, — сдержанно объявила я и вернулась в спальню.

Тут обнаружилась умилительная картина. Звереныш вылез, уселся на стол возле тарелки и уминал салатный лист. При моем появлении он оцепенел и насторожился, готовый запрыгнуть куда-угодно: на гардину, на стену и, возможно, на потолочную люстру.

— Ты ж моя зайнька, — протянула я с улыбкой и раздраженно сдула с лица кудряшку, беспрерывно падающую на глаза. А потом с тростью полезла обратно под кровать. Вызволять сережку.

Новость о моем первом выходе в люди вместе с мужем привела тетушек в страшное волнение. Они по очереди отправляли записки, не давая отойти от почтовой шкатулки, а я-то просто уточнила, в какое время заглянуть к нам в номер и помочь со сборами.

Пока я сидела за обеденным столом, неожиданно превращенном в письменный, и вела оживленную переписку, Филипп успел собраться. Он вышел в гостиную уже облаченный в белую рубашку с бабочкой и строгие брюки с идеальными стрелками. Ему не пришлось меня отвлекать от почтового беспредела, я и так таращилась во все глаза, как будто на чужого мужа, а не на своего.

Почтовая шкатулка громко крякнула, приняв очередную записку. Сама от себя не ожидая, я вздрогнула и наваждение развеялось. Не понимаю, откуда появилась такая реакция на Филиппа? Он как будто начал заслонять собой все, что нас окружало, а перед глазами потом плыли световые пятна.

— Вы уже собрались? — прошелестела я, следя, как он небрежно, не боясь измять, бросил смокинг на спину дивана.

— Буду ждать вас в клубном зале. Спускайтесь к половине восьмого, — велел он и, приблизившись ко мне, поставил на крышку стола небольшую шкатулку для украшений с перламутровой крышкой. — Примите, леди Торн.

— Что это?

— Ваш свадебный подарок.

Я почувствовала, что не просто заливаюсь румянцем от смущения, а вспыхиваю, как сигнальный фонарь на маяке. Даже уши запылали. При взгляде на перламутровую вещицу меня нагнало идиотское ощущение, что я самозванка, занявшая чужое место. Сейчас из гардеробной выйдет настоящая супруга Филиппа с кротким нравом, идеальными манерами и талантом вышивать цветочки.

— Вы не обязаны... — прошелестела я, глядя на него снизу вверх.

Он молча открыл шкатулку. На черной подложке лежало изящное кольцо с цветком из драгоценных камней.

— Это кольцо моей матери, — пояснил он. — Она завещала передать его новой леди Торн. Я вам помогу...

Как и прошлым вечером, Филипп протянул раскрытую ладонь, молчаливым жестом прося дать ему руку.

Кольцо оказалось великовато и легко скользнуло на безымянный палец, но ободок немедленно стянулся, подстраиваясь под нужный размер. Теперь захочешь — просто так не снимешь.

— Спасибо. — Я замороженно смотрела, как в цветочных лепестках рассыпаются искры отраженного света.

Неожиданно Филипп мягко прикоснулся к мочке моего и без того горящего уха теплыми пальцами. Меня словно прострелило магическим разрядом. По спине побежали мурашки, на затылке почему-то зашевелились волосы, а ухо, ей-богу, едва не воспламенилось, как факел. Ну и я вместе с этим обласканным ухом.

— Вы потеряли сережку, — тихо вымолвил муж.

— Видимо, опять раскрылась, — замороженно поднимая к нему взгляд, отозвалась я. — Надо обязательно найти.

Он вдруг усмехнулся и ласково погладил мою пылающую щеку.

— На вас сегодня будет достаточно украшений, леди Торн.

— Тогда просто сниму вторую, — прошептала в ответ.

— Буду ждать вас внизу, — самым деловым тоном объявил он, словно не проделывал все эти штуки, заставляющие меня

одновременно трепетать от восторга, чувствовать себя душой и обмирать от неловкости.

Бодрячком Филипп пошагал к дивану. Обалдело моргнув, я проследила, как он надел смокинг, одернул рукава рубашки, поправил галстук-бабочку и преспокойненько направился на выход. Он вышел, ни разу не обернувшись, а я еще некоторое время таращилась на дверь, словно за ней прятался проход в иной мир.

В чувство меня привел очередной скрипучий сигнал. Открыть крышку на шкатулке удалось не сразу — оказалось, руки предательски дрожали, а влажные пальцы соскальзывали с замочка. Пришлось сделать три глубоких вдоха и подержаться за стучащее сердце, пытаясь понять, что за вспышка нежности случилась в моем муже. После этих успокоительных манипуляций я все-таки справилась с нервами и ответила тетушкам, что жду их.

— Мы сейчас из тебя красавицу сделаем! — объявила Клементина, входя в номер. — Не хуже, чем тот столичный хмырь на свадьбе.

— Даже лучше! — согласилась Лидия, до глубины души оскорбленная, что ее не допустили до прически невесты, и продемонстрировала сундучок с женскими сокровищами.

Пару лет назад она решила выучиться на личную горничную, получила рекомендацию и предусмотрительно передумала идти в услужение, чтобы не портить карму единственной племянницы. Зато теперь умела хитро закручивать волосы щипцами. У меня-то кудрей было предостаточно, даже перебор, а соседки по улице перед каждым городским праздником записывались в очередь и испытывали восторг от причесок, даже если мастерица прижигала им волосы.

— Какая прелесть у тебя на пальце! — воскликнула Клементина, натренированным глазом заметив кольцо. — Муж подарил?

— Свадебный подарок, — пояснила я, позволяя тетушка на свет рассмотреть, как играли грани в драгоценных камнях-лепестках.

— Благословите святые заступники тот день, когда ты вышла замуж за этого человека! — вздохнула Клементина. По-моему, для женщины, никогда не отличавшейся особенной религиозностью, она слишком часто обращалась к святым. Глядишь, уверует.

— Он подарил из благодарности, — заключила Лидия и с таинственным видом покивала, дескать, дело говорю. — Во всех

романах после первой ночи мужчины дарят украшения. Сразу видно, что твой муж глубоко начитанный человек! Знает, как угодить женщине.

Я сердито глянула на оживленных тетушек и убрала руку с кольцом.

Сборы отчего-то вышли суетливыми, словно после назначенного времени двери клубного зала заблокируют, и попасть внутрь не удастся. Некоторое время Лидия возилась с прической. Оказалось, что она умела не только орудовать завивочными щипцами, но с помощью расчески и булавок превращать пышную шевелюру в высокую элегантную прическу.

Щеточка с угольной краской аккуратно касалась ресниц, а Лидия вдохновенно рассказывала, как замечательно провела время на склоне и познакомилась со сказочным мужчиной. Лыжным тренером.

— Такой предупредительный. Мы вместе искали лыжные палки, — мечтательно тянула она, а потом, никак от переизбытка чувств ткнула щеткой мне в глаз и тут же скомандовала: — Не моргай!

— Не могу, — простонала я.

— В той замечательной книге, которую тебе на свадьбу подарили, сказано, что красота требует жертв, — нравоучительно произнесла Лидия. — Так что терпи.

— Вряд ли они имеют в виду, что надо остаться без глаза.

— Матерь божья! — вдруг вскрикнула тетушка, разыскивающая в спальне потерянную сережку, и ворвалась в гардеробную: — Тереза Вудсток!

— Торн, — не побоялась поправить Лидия.

— Вот именно! Торн! — Клементина подбоченилась, что было не очень хорошим признаком. — Фамилия новая, а замашки старые.

— Сережка нашлась? — уточнила я без особого трепета. Тетушка вчера утратила доверие, так что вжимать шею в плечи никто не собирался.

— Сережка нашлась! — Она с возмущением продемонстрировала потерянное украшение. — А еще в кресле нашлась какая-то хвостатая дрянь! В жизни такой образины не видела. Хотела пощупать, а та живая и шипит!

— Так зачем ты к нему полезла? — удивилась я. — Спит себе зверь, никого не трогает.

— Думала, это муфточка. Зачем ты опять в дом всякую гадость таскаешь? Мало нам приبلудных котят, ты теперь мужа своими страхолюдинами мучаешь?

— Его купил Филипп, — не моргнув глазом, соврала я.

Имя моего мужа подействовало на тетку, как успокоительная настойка. Она удивленно примолкла и проворчала:

— Он, выходит, из ваших? Из защитников животных?

Прозвучало, как ругательство. Впрочем, тетушка действительно считала эти слова страшным ругательством, проклятьем и способом унижить собеседника.

— Ну... — Я почесала зудящий кончик носа, словно от вранья он начал расти. — Мы решили завести экзотического питомца.

— Лучше бы вы детей завели, — буркнула она.

— Ты взрослая женщина, а как будто не в курсе, что детей не заводят, а рожают, — фыркнула я.

— И что?

— И то, что это дело небыстрое.

Тетка веско припечатала сережку на туалетный столик и, что-то бормоча себе под нос, кажется, предсказывая, сколько кошек мы заведем в особняке, спряталась в гардеробной.

— Какое платье достать? — донеслось оттуда.

— С золотым кружевом, — попросила я.

Понизив голос до заговорщицкого бормотания, Лидия проговорила:

— Между прочим, в той книге еще говорилось, что одинаковые увлечения помогают супругам достичь взаимопонимания.

— А если увлечения разные? — осторожно уточнила я.

— Тогда ссор избежать не удастся, — припечатала тетка. — Но они написали, что мужчину надо хвалить. И кормить! Ужином, приготовленным своими руками. Так и велели: «Пусть почувствует любовь, вложенную в еду». Но ты не умеешь готовить.

— Не умею, — согласилась я с полной несостоятельностью на кухне.

Да и потом, в столичном особняке служит отличный повар! Будет странно спускаться в кухню, обугливать гренки и делать вид, что ничего вкуснее муж в своей жизни не попробует.

— Значит, остается хвалить! — Лидия заговорщицки кивнула. — Я сегодня испробовала. Поверь, действует безотказно.

— Какую часть мужчины надо хвалить? — на всякий случай, уточнила я. Вдруг пригодится?

— Похвали глаза.

Немедленно вспомнились ледяные стальные глаза мужа. Иногда в них появлялись эмоции, а не только вежливый интерес. Но чаще всего он не смотрел, а как будто нанизывал на остро-игольчатый взгляд.

— Мне не нравятся его глаза, — призналась я. — Такие холодные. Аж до мурашек иногда пробирает.

— Ну что-то ты же можешь похвалить, — удивилась Лидия. — Он у тебя, как главный герой «Невесты для дракона», только лучше.

— А дракон в книге был мужчиной? — заинтересовалась я.

— Еще каким! Твой муж его уже переплюнул по всем пунктам, — уверила младшая тетка.

Я попыталась представить лицо Филиппа, но оно так сверкало, что ничего разглядеть не удавалось. Пришлось вспомнить, что именно мне больше всего понравилось на портретной карточке, присланной летом с предложением о знакомстве.

— Мне нравится его нос, — заключила я. — И губы! Отличные губы!

— Вот и хвали их, — посоветовала Лидия. — Главное, при этом не забывай изображать милую дурочку. Мужчины обожают восхищенных милых дурочек, которые осыпают их комплиментами.

Однозначно, мы с Лидией знакомы с разными мужчинами.

Как выяснилось, еще умная книга о приручении мужей в домашних условиях советовала непременно задерживаться хотя бы на десять минут. Лучше, конечно, на полчаса, если в супруге уже достаточно выдрессирована выдержка.

К семейной жизни Филипп был упакован не только выдержкой, но фанатичной пунктуальностью, и в холл гостевого дома я спустилась раньше. На пресловутые десять минут. Вдруг вместо клубного зала сначала заверну в дегустационный, а потом начну искать место встречи методом перебора? По внутреннему ощущению я практически опаздывала! Придерживая длинный подол весьма смелого платья в приглушенном цвете «туманная роза», не шла, а буквально летела... вперед. В принципе, вперед, без особого направления.

Ближе к центру холла в голову пришла светлая мысль, что ноги несут меня к парадным дверям и следует немедленно поменять траекторию. А лучше спросить, куда эта траектория должна вывести. Иначе недолго обнаружить себя на полпути к Сумрачному пику в компании снежной бабы.

Завидев коридорного, я резко дернулась в его сторону. Оказалось, что не только к коридорному, но и наперерез темноволосой леди, и мы столкнулись. Она выпустила из рук блестящую вечернюю сумочку, игриво сверкнувшую в воздухе. Я за свою цеплялась мертвой хваткой, как за спасательный круг: захочешь — не отберешь.

— Простите, мадам! — выпалила на одном дыхании, инстинктивно выбрасывая заклятье.

Сумочка зависла на уровне колен, осыпаясь золотистыми магическими искрами. Все вместе переливалось в ярком свете огромной хрустальной люстры, словно модный аксессуар фонтанировал блестками.

— Занимательно, — хмыкнула брюнетка и с любопытством уточнила: — Долго так может висеть?

В ответ на вопрос сумочка перестала плеваться искрами и немедленно плюхнулась на пол. Мы явственно услышали, как внутри что-то звякнуло и, похоже, расколотилось.

— Недолго, — прокомментировала я.

Незнакомка была эффектной: волосы цвета красного дерева, идеальной формы темные брови и неестественно синие глаза, совершенно точно подкрашенные специальным составом. И платье потрясающе возмутительного красного цвета.

Сразу видно, что эта дама никогда не ходила в ателье с теткой Марджери, сквозь зубы цедящей, что благородная леди обязана любить столь же благородные приглушенные тона. В общем, в точности, как она сама.

Брюнетка в красном чего-то ждала и не торопилась наклоняться за сумочкой. В общем-то, я тоже не собиралась наклоняться. Придерживая подол, подвинулась на тот случай, если она решит нырнуть к полу и снова извинилась:

— Простите еще раз. Неловко вышло.

— У вас же нет глаз на затылке. — Брюнетка выразительно покосилась на сумочку, как бы прозрачно намекая, дескать, из-за кого

упало, тому и сгибаться, как дурочке, посреди шикарного холла, теряя вещи и достоинство.

— Надеюсь, ничего не разбилось, — добавила я.

Не знаю, сколько бы мы так переглядывались, пытаюсь выяснить, какая из нас больше благородная леди, но подскочил давешний коридорный и спас ситуацию. Шустро подняв сумочку, он попытался сначала сунуть ее мне, обнаружил, что я уже была, так сказать, при аксессуаре, и вернул хозяйке.

Пока парень не успел сбежать, чтобы спасти еще каких-нибудь благородных леди от ссоры, я попросила проводить меня в клубный зал и коротко попрощалась:

— Хорошего вчера, мадам.

— И вам, леди Торн.

— Мы знакомы? — насторожилась я, судорожно вспоминая, не стояла ли эта мадам в крикливой стайке великосветских ворон, сегодня днем окруживших Филиппа.

— Нас не представляли. Я знакома с вашим мужем, — пояснила она.

Другими словами, специально остановила, чтобы донести до новоявленной супруги Филиппа эту ценную информацию. И внутри действительно царапнуло незнакомое чувство. Такое неприятное и горячее, что захотелось вцепиться мадам в идеально гладкие волосы. Встречаются же иногда люди, умеющие с первого взгляда вызывать неприязнь!

— Хотите, чтобы я передала Филиппу привет? — строя из себя дурочку, уточнила я.

— Не утруждайтесь, леди Торн.

Она изобразила слабую улыбку и, так же слабенько кивнув, да и не кивнув вовсе, а словно дернув головой в нервной судороге, отошла с дороги. Учитывая, что клубный зал находился в другой стороне, наоборот не освободила путь, а загородила. Пришлось обходить по дуге.

Пока я следовала за коридорным, сумела в неприятном чувстве, возникшем внутри, распознать банальную ревность. Никогда не считала себя ревнивой и испытывать подобные эмоции к мужу тоже не собиралась. А тут — глянь! — прикончила бы. Обоих!

Однако стоило остановиться на пороге зала, интерьером напоминающего мужской клуб, как все мысли вынесло из головы. Среди нарядной публики я мгновенно увидела мужа. Он возвышался на голову над окружившими его незнакомыми господами. Те вели оживленный разговор.

Неожиданно Филипп перевел взгляд на двери и обнаружил меня. Покрепче сжав в руках сумочку, я кивнула и направилась в его сторону. Наверное, стоило поглядывать по сторонам, так сказать, во избежание новых встреч и неприятных знакомств, но не смотреть на мужа было выше моих сил.

Он внимательно наблюдал, а я боролась с позорным желанием обернуться через плечо. Вдруг муж следил за кем-то, идущим следом? А то мерещится от волнения всякое. К примеру, жгучий интерес в стальных глазах, которые мне ни капли, ни чуточку не нравились.

— Леди Торн, — перебив собеседников на полуслове, уронил Филипп и протянул руку.

Стоило за нее уцепиться, как он приблизил к губам мои подрагивающие пальцы и оставил едва заметный, в высшей степени великосветский поцелуй, показавшейся непристойно-интимной лаской. Вряд ли, целуя даме руку, приличные мужчины, незаметно и сладко, проводят по коже кончиком языка.

— Вы чудесно выглядите, — произнес Филипп.

— Благодарю, — отозвалась я, стараясь выглядеть не чудесно, а старше и мудрее, чем на самом деле была, и вежливо улыбнулась примолкнувшим мужчинам: — Добрый вечер, господа.

Состоялось короткое знакомство. Теперь леди надлежало изображать безмолвную тумбу, и с этой ролью я неплохо справлялась, пока Филипп не положил горячую ладонь мне на обнаженную спину и не прошептал, чуть склонившись:

— Потрясающее воображение платье.

— Рада, что вам понравилось, — отозвалась я, с трудом сдержав улыбку.

Вырез сзади действительно был хорош! Гораздо ниже, чем мне доводилось носить. Хотелось верить, что модистка не обманула, и этот смелый фасон даже при сдержанном цвете, как манифест, объявлял окружающим, что леди знает себе цену.

Цену себе я действительно знала: она была прописана в брачном договоре. Ровно столько крон, сколько муж обязался каждый месяц перечислять на счет в монетном дворе. Точно жалование на королевской службе.

Договорной брак по-прежнему был не про чувства... Но колени предательски подгибались от ощущения, как по-хозяйски уверенно ладонь Филиппа лежала у меня на спине, чуть повыше поясницы.

В восемь часов мы входили в банкетный зал, озаренный каскадной люстрой на сто магических огней. Яркий свет заливал каждый уголок просторного помещения, и в нем блестели хрустальные бокалы, серебряные приборы и даже аккуратные золотые каемки на фарфоровых тарелках. Не будь со мной мужа, с привычной небрежностью воспринимающего царящую вокруг роскошь, я точно бы оробела.

На входе гостей встречал распорядитель аукциона, молодой мужчина в идеально скроенном костюме и с тонкими лихо подкрученными усиками, черной полоской отчерчивающими верхнюю губу. С вежливой улыбкой он указывал, куда именно следует заворачивать, чтобы не бродить потерянно возле широких круглых столов и не просматривать карточки с именами, аккуратно пристроенными в центре тарелок.

Едва мы оказались в этом блестящем царстве шика, как к нам подскочил невысокий, опрятно-плотный господин с задорно наполированной лысиной на макушке.

— Филипп, рад вас видеть, мой друг! — Он с жаром затряс руку мужа и, выстрелив острым взглядом в кольцо на моем безымянном пальце, прокудахтал: — Леди Торн, необычайно приятно с вами познакомиться! Поздравляю со свадьбой! От всей души поздравляю!

Появилось ощущение, что он поздравлял исключительно меня с очень удачным замужеством. Филипп, по всей видимости, оказался стороной пострадавшей и обманутой. В принципе, это было недалеко от истины. Он и пострадать успел, и обманом получить хвостатый свадебный подарок.

Состоялся очередной ритуал знакомства. Господин оказался главным королевским ювелиром и хозяином аукциона. Он разливался соловьем, много жестикулировал, поблескивая перстнями на пальцах, и все время доказывал, что все вырученные средства пойдут на

благотворительность, словно кто-то с ним спорил. Не уточнил, правда, на какую именно, но вряд ли на сохранение исчезающих видов магических тварей. В общем-то, я выступала за любые добрые дела, и сама все время бросала монетки в ящики для пожертвований, стоящие на рыночных площадях.

— Благодарю, леди Торн, что вы согласились поучаствовать в нашем мероприятии, — закончил он. Захотел проводить нас к столу, но на полдороге свернул в другую сторону.

— Он так тепло вас встречал, — тихонечко заметила я. — Вы его любимый клиент, или он просто денег вам должен?

— Надеется сегодня меня разорить, — с трудом сдержав улыбку, отозвался тот.

За столом компания не поменялась. Разве что теперь мужчины из клубного зала сидели в паре с дражайшими половинами, а некоторые еще и с дочерьми. Эти женщины в драгоценностях, шелках и в тяжелых макияжах теперь улыбались не только Филиппу, но и мне, чуточку подобострастно и заискивающе. Зато смотрели, как огнедышащие драконы на устоявшую крепостную башню. Или еще, как волки на овцу. Но сравнение с неприступной башней мне нравилось больше и поднимало самооценку.

Гости расселись, двери закрылись. Зал заполнился гулом голосов. Подавальщики начали обносить столы закусками, бокалы наполнялись игристым вином. С появлением еды публика заметно оживилась, зазвенели столовые приборы.

Ужин в светском обществе, куда я, положа руку на сердце, никогда не рассчитывала попасть, напоминал трапезу в пансионе... Когда оголодавшим на лекциях благородным девицам подавали еду, они тоже очень оживлялись. И ели с не меньшим аппетитом.

Едва я потянулась за нарядной корзиночкой, лежащей на поставленной передо мной тарелке, Филипп наклонился и тихонечко прокомментировал:

— Только если вам нравится арахисовая паста.

С непроницаемым видом я указала на крошечный румяный пирожок:

— А это?

— С кислой капустой.

— Рядом? — намекнула я на маленький бутерброд с художественно закрученной ветчиной, такой красивый, что портить кулинарную гармонию даже было жалко.

— Не разжевать.

— Икра? — Показала в ломтик гренка, покрытый крупными темными икринками, лежащими одна к одной.

— Не рекомендую.

Я повернула голову к склоненному Филиппу, но в итоге мы едва не столкнулись носами, что совершенно неприлично испортило бы аппетит окружающим аристократам. Они-то заправлялись закусками с большой охотой, как голодные после шести часов занятий пансионерки.

— Нам светит что-нибудь съедобное, а не красивое? -- тихо спросила у мужа.

— Вряд ли, — хмыкнул он едва слышно. — Но всех напоят хорошим вином. Сытые люди тратят золотые кроны не так охотно, как захмелевшие.

Казалось бы, что в гуле разговоров нас никто не слышал, но господин справа, перед началом ужина с умным видом несший чудовищный бред о залежах магических кристаллов в Сумрачном пике, и что его неплохо снести, чем-то подавился.

— Поэтому вы ничего не пьете? — прошептала я.

С плутоватой улыбкой Филипп подхватил наполненный игристым напитком бокал и, бросив смеющийся взгляд над его краем, сделал глоток.

К тому времени, как закуски оказались преодолены, всем принесли горячее. В огромных тарелках с крошечным углублением посерединке, похожая на произведение искусства, лежала горка тонких длинные макаронинок, покрытых соусом и посыпанных тонкой стружкой сыра. Сверху игриво топорщилась крошечная зеленая веточка с трогательной красной ягодкой размером с бисеринку. Все маленькое, умильное и одуряюще пахнущее. Возможно, я просто уже достигла того уровня голода, когда даже неприглядная овсянка на воде показалась бы пищей святых заступников, но невольно сглотнула набежавшую слюну.

— А это можно пробовать? — спросила у Филиппа, заставив его склониться.

— Даже нужно, — отозвался он.

— Тогда почему вы не едите? — с подозрением уточнила я.

— Вам оставил, — хмыкнул муж. — Вдруг захотите вторую порцию.

— По-моему, вы просто планируете надраться хорошим вином на голодный желудок, чтобы потом ни о чем не жалеть, — прямолинейно заявила я.

— О чем я не буду жалеть? — промурлыкал он.

— О потраченных во имя благотворительности деньгах.

— Вы во всем ошибаетесь, леди Торн, — с самым серьезным видом прошептал он. — Для человеческой пьянки у меня есть ваш дядька. Он знает, где в Сиале проходят дегустации.

Я все-таки не удержалась и прыснула в кулак, замаскировав неприличный в приличном обществе хохот под деликатное покашливание. Но все равно со всех сторон на нас посмотрели с осуждением, а девушка напротив и вовсе с откровенным презрением.

Полагаю, все решили, будто мы не обсуждаем важный вопрос съедобности блюд, а флиртуем. Хотя... о флирте я знала не очень много, в основном из любовных романов Лидии, которые она не забывала подсовывать, но кажется, мы действительно флитовали.

Еда оказалась божественной. Кажется, я втянула и пережевала эти пять макаронин быстрее, чем успела распробовать. Внутри появилась натуральная скоробь от их потрясающе скудного количества.

С непроницаемым видом Филипп поменял наши тарелки и, поймав выразительный взгляд, одной из дам с пышной шевелюрой, украшенной бриллиантовой диадемой, громко произнес:

— Приятного аппетита, госпожа Вертон.

На краткое мгновение у леди сделалось страдающее лицо, как у моего преподавателя по этикету, в тайне, должно быть, мечтающего запустить в воспитанниц ботинок. Единственное, что ему не позволяло совершить возмутительный по отношению к хорошим манерам акт вандализма — это риск подать плохой пример и хорошую идею. Вдруг, выйдя из учебной аудитории, мы начнем швыряться обувью? Но не забывая, благопристойно извиняться после попадания товарке в лоб. Однако, уверена, полети его начищенный ботинок в нас, летел бы он очень изящно. «Изящно» было любимым словом учителя.

Госпожа Вертон, видимо, представила, как запускает в нас если не своей туфлей на каблуке, то точно мужниной без каблука, и состроила вымученную улыбку:

— И вам, господин Торн.

— Благодарю, — на голубом глазу нахально ответил Филипп.

Сразу видно, что в высшем обществе и отношения за столом царят высокие. Все такие вежливые!

Проглотив очередной смешок, я поленилась изобразить отсутствие аппетита и прикончила вторую порцию божественных макарон.

Еще не отложила приборы, как к Филиппу неслышно подошел усатенький распорядитель аукциона и что-то тихо сказал на ухо. Муж согласно кивнул, а потом, деликатно сжав мой локоть, тихо произнес:

— Леди Торн, вас просят на примерку.

— Уже? — Я почувствовала, как божественная едва вдруг превратилась в камень, лежащий в желудке, и рефлекторно схватилась за сумочку, в которой лежали мятные пластинки.

В последний раз такое нервное напряжение охватывало меня... Вообще говоря, вчера. В тот момент, когда опоенный Филипп выстрелил раздевающим взглядом и с властными интонациями приказал скинуть халат.

— Извините, господа, — изображая отстраненную улыбку благовоспитанной леди, я поднялась из-за стола. — Господин Торн, хорошего вечера.

— И вам хорошо повеселиться, леди Торн, — кивнул он.

Вроде вежливо сказал — что может быть смущающего в обычной вежливости? — а у меня вдруг засосало под ложечкой.

Пока я шла за распорядителем в примыкающее к банкетному залу помещению, быстро вытащила из сумочки мятную пластинку и сунула в рот. Она мгновенно прилипла к языку и, растворяясь, почти лишила его подвижности.

А в комнате для примерок драгоценностей, переделанной из гримерки для приглашенных артистов, царил гвалт, как в курятнике. Перед зеркальными столиками восседал десяток юных леди, а как будто полпансиона девиц. Все, как одна, в черных вечерних платьях.

Ей-богу, мы словно собрались на чьи-то поминки, а не на благотворительный аукцион. Я единственная нарядилась в

приглушенный цвет «туманная роза», но, заказывая наряды в ателье, искренне полагала, что траурное платье мне не понадобится еще очень много лет.

Вокруг суетился десяток мастеров в строгих костюмах, видимо, приехавших в Сиал вместе с главным королевским ювелиром и его ослепляющей коллекцией. Похоже, аристократки перебирали украшения и капризничали.

— Леди Торн, добро пожаловать! — патетично воскликнул главный ювелир, и стало стыдно, что не удалось запомнить имя этого шумного человека.

Как в дурной книжке, когда главная героиня попадала в глупую ситуацию и непременно позорилась, в комнате на секунду наступила пронзительная тишина. Все головы повернулись в нашу сторону. Не на ту напали! Я шесть лет прожила в пансионе для благородных девиц, и в некоторых девицах из благородного была только фамилия.

— Добрый вечер, дамы, — громко поздоровалась с ними.

Очевидно, если вечер и был добрым, то до появления «туманной розы» в стае черных ворон.

— Тереза, вы прекрасны в этом удивительном цвете, — тихо проговорил ювелир, увлекая меня вглубь комнаты. — Мне начинало казаться, что мы не благое дело совершаем, а кого-то хороним. Не обращайтесь внимания. Четверть этих леди значились в свадебном списке Филиппа, но обручальный браслет достался именно вам.

Я улыбнулась и промолчала, что четверть от десяти — это два с половиной. Выходит, какую-то из девушек Филиппу предложили по частям. Видимо, он выбрал меня, кого отдавали в полном комплекте. Еще с тетюшками, дядькой Ренделом и оленьими рогами над нашим камином. Только заберите за бога ради.

— Они вас искренне ненавидят, — не унимался ювелир.

Спасибо, а то я по наивности и не догадалась!

— И знаете... — Он подвел меня к мягкому стулу перед свободным зеркалом. — Уверен, сегодняшней вечер станет началом нашей долгой и теплой дружбы. Так ведь?

— Конечно, — согласилась я.

Где-то на небесах упал в обморок святой заступник, отвечающий за честность. Зато встрепенулся другой, который следил за выживаемостью провинциалок в высшем обществе.

— Называйте меня Эмилем, — радушно предложил он и с резко пощелкал пальцами, привлекая внимание девицы в сером неприметном платье с драгоценной брошью в виде птицы на груди. — Принеси комплект ее величества. Леди Торн будет закрывать аукцион.

Оказалось, что для благого дела королева пожертвовала украшения из личной коллекции. Комплект принесли в окованной шкатулке с королевским гербом на крышке. Эмиль отпер замочек ключом, висевшим на цепочке вместо карманных часов, и шкатулка, осыпавшись золотыми магическими искрами, раскрылась.

Казалось, ее величеству по статусу положено носить тяжелые украшения, под тяжестью которых приходилось из последних сил держать спину ровно, но каждый драгоценный предмет из комплекта отличался изящностью. Тонкие серьги-висюльки, диадема с необыкновенным рисунком. Браслет, обвивший руку длинной спиралью. Колье, аккуратно подчеркнувшее ключицы в скромном вырезе.

Эмиль рассыпался в комплиментах, а я смотрела на свое отражение и не узнавала. Девушка в зеркале не походила на Терезу Вудсток. Она превратилась в леди Торн и чуточку меня ослепляла. С другой стороны, роскошь к лицу всем.

— Господин ювелир, уделите мне минуту вашего драгоценного времени! — вдруг капризно позвала одна из девиц и с раздражением принялась снимать серьги. — Я не хочу рубины! Дайте мне бриллианты!

— Матерь божья! — едва слышно пробормотал господин ювелир, но растянул губы в приветливой улыбке и ринулся к норовистой леди, которая уже сдирала с подкрашенных прядями волос богатую диадему. — Милая леди Прэйм, не портите прическу! Рубины превосходно подходят к цвету вашего платья!

— Вы думаете? — Девица прекратила рвать на себе волосы и кокетливо уточнила: — Насколько превосходно?

— Я сказал «превосходно»? — охнул Эмиль и прижал сложенные руки к груди. — Божественно! Рубин — ваш камен. Вы такая же огненная, как он!

— Да, — кокетливо улыбнулась она, заправила за ухо волосы и передернула плечами. — Вы совершенно правы.

В зале, между тем, бодрым голосом распорядителя объявили о начале аукциона. Зрители разразились такими бурными аплодисментами, словно только и ждали, когда начнут тратить богатства.

— Ваш выход, дорогая! — Эмиль подал леди Прэйм руку. — Блистайте!

Не знаю, насколько она блистала, но торговались аристократы азартно, как будто спасали драгоценностям жизнь. Вернулась девушка с лучезарно-самодовольной улыбкой коммивояжера, за десять минут продавшего наивной хозяйшке чемоданчик мыльных паст. И пять свечек с ароматом ладана сверху.

Остальные леди в черном смотрели с мрачной ревностью. Похоже, у нас было не коллективное благое дело, а соревнование, кого продадут подороже. В смысле, чьи украшения уйдут за такие деньги, от каких у нормального человека случится сердечный приступ.

— Не могу с ним расстаться, — поглаживая колье, пожаловалась она Эмилю.

— Вы с ним расстанетесь совсем ненадолго, моя роскошная леди Прэйм, — проворковал он. — Ваш отец, благослови его святые заступники, сделал вам королевский подарок! Сразу видно, как он сильно любит свою единственную дочь.

До меня медленно, однако неизбежно, доходило, почему бриллианты ее величества украшали именно мою шею...

— Королевский подарок он сделает позже, — хмыкнула она. — А пока и этот пойдет. Рубины мне действительно к лицу, что думаете, девушки?

Если кто и думал что-то, то, похоже, недостойное аристократок, поэтому ответом послужило дружное молчание.

Девушки сосредоточенно готовились к выходу, как актеры перед большой премьерой. И каждую Эмиль провожал, осыпая комплиментами, словно от них лично зависел размер вырученных для благотворительности средств.

Объявляли их имена и названия драгоценностей, ужасно поэтичные и чуточку драматичные. Через некоторое время леди приходили. В разном настроении. Кто-то светился от самодовольства, вторые недовольно поджимали губы, а одна и вовсе пустила слезу, прикладывая к глазам платочек, а к носу — нюхательные соли. Однако

эти соли, по всей видимости, не походили на те, что таскала в кармане тетушка Клементина. Ее-то были способы поднять мертвеца, тем более привести в чувство любую девицу в истерике.

— Никто не сделал ни одной ставки! Папа купил комплект только из жалости, — всхлипывала расстроенная леди.

— Просто он к тебе очень хорошо относится, — уверила ее подруга, и сразу стало ясно, что подруга она не лучшая, а заклятая.

— Да, поэтому даже жениха подобрал престарелого, чтобы ты с ним долго не мучилась, — с охотой добавила другая и на нее даже никто не зашикал. — Видишь, какой заботливый!

Из комнаты я выбралась несколько обалдевая. Последний раз, когда Вирену бросил ухажер, мне пришлось в голову ляпнуть, дескать, недостойное парнокопытное само себя устранило и подруге сильно повезло, что не придется отгонять его толстым учебником по этикету. Она неделю со мной не разговаривала и пересаживалась за другой стол. До сих пор не пойму, чего она обиделась на правду. Вон даже нежные аристократки не обижаются!

— Леди Торн в комплекте ее величества «Сумрачный пик», — объявил распорядитель.

Он перечислял количество камней и их размер, а я шагала между столами, чувствуя себя так, словно снова попала на брачный обряд. Только теперь лицо не прикрывала густая фата. Удивительно, но мне жуть как не доставало этого густого покрывала невесты!

Старательно скрывая волнение, я встала перед публикой, опустила руки и осознала, что нахожусь в перекрестье взглядов. Разных взглядов: заинтересованных, презрительных, ревнивых и просто любопытствующих.

На идиотскую секунду показалось, будто Филипп давно покинул зал, но он нашелся на прежнем месте. Смотрел пристально, тяжело, словно снимал с меня дорогущее платье цвета «пыльная роза», как вчера ласкающим движением стягивал с плеч халат.

— Стартовая цена... — распорядитель назвал нелепую сумму, от какой у любого нормального человека зашевелились бы на голове волосы. — Господа?

— Десять тысяч, — резко удвоил стоимость господин, сидящий рядом с Филиппом.

Зал взорвался, точно ждал отмашки. Мужчины с таким азартом увеличивали стоимость королевских побрякушек, словно бились не на жизнь, а на смерть, и комплект демонстрировала не новоявленная леди Торн, а сама ее величество.

Когда сумма подобралась ко двум десяткам, Филипп отсалютовал мне бокалом. Дескать, леди Торн, да вы умеете украсить собой бриллианты. Смотрите, какая нешуточная возня.

Сама от себя не ожидая, я не сумела сдержать ухмылку. Очень старалась, но уголок рта все-таки дернулся. Полагаю, мы попрали абсолютно все правила поведения в высшем обществе, где супруги смотрели в разные стороны, а за стол садились вместе по велению гостевых карточек. И мне хотелось бы разорвать зрительный контакт, да сил не находилось.

— Кто больше, господа? — взвизгнул распорядитель.

Я стояла к нему спиной, демонстрируя тот самый смелый вырез на платье, но живо представляла, как кончики остренных усиков от восторга не просто топорщились, а теперь закрутились жгутами.

— Пятьдесят, — с естественной небрежностью уронил Филипп.

Кто-то в зале подавился. Удивительно, как не подавилась я и не уронила челюсть.

— Продано! — с восторгом, явно достойным лучшего случая, объявил распорядитель.

Королевский ювелир кажется был готов станцевать кадрили и не замечал, что в комнате для примерок царили похоронные настроения, гармонирующие с цветом вечерних платьев леди. При моем появлении участницы аукциона начали проворно покидать помещение. Одна из девушек, та, что заливалась слезами, неожиданно изобразила идеальный книксен и пробормотала:

— Хорошего вечера, леди Торн.

— И вам, — озадаченно отозвалась я.

Пропев десяток восхищенный комплиментов, Эмиль вышел в зал. Комната незаметно пустела. Осталось несколько мастеров, да помощница ювелира. Запертые шкатулки с украшениями по-прежнему стояли на зеркальных столиках. Сильное магическое заклятие, призванное защищать дорогие побрякушки от воров, делало эти шкатулки совершенно неподъемными. Они давались в руки лишь главному ювелиру.

Снимать королевские бриллианты мне помогала его помощница, девушка в неприметном платье, но украшенном удивительной брошью. Пока она осторожно раскрывала застежку на колье, через зеркальное отражение я любовалась на драгоценную птичку.

— Красиво, — вымолвила неожиданно даже для себя, и девушка вопросительно посмотрела в зеркало. — Я про брошь.

— Благодарю, — смущенно улыбнулась она и с превеликой осторожностью уложила колье на бархатную подушку в магической шкатулке.

— Ваша работа?

— Да. — Мастерица невольно погладила птичку. — Камни не натуральные.

— Ничего не понимаю в камнях, — усмехнулась я и, без особого пиетета стянув с руки браслет, передала ей.

Мы как раз успели разобраться с тиарой и вернуть ее в бархатное ложе, когда дверь отворилась. Снаружи вплеснулся гул галдящих голосов. Невольно я повернула голову. В гримерку вошел Филипп.

— Добрый вечер, — произнес он мягким голосом, и мастера вдруг засуетились с удвоенным усердием, словно мой драгоценный муж пришел лично проверить, насколько они трудолюбивы, хотя делать в опустелой комнате вообще было нечего. Разве что отдохнуть от капризных, ранимых аристократических девиц на выданье.

— Давайте я сама сниму, — предложила я помощнице ювелира, когда стало ясно, что руки у нее задрожали и справиться с мелкими застежками на сережках вряд ли удастся.

По крайней мере, не оставив меня без уха. Уши, признаться, мне были очень дороги.

— Простите, леди Торн. — Она послушно отступила.

Словно не замечая, какой переполох устроил своим появлением в тихом курятнике, Филипп ленивой походкой пересек комнату и остановился за моей спиной. В зеркале появилось отражение его высокой фигуры, упакованной в дорогой смокинг. Сунув руки в карманы, он внимательно наблюдал, как я снимаю серьги, словно ничего интереснее в своей жизни не видел.

Когда весь комплект оказался в шкатулке, помощница ювелира протянула Филиппу резной ключ:

— Господин маг, запереть нужно вам, иначе потом не сможете открыть.

— Украшения принадлежат моей супруге. — Он едва заметно кивнул. — Ей потом открывать.

Ключ, как победное знамя, торжественно перекочевал ко мне. Прикрыв крышку, я заперла шкатулку и вернула его помощнице ювелира.

— Отдам господину ювелиру, — объявила помощница и ринулась на выход, словно ее подгоняли проклятиями.

— Господа, — заставив всех повернуться в нашу сторону, мягко позвал Филипп и оглядел замерших людей, — оставьте нас.

Его послушались беспрекословно. За последним мастером закрылась дверь. Мы с мужем остались вдвоем в возникшей тишине и в нарастающем напряжении. Я следила за Филиппом через отражение в зеркале.

— Полагаете, королевские бриллианты — хорошее вложение денег? — тихо просила у него.

— Это ваш свадебный подарок.

Скользящим, легким движением провел кончиками пальцев по моей обнаженной спине, очертив позвоночник от лопаток до шеи, и присел на край зеркального столика. Невидимая линия на спине словно горела.

— Вы подарили мне кольцо, — подняв голову, чтобы не потерять зрительный контакт, прошелестела я.

Удивительным образом он умел завладевать взглядом, вниманием, мыслями и, совершенно точно, всеми чувствами.

— Кольцо оставила моя мать новой леди Торн, — напомнил он. — А это мой свадебный подарок тебе, Тереза.

Филипп склонился к моему уху и, щекоча дыханием, прошептал:

— Я хочу увидеть, когда на тебе будут только эти драгоценности.

Пожалуй, ничего откровеннее в своей жизни мне не приходилось слышать. Щеки мгновенно вспыхнули, мысли разом запутались. Не иначе как в помутнении рассудка, я проговорила:

— То есть, если скажу, что, вдруг мы разоримся, я их продам и непременно выкуплю вас из долговой тюрьмы, это будет вообще неуместно?

Муж мгновенно выпрямился и посмотрел на меня с нескрываемым изумлением:

— Откуда?

— Из долговой тюрьмы, — повторила я, искренне недоумевая, что вообще лопочу, а главное, как такая чудовищная глупость могла беспрепятственно вылетать изо рта в столь ошеломительный момент. — Полагаю, там еще и на корм леймару останется. Питомцев ведь надо кормить.

— И тебя тоже, — заметил Филипп.

— Да, меня тоже придется кормить, даже если вы разоритесь.

И он расхохотался, словно услышал не глупость, а презабавную шутку. Не пытаясь сдержать этот рвущийся наружу искренний смех, он прикрыл лицо ладонями. Плечи вздрагивали. Я не догадывалась, что мой муж умеет смеяться. Искренне считала, что ему с рождения не отсыпали такого умения или же не научили в детстве, и даже чуток опешила.

— Бог мой, Тереза, — выдохнул он и потер переносицу, видимо, стараясь сдержать очередной приступ хохота.

— А?

— Я шалею, когда ты говоришь колкости.

— Но я-то несу чушь, — сконфуженно заспорила с ним. — От чуши вы тоже шалее?

С улыбкой он мягко взял меня за подбородок.

— Только, когда чушь говоришь ты.

Не давая отвести взгляд, Филипп начал медленно опускать голову. В светлых глазах, все еще плескался смех, словно он только дразнил меня и вовсе не собирался целовать. Сейчас возьмет и чмокнет в лоб. Или в нос! Как котенка. Однако в ожидании этого долгожданного, но запоздалого поцелуя я затаила дыхание. Не хотела закрывать глаза и все равно закрыла. Прикосновение теплых губ к моим приоткрытым губам словно отдалось во всем теле магическим разрядом. Я подалась вперед, даже чуток приподнялась на стуле...

Внезапно кто-то толкнул дверь, и в гримерную комнату вновь ворвался гвалт из банкетного зала. Резко прервав поцелуй, я отвернулась к стене и судорожно втянула воздух через нос.

— Простите ради всех святых заступников! — в голосе помощницы ювелира прозвенела неприкрытая паника.

Филиппу ничего не оставалось, как нехотя выпустить мой подбородок, и выпрямиться. Со столика он правда не встал, зато выразительно скрестил руки на груди. Страшно представить, каким взглядом окатил незваную в наш маленький семейный интим гостью, но девушка, видимо, прониклась до глубины души и начала запинаться:

— Господин ювелир... просил передать, что это... через неделю украшения перешлют в ваш дом.

— Благодарю, — с ледяной интонацией произнес Филипп и обратился ко мне, заметно смягчив тон: — Леди Торн, вы готовы идти?

— Да, — отозвалась я севшим голосом и кашлянула, пытаюсь избавиться от комка в горле. — Полагаю, нам пора вернуться в зал.

Банкет шел полным ходом. Люди шумели и веселились, отчего казалось, будто из шикарного зала с дорогими занавесками, спускающимся к полу пышными фалдами, мы перенеслись в дешевую питейную Энтила вообще без занавесок на окнах. К ночи энтильские гуляки так расходились, что их вопли были слышны по всей рыночной площади. Аристократы от них ушли недалеко.

— Когда мы сможем уйти? — на ходу тихо спросила я у Филиппа.

— Ты хочешь подняться в номер? — переспросил он, как будто чуток недоверчиво.

— Да... — неожиданно призналась я не только ему, но и самой себе. — Мы сможем незаметно улизнуть?

— Конечно.

Он мягко сжал мой локоть, заставил развернуться и увлек в коридор для прислуги, откуда подавальщики выносили угощения. Уверена, абсолютно все за ближайшими столами заметили наш «тайный» побег.

— Никто не осудит, что мы не вернулись за стол? — заволновалась я.

— Уверяю, нас уже и так все осуждают, — с иронией ответил он. — И обсуждают.

— Вас это совсем не беспокоит?

— Не понимаю, почему это беспокоит тебя. — Он бросил на меня насмешливый взгляд.

— Поползут сплетни.

— Они и так поползут, — уверил Филипп.

Какая чудесная новость! Можно я переварю ее завтра?

Самое удивительное, что именно мы без спроса вломились в служебные помещения, но мужчина с подносом фруктов поспешно прижался к стене и даже вежливо попрощался:

— Доброй ночи.

— И вам, — проходя мимо, пробубнила я.

В гостевом доме Филипп ориентировался прекрасно, словно много раз до этого позднего вечера, потратив целое состояние на королевские драгоценности, тихонечко сбегал из банкетного зала.

Незаметно мы взялись за руки. И пусть я не пила хмельного вина, голова кружилась. От удивительного ощущения его теплых пальцев, сжимающих мою влажную от волнения ладонь, от запаха его благовония. От того, *к чему* мы стремились, преодолевая широкие лестницы и коридоры с горными пейзажами на стенах...

— Сумочка осталась в банкетном зале, — задумчиво вымолвила я, когда мы оказались возле двери в свой номер.

— Завтра утром ее вернут, — уверил Филипп.

— Да, но в сумочке ключ... Вы сможете открыть дверь заклятьем?
— с почти неприличной надеждой уточнила я.

— У меня все еще нет магической искры.

— Все еще? — охнула я. — Значит, придется спускаться в холл.

Под гнетом мысли, что придется тащиться к ночному портю и, возможно, его разыскивать, волшебное искрящееся напряжение слегка подувало.

— Леди Торн, вы умеете взламывать замки?

Муж расслабленно прислонился плечом к косяку и, сложив руки на груди, красноречиво изогнул бровь.

— Вы серьезно?

— Более чем.

Я покусала губу, вдруг вспомнив совет тетушки Клементины, что не стоит демонстрировать недостатки в первые сорок лет совместной жизни. Вряд ли умение вскрывать запертую дверь с помощью заклятья можно назвать достоинством благородной леди.

— Но вы отвернетесь и сделаете вид, что этого никогда не происходило! — потребовала я. — И никогда не расскажете нашим внукам! Не к лицу леди такие умения.

— Кто тебе сказал подобную глупость?

— Очень суровая женщина.

— Твоя тетка?

— Кастелянша из пансиона. — У меня вырвался громкий смешок.

— Она гоняла благородных девиц тростью, как Клементина? — с полуулыбкой уточнил он.

— Отправляла к преподавателю по хорошим манерам, а вот он уже гонял. Учебником по этикету.

— Обещаю, что ничего не расскажу твоему преподавателю по этикету, — промурлыкал Филипп. — И даже смотреть не буду.

— Господи, это все ужасно странно, — пробормотала я, растирая ладони. — Мы же взрослые люди.

— Верно, — согласился Филипп. — Давно мне не было так... интересно.

Я одарила его выразительным взглядом, но едва прижала кончики пальцев к замочной скважине, как он оттолкнулся от косяка и мягко обнял меня сзади. Когда его губы прикоснулись к невозможно чувствительной точке на шее, дыхание перехватило.

— Что вы делаете? — на выдохе прошептала я.

— Не смотрю, — пробормотал он, щекоча дыханием и посылая по рукам волну мурашек. — Продолжайте, леди Торн, не отвлекайтесь. Я очень хочу попасть с вами в номер...

От замочной скважины посыпались золотистые искры. По очереди раздалось два щелчка. На секунду Филипп выпустил меня из объятий, но, едва я ступила в темноту номера, как резко повернул к себе лицом. Дверь еще не закрылась, позволяя коридорному свету рисовать на полу желтоватую полосу, а его пальцы, портя аккуратно собранную прическу, запутались в моих кудрях.

Ощущение горячих нетерпеливых губ на моих губах показалось ошеломительным. Язык умело скользнул в мой приоткрытый рот. Я вцепилась в лацканы фрака Филиппа, боясь, что не устою на нетвердых ногах.

Ни в одном любовном романе никогда не описывали настоящий поцелуев. Об этом не рассказывали подружки в общепитии. Возможно, их никогда не целовали так, как меня целовал муж. Бесстыдно, влажно, с языком. Очень горячо. Перед закрытыми глазами сверкали искры, словно от заклятья, открывающего замки на запертых дверях.

Прервав поцелуй, пожалуй, на самой сладкой ноте, когда страстно хотелось продолжения и чего-то еще чуточку большего, Филипп подхватил меня на руки и уверенно двинулся в темноте в сторону спальни.

— Какого демона? — пробормотал он.

Понятно, с супругой в крепких объятиях наклоняться и проверять, на что именно наступил было не с руки во всех смыслах. И в прямом, и в фигуральном.

— Тереза, зажги свет.

От щелчка пальцами на стенах вспыхнули резные светильники... И мы замерли. Филипп крепко прижимал меня к груди, я цеплялась за его шею, а нас окружал чудовищный бардак. Номер был безнадежно разгромлен.

По полу блестела темная лужа от кофе, а вокруг нее, словно берега вокруг прудика, валялись письма, прежде оставленные аккуратной стопочкой на кофейном столике. Под ногами хрустели осколки расколотой тарелки. Стулья были перевернуты, а обезглавленная статуя девы растянула на полу. Башка откатилась к дивану, но тарелка для подаваний в гипсовых руках осталась целой. На стенной ткани тянулись тонкие распоротые полосы, словно кто-то разрезал дорогое полотно остро наточенным лезвием для резки бумаги... Или съехал вниз, выпустив когти.

— Бог мой, — пробормотала я.

В глубине номера отчаянно гроыхнуло. Мы вышли из оцепенения и зашевелились. Не произнеся ни слова, Филипп ссадил меня на пол и резво зашагал в спальню, не обращая внимания, что под ногами хрустят фарфоровые осколки. Я поспешила следом, аккуратно придерживая юбку. Гробовое молчание мужа пугало почище учиненного хвостатым вандалом разгрома.

Муж исчез в комнате. И в тишине грянула витиеватая фраза такой словесной мощи, что докеры в драконьем порту, пожалуй, выстроились бы в очередь за уроками сквернословия.

Я резко остановилась, понимая, что надо бы бежать не в спальню, а куда-нибудь в неприметный уголок. Если аристократ ругается отборным матом, то лучше прятаться! Всем. Желательно так, чтобы не нашли, пока буря не уляжется.

— Белка, твою мать! — рывкнул он.

Из дверного проема стрелой вылетела серая тень с воинственно задраным хвостом. Леймар утекал в панике. Зацепившись когтями, он запрыгнул на стену и с вытаращенными глазенками, процарапав очередные полосы, плюхнулся мне аккурат в руки.

Мы прижались друг к другу. Вымирающий вид трясся и явно рассчитывал, что его спрячут и не дадут окончательно вымереть. Я не тряслась — пока, — но тоже очень рассчитывала не вымереть, попав в эпицентр взрыва.

— Тереза! — грохнул из спальни яростный клич. — Подойти!

Помоги мне боже, Филипп умеет орать!

С пылающей физиономией и с леймаром в руках я решительно двинулась к дверному проему и затормозила на пороге, решительность резко растеряв. Уперев руки в бока, Филипп стоял посреди спальни, и он был взбешен. По-настоящему.

Я быстро оглядела комнату. Кровать оказалась перевернута, балдахин свисал, как тряпка. На полу валялась разломанная почтовая шкатулка. Опрокинутая одежная вешалка зацепилась за кресло и держалась только чудом, а не по законам природы.

— Надо было попросить для зверя клетку! — сходу принялась каяться я. Всем известно, искренне извинившегося человека стыдно костерить на разные выражения. — Это полностью моя вина. Не подумала. Леймары ночные животные, но наш выглядел таким спокойным...

— Наш?! — рыкнул Филипп, заставив меня вжать шею в плечи.

— Господи, да что вы кричите? Сейчас всех соседей перебудите.

Если бы взгляды убивали, мы с питомцем вымерли бы прямо на пороге спальни. Этот взгляд словно говорил, что у меня талант доводить даже терпеливых людей до белого каления и такого же белого бешенства. Признаться, я и не подозревала, что им обладаю.

— В королевский питомник! Немедленно! — категорично приказал Филипп.

— Кого из нас? — вырвалось у меня.

Муж посмотрел проникновенно, буквально до печенки. Возникло подозрение, что еще одно слово, и меня действительно сдадут в королевский питомник. А лучше вернут Вудстокам со всеми вещами и питомцем в придачу.

— Я все уберу! — выпалила я. — Полчаса и номер заблестит! Честное слово, у меня нет проблем с бытовой магией...

Филипп шагнул в мою сторону и начал приближаться.

— Если вы против уборки, мы можем вызвать горничных, — быстро предложила я, хотя очевидно на конструктивную беседу муж был не настроен.

Он сжал мой локоть и увлек в гостиную, словно хотел еще раз продемонстрировать художества, совершенные леймаром. Искренне хотелось верить, что он не успел нигде оставить следы прочей жизнедеятельности, а не только игривого нрава.

— Что... что вы делаете? — растерянно забормотала я. — Вы же не пытаетесь намекнуть, что его надо сдать в питомник прямо сейчас?

— Ты слышала намек? — сухо спросил он. — Я говорил прямо.

— Но сейчас ночь! Где я буду искать зверолова из питомника? Мы же в гостевом доме!

— Уверен, леди Торн, — процедил он, — с вашим упорством вы непременно справитесь с этой задачей. Вы у меня очень деятельная и упрямая, дорогая супруга.

— Почему мне показалось, что вы вежливо назвали меня «упоротой»? — пролепетала я, семеня и путаясь в подоле.

— У тебя, как я вижу, богатая фантазия. Прояви ее.

— Филипп, ты серьезно?

— Похоже на то, чтобы я шутил?

Впереди замаячила дверь. Я чувствовала себя такой виноватой и опешившей от всего происходящего, что даже не противилась насильственному выдворению из номера. Филипп провел меня напрямик по рассыпанным письмам. Никакого уважения к важной корреспонденции!

— Я ценю внимание и благодарю за свадебный подарок, но возвращайся без него, — пожелал муж и действительно отправил меня в коридор.

— А если я потеряюсь? — попыталась я надавить на жалость.

— Уверен, ты справишься и с этим досадным недоразумением.

— В горах!

— Постарайся не выходить на улицу.

Мы с леймаром смотрели на закрытую дверь. В детстве тетка пару раз выставляла меня с очередным котенком за пазухой на крыльцо, но

минут через пятнадцать оттаивала и возвращала, а я клялась, что непременно найду подкидышу хозяина. Ей-богу, она умела мотивировать.

То, что Филипп тоже умеет мотивировать, прозрачно намекало поведение окружающих. С ним никто никогда не спорил! Но кто бы подумал, что воспитательный пинок под зад применят к жене. Я же покладистая: сама леймара подарила, сама за ним приберусь...

Не веря, что действительно оказалась в коридоре, я крепко держала звереныша, терлась под дверью и проходила стадии принятия того факта, что муж не собирается возвращать меня обратно. По крайней мере, пока леймар с нами.

— И чего тебе не спалось, демон? Поел, поспал, по... Ты же не напачкал в номере? — Я глянула в черную морду звереныша, он до нелепости виновато моргнул. — Поверить не могу... Никакой благодарности, что тебя спасли хорошие люди!

К дорогим (по всем размышлениям) родственникам из чувства самосохранения я не стучаться не стала. Проходя мимо их номера, даже на дверь не посмотрела, сразу направилась в опустевший по позднему часу холл. Гостевая стойка тоже оказалась уныло пустой. В ячейках на стене висели ключи с разноцветными брелоками, видимо, подобранными под цвет ковров, застилающих коридоры.

Сжав леймара под мышкой, чтобы не вырвался и не ускакал в неизвестном направлении, я пару раз позвонила в стоящий на столешнице колокольчик. Из-под стойки вдруг вынырнул лопухий улыбчивый консьерж в форменном пиджаке Сиала. На лацканах у него поблескивали по две золотые полоски.

— Доброй ночи. — Он одарил меня дежурной улыбкой. — Чем могу помочь?

— Нам очень нужна клетка, — ответила я и с дурацким видом отодрала протянутые когтистые лапки леймара, вцепившиеся в край стойки. — Моему питомцу негде спать.

— Хотите снять апартаменты?

— Да мне достаточно клетки, — уверила я.

— Могу предложить номер, в котором можно останавливаться с домашними питомцами, — не моргнув глазом, предложил он.

— А клетка? — уже в отчаянье переспросила я.

— Завтра утром непременно доставим в ваши новые апартаменты,
— уверил консьерж

— Подождите с новыми, меня и старые устраивают. У меня там муж... очень расстроенный отсутствием клетки.

Мы посмотрели друг на друга. Консьерж старался выглядеть отстраненным, дескать, привык исполнять самые абсурдные просьбы, но глазах читалось некоторое замешательство. Видимо, у нас с Филиппом абсурд зашкаливал даже для видавших всякое служащих гостевого дома.

— Где вы проживаете? — деловито уточнил консьерж и зачем-то полез в толстую книгу для записи гостей.

Я назвала номер. Он резко поднял голову и начал сходить с лица. Уши вдруг покраснели, как сигнальные фонари. Можно ставить на перекресток светить в темноте.

— Леди Торн?

— С леймаром, — напомнила ему, что не случайно околачиваюсь в пустом холле.

— Мы сейчас найдем для вас клетку! — Он проворно нырнул за дверь в служебное помещение.

— Не надо для меня, надо для питомца, — бросила ему вдогонку, отчего-то представив клетку в человеческий рост, в каких держат преступников в зале судебных заседаний. — Спасибо! Вы спасете мою семейную жизнь!

Операция по спасению заняла немного времени, минут пять от силы. Правда, уходил консьерж один, а вернулся в компании заспанного кастеляна. Не то чтобы этот помятый, измученный капризными постояльцами человек сходу назвался кастеляном, но в руках он держал птичью клетку. Высокую, с тонкими изящными прутьями и жердочками внутри. И стало ясно, что мы с леймаром обречены.

— Беличью клетку привезут завтра утром, — пояснил консьерж, — но мы нашли другую.

— Она для канареек, — тихо прокомментировала я.

— А ваша белка не чирикает? — нахмурившись, уточнил кастелян.

Вчетвером, включая притихшего леймара, мы смотрели на крошечную арочную дверцу, закрытую на миниатюрный крючок.

Звереныш не чирикал, а мысленно хохотал страшным злодейским голосом.

— Сколько, вы говорите, стоит номер? — с трудом оторвав зачарованный взгляд от клетки, посмотрела я на консьержа.

— Мне очень жаль, но остались только самые дешевые. — Он действительно выглядел расстроенным, даже ладони сложил в молитвенном жесте. — Однокомнатные.

— Тем лучше.

— Триста крон за ночь.

— А какого-нибудь короба у вас не найдется? — немедленно спросила я у кастеляна, от озвученного ценника резко почувствовав прилив творчества.

— Но в нем будет тесно спать, — растерянно заметил консьерж.

Возникла настороженная пауза. В тишине стало слышно, как звереныш, снова дотянувшийся до столешницы, скребет когтями благородное красное дерево.

— Короб не для меня, — сухо пояснила я. — Для леймара.

— Простите, — покаялся он, но не очень искренне.

— Каждый может ошибиться в непонятной ситуации, — философски вставил кастелян.

В номер мы поднимались с ним вдвоем. Он тащил ходившую ходуном корзинку для пикника с двумя дырочками, проделанными в боках. По плану леймар должен был сладко улечься в корзинку и смотреть на мир через отверстия, но он устроил форменный дебош, отказываясь оставаться в удобном домике.

Возле двери в номер стало ясно, что пора бы отблагодарить хорошего человека за помощь, но взять с меня было нерешительно нечего, кроме вымирающей магической твари.

— Спасибо за помощь, — произнесла я. — Доброй ночи.

— И вам, — согласился он.

— Я обязательно помолюсь за ваше здоровье, — чувствуя себя по-глупому, пообещала ему.

— Ага, — согласился он, не выпуская плетеной корзины. — Может, в номер занести?

Дурак бы понял, что от молитвы ему ни тепло ни холодно, а в апартаментах сидел богатенький господин Торн, способный

отблагодарить по-мужски. В смысле, дать нормальные чаевые и, возможно, не мелкими монетами.

— Не стоит, — с натянутой улыбкой отказалась я, помня, в каком чудовищном хаосе находилась гостиняя, когда меня оттуда выставили. — Вы и так мне достаточно помогли. Всю ночь молиться не перемолиться за здоровье такого хорошего человека.

На этой во всех отношениях сентиментальной, но неловкой ноте дверь открылась, явив нам Филиппа.

ГЛАВА 7. Полный кавардак

— Леди Торн, вы нашли зверолова? — произнес муж в возникшей тишине.

— Пока что только кастеляна.

— Тоже любопытное достижение. Решил, что вы действительно отправились в столицу.

— Подумывали бросится вдогонку?

— Подумывал, — неожиданно согласился он.

Вид у Филиппа был расслабленный, видимо, успокоился, пока я наводила ужас на служащих гостевого дома. От фрака он избавился, встречал нас в рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами и с закатанными рукавами. На крепком запястье поблескивал обручальный браслет, как ни странно, очень выгодно смотревшийся на его руке.

— Господин Торн, позвольте представиться! — выступил вперед кастелян, заглядывая в глаза моего мужа с таким раболепием, что даже неловко сделалось. — Самый главный из всех кастелянов замка Сиал.

— И имя у вас есть? — не поведя даже бровью, уточнил Филипп, словно действительно собирался называть слугу по имени, а, возможно, даже по фамилии.

— Вы правы, имя есть и даже фамилия, — со всей возможностью угодливостью согласился слуга. — И вместе с ними принес вам благую весть!

— Господин, вы принесли корзинку с домашним питомцем, — слегка обалдев от вступления, напомнила я. Вдруг от близости высшего мага у мужика слегка помутился рассудок?

— Да, но благую — даже блаженную! — весть тоже принес! — парировал кастелян, отчего начиная напоминать религиозного фанатика в острой экзальтации. — Клетку доставят в ваши апартаменты завтра!

— Кхм, — глубокомысленно откашлялся Филипп.

— А сегодня мы сделали дырки в корзине! Держите...

С торжественно-важным видом кастелян протянул Торну притихшую корзинку с двумя кругленькими дырочками. Честное

слово, у меня перехватило дыхание, а в голове вдруг появилась унылая картина, как мы леймаром отправляемся на постой к тетушке Клементине. Представляю, в какой восторг она придет. Спляшет с баранами, а потом по шаманским заветам прорвет их о мою голову, чтобы изгнать глупые мысли и привычку таскать в дом четвероногих приبلудышей. Зверенышу, наверное, тоже чуток достанется.

— Благодарю, — бросив на меня выразительный взгляд, ответил муж и действительно забрал корзинку. — Доброй ночи.

— И вам, — с жаром закивал кастелян и сложил руки почти в молитвенном жесте. — Вы должны знать, что мы во всем помогли вашей супруге, но белка и птичья клетка оказались несовместимы. Мне жаль.

— Мне тоже, — сухо отозвался Филипп, полез в карман и вытащил оттуда сложенные пополам ассигнации.

У кастеляна едва не начался новый приступ экзальтации, но муж протянул мне корзинку со словами, дескать, подержите, леди Торн, и снова сунул руку в карман. На свет божий были извлечены две золотые кроны. Я начинала подозревать, что этот карман у него, как сообщающийся сосуд, связан с лежащим где-то в номере портмоне или даже с сундуком денег в монетном дворе.

— Вы слишком щедры, господин Торн, — вздохнул кастелян как будто разочарованно, что ни одной бумажной купюры не перекочевало из кармана высшего мага в его.

— Не стесняйтесь, — намекнул Филипп, что пора взять деньги и отбыть обратно в холл.

— Помогать вашей супруге огромная честь для всех служащих замка, но раз вы настаиваете... — Он забрал кроны и крепко сжал их в кулаке. — Добрых снов.

Слуга припустил по коридору с такой прытью, словно боялся, что за ним погоняться и отберут золотые монеты.

— Леди Торн, собираетесь ночевать в коридоре? — уточнил Филипп.

— Не хотелось бы.

Подвинувшись в дверях, кивком он зазвал меня в номер. Я протиснулась бочком и огляделась. Обстановка, понятно, сильно не изменилась. Разве что письма лежали на обеденном столе, а гипсовая

дама снова стояла в углу. Отломанная голова с отбитым носом была водружена на тарелку в протянутых руках. Выглядело жутковато.

— Тереза...

— Филипп! — в один голос с ним решительно произнесла я и сконфуженно примолкла.

— Говори, — кивнул он.

— Клятвенно заверяю вас: как только мы вернемся в столицу, леймар немедленно отправится в королевский питомник, но пока ему придется побыть с нами! — выпалила я на одном дыхании.

— Я заметил, — в его голосе энтузиазма не было, что ни капли не удивляло.

— А что вы хотели сказать?

— Извини меня. Я был резок, — в своей обычной манере, очень коротко и серьезно, проговорил он. — Не следовало выходить из себя из-за мелочи.

Вот уж удивил!

— Ну... — протянула я, невольно обводя номер растерянным взглядом. — Справедливо говоря, разгромленные комнаты — не мелочь.

— Это не стоило скандала.

— Но в номере я все равно приберусь, — поспешно предложила я, всеми силами стараясь продемонстрировать, что готова сотрудничать и вообще быть исключительно кроткой, как и положено послушно послушной жене.

— Завтра этим займутся горничные.

Воцарилось неловкое молчание.

— Тогда пойду в ванную? — точно спрашивая разрешения, вымолвила я. — Но если хотите первым...

Он махнул рукой, словно благословляя меня на водные процедуры, но стоило двинуться в строго оговоренном направлении, как спросил:

— Ты теперь будешь таскать корзину по номеру?

— Подумала, что в туалетной комнате крушить особенно нечего, — призналась в коварном плане не дать зверенышу доломать то, что еще осталось целым, и ввергнуть нас в очередную ссору. — Но вы правы, он надежно заперт.

Словно издеваясь, леймар заскребся в плетеной темнице. Филипп молча изогнул бровь. Я сконфуженно прихлопнула крышку ладонью, не давая черной остроносой мордочке высунуться наружу, и клятвенно заверила:

— На всякий случай перевяжу шарфиком.

Крушить в туалетной комнате, по большому счету, было нечего, но проверить устойчивость зеркального столика стоило. От тряски зеркало не задрожало, а ножки не двинулись ни на мизинчик. Баночки, расчески и заколки отправились в выдвижной ящик.

Прежде чем завязать крышку, я проверила звереныша. Он уютно свернулся на дне корзины и, подняв мордочку, сощурился от света. Опечатывать плетеный домик заклятьем было бесполезно — магия на леймаров никак не действовала, оставалось надеяться на надежность завязанного на лопухий бант газового шарфа.

Приготовившись ко сну, я вышла из туалетной комнаты и громко произнесла:

— Ванная в вашем распоряжении.

— Благодарю, леди Торн, — отозвался Филипп.

Спальню я все-таки привела в божеский вид: вернула на место перевернутую шкатулку, расправила с помощью заклятья балдахин, собрала с пола остатки расколотой почтовой шкатулки.

Неожиданно в коридоре раздались тихие шаги. В комнату вошел Филипп. Из одежды на нем было только полотенце, прикрывающее бедра. С волос капала вода, поблескивал от влаги подтянутый крепкий торс. И зрелище было бы восхитительно-соблазнительным, не держи муж в одной руке за шкурку леймара, а в другой — пустую корзину с болтающимся на ручке шарфом.

— Возьми, — сдержанно произнес Филипп и протянул зверя

— Как он выбрался? — чувствуя себя страшно виноватой, словно специально выпустила звереныша на выгул, пробормотала я и кинулась к мужу.

— Очевидно, твой подарок заперт не очень надежно, — сухо прокомментировал он и, повернувшись спиной, отправился обратно в ванную комнату.

Вид сзади у него был такой, что многие позавидуют. Талия узкая, ямочка на поясице, спина красивая, широкая. От плеча по лопатки тянулись три красные полосы от звериных когтей.

— Филипп! — округлив глаза, охнула я.

— Надеюсь, ты не хочешь сказать, что тебе жаль? — обернувшись, вкрадчиво уточнил он.

— Нет, — быстро покачала я головой, покрепче прижимая леймара.

— Хорошо.

— Мне не только жаль, но еще очень неловко! — с жаром уверила я.

— Я на это рассчитывал.

Когда он вышел из спальни, я перевела дыхание и, поругивая воинственного звереныша, попыталась засунуть его обратно в корзину. Леймар выставил лапы, упершись в стенки и отказываясь забираться внутрь.

— Залез быстро! — рявкнула я.

Зверь прижал уши, обиженно хлопнул глазами и шустренько запрыгнул в корзину. Шарф был подвязан с таким усердием, словно от крепости банта на ручке зависело не только благополучие моей семейной жизни, но и всего королевства.

Приткнув корзинку в уголок, я с убрала с кровати смятое покрывало, притушила огни, оставив только чудом уцелевшую лампу на столике (тоже, видимо, уцелевшем чудом), и нырнула под одеяло. В тишине тихо, как мышь под полом, скребся леймар.

Филипп появился спустя минут десять, благоуханный, причесанный и в черной пижаме, застегнутой вплоть до последней пуговички. Пуританский наряд, прямо сказать, плохо гармонировал с идеей, что супружеский долг красен платежом.

— Доброй ночи, Тереза, — окончательно внес Филипп ясность в волнительный вопрос о продолжении банкета.

Не то чтобы я о нем задумывалась, но он появился и вдруг в голову пришли разные глупости, отчего совсем не пугавшие, а сильно волнующие.

— И вам.

— Потуши свет.

Лампа погасла. Комната окунулась в глубокую темноту. Я затаила дыхание, когда под Филиппом прогнулся матрас. Муж лег и вдруг тихо пробормотал нечто вроде «какого демона?», а потом резко приказал:

— Тереза, зажги свет.

Муж сидел на кровати, держал одеяло и что-то рассматривал в полном обалдении. Огни постепенно разгорались, набирая яркость. Стало видно, что простынь с его стороны пятнали алые кляксы, подозрительно похожие на растолканное фруктовое пюре.

— Это что такое? — Он принюхался к перепачканным пальцам, нахмурился и поднял подушку.

Под ней прятался схрон из кусочков яблок, брусочков груш и откровенно размазанного по наволочке (да и вообще везде) алой мякоти драконового фрукта. Леймар устроил на мужниной половине кровати тайник на голодное время!

— Боже мой, — цепенея, пробормотала я.

Филипп уронил подушку, прикрывая безобразие, и очень медленно повернул ко мне голову. Он сузил глаза, и стало ясно, что хрупкое перемирие подошло к концу.

— У тебя очень красивый нос! — выпалила я, вдруг вспомнив, как Лидия советовала осыпать мужа комплиментами, если другого способа избежать развода не находится.

— Что? — Филипп поперхнулся воздухом.

Я посчитала это хорошим знаком и добавила:

— И губы!

— Неужели?

— Глаза тоже ничего. Мужественный подбородок. Да, очень категоричный и мужественный! — Я обшарила взглядом его тело и решительно продолжала одаривать комплиментами: — Плечи широкие. Ноги... длинные. Волосы...

На волосах фантазия начала спотыкаться. Возникла странная пауза. Придумать, что хорошего можно сказать о мужниной шевелюре, никак не удавалось.

— Волосы у тебя на голове такие густые и аккуратно уложенные... Когда сухие. Не сомневайся! — В отчаянном вдохновении я взмахнула руками. — Очень тебе идут волосы!

У Филиппа сделалось такое лицо, словно его не осыпали с головы до ног комплиментами, а обложили грязными ругательствами.

— Похвала не сработала? — уточнила я.

— Ты перечислила части моего тела, — несколько ошалело заметил он.

— Что вижу, то пою, — проблеяла я. — Но что мне сделать, чтобы ты перестал злиться? Готовить я не умею, со здешним поваром у тебя кулинарный роман не сложился.

— Почему ты заговорила о еде? — Он явно пытался разобраться в разбеге женских мыслей. Признаться, мне самой хотелось бы в этом разбеге разобраться, а то в голове варилась каша.

— В книге для женщин было сказано, что мужа надо непременно хвалить и кормить, — без зазрения совести сдала я источник не слишком хорошей идеи.

— А лучше кормить, нахваливая, — со смешком добавил Филипп. — Я, кажется, начинаю понимать: ты просто заговариваешь мне зубы.

— Вернее, пытаюсь сгладить острый угол. Все по книжке. Я не сама придумала! — уверила я. — Но, на всякий случай, у меня получается?

— Нет. Ты несешь полную чушь.

И верь после этого дурацким книгам! Уверена, это руководство по приручению мужчин в домашних условиях написала старая дева. Она, как Лидия, только читала о чужих мужьях и слышала от подруг, а потом взяла и написала бесполезный в нормальной семейной жизни опус.

С другой стороны, только искренний оптимист назовет нашу с Филиппом семейную жизнь нормальной. Три дня прошло, а единственное нормальное закончилось обнаружением разгрома. Полное безумие!

— Знаю, но ты сейчас от чуши не шалеешь? — осторожно спросила я. Вдруг сработало?

— Шалею, — с неожиданной иронией согласился он. — И у меня нет слов.

— У меня тоже слова закончились, — поспешно поддакнула я, — только больше не отправляй меня в холл к гостевой стойке.

— Зачем, ради бога?

— За словарем. Слова подобрать.

Некоторое время Филипп помолчал и вдруг вздохнул:

— Иди-ка ко мне, моя дорогая супруга. — Он действительно вознамерился перетянуть меня на свою половину, видимо, чтобы обнять, но остановился: — Хотя не надо ко мне. Здесь помойка.

— Иди ты ко мне! — быстро предложила я и шустренько откатилась на край. — Здесь еще много места, даже больше, чем на моей кровати в пансионе, а там-то, поверь, койки были узкие! Вдвоем тесно. Не то чтобы в пансионе я спала с кем-то вдвоем ...

Одарив меня насмешливым взглядом, Филипп аккуратно передвинулся на мою половину. Он пристроил голову на подушку, а потом требовательным и, определенно, отработанным жестом прижал спиной к своему крепкому телу. У меня неожиданно случилось головокружение: комната поплыла перед глазами и пришлось крепко зажмуриться, иначе возникало ощущение, будто нас качало на волнах в каюте хлипкого суденышка.

Некоторое время мы лежали в освещенной комнате, где в полную яркость разгорелись все магические светильники: люстра на потолке, четыре ночника на стенах и лампа на столике. Филипп не шевелился, дышал спокойно и размеренно, но я притаилась, каждый изгибом ощущая его крепкое твердое тело. Теплая ладонь мужа, лежащая у меня на животе, словно жглась через тонкую ночную сорочку, как наполненный раскаленными углями утюг.

— Тереза, — тихо проговорил Филипп мне затылок.

— Да? — тоненьким голосом прошептала я.

— Ты потушишь наконец свет?

— Да-да! Немедленно потушу.

Пошевелившись, я вытащила из-под подушки порядком затекшую руку и хлопнула в ладоши. Комната погрузилась в темноту.

— Ты еще злишься? — тихо спросила я.

— Спокойной ночи, — отозвался он.

— Да или нет?

— Леди Торн, позвольте пережить эту ночь в тишине, — скомандовал он.

Словно издеваясь, в корзинке заскребся леймар. Он как бы тонко намекнул, что тишина этой ночью понятие весьма относительное. В конечном итоге я пригрелась в уютных мужниных объятиях, перестала мечтать о разных глупостях и провалилась в глубокий сон.

И все глупости — да просто чудовищная чушь! — происходили уже в нем. Сначала мы жарко целовались. Филипп страстно сдирал с меня кружевную сорочку. Дурацкая вещица все время цепляла за

плечо, трещала по швам и не слезала. Я же пыталась жестом фокусника сдернуть с его бедер полотенце, но оно точно бы оказалось приколочено к бедрам гвоздями.

— Да драконью ж мать, паршивая белка! — громко ругнулся он мне на ухо.

От возмущения я проснулась и вдруг осознала, что ругался муж вовсе не во сне, а наяву. Горел верхний свет, яркость огней заставляла морщиться. Филипп со свернутой трубочкой газетой стояла посреди комнаты и ястребиным взглядом разглядывал кого-то на кровати. Как будто гонял комаров.

— Что... что ты делаешь? — сумела открыть только один глаз, промычала я и повернула голову. На соседней подушке сидел леймар и недобро поглядывал на Филиппа в ответ. — Он выбрался?

Без особого пиетета я сгребла звереныша в охапку и неуклюже начала выбираться с кровати. Леймар мгновенно обмяк в руках, как кот, попавший в теплые хозяйские объятия. Странно, что не урчал.

— Сейчас засуну его обратно в корзину.

— Я его три раза в корзину возвращал. Бесполезно. — Филипп зажал газету под мышкой и потер лицо ладонями. — Ложись. Я пошел на диван. Он все равно мне не даст поспать.

— Возьми меня с собой! — выпалила я. — Вдвоем спать приятнее. В смысле, веселее... Уютнее!

— На диване мы не сможем заснуть.

— И не надо. Просто развлечемся!

Филипп иронично выгнул бровь, я примолкла и вытянула губы трубочкой, понимая, что ляпнула страшную двусмысленность, но полотенце, крепко-накрепко сидящее на его бедрах, до сих пор будоражило воображение. С другой стороны, если бы оно все-таки упало, то взбудоражило бы еще сильнее.

Я смущенно кашлянула и, чуток покраснев, а заодно проснувшись, проговорила:

— Знаешь, Филипп, не бери меня.

— Уже не надо?

— Нет. — Поерзав, я спустила ноги на пол и попыталась нащупать туфли, но они оказались потеряны где-то под кроватью. — Ложись ты в кровать, а я пойду на диван. Иначе ты к нему привыкнешь и отвыкнешь от нормальных простыней.

— Не планировал.

— Я тоже сегодня не планировала заканчивать ночь на диване, но что теперь поделаешь, — проворчала я и торжественно объявила, чтобы не думал, будто что-то делается не по зову сердца, а из меркантильного желания выглядеть хорошей женой: — Подушку тоже оставлю тебе.

— Зачем? — искренне заинтересовался он.

— Чтобы в полной мере испытать лишения. Леймар этой ночью тебя больше не побеспокоит.

— Этот вымирающий вид что-нибудь доломает в гостиной, — предположил муж. — Оставайся. Он явно благоволит к тебе и к нашей кровати.

— К тебе он тоже благоволит! — зачем-то заспорила я, хотя дураку было очевидно, что звереныш уже не любил моего мужа. Возможно, похлеще, чем своего прошлого хозяина. И всеми возможными способами пытался доказать, что он сильнейший хищник.

— Спи, Тереза, — распорядился Филипп и, резко щелкнув пальцами, окунул комнату в темноту.

На секунду показалось, будто я ослепла.

— К тебе вернулась искра?

— И дар совершенно бесполезен, — отозвался он, тенью двигаясь к двери. — Твой вымирающий подарок не чувствителен магии.

— Возьми мою подушку, — решительно предложила я, поворачиваясь к нему всем телом. Быть щедрой и справедливой, так уже до самого конца!

— Давай, — неожиданно по-простому согласился он, чем, признаться, сильно удивил.

Но стоило Филиппу приблизиться к кровати и протянуть руки, как леймар напрягся всем телом. В тишине раздалось непотребное рычание.

— Он рычит на меня? — с насмешкой уточнил муж, словно были другие варианты.

— Нет! — Я поспешно сжала зверю челюсть пальцами, чтобы он перестал вести себя, как подлец, и допиливать сук, на котором мы, прямо сказать, уже очень плохо сидели. — Уверена, он так выказывает уважение к вожаку стаи. Мурлычет!

— Интересная теория. — Филипп забрал подушку. — И не выдерживает никакой критики.

— Закрой поплотнее дверь, — попросила я, коль он серьезно вознамерился покинуть меня и запереть в спальне вместе с беспокойным хвостатым соседом. — Ну, чтобы он случайно не выскочил и не продолжил тебе демонстрировать почтение.

Утро началось позже, чем можно было рассчитывать, и выспаться удалось лучше, чем предполагалось. Если вымирающий вид безобразничал, доказывая, что он поживее многих, то меня хулиганства никак не коснулись. К собственному стыду, после суматошного дня я дрыхла, как сурок в зимней спячке, и проснулась от ощущения, что в комнате подозрительно тихо.

Сев на кровати так резко, что закружилась голова, я проморгалась и с подозрением огляделась. В окне солнышко, на другой половине постели испачканные фруктами простыни, корзинка с двумя неровными проковырянными дырками на боку — в своем углу. Вешалка целенькая и стояла вертикально, как солдатик. Ни одного нового разрушения не прибавилось. На одного леймара в комнате, похоже, убавилось.

Дверь оказалась плотно закрыта, а звереныш все равно исчез. Не слышала, чтобы звери, даже магические, умели ходить сквозь стены, но вдруг возникло дурацкое подозрение. От этого вымирающего вида можно ждать чего угодно! Он продемонстрировал, на что способен.

Накинув халат, я вышла из спальни, с озабоченным видом заглянула в гостиную и обнаружила удивительную картину. Филипп сидел за накрытым к завтраку столом, потягивал кофе и изучал какие-то бумаги. Выглядел он свежим и бодрым, будто восемь часов кряду проспал в удобной кровати королевских размеров, а не покемарил чуток на диване.

За его плечом, уютно уместившись на спинке стула, преспокойно восседал леймар и с большим аппетитом закусывал каким-то фруктом.

— Как спалось? — Муж поднял взгляд от бумаг.

— Отвратительно.

— Выглядишь отдохнувшей.

От смущения я кашлянула и кивнула на хвостатого нахлебника:

— Как он попал в гостиную?

— Я его выпустил.

Леймар, между тем, прикончил ломтик фрукта и, юрко потянувшись, требовательно похлопал его по плечу лапкой.

— И вы подружились, — заметила я.

— Главное, показать зверю, кто в доме хозяин. — С непроницаемой миной, словно действительно доказывал, кто хозяин — ладно, в доме, — за столом, Филипп, не глядя, передал зверьку очередной ломтик. Это был откровенный подкуп.

— Да, я вижу, — отозвалась я, прикусив губу, чтобы сдержать ироничную улыбку.

— Он оказался нормальным парнем, — продолжил рассуждать муж. — Ты знала, что звери становятся спокойнее, если их хорошо накормить? С утра попросил Вилсона связаться со звероловом из королевского питомника, и тот дал парочку дельных советов.

— Путь к сердцу питомца лежит через его желудок? — предположила я.

— Вроде этого, — согласился Филипп.

— Совсем, как у мужчин.

— Про мужчин тебе тоже умная книга подсказала? — хмыкнул он.

— Тетка Клементина.

— Она хорошо готовит?

— Она совсем *не* готовит, когда злится на Рендела, — поправила я. — Называет это методом кнута и пряника. Лидия страдает вынужденно.

— При чем здесь желудок?

— Если придется обедать в энтильском трактире три дня подряд, мигом поймешь, в чем воспитательный эффект.

— Ты планировала этот метод применить на мне? — с полуулыбкой уточнил Филипп, пригубив кофе, и выстрелил любопытным взглядом над краем чашки.

— С тобой не сработает, — с фальшивым сожалением развела я руками. — У тебя служит потрясающий повар. Да и в столице вряд ли найдется такой же паршивый трактир, как в Энтиле. План изначально провальный.

— Придумала другой?

— Ты переоцениваешь мое воображение, — отозвалась я.

— Ничуть, — протянул он. — Сегодняшнее утро оказалось богатым на открытия.

На секунду мы встретились глазами, и что-то меня напрягло в его насмешливом взгляде.

— Садись завтракать, Тереза, пока еда не остыла, — кивнул муж на прикрытую серебряным колпаком тарелку.

К столу я вернулась умытая и прибранная. Леймар уже сидел на диване и по морде было видно, что задумал нехорошее, но Филиппа, казалось, присутствие звереныша не беспокоило. На тарелке под колпаком лежал яичный рулет и жареные хлебцы.

— Ты уже прочел утренний «Вестник»? — спросила я, кивнув на сложенную газету возле его тарелки.

— Светские сплетни? — уточнил он, начиная потрошить листы, чтобы вычленил нужные. — Столица продолжает обсуждать твой свадебный наряд.

— Если ты интересуешься светскими сплетнями, зачем даешь их мне? — проворчала я. — Дай посмотреть, что пишут на третьей полосе. Там всегда самые важные новости.

— Неужели? — Он бросил на меня ироничный взгляд.

— Как будто ты не знаешь, что на первых двух новости о королевской семье.

Филипп отдал мне газету полностью и прокомментировал, наблюдая, как я живенько открывала пахнущие свежей типографской краской широкие листы.

— Дорогая супруга, меня мучает любопытство, — проговорил он в воцарившейся на минутку тишине. — Кто тебя вытаскивал из участка стражей?

Сердце екнуло. Очень медленно я опустила газету и наткнулась на расчетливо-холодный взгляд. Как и вчерашним утром, когда чихвостил собственную тетку, Филипп задал вопрос неожиданно, сделав меня полностью безоружной. Придумать какую-нибудь складную ложь мгновенно, у меня никогда не получалось.

— Директресса пансиона, — ответила я.

— И ты не вылетела из этого пансиона? — деловито поинтересовался он и прихлебнул кофе.

— Мадам разделяет наши с сорат... с девушками взгляды. — Я аккуратно свернула газету и отложила ее на край стола. — Ты собирал

на меня компромат?

Вообще-то, ничего удивительного в этом не было. Больше поражало, что, даже зная о моих «подвигах», Филипп все-таки сделал предложение. Похоже, кое-чего он все-таки не знал.

— Наводил справки, — мягко поправил он.

— Много нашли?

— Оказывается, больше, чем мне продемонстрировали до знакомства с тобой, — проронил он и кивнул на листы. — Сегодня Вилсон был так любезен, что прислал не отредактированное личное дело. Со всеми забавными подробностями.

Не поведя даже бровью, Филипп передал мне плотные страницы с вензелем какой-то конторы. Возможно, розыскного агентства, собиравшего информацию. Называлось оно пафосно.

Кашлянув, я покосилась на мужа, с любопытством ожидающего моей реакции, и взглядом пробежалась по строкам. Они собрали абсолютно все. На одной странице даже имелась копия моего диплома об окончании пансиона.

— Оценки в дипломе Вилсон тоже подправил? — уточнила я.

— Некоторые. — Кажется, Филипп пытался сдержать улыбку, хотя мне было совсем не весело.

— «Отлично» за арифметику, бытовую магию и зоологию я заслужила.

— Он исправил «удовлетворительно» за изящные манеры и этикет, — подсказал Филипп.

— Напрасно. Наш преподаватель был отменным козл... — Я глянула на мужа, изобразившего крайнюю заинтересованность, дескать, продолжайте, леди Торн, и исправилась: — Был придирчив. Он поставил «удовлетворительно», потому что мне не нравилась его манера орать, как потерпевшему, и пару раз я об этом сказала вслух. Громко.

— В личном деле эти инциденты тоже описаны.

— Какая пошлость, — под нос пробормотала я, отложила страницы и уставилась на перечисление всех моих подвигов в Женском клубе по защите вымирающих магических тварей. Обсуждать приводы в участок я посчитала лишним, хотя, видимо, Филиппу-то хотелось узнать подробности.

— Подумываешь отправить Вилсона в отставку?

Появлялось стойкое ощущение, будто секретарь был лично заинтересован в женитьбе мага Филиппа Торна на провинциалке с весьма спорным реноме. То ли ему так сильно понравился мой портрет, то ли так сильно насолил хозяин. Может быть, все сразу.

— Это зависит от того, насколько он окажется расторопным и успеет ли до полудня убрать все упоминания о Терезе Вудсток из дел в стражбых участках.

— Участки в разных концах столицы.

— Значит, Вилсону придется очень быстро перемещаться по городу.

Собрав бумаги, я постучала ими по краю и выровняла в педантично-аккуратную стопочку.

— И что, господин Торн, вы сделали бы предложение, покажи он все?

— Нет. — Муж не колебался ни мгновения.

У меня вспыхнули щеки. Не зря тетушка Клементина говорит, что умная женщина не станет задавать лишних вопросов.

— Тебе уже не нужна газета? — между тем, словно мы не обсуждали крайне острую тему, спросил Филипп.

— Нет, бери. Новости сегодня унылые. — Я передала ему «Вестник», который даже не просмотрела, и, подвинув пальцем стопочку с личным делом, взялась на приборы.

Филипп мастерски оборвал неприятный разговор на такой нервной ноте, что невольно возникало дурацкое ощущение, будто меня поставили на край пропасти и заставили гадать, в какую сторону ударит порыв ветра. Толкнет в спину и опрокинет с высоты или наоборот.

Есть, понятно, уже не хотелось, и от одного вида остывшего яичного рулета к горлу подступал ком.

— Хочешь развестись? — уронила я.

— Как ты думаешь?

Мы встретились глазами. Неожиданно я осознала, что меня ужасно раздражает его манера отвечать вопросом на вопрос. Филипп словно предлагал вынести самой себе приговор и, желательно, привести его в исполнение, а он, прихлебывая крепкий черный кофе с одной ложкой сахара, проследит за бесславным финалом.

Стараясь потянуть время, я налила из фарфорового чайника слишком настоявшийся потемневший чай, наверняка на вкус сущую горечь. Из узкого горлышка выскочила пара размокших васильковых лепестков и принялась плавать на поверхности.

— Хорошо, — вздохнула я, — давай разведемся без шума. — Полагаю, наш брак окажется самым стремительным в истории всего рода Торнов.

— Считаешь это хорошей идеей, Тереза? Родовое поместье Вудстоков останется за мной, — напомнил он условия договора.

— Надеюсь, ты его восстановишь, — стараясь выглядеть равнодушной, дернула я плечом. — Я все равно останусь в плюсе. В договоре ты был более чем щедр, когда назначал компенсацию, если развод случится не из-за измены с моей стороны. Мы оба знаем, что я не изменяла тебе даже с тобой — супружеский долг мы не отдали, и из нашего брака я выйду довольно обеспеченной девицей. Хоть заново замуж выходи.

— Тереза. — Он почесал бровь.

— Да?

— Ты меня дразнишь?

— Ни в коем случае! Просто мысли вслух.

— Ясно.

С непроницаемым видом Филипп вытащил из петличек рукавов запонки. Аккуратно пристроив их возле тарелки, он поднялся и преспокойно начал расстегивать пуговицы на рубашке. С возрастающим недоумением я следила за этим внезапным разоблачением.

— Филипп, ты что делаешь?

— Раздеваюсь, — подсказал он очевидную нам обоим вещь.

Не понимаю, ей-богу, как словесная дуэль привела к такому непредсказуемому результату? Додразнилась, одним словом.

— Я вижу, но зачем?

— Ненавижу ходить в должниках.

— Как это связано? — Я совсем перестала понимать, что происходит.

— Хочу до развода отдать тебе супружеский долг, — с непередаваемым спокойствием отозвался он и вытащил рубашку из-за пояса брюк.

— Подожди! — Я быстренько поднялась со стула и бочком продвинулась за стол, стараясь выстроить между нами преграду, коль личные границы оказались поразительно зыбкими. — Так развод не обсуждают.

— Откуда тебе знать, если ты впервые разводишься? — справедливо заметил он.

— В любом случае, о каком супружеском долге сейчас может идти речь?

— О последнем.

— Бог с вами, господин Торн, — чуточку фальшиво хохотнула я и помахала ладонями, как веером, стараясь охладить вспыхнувшую физиономию. — Я прощаю все долги. Не надо ничего отдавать. Давайте просто позавтракаем.

Филипп расстегнул последнюю пуговицу. Рубашка открыла во всей красе гладкий красивый торс. Думала, муж сейчас совсем ее скинет и возьмется за пояс брюк, но он притормозил с обнажением и двинулся в мою сторону, явно наслаждаясь замешательством обалдевшей от неожиданного поворота супруги.

— Ты выглядишь очень разочарованной, а я не могу позволить, чтобы ты осталась разочарована нашим коротким, но ярким браком, — неспешно надвигаясь, ответил он с такой серьезной миной, что оставалось непонятным: он издевается или действительно решил... отдать долг. — Давай поставим последнюю точку.

— Честное слово, тебе почудилось! Я вовсе не чувствую себя разочарованной, — быстро уверила я. — Отдохнула в горах, компенсацию получу.

— Завела питомца, — напомнил он.

— Да, и еще питомец. Ты отдал все долги сполна! Хотела сказать, что я еще должна приплатить, но поместье-то тебе достанется. Мы будем в расчете.

Он уже обогнул стол, заставив меня попятиться. Поясница уперлась в высокий каменный подоконник и отступить стало некуда. Мы оказались на расстоянии полушага. Кажется, я могла почувствовать, как от его тела исходил жар, а он — услышать, как колотилось сердце у меня в груди.

— В таком случае, как твой первый муж, я хочу воспользоваться правом первой брачной ночи.

— Сейчас белый день!

— Поверь, моя наивная жена, — Филипп протянул руку и костяшками пальцев мягко погладил меня по горячей щеке, — время суток на процесс никак не влияет.

— Верю тебе на слово! — выпалила я.

— Поздно, — пробормотал он. — Я уже настроился доказать и показать.

— Ты собрался со мной разводиться, — шепнула я, не сводя взгляда с его губ.

— Нет, это ты собралась разводиться, — шевельнулись эти самые красивые губы. — У меня даже в мыслях не было.

С едва заметной улыбкой профессионального соблазнителя плавным движением он стер разделяющее нас ничтожное расстояние. Я прогнулась в пояснице, стараясь сохранить видимость дистанции. Филипп не уступал ни дюйма — уперся рукой в стекло возле моей головы, другой — в край подоконника. Места для маневра не осталось, разве что поднырнуть под руку, но убежать не хотелось. Полагаю, нам обоим нравилась эта игра. Она казалась завораживающей. Для меня — точно.

-- Так как мы поступим, Тереза? — вымолвил он, не сводя с моего лица азартного взгляда, словно мы играли в покер. Карты набраны, оставалось открыть и выяснить, кто оказался победителем. — Обсудим, как ты собралась со мной разводиться, или займемся вещами поинтереснее?

В голове возникла странная мысль, что вдыхать по утрам морозный, как сам Филипп, аромат — еще одно мое любимые занятие после утреннего цветочного чая и чтения третьей полосы ежедневного «Вестника».

-- Что дальше? Ты меня поцелуешь?

Его губы растянулись в ленивой улыбке:

-- Кто о таком предупреждает?

-- Не знаю, до тебя меня никто не целовал.

Хотелось вцепиться в его рубашку, уткнуться носом в шею и втянуть носом запах кожи, но в дверь постучали. Тихо, деликатно, до обидного не вовремя. Невольно я выпрямилась, встала на цыпочки и выглянула из-за плеча Филиппа, словно умела смотреть сквозь стены.

Уверенно и даже властно, муж взял меня за подбородок, повернул голову.

Он оставил на моих приоткрытых губах быстрый, но требовательный поцелуй. Я затаила дыхание и приготовилась... так сказать, нырнуть в пучину страсти. Только, чтобы в этот раз не пришлось вызывать спасателей. Однако Филипп неожиданно выпрямился и, резко выйдя из образа соблазнителя, принялся приводить в порядок одежду.

-- Ты что делаешь? – опешила я, вообще-то, не ожидавшая, что ждуть внешнему миру, сгрудившемуся у нас под дверьми, придется удивительно мало.

-- Клетку для твоего подарка привезли, -- как будто это объясняло абсолютно все, отозвался Филипп и, застегиваясь на ходу, спокойно обошел стол.

-- Но мы не договорили! – возмутилась я.

-- Разве? – Он бросил на меня как будто недоуменный взгляд и поправил накрахмаленный воротничок.

-- Вообще ничего не сказали и...

-- И что? – с едва заметной улыбкой уточнил Филипп.

-- А еще ничего не показал!

-- Неужели?

Он снова говорил короткими вопросительными предложениями, словно побуждая собеседника найти правильный ответ и сделать нужные выводы.

-- Вы что же, меня дразнили, дорогой муж?

Внутри разгоралось незнакомое жгучее разочарование. Я чувствовала себя обиженной, как ребенок, которому посулили кусок торта с праздничного стола, а в итоге позволили лишь кончиком пальца смахнуть краешек кремовой розочки и попробовать на вкус тающую сладость.

-- Но тебе ведь нравится меня дразнить, Тереза, -- с полуулыбкой отозвался он. – Так вот в эту забавную игру можно играть вдвоем.

-- Но ты играешь не по правилам!

-- Не знал, что в этой игре есть правила. – Он подошел к столу, взял запонки и с лукавым видом протянул мне: -- Поможешь?

Стук снаружи, между тем, из деликатного превратился в настойчивый. Внешний мир требовал внимания.

-- Лучше открою дверь.

-- Не утруждайтесь, леди Торн, -- отозвался Филипп и резко щелкнул пальцами.

Воздух дрогнул, разлетелся волной по комнате. Взлохматил занавески, взъерошил бумаги на обеденном столе, зашелестел газетой, а следом в замке три раза провернулся ключ, отпирающий замок. Настороженный звереныш, со спинки дивана взирающий на дверь недобрыми желтыми глазенками, соскочил на пол и бросился вглубь номера.

-- Заходите, -- пригласил муж надоедливый внешний мир.

Дверь приотворилась и бочком, словно страшно стеснялся открыть пошире, к нам проник парламентар от внешнего мира: мужчина в идеально отглаженном костюме, со столь же идеально зачесанными на косой пробор волосами и с белыми перчатками на руках.

-- Господин Торн, леди Торн, позвольте вас потревожить, -- произнес он.

-- Уже, -- сухо отозвался Филипп и с непроницаемым видом начал застегивать запонки. – Вы новый распорядитель?

А куда делся прежний Роджер?

-- Роджер Либре к вашим услугам, -- представился он, подчеркнуто не замечая, что одежда господина Торна находится в некотором беспорядке, а леди Торн выглядит так, словно получила пыльным мешком по затылку.

-- Специально для вас в гостевой дом доставили самую подходящую клетку, -- торжественно объявил новый распорядитель.

-- Для леймара, -- сухо поправил Филипп.

-- Конечно! – не теряя присутствия духа и напыщенность, быстро согласился распорядитель. – Для вашего необычного питомца. Мы можем ее занести?

Муж дал согласие взмахом руки. Сидя за столом и делая вид, будто наслаждаюсь утренней газетой и остывшим цветочным чаем, исподтишка я следила за ворвавшимся в номер внешним миром. Он оказался шумным и неожиданно многолюдным. Возникло подозрение, что вторжение с радостью поддержит тетушка Клементина, но обошлось.

Клетка встала в угол вместо исчезнувшей статуи, постель перестелили, забытую на вчерашнем банкете сумочку вручили. Звереныш совместными усилиями был усажен в клетку, где принялся грызть яблоко и таращиться круглыми глазенками. Переселение заняло немного времени, в нашем номере вновь наступила тишина.

-- Куда делся прежний распорядитель? – спросила я у Филиппа, когда тот просматривал свежую корреспонденцию. В смысле, просто перебирал конверты, не задерживая ни одним внимание.

-- Очевидно, что больше не служит в гостевом доме, -- отозвался он.

-- Ты посодействовал его отставке?

-- Роджер путал принципиально разные понятия: дружить и служить. – Филипп перевел на меня нечитаемый взгляд. – На его должности это недопустимо.

По притихшему номеру разлетелся громкий звон. Новая почтовая шкатулка не крякала голосом охрипшего гусака, но словно била в набат, созывающий деревню на лобное место. Дескать, идите, жители нашей деревни, сейчас вы узнаете благую весть!

-- Наверное, Вирена написала, -- пробормотала я. – Ты же помнишь, что у нас сегодня встреча в городе?

-- Девичник в кофейне с твоими соседками, -- усмехнулся Филипп. – Помню.

Однако почтовая шкатулка принесла вовсе не письмо от бывшей соседки по общежитию. Писала Марджери. Она просила с ней полюбоваться красотами местного парка. Похоже, тетка решила выкинуть белый флаг.

В задумчивости я вернулась с гостиную. На столе была сдвинута посуда, а Филипп с самым серьезным видом чернильным пером делал какие-то пометки в письме.

— Ты работаешь... — пробормотала я.

— Говори.

— Марджери хочет со мной прогуляться.

— Прогуляйся.

— И ты не против? — удивилась я, не понимая, в чем подвох.

После вчерашнего утреннего разноса, когда мадам Торн удалялась из наших апартаментов с гордым видом несломленной королевы в изгнании, думалось, что Филипп должен высказать недовольство.

— Почему я должен быть против? — Он перевел на меня внимательный взгляд, хотя, мне всегда казалось, что погруженный в какое-либо занятие человек не способен быстро вникнуть в тему. Скажет, а потом ничего не помнит. — Только тебе отмерять личные границы с родственниками, Тереза. Когда-то следует научиться их выстраивать. Начни сегодня.

С этим во всех отношениях странным напутствием я отправила Марджери крайне деловое послание, словно назначала время сложных переговоров, и отправилась собираться.

Филипп появился в туалетной комнате в тот момент, когда я уже влезла в теплое платье и пыталась справиться с непослушной гривой. Волосы отчего-то не хотели укладываться в аккуратный пучок: кудряшки то и дело ускользали из-под пальцев. Хоть заплетай косу! Уверена, тетка Торн тут же обнаружит в простоте вызов. Тоже неплохо.

В зеркале появилось отражение мужа. С самым будничным видом на ходу он расстегивал рубашку. Вторым раздеванием я оказалась заинтригована ничуть не меньше, чем первым, и так засмотрелась, что неосторожно ткнула острой булавкой в темечко. В глазах сразу просветлело, а то фигура мужа как будто искрила золотистыми магическими блестками.

— Собираешься со мной? — уточнила я.

— Ты и без меня мастерски умеешь вести переговоры, — с этой своей особенной ироничной интонацией, от которой сразу чувствуешь себя на редкость глупо, припомнил Филипп, как я ловко забрала у бывшего хозяина леймара не только самого леймара, но даже визитную карточку. — Решил добраться до лыжного спуска. Хочешь составить мне компанию?

— Хорошо покататься! — следя за ним в зеркале, немедленно отказалась я рисковать шеей на горном спуске.

Филипп стянул с плеч рубашку, открыв широкую красивую спину. С возвращением магической искры отметины от когтей полностью затянулись, даже следа не осталось.

У сильных магов обычные раны, нанесенные не артефактами, заживали стремительно. Со сломанной рукой я, помнится, проходила меньше недели, а дядька-то промучился с перевязью весь положенный срок, а потом еще с месяц сжимал каучуковый мячик, чтобы заставить одеревеневшие пальцы сгибаться.

— Возьми с нее магическую клятву, — не оборачиваясь, вдруг произнес муж в тишине.

— С кого? — Захваченная зрелищем в зеркале я не сразу поняла, что он обращается ко мне, а не к одежной вешалке.

— С Марджери. О чем бы вы ни договорились, возьми с нее магическую клятву.

— Она заявит, что это вульгарно.

— Непременно, — хмыкнул Филипп и исчез в гардеробной.

Из номера я выходила торопливо, вперед мужа, а в коридоре меня перехватила Клементина. Стоило повернуть за угол, как дверь волшебным образом распахнулась и явила тетушку. Казалось, та подглядывала в замочную скважину и стояла на страже, поджидая, когда появится племянница.

— Зайди на секундочку!

Она схватила меня за руку, проворно втянула в апартаменты и, проверив опустевший коридор, словно за нами, как за бунтовщиками вели слежку, прикрыла дверь.

— Доброе утро, дядюшка, — поприветствовала я Рендела, сидящего в кресле и изучающего газету с таким сосредоточенным видом, что дурак бы понял: еще минуту назад Клементина его пилила, а сейчас нашла новую жертву.

— Как поживает твой муж? — Рендел слегка опустил газету.

— Не скучает, — коротко отозвалась я. — Собрался покататься на лыжах. А где Лидия? Отдыхает?

— Тоже ноги на лыжах ломает. Только позавтракали, как нацепила портки и кинулась на гору. Я ей так и сказала: свернешь шею — не возвращайся, — проворчала Клементина. — Что у вас стряслось? Видела, как у вашего номера толпились слуги.

— Клетку для питомца Филиппа принесли, — пояснила я, все еще надеясь, что имя мужа по-прежнему имеет волшебный эффект и, как заклятье темной магии, отбивает у окружающих желание задавать лишние вопросы.

— А ты куда собралась? — От скуки тетушка явно пребывала в дурнейшем настроении и не знала, к чему прицепиться.

— На прогулку.

— Пойдем вместе! — страшно обрадовалась она. — Проверим нашу лыжницу, на твоего дражайшего супруга полюбуемся.

— Я встречаюсь с Марджери.

— И что высокородная ведьма от тебя хочет? — несколько удивилась Клементина. — Ты какого рожна с ней идешь?

— Не кричи на девочку, — пробубнил Рендел, прячась за газетой, как за щитом. — Терезе надо налаживать отношения с новыми родственниками.

— Много ты понимаешь! — фыркнула тетка и тут же решила за всех: — Рендел, собирайся. Мы сейчас встречаемся с мадам. Не позволю этой дамочке притеснять нашу девочку.

— Нет! — вырвалось у этой девочки, и тетушка недовольно поджала губы. — В смысле, Марджери хотела поговорить один на один.

От одной мысли, что две неуправляемые силы сойдутся в мирном заснеженном парке, даже в жар бросило. Да и в принципе стоять в теплом плаще было душновато.

— Зачем?

— Они повздорили с Филиппом.

— Неужели? В чем причина?

— Марджери тоже знает, где покупать самопальные снадобья.

Я выразительно изогнула брови, намекая, что тетушке стоит воспользоваться собственным любимым советом и не задавать вопросов, ответы на которые непременно окажутся неловкими.

— Ладно, — сложив руки на груди, крайне разочарованно протянула Клементина. — Хорошо подышать тебе горным воздухом, а мы с твоим дядюшкой пообедаем в номере.

— Приятного аппетита, — пожелала я, не поддаваясь на провокацию.

— Конечно, что еще делать всеми брошенным старикам? — принялась она прибедняться. — Только утробу набивать.

— Вишенка, да сходи ты в термы! — примирительно протянул Рендел. — Очень рекомендую. Я с утра все проверил: парилки отменные, место чудесное.

— То-то ты светишься, аж лысина блестит, — буркнула тетка, окончательно впадая в угрюмое настроение.

На этой ноте я попрощалась с родственниками и, выскользнув в коридор, нос к носу столкнулась с Филиппом.

— Военный совет? — не преминул подколоть он.

— Вообще-то, тетушка хотела узнать, как дела, — с достоинством отозвалась я и добавила: — Но действительно походило на военный совет.

Из замка вышли практически к спуску. На улице морозило. Яркое солнце, до странности неподходящее зиме, заставляло щуриться. Гуляющий на высоте ветер сдувал с сугробов мелкую поземку, и в холодном сухом воздухе искрились снежинки-кристаллы. А с горы с умопомрачительной скоростью слетали безумные, по всем соображениям, любители острых ощущений.

Филипп пообещал вернуться через пару часов, иначе мы рисковали опоздать на встречу в чайной. Прощаясь, он поцеловал меня в макушку и натянул обратно сползший на затылок капюшон.

— Одевайся теплее, леди Торн. — Он подтянул ленточки. — В горах легко простудиться.

— Хорошо покататься, — пробормотала я, не понимая, отчего горят щеки: от мороза или ненавязчивой заботы.

Мадам, как мы и условились, поджидала меня у иссушенного на зиму и заваленного снегом фонтана. В шикарной белой шубе она словно представляла собой единый белый флаг. Правда, за спиной этого «флага» из фонтана топорщил крылья каменный оскаленный дракон, ощеренная морда торчала как раз над краем белой высокой шапки.

Зрелище они представляли собой воинственное, как будто мать каменных драконов собралась на завоевание королевства. Королевство — видимо, наша с Филиппом новоиспеченная семья. Я даже слегка приосанилась, расправила плечи и придавала походке решительности, дабы представлять собой достойного противника этой... скульптурной паре.

— Добрый день, Тереза, — Марджери поздоровалась первой, назвав меня по имени. И никаких «дорогая» и «милая».

Со всем возможным достоинством я ответила на приветствие и изогнула брови, дескать, о чем вы хотели поговорить?

— Прогуляемся. — Она кивнула, но тут же добавила: — Ты же не против прогуляться? Холодно стоять на одном месте.

Мы двинулись вокруг фонтана по расчищенной до каменных плиток дорожке.

— Как себя чувствует Филипп? — спросила она без привычной претензии.

— Спасибо, хорошо. Отправился покататься на лыжах.

Возникла натужная пауза. Тетка чего-то ждала. Я, собственно, тоже ждала, кто из нас сдастся первой и нарушит натужное молчание.

— Искра вернулась?

— В полной мере, — согласилась я, вдруг поняв, что торжественный круг вокруг фонтана был сделан. Мы посмотрели на дракона и с пыльных боков, и с припорошенного снегом хвоста, а ничего особенного так и не сказали.

— Я не собираюсь говорить, что мне жаль, — вдруг заявила мадам со знакомым высокомерием.

— Даже не сомневаюсь, — согласилась я. — Тогда зачем вы пригласили меня на прогулку?

— Договориться.

— О том, как долго я буду оставаться леди Торн? — не преминула напомнить, с каким удовольствием она заявлялся, что Филиппу самое время одуматься и обзавестись подходящей женой.

— А ты, оказывается, умеешь кусаться. — Она прищурилась, словно пытаясь разглядеть во мне еще что-нибудь новенькое.

— Рада, что мы это выяснили, — ответила я, в точности копируя ее интонации. Пусть не думает, что высокомерие невозможно подхватить по воздуху. — Начинайте, мадам Торн.

— Я по-прежнему считаю, что Филипп мог бы выбрать партию получше, но понимаю, почему он остановился на тебе, — проговорила она.

— По-моему, вы не очень хорошо начали, — заметила я, стараясь не обращать внимания, что внутри зарождалось знакомое раздражение.

— Тебе следует научиться слушать до конца, — перешла Марджери на менторский тон.

— Вы не в том положении, чтобы учить меня манерам, — не захотела пропустить я бесящих слов. — Я уже прошла один курс по этикету.

Она пожевала губами, прямо сказать, чуток растерявшись, но вздернула подбородок и в знакомой царственной манере объявила:

— Тереза, предлагаю заключить перемирие. Я всесторонне окажу тебе поддержку, помогу разобраться, как управлять и большим домом,

и помещьем. Не пойми меня неправильно, но вряд ли таким вещам учат в провинциальном пансионе для благородных девиц из разорившихся семей.

Справедливые слова не царапали. Показалась неприятной какая-то быстро вспыхнувшая и столь же скоро погасшая мысль.

— Вы правы, — согласилась я. — Что вы ждете в ответ?

— Что ты примешь мою помощь.

— И все?

— И намекнешь Филиппу, что без его тетки не справишься. Полагаю, он пойдет тебе навстречу.

— Вы же не предполагаете переехать к нам? — насторожилась я.

— Я отнюдь не наивна и понимаю, что он будет не рад. — Марджери глянула многозначительно. — Но рассчитываю наносить визиты трижды в неделю.

— Один раз.

— В неделю.

— В сезон! — отрезала я.

— Хотя бы в месяц! — возмутилась Марджери.

— Мы можем завести душевную переписку, в которой я непременно буду спрашивать о всех волнующих меня вопросах, а вы — давать искренние советы. Договорились?

— Хорошо, — проскрипела она. — Но два раза за сезон.

— Два раза, и вы перестанете высказывать свои наблюдения, когда вас об этом не просят, — принялась торговаться я.

— Но могу же я изредка заметить, если что-то мне не понравится?

— Только по очень большим торжествам, — согласилась я, но тут же передумала, представив, в каком напряжении буду ожидать любимый праздник перелома годов, зная, что тетка непременно кинется учить меня жизни и объяснять, какой выбрать цвет для праздничных украшений. — Но не в праздники и не по выходным дням! А еще не станете вмешиваться в дела, которые вас совершенно точно не касаются.

— Вы посоветуетесь со мной при выборе имени у первенца, — выдвинула она новое требование.

— Однако не будем следовать вашему совету, если имя нам не понравится.

— Ладно. — Она недовольно поджала губы.

— И никаких разговоров о разводе! — решительно потребовала у нее. — Я стану вашей любимой невесткой.

— Безусловно, — сухо согласилась Марджери.

— Единственной любимой невесткой, — мило улыбнулась я. — Позвольте называть вас тетущка Марджери?

— Мадам Торн, — с нажимом исправила она.

— В таком случае, просто Марджери.

— Назвать меня тетущкой вполне уместно.

— На людях, — добавила я.

— При близких людях, — скривившись, как от зубной боли, с трудом проронила мадам.

— И не очень близких друзьях.

— Пусть будет так, — сдалась Марджери. — Но на приемах я для тебя — мадам Торн.

— Нет.

— Хорошо, — сдалась она, признавая полную капитуляцию.

— Рада, что мы так запросто договорились! — Я всплеснула руками и, изменив тон не деловой, объявила: — Мне нужна магическая клятва.

У Марджери слегка вытянулось лицо. По всему было заметно, что она готова высказаться, насколько вульгарно требовать с великосветской дамы какую-то паршивую клятву, да еще подкрепленную магией, но только раздула тонкие ноздри.

— Я могу написать расписку, если моего слова тебе недостаточно, дорогая.

— Называйте меня по имени, тетущка, — въедливо потребовала я. — Ваша клятва?

С самым независимым видом она сдернула с руки перчатку и буркнула:

— С вами, магами, всегда так сложно нормально вести разговоры без вульг... нелепых фокусов. Бери свою клятву, *Тереза*.

— Вы правы, мы очень недоверчивы, — с охотой согласилась я. — Кстати, воспользоваться магией мне присоветовал Филипп.

— Что за мальчишка? — буркнула тетка. — Никакого уважения к старшим родственникам! Не стоит копировать его отвратительные манеры.

— Но вы же знаете пословицу: муж и жена — одна сатана? — полюбопытствовала я.

— Никогда не интересовалась провинциальным фольклором. Это так...

— Вульгарно?

— Наивно! — Она передернула плечами. — В твоём положении нельзя быть настолько наивной, моя дорогая... *Тереза*.

Казалось, что Марджери непременно разразится гневной тирадой, особенно в тот момент, когда кончиком указательного пальца я прикоснулась к центру ее холеной ладони, и на коже вспыхнул золотистый магический круг. Однако тетка промолчала, проявив поистине аристократическую выдержку.

— Довольна? — фыркнула она, натягивая перчатку.

— Вполне, — улыбнулась я и нарочито, желая подразнить, подхватила ее под локоть: — Теперь, тетушка, когда с формальностями покончено, можно и прогуляться.

От панибратского обращения мадам знатно перекошило. Она вновь сумела себя пересилить и двинулась по дорожке вглубь не то чтобы очень просторного парка. Да скорее уж лужицы с хвойными деревцами, организованной специально для любителей сделать кружок другой после сытной трапезы. Кормили в Сиале от души, и по дорожкам мимо ледяных фигур, установленных возле каждой скамьи, прохаживалось немало постояльцев.

— Филипп что-нибудь рассказывал о поместье «Южный ветер»? — вдруг спросила Марджери, прервав неприятное молчание.

— У него там драконья ферма?

— Он жил в поместье вместе с матерью, пока она нас не покинула.

— Выходит, он переехал в столицу уже после смерти госпожи Торн?

— В закрытый пансион для мальчиков на севере королевства. Очень престижное место... — Марджери вдруг примолкла и, презрительно сузив глаза, пробормотала себе под нос: — Вот же бесстыжая баба!

— Простите? — опешила я, с трудом подобрав отвисшую челюсть.

В жизни не подумала бы, что достопочтенная поборница хороших манер знает такие страшные слова, как «баба». Ругательством это слово, конечно, не считалось, но из уст Марджери прозвучало позабористее портовой брани.

— Тетушка? — сдержанно призвала я мадам к ответу.

Она посмотрела на меня с неожиданной теплотой, отчего сделалось чуток не по себе. После такой же теплой улыбки, я и вовсе насторожилась.

В голову пришла дурацкая мысль, что в Марджери живут два совершенно разных человека. Сначала пробуждается один и доводит окружающих до трясучки, а потом появляется другой. И эта незнакомая прежде тетка Торн испытывает к провинциалке, взятой в жены ее обожаемым племянником, большую симпатию.

— Замерзла?

— Ничуть.

— Я начинаю замерзать, — объявила она. — Пожалуй, выпьем чего-нибудь горячего, пока не заработали горловую жабу.

Марджери подхватила меня под локоть и так резко развернула к выходу из парка, что закружилась голова. С кудрявой шевелюры, на какой не задерживался ни один пристойный пучок, вновь слетел капюшон.

Клементина с Ренделом, следовавшие за нами на уважительном расстоянии в целых десять шагов, тоже оказались не готовыми к столь резкой смене направления. Провалиться под землю или хотя бы скрыться подальше от глаз высокородной врагини они не успели. В смысле, дядька-то продолжал стоять на дорожке и с некоторым удивлением, не сказать — с обалдением, следил, как его лучшая половина штурмует кусты. Однако колючий можжевельник, даже красиво подстриженный, к игре в прятки не располагал.

— Что вы здесь делаете? — без экивоков спросила я.

— Рендел решил проветриться после обеда, — явно на ходу сочинила Клементина.

— Неужели?

— Ходим, вдыхаем свежий воздух. Так ведь? — многозначительно спросила она, у дядьки сделалась обиженная мина. Очевидно, его вытащили на мороз голодным.

— Хорошо дышится? — уточнила я.

Атакованный со всех сторон красноречивыми взглядами он растерялся. По всей видимости, дядюшка был рад признаться, что участвовал в беспардонной слежке за единственной племянницей, но очень боялся гнева дражайшей супруги. Не придумав лучшего способа выйти из щекотливого положения, он использовал способ, проверенный на приятелях из энтильского трактира:

— Дамы, коль мы стали одной большой семьей, давайте выпьем благородного горячего вина! В большом шатре у спуска подают изумительный грог. Я уже испробовал и от всей души рекомендую. Он крепенький и мигом успокаивает нервическую систему!

— И когда только успел? — сощурилась Клементина.

— Так ведь вчера, пока Лидия искала лыжные палки, — несколько поник Рендел и обратился за поддержкой к Марджерии: — Мадам Торн, как вы относитесь к горячему грогу?

— Клементина, — с достоинством кивнула та, — у меня складывается впечатление, что ваш супруг прекрасно проводит время.

— Не пойму, как я за ним недоглядела, — с чувством согласилась она.

Похоже, дядька открыл двери в персональное чистилище. В его жизни в противовес народной мудрости одна сатана — вовсе не супруги, а спевшиеся до дружественного состояния врагини.

— Кстати, — оставляя в покое мой локоть, Марджерия направилась к любезной тетушке, — а где ваша Лидия? В заточении почитывает книжки?

— Она катается на склоне! Представляете, Марджерия? — пожаловалась Клементина.

— Лыжи? — охнула мадам. — Как возмутительно!

— Да-да, — согласилась тетушка. — Тоже прекрасно проводит время, пока мы тут давимся свежим воздухом ...

— Полагаешь, они подружатся? — тихо и очень растерянно спросил Рендел, провожая женщин встревоженным взглядом.

— Мне жаль, — искренне посочувствовала я и похлопала его по плечу. — Попробуй взять с тетушки магическую клятву, что они не будут встречаться чаще раза в год.

— А у тебя далеко спрятана трость? — уточнил он, видимо, просчитывая риск попасть под горячую руку супруги. Магические клятвы претили тетушкиной натуре.

— Перепрячу, — пообещала я.

ГЛАВА 8. Соблазнение по-книжному

От трапезы в «теплой» компании родственников удалось отвертеться. Я вернулась в пустой номер, заказала еду и, почитывая «Вестник», принялась ждать возвращения Филиппа. Время до встречи с бывшими соседками незаметно приближалось. Интересные колонки в газете закончились. В расход пошли светские сплетни и даже некрологи. Последние оказались интереснее — в них не обсуждали мое свадебное платье.

Обед остыл. Солнце в окне утеряло пронзительную полуденную яркость. Тени переместились с одной стороны гостиной на другую. Филипп не появился. Я поглядывала на часы, прихлебывала холодный чай и нешуточно дергалась.

Здравый смысл подсказывал, что дурные вести приходили очень быстро, но воображение оказалось безудержным. В мыслях мужа три раза пронесли на носилках по склону. В последний раз он был с головой прикрыт простынкой...

От страшной фантазии я в панике вскочила со стула, грохотом разбудив задремавшего в клетке леймара, и рванула в гардеробную за плащом. На полпути меня остановил тихий и тревожный стук. Удивительно, как сердце не остановилось.

За дверь обнаружился коридорный. Выглядел он похоронно-серьезным, и я решила, что пора впасть в панику.

— Господин Торн...

— Он жив?!

— И просил передать записку. — С невозмутимым видом он протянул сложенное аккуратным конвертом и запечатанное оттиском мужниного большого пальца письмо. — Экипаж уже готов и ожидает у главного входа.

Сохраняя на лице непроницаемую мину, дескать, совсем не оконфузилась, я поблагодарила посланца и, закрыв дверь, немедленно развеяла защиту на письме. Белый шероховатый лист с гербом гостевого дома раскрылся сам собой. Филипп, как обычно, был скуп на слова, словно отрывал их от сердца, и неприлично сух во фразах.

Деловым тоном заявил, что у него возникло срочное дело, и пообещал приехать в чайную позже.

Кусая губу, я три раза перечитала короткое послание, пытаюсь отыскать в нем тайный смысл, и уговаривала себя не обижаться. Разве жена со стажем в четыре дня, взятая замуж по договору, имеет право на разочарование из-за какой-то встречи с совершенно незнакомыми Филиппу девицами? Посему получалось, что никаких прав не имелось, а обидно все равно стало.

Чайная встречала гостей переливчатым звоном колокольчика, гирляндами с мелкими разноцветными огоньками, обвивающими деревянные подпоры, и уютным запахом горячего медового бисквита. Стянув с головы капюшон, я поздоровалась с улыбчивой хозяйкой и услышала голос Вирены:

— Тереза, мы здесь!

Подруги сидели за большим столом в компании молодого мужчины в клетчатом пиджаке и двух наших бывших соседок по этажу. Присутствие последних, прямо сказать, сильно удивляло. Во время учебы Вирена ссорилась с обеими, как не в себе. Конфликт начался из-за не поделенного на всех парня, но, похоже, окончание пансиона примирило даже заклятых соперниц, как ни в чем не бывало они вместе приехали на горнолыжный курорт.

Пристроив плащ на рогатую вешалку у двери, я попросила хозяйку принести ромашкового чая с медом и направилась к столу. Приветствие получилось неловким. Кира, ничуть не изменившаяся за последние полгода, разве что обрезавшая волосы по подбородок, тихим голосом представила жениха. Его звали Арнольд, и он не потрудился поменять вальяжную позу, чтобы ответить на знакомство рукопожатием.

Как паперти, я постояла с протянутой рукой и в конечном итоге с дурацким видом сжала кулак. В свете магической лампы на безымянном пальце блеснуло изящное кольцо, приковавшее взгляды присутствующих. Кира восхищенно вздохнула:

— Какое красивое кольцо!

Арнольд все-таки оторвал свою руку, словно прилипшую к спинке невестиного стула, чтобы раздраженным жестом провести по гладко зачесанным назад волосам.

— Да, сейчас делают красивые имитации, — с умным видом протянула одна из бывших соседок по этажу. И вроде ничего не сказала плохого, а все равно понятно, что отвесила гадость.

— Это свадебный подарок, — устраиваясь за столом, сдержанно отозвалась я.

— Я говорила девочкам, что у тебя очаровательный муж. Очень представительный! Видимо, еще и щедрый! Помню, с каким энтузиазмом он стоял за пирожками, — прочирикала Вирена.

Невольно вспомнился Филипп, стоящий в очереди. От него за милю разило богатством и «энтузиазмом» потратить это богатство на изыск народной кулинарии.

— А он не приехал с тобой? — Вторая соседка по этажу даже чуток привстала, стараясь разглядеть входную дверь. Видимо, на тот случай, если пропустила торжественное появление моего мужа.

Я сама невольно оглянулась через плечо. В итоге хозяйка помахала мне рукой, давая понять, что скоро принесут заказ и пустой стол заполнится чайничками с горячим питьем.

— Филипп будет попозже. Его задержали дела.

— Какие могут быть дела в медовом месяце? — не унималась она.

— Срочные, — коротко ответила я.

— А я никуда не отпускаю Кириллу одну, — с важным видом заявил Арнольд, назвав невесту полным именем, которое она, к слову сказать, страшно не любила. — Женщина должна быть под присмотром своего мужчины. Вы вечно попадаете в неприятности, стоит отвернуться.

Неуместный выпад был встречен дружным молчанием женского коллектива. Наверное, будь с нами будущая свекровь Киры, она добавила бы, дескать, особенно в неприятности любят попадать обрученные невесты. Почему-то в голове нравоучительное замечание прозвучало голосом Марджери Торн.

— А на медовый месяц мы решили съездить на малую родину к Арнольду. — охотно поделилась свадебными планами Кира. — Правда, Арнольд? У его мамы дом в трех часах езды от Освейского озера!

— Зачем тратить кроны на курорты, если совершенно бесплатный курорт под носом? — согласился он. — В жизни, дамы, надо придерживаться принципа осознанности трат.

— Но Арнольд очень любит лыжи, — добавила Кира, видимо, пытаясь объяснить, почему на горнолыжном Сиале принцип осознанности забуксовал. — Целыми днями пропадает на склоне. Мы с его мамой прекрасно проводим время вдвоем. Жаль, ей занемоглось перед самым выходом. Она бы вам непременно понравилась.

— А чем занимается твой муж? — снова пристала вторая соседка. Имя ее никак не удавалось вспомнить. Первую-то звали Марта, а вторая совершенно выпала из памяти.

— Семейными делами, — с нервной улыбкой ответила я.

— Он стряпчий, что ли? — оживился Арнольд.

— Филипп из магического рода и унаследовал семейные... кхм... дела.

Почему-то последнее прозвучало очень странно. Наверняка все догадались, что супруга понятия не имеет, чем занимается ее дражайшая половина. Или скрывает, потому что ее муж — широко известный в узких кругах мошенник.

— Разве ты вышла замуж за мага? — искренне удивилась Вирена, как если он действительно был аферистом. — Никогда бы не подумала.

— Почему? — вместо меня удивилась та самая вторая соседка по этажу.

— Руби, ты такая странная. Вирена же рассказывала, что он... — Марта осеклась и бросила на меня быстрый взгляд. — Как тебе замужем, Тереза?

— Еще не распробовала, — насторожившись, попыталась отшутиться я. — Мы только обвенчались.

— Но ты наверняка очень счастлива! — подхватила Кира. — У тебя ведь было столько планов после пансиона. Ты хотела поступить в академию судебного заступничества и защищать права... Кого ты там думала защищать?

— Защитников зверюшек, — не без ехидства подсказала Вирена. — И неожиданно вышла замуж.

Ради благосклонности директрессы пансиона она тоже пыталась вступить в наш клуб и, так сказать, разделить убеждения, но охота на женихов оказалась азартнее.

— Планы на то и планы, чтобы меняться. — Я нервно поерзала на стуле, признаться, не понимая, почему оправдываюсь.

К счастью, разговор пришлось прервать. Хозяйка с помощником, крепким и высоким парнем в рубашке с закатанными рукавами, принесли подносы с заказом. Вирена тишком ему подмигнула, и у парня дрогнула рука, когда он ставил на скатерть чайник с горячим напитком. Остальная сервировка прошла без сучка без задоринки.

— Уважаемая! — Арнольд щелчком пальцев остановил хозяйку и указал на блюдо с нарезанным медовым бисквитом. — Запишите это на мой счет. Я сегодня угощаю дам.

— Конечно, господин, — улыбнулась она.

— Только не перепутайте! У меня черный чай и бисквит. Не припишите там лишнего. — Он приглашающе обвел стол рукой: — Не стесняйтесь, девушки.

Теперь все, кроме Киры, стеснялись угощаться и просто прихлебывали чай. Даже бойкая Вирена, обычно стеснительностью не страдавшая.

Постепенно девушки разговорились. Выяснилось, что Марта служила личной помощницей у какой-то великосветской дамы. Руфь, самая любопытная из девичьей компании, была писарем в конторе, а Вирена «жила в свое удовольствие», пока родители давали кроны, но «ручеек что-то быстро иссякал».

— Я устроилась в женскую гимназию учителем словесности, — поделилась Кира, — но Арнольд настоял на отставке. Подготовка к свадьбе занимает много времени.

— Кирилл, зачем ходить в услужении у чужих людей, если у тебя будет муж? — не скрывая раздражения, спросил он. Видимо, спор у будущих супругов был давний, но Арнольд брал нахрапом.

Перезвон колокольчика над входной дверью пришелся как раз на натужную паузу, возникшую за столом. В теплом зале повеяло холодным сквозняком.

Сотрапезники повернули головы и вдруг начали меняться в лице. Все, даже Кирилл. Арнольд тоже чуток поменялся. Невольно я обернулась, чтобы посмотреть, кого они с таким энтузиазмом изучают, и обнаружила собственного мужа, отряхивающего с непокрытой темноволосой головы быстро тающий снег.

Признаться, я думала, что он вообще не появится и даже испытывала некоторое облечение, но Филипп был здесь и ярким пятном выделялся на фоне простой обстановки. Мужчина из другого мира, где ели с тончайшего фарфора, пили благородные вина и покупали королевские украшения по цене драконьего крыла. Все в нем кричало о несоответствии жизни простых королевских подданных.

Впервые я увидела будущего мужа на портрете, присланном от свахи вместе с приглашением к официальному знакомству. На цветной карточке, сейчас потерянной где-то в недрах теткиного дома, он до смешного походил на главного героя любовного романа с книжной полки Лидии. В смысле, выглядел привлекательным, высокомерным мерзавцем.

А позже, когда уверенной походкой он вошел в гостиную мадам свахи, то показался ошеломительным. Красивее, чем на портрете. Больше всего завораживало его умение заполнить собой абсолютно все пространство, хотя комната была отнюдь не похожей на тесную каморку.

Филипп бросил в нашу сторону холодный, оценивающий взгляд, поприветствовал сдержанным кивком. У меня в груди вдруг резко кольнуло. Живот светло спазмом. Когда он направился напрямик к хозяйке, я повернулась к столу и плеснула из чайничка в опустевшую кружку питье. Длинный носик звонко ударился о тонкий край, и в ушах почему-то зазвенело.

— Кто это? — прошептала Руфь.

— Филипп, — как во хмелю, пояснила я, взнервленно прихлебнула чай и сосредоточенно разжевала попавшие на язык лепестки ромашки.

В общем, и выпила, и закусила, а голова все равно не прояснилась, сердце не успокоилось, в животе по-прежнему щекотало. Знайте: лекари врут, что ромашка — хорошее успокоительное средство. Ничуть не помогло!

— Какой Филипп? — уточнила Вирена.

— Мой, — коротко оборонила я, ощущая странный привкус от этого непривычного слова «мой». Или, может, не стоило жевать ромашковые лепестки.

Вирена моргнула. Казалось, она ждала появления престарелого господина, из жалости взявшего под крыло сиротку с сомнительным

образованием и скромным приданым, а по факту получила... Филиппа.

— Теперь я понимаю, почему ты скоренько поменяла планы, — пробормотала Марта.

Приближение мужа я ощутила буквально лопатками. На плечо мягко легла его рука.

— Тереза, — тихо произнес Филипп, заставив меня поднять голову, — прости, что опоздал...

Я посмотрела в его холодные глаза. В лицо вдруг ударила кровь. Что, помогите мне святые заступники не упасть лицом в ягодный джем, добавили в невинный ромашковый чай? Сердце, зараза, так и бухало!

— Но ты уже здесь, — прошелестела я, словно со стороны слыша в собственном голосе низкие, чувственные интонации.

Он уже успел избавиться от верхней одежды. Подозреваю, пальто пристраивал на вешалку помощник хозяйки.

— Я обещал, — ответил он и, разорвав зрительный контакт, обратился к моим соседкам, всем одним махом: — Добрый вечер, леди.

Наваждение исчезло. Я вернулась в теплый зал чайной, где знакомые по пансиону, которых язык не поворачивался называть подругами, синхронно кивнули на приветствие, словно попав под гипноз рыночного афериста.

— Арнольд. — Жених Киры встал со стула и, подавшись вперед всем телом, протянул руку.

Филипп вел себя безукоризненно. Он представился, незаметно опустив фамилию, и ответил на рукопожатие. Казалось, что, как в детской сказке, горные духи Сумрачного пика своровали моего надменного мага в шестом поколении, а вместо него отдали очаровательного двойника, слепленного изо льда. И сейчас эта лучшая версия Филиппа Торна, источавшего дружелюбие, растает от тепла.

Перед ними поставили высокую кружку с кофе, куда влезло не меньше полпинты ароматного напитка, хотя в меню, написанном аккуратными литерами на грифельной доске, кофе вообще не значился. Но стоило моему мужу появиться в пространстве, как мир, словно начинал вращаться вокруг него. Завораживающее признаться зрелище!

Всем девушкам принесли тарелки с наборами маленьких разноцветных пирожных, мне поменяли чайник с ромашкой, и наконец бурление пространства прекратилось. Только в кружке у мужа ложка сама собой размешивала кусок колотого тростникового сахара. Его любовь к подслащенному кофе — это несоответствие главному герою любовного романа из библиотеки Лидии вызывало во мне уважение.

— Филипп, мы вас представляли совсем другим, — вдруг брякнула Марта.

— Неужели?

Муж посмотрел на нее с вежливым интересом, как четыре дня назад смотрел на меня, а потом еще на оленьи рога над нашим камином. Очень его, помнится, заинтересовали эти рога. Или же праздничный фонарик, свисавший с рога на серебристой нити. Мы каждый раз думали его снять, но вдруг приближалась ночь смены годов и фонарик оказывался к месту... Он висел и пылился лет семь, не меньше.

— Марта, ты что несешь? — шикнула Вирена.

— Правду, — тихо огрызнулась она.

— Просто ты сказала, что он похож на полосатые чулки! — добавила Руфь, вступаясь за лучшую подругу.

Вирена пошла красными пятнами.

— Что плохого в полосатых чулках? — с искренним интересом уточнил Филипп. Наверняка вспомнил дурацкие шерстяные чулки, которые я распихала по карманам платья в первую брачную ночь.

— Они ведь нелепые, — подсказала Марта.

— Неужели? — Он улыбнулся. — Сам не ношу, но Терезе нравятся.

Пришлось выразительно кашлянуть, дескать, уважаемый супруг, ваша очаровательность тоже должна знать берега.

— Филипп, так вы поддерживаете ее начинания? — оживилась Кира. — Сколько знаю Терезу, она всегда была идейной! Даже в академию судебного заступничества хотела поступить. Представляете, как мы удивились, когда узнали, что она предпочла замужество.

Что ж эта академия ей покоя-то не дает?

Муж бросил на меня быстрый взгляд, но ответить не успел. Арнольд болезненно сморщился и буркнул:

— В этих ваших академиях, дамы и леди, забивают головы разными глупостями! Поверьте, главная миссия нормальной женщины — заботиться о муже и обеспечивать ему комфорт. Мужчина для чего женится? Чтобы после тяжелого дня на службе его кто-то встретил у двери и подал тапочки. Так ведь, дружище Филипп?

Удивительно, как у «дружища» не задергался глаз от панибратского обращения, но бровь-то вверх поползла. Еще уголок рта. Взгляд слегка похолодел. В общем, Филипп на секунду вернул свое обычное состояние, доказав, что горные духи не подменяли его ледяным двойником, и все сказки — выдумки для детишек.

— Может, вам, Арнольд, завести собаку? — с полуулыбкой спросил он. — Тереза как раз пристраивает зверюшек в добрые руки. Она вам непременно что-нибудь посоветует.

— А как же наследники? — не услышав насмешки, спросил тот, словно вполне серьезно рассматривал плюсы сообразительно домашнего питомца перед супругой. — Мужчина обязан оставить после себя потомство.

— Да, детей в таком случае не получится, — с невозмутимым видом согласился Филипп.

— Мы, наверное, уже поедем, пока дороги не завалило снегом, — принялась прощаться я.

Благословите, святые заступники, бога снега! По-моему, нет лучше предлога, чтобы сбежать от неприятной компании, чем дурная погода.

— Леди, заказывайте чай и сладости, — поднявшись, предложил Филипп. — Все уже оплачено, так что ни в чем себе не отказывайте.

У Арнольда прямо в розетку с джемом с вилки соскользнул кусочек медового бисквита.

Прощались скомкано и быстро, словно сильно опаздывали на драконий рейс. Пospешнее, чем позволяли приличия. Нам пообещали прислать приглашения на свадьбу и вообще нанести визит. Как можно скорее. Я почти подавилась на вздохе, но Вирена выскочила из-за стола и обняла меня, хотя даже перед отъездом из общежития просто махнула рукой, дескать, прощайте бывшие соседки, век вас не видеть. Век неожиданно длился всего полгода.

Под звон колокольчика мы с Филиппом вышли из чайной. На улице снежило: в воздухе мягко парили крупные белые хлопья.

Казалось, будто в приглушенном фонарном свете парят невесомые перья с крыльев зимней птицы, если верить сказкам, пролетающей над королевством в ночь смены годов.

— Твоя соседка на нас смотрит, — проговорил Филипп, на ходу натягивая кожаные перчатки.

Невольно я обернулась и заметила в окне Вирену. Вообще-то, она пряталась за занавеской, но как-то заметно, не по-шпионски. Пойманная на слезке, она энергично помахала рукой, пришлось помахать в ответ. Клянусь, столько наигранного дружелюбия мы не проявляли даже во время соседства в общежитии.

— Могу представить, с какой охотой они сейчас перемоют нам косточки, — хмыкнула я. — Мы еще от двери не отошли, а у меня под капюшоном уже уши горят.

— Думаешь поддерживать с ними связь? — любопытно спросил он.

— О, нет! Не после этой репетиции вечера встречи выпускниц. Между бисквитом и твоим триумфальным появлением, я вдруг вспомнила, почему в сентябре отказалась от официального приглашения навестить пансион.

— Триумфальное появление? — хмыкнул Филипп.

— Ты просто стоял далеко и не видел их лиц!

— Я видел.

— Дорогой супруг, твоей скромности сейчас устыдится снег и начнет таять, — принялась подтрунивать я. — Нам всем грозит наводнение! Даже я чувствую себя неловко, что неожиданно похвасталась мужем.

— Мужьями хвастают? — хмыкнул он.

Я расплылась в улыбке, но вдруг вспомнила острое волнение, которое сама испытала при появлении мужа в чайной. Сердце проделывало немыслимые, вредные для здоровья фокусы, да и сейчас внутри как будто пело.

— Сегодня я выяснила, что выйти за тебя замуж — это фактически личное достижение. Но ты был обаятельным! На мой вкус, конечно, даже чересчур. Ты... — Вдруг обнаружив, что иду и разговариваю сама с собой, как чокнутая, я обернулась: — Ты почему остановился?

Филипп, так и не застегнувший пальто, стоял в круге фонарного света. В тусклых лучах медленно опускался снег, а маг в шестом поколении, не используя ни единого заклятия, позволял белым невесомым хлопьям оседать на одежде и волосах.

Сердце вновь ударилось в ребра, дыхание на мгновение остановилось, голова пошла кругом. А он просто прятал руки в карманах брюк, наплевав, что наверняка промокнет, и улыбался. В этой улыбке не было налета великосветской надменности или колючей иронии. Ничего наносного...

В одной умной книге писали, что человек влюбляется за три секунды и потом еще долго приходит к принятию этого чувства. Автор ошибался. Мне хватило одной секунды на все.

Удар неверного сердца — и я влюбилась.

Такое случалось в книгах, но в реальной-то жизни чувство пробуждалось со временем. Разве нет? Оно состояло из многих лет, прожитых вместе, взаимного уважения, понимания друг друга с полуслова, уверенности в каждом дне. Но, стоя под снегом курортной деревушки, смотрела на мужчину с холодными глазами, своего супруга, и четко осознавала, что с каждым последующим вдохом влюбляюсь сильнее.

— Филипп!

— Да? — проронил он.

Внезапно осознав, что вознамерилась поделиться с мужем ошеломительным открытием, я нарочито проворчала:

— Пойдем быстрее, иначе придется заночевать в деревне.

— Дорогая жена, хотел сказать, что ты восхитительна, когда остришь, но сейчас ты похожа на сердитую старушку.

— Верните мне мужчину, который только что очаровал половину чайной, — с нарочитой насмешкой фыркнула я и, развернувшись, пошла к площадке для экипажей.

Оказалось, что он отпустил моего кучера, и возвращались мы вместе. Ехали в уютном молчании. Скрипели полозья на снежной дороге. В затянутое льдистым узором оконце с трудом проникал желтоватый свет от фонаря, мерно, как маятник, кающегося на крыше.

Без капли смущения, я нашла в темноте теплую руку Филиппа.

— Замерзла?

Куда там! Мне было жарко под плащом, словно внезапно вспыхнувшая первая любовь, как горелка, подогревала изнутри, кипятила мысли и превращала кровь в хмельное вино.

— У тебя холодные руки, — добавил он и переплел наши пальцы.

Замок Сиал пестрел и светился огнями, в нем только начиналась светская жизнь. Холл бурлил, откуда-то лилась музыка. Кто-то заселялся, другие уезжали и торопились к экипажам, подгоняя коридорных с тележками багажа.

Оказавшись под каскадной люстрой, когда свет был безжалостен и особенно ярк, я еще раз присмотрелась к мужу и попыталась отыскать в нем что-то новое, что можно разглядеть, лишь влюбившись. Ничего нового не обнаружила. Филипп по-прежнему морозил мир ледяным взглядом и был спокоен, как статуя дракона из паркового фонтана.

Со знакомой небрежной надменностью он отбрил нового распорядителя, когда тот на ходу попытался втюхать нам билеты на музыкальный вечер. Заодно муж дал распоряжения насчет ужина.

Пока Роджер выяснял, чем придиричивые господа желали победить голод, и не оскорбит ли высокородные чувства незатейливый ягненок с черносливом, умудрился проводить нас до самой лестницы. Возможно, поднялся бы на третий этаж и лично довел до двери, но успел выяснить все, вплоть до того, сколько шариков сырного мороженого вместится в нас на десерт после основной трапезы.

Он был въедлив, педантичен и очень услужлив. Видимо, добрые люди просветили, что предыдущий Роджер впал в немилость и получил отставку сразу после нашего с Филиппом стихийного банкета с участием омара, этажерки пирожных и трех заездов тележек с едой.

— Хорошего вечера, господа! — попрощался он ко всеобщему облегчению. — Ужин доставят и больше вас никто не побеспокоит. Отдыхайте со страстью.

При слове «страсть» я едва не шагнула мимо ступеньки. Распорядитель — понятно, — вкладывал в него совершенно иной смысл, нежели тот, что подсказал мне затуманенный разум. Внутренности знакомо связались узлами: не вдохнуть, не пикнуть. Но перекрутились они не от паники, а от предвкушения. Даже кровь ударила в лицо! Вот что с приличной леди творили первая любовь и живое воображение.

И меньше всего я ожидала обнаружить возле нашей двери Лидию.

Младшая тетушка казалась взволнованной и чуточку растерянной, словно не до конца понимала, где находится, или понимала, но очень сильно нервничала. В руках она сжимала подозрительно знакомую книгу. Глаза лихорадочно блестели, на обветренных ветром щеках горели красные пятна.

Едва мы приблизилась, как Лидия порывисто шагнула навстречу.

— Добрый вечер, господин Торн, — быстро и решительно вымолвила она, сведя у переносицы густые брови. — Тереза, надо поговорить!

Ничего себе вступление! Я покосилась на мужа. Казалось, он ни капли не удивился очередной тетке Вудсток, стерегущей наш номер.

— Зайдете, Лидия? — открывая дверь ключом, а не разными магическими фокусами, любезно предложил он.

— Мне буквально на пару слов, — отказалась она.

Похоже, Клементина окончательно расвирепела, что кто-то хорошо проводит время в Сиале, и выставила сестру взащей. И теперь Лидия хотела одолжить денег на новую комнату... или попроситься переночевать на нашем диванчике. От последней мысли глаз вдруг неприятно дернулся. У нас уже был в номере питомец, Лидия в нем явно окажется лишней!

— Конечно, — согласилась я и, дождавшись, когда Филипп скроется в апартаментах, тихо спросила: — Долго ждешь?

— Недолго! — Она помотала головой. — Всего минут сорок.

— Клементина тебя не потеряла?

— Сестра весь вечер в клубном зале. Играет с мадам Торн в бридж, — быстро проговорила Лидия. — По-моему, отлично проводит время.

— Спасибо святые заступники, — выдохнула я себе под нос, радуясь, что тетки сумели как-то ловко самоустраниться. — Тогда что у тебя стряслось? Ты выглядишь... взбудораженной.

Лидия сделала неожиданный выпад и, попутно огрев меня учебником по налаживанию семейных отношений, стиснула в объятиях.

— Спасибо тебе, Тереза!

— За что? — оторопела я.

— За то, что позволила приехать в Сиал! Это лучшее, что случилось со мной за всю жизнь!

Как причудливо, оказывается, на людей действует чистый горный воздух. Только не пойму: благотворно или отравляюще? Лидия просветлела душой или помутилась рассудком? В принципе, одно другое не исключает.

— Послушай... — я осторожно отстранилась и с подозрением посмотрела во взволнованное лицо тетки: — у тебя какие-то проблемы, да? Ты, может, сломала лыжи и не знаешь, как сказать Клементине о штрафе?

— Какой еще штраф? — Она несколько поостыла и даже отпустила меня из тесного кольца рук. — Не ломала я никаких лыж. Ты просто не понимаешь!

— Ты права, но возникает ощущение, что ты кому-то задолжала, — согласилась я, начиная тихонечко утверждаться в мысли, что Лидия упала на склоне, и от удара у нее чуток скособочился чердак.

— Себе я задолжала!

— Теперь я понимаю еще меньше.

— Мне тридцать два! — с чувством напомнила она о своем возрасте. — Я уже махнула на себя рукой и понятия не имела, что могу быть такой невероятно счастливой!

— Ты влюбилась в своего тренера по лыжам? — быстро оглядев пустой коридор, перешла я на заговорщицкий шепот.

— Не только я, Тереза, — тихонечко отозвалась она.

— В смысле, несколько женщин влюбились в тренера по лыжам? Вы там не передрались лыжными палками?

— Святые заступники! Он тоже признался мне сегодня, что испытывает чувства! — Обычно спокойная и даже флегматичная Лидия начала сердиться, что было невероятным. — Возьми, Тереза! Возвращаю твою книгу, этот уникальный источник знаний о мужчинах. Обязательно ее прочти.

Она пихнула мне в руки подаренный соратницами томик, завернутый в обложку из бумаги в цветочный рисунок.

— Непременно, — пообещала я, невольно сжимая томик в руках.

— Вот сегодня садись и читай! От корки до корки! Но я на всякий случай вставила листочки на особенно важных главах, — настаивала

она. — На тебя обязательно снизойдет много-много счастья, как на меня!

Я с недоверием посмотрела на обертку с надорванным вылезавшим уголком, потом на тетку. Желание читать страшную книгу окончательно исчезло. Вдруг после пары глав у меня тоже возникнет нестерпимая потребность делиться счастьем с миром?

— Ну все. — Лидия кивнула на дверь. — Теперь иди к мужу. Хотя подожди!

Она снова порывисто меня обняла и пробормотала странным голосом, как будто собиралась разрыдаться:

— Мы обязательно встретимся, Тереза.

— Да, завтра увидимся, — согласилась я и в номер заходила в глубокой задумчивости.

Почему-то казалось, что Лидия со мной прощалась не до завтра, а навсегда. Или, как минимум, на пару недель. Да она меня так в пансион не провожала, когда заканчивались каникулы и наступало время уезжать из Энтила! Максимум чмокнет в щеку, а то и просто воздух возле уха, оглушив звоном минут на пять.

— У Лидии неприятности? — поинтересовался Филипп с дивана.

Пока мы с теткой заговорщицки перешептывались под дверью и прощались, как в последний раз, он успел избавиться от верхней одежды, обзавестись толстым томиком в кожаной обложке и принять расслабленную позу, закинув ногу на ногу.

— Просто вернула книгу.

Оставив плащ в гардеробной, я сунула леймару пару кусочков яблок из стеклянной емкости, тускло светившейся заклятием свежести, и с любопытством через плечо Филиппа заглянула в его томик. Он читал что-то очень мелким шрифтом. Какая неприятная книга! Даже присматриваться расхотелось.

— История драконьих войн, — спокойно вымолвил он, переворачивая страницу.

— Очень познавательное чтение, — кашлянув в кулак, отозвалась я.

Полагаю, если бы мой шибко пафосный муж обнаружил неожиданную любовь к детективам или к приключениям с главным героем, способным убить мировое зло одним движением мизинца, специально под его вкус начали бы писать романы.

Подхватив томик о дрессировке домашних драконов, двуногих и очень норовистых, с умным видом я пристроилась на другом конце дивана и торжественно открыла книгу. Попала на иллюстрацию с обнаженным мужчиной, у которого все части тела, как в медицинской энциклопедии, поместили стрелочками и названиями. Только в энциклопедии не было такой... детальной прорисовки некоторых особенно интересных мест. Даже глаза покраснели!

— Инструкция по управлению мужьями? — поинтересовался Филипп.

Я перевела взгляд на супруга.

— Домоводство.

— Тоже познавательное чтение, — не без иронии заметил он.

— Подумываю научиться вышиванию, — отозвалась я.

— Для успокоения нервной системы?

— Для общего развития! — с достоинством парировала я и перевернула страницу, заинтригованная, чем меня еще порадует книга.

Она порадовала заголовком «Пять проверенных способов соблазнения мужчин». Здесь как раз лежала закладка от Лидии с рекомендацией «выучить наизусть». Начинался раздел с обещания, что после всего этого из мужа можно будет вить веревки.

Конечно, по поводу семейной психологии к автору не было никакого доверия, но в телесном строении мужчин она явно разбиралась. Возникла надежда, что в охмурении тоже. Лидия же впечатлилась! А у меня вообще на диване восседал целый не соблазненный муж, одетый полностью и даже в наручные часы.

Я бросила на него взгляд из-под ресниц. Он был красив и внимательно читал какую-то муть, у нормальных людей вызывающую неконтролируемый сон. Невольно глаза опустились чуть ниже мужниного пояса. Посмотрела исключительно ради исследовательского интереса!

— На что смотришь? — спросил Филипп, словно тоже украдкой наблюдал за мной.

Надо бы следить за лицом, а то недолго запалиться, что мое хваленое домоводство имеет к самому домоводству весьма посредственное отношение. По крайней мере, не в том смысле, в какой в него вкладывают гувернантки.

— Прикидываю: стоит ли тебе вязать свитер, — на ходу сочинила я.

— Ты добралась до раздела с вязанием?

— Вроде того, — с трудом сдерживая похабную ухмылку, отозвалась я. — Про вязание тут тоже кое-что написано.

Мы одновременно перелистнули книги, и у меня поползли на лоб брови, а глаза стали круглее, чем страницу назад. На целом развороте двое занимались раздачей брачных долгов! Во всевозможных, немислимых позициях, похожих на гимнастические упражнения.

От неожиданности, что читателя буквально за углом поджидала познавательная непотребщина, я резко захлопнула книгу и покосилась на Филиппа. Не знаю, что он читал, но, судя бровям, сведенным на переносице, исторические хроники ничем веселым не радовали, разве что познавательным. До зубного скрежета и заворота мозгов.

— Что-то ужин задерживается, — пробормотала я. — Никак новый Роджер лично протирает каждую серебряную вилку.

— Проголодалась? — Филипп посмотрел на меня. — Почему у тебя щеки горят?

Еще бы! Как тут следить за лицом? Совершенно невозможно.

— Утомилась.

— Сложные схемы вязания?

Не то слово! Главное, заковыристые.

— Дорогой муж, я слышу в вашем голосе ноты превосходства. Полагаю, мое домоводство будет полезнее ваших исторических хроник, — парировала я. — Пожалуй, почитаю в постели, пока ужин не принесут. Схемы по вязанию действительно интересные.

— Мужского свитера? — хмыкнул он.

— Не совсем свитера, но... мужчина в этих схемах тоже фигурирует.

В общем, дерзкий побег удался! Лежа на кровати, я детально изучала каждую картинку, пытаюсь мысленно вообразить, каким хитрым образом переплестать разные части тела, чтобы они сворачивались причудливыми бубликами.

— Как же вас раскорячило-то... — с сочувствием пробормотала себе под нос и перевернула книгу вверх тормашками, потом вернула в исходную позицию.

В голове не складывалось, каким образом сложились они. Ради эксперимента даже попыталась повторить позу женщины: ногу на запад, руку на восток, все остальное строго с юга на север. Там даже компас был пририсован! Подмышкой хрустнуло платье, в поясице тоже что-то нехорошо хрустнуло.

— Драконова мать! — вырвалось от неожиданно-острой боли. — Как вы потом распутываетесь?

— Ты говоришь сама с собой? — вдруг раздался из дверей голос Филиппа.

Теперь мне было доподлинно известно, как распутываются люди, познающие радость (или горе) чувственного удовольствия в необычном исполнении! Их кто-нибудь накрывал за этим более чем странным занятием.

Я с такой проворностью сгруппировалась в положение «строго с севера на юг» и развернулась к Филиппу, что неожиданно скovyрнула с кровати. Упала с неприличным грохотом, шмякнувшись коленкой, а сверху прилетел проклятуций источник уникальных знаний. Острый угол, прорвавшийся через цветочную обертку, ткнул мне прямехонько в плечо.

— Боже... — простонала я, окончательно съезжившись и не зная за что хвататься, чтобы хорошенько потереть. Откровенно сказать, потереть хотелось все тело, а заодно напрочь отбитое о коврик самоуважение.

— Тереза, ты в порядке? — Филипп присел рядышком и с сочувствием посмотрел мне в лицо.

Вообще-то, если бы уголки его губ не подрагивали от сдерживаемого хохота, а глаза не смеялись, я бы поверила, что этот бессердечный мужчина способен испытывать сострадание.

— Конечно, я не в порядке! — сдунув с лица кудряшку, сердито проворчала я. — Как может быть в порядке человек, рухнувший с кровати?

— Давай помогу встать.

Стоило пошевелиться, как коленку резануло болью. Охнув, я скривилась и вознамерилась осесть на пятую точку, потому как выпрямить ногу оказалось невозможно.

— Колено больно, — поморщилась я.

Секундой позже Филипп подхватил меня на руки. Не как куль с картошкой, перекинув на плечо, а очень изящно прижав к груди. Невольно я ощутила, что его сильное тело напряглось. Все-таки тягать с пола взрослую девицу такое себе удовольствие.

Вообще, было бы обидно, простели у мужа поясницу. Ведь нет ничего печальнее, чем двое молодоженов, упавших на кровать исключительно, чтобы поохать друг другу на ухо и пожаловаться хвори. Но мужнина поясница оказалась покрепче моей, хрустнувшей, едва нога отправилась на запад, а рука указала на восток.

Филипп аккуратно опустил меня на смятое покрывало. Пока я ковырялась, пытаюсь подложить под спину подушку, он поднял книгу, лежавшую с вывернутым наружу корешком. То, что он непременно заглянет внутрь и прикоснется к тайным знаниям, было неизбежно. Едва томик оказался в его руках, я уже смирилась, что придется позориться и даже на секунду прикрыла глаза, чтобы собраться духом.

— Какое любопытное домоводство, — естественно протянул он и с преувеличенным интересом посмотрел на картинки. — Что из этого ты пыталась тренировать?

— Позу свитера! — огрызнулась я.

— Такой нет, — с превосходством опытного мужчины объявил он.

— Тебе лучше знать, — буркнула я и начала задирать юбку, что проверить ноющее колено.

После того, как муж узнал, что дражайшая супруга решила подучиться исполнению супружеского долга по методичке, стесняться было, в принципе, нечего. Он уже в курсе всех моих позорных секретов.

— Вызовем лекаря? — предложил он, откладывая злосчастную инструкцию по доведению семейной жизни до хаоса.

— Неловко, — пробормотала я, путаясь в юбке.

— Мы на горнолыжном курорте, здесь часто травмируют ноги.

— Но они-то падают на склоне, а не с кровати.

— Мы об этом не скажем.

Я одарила его выразительным взглядом.

— Хорошо, давай тогда помогу. — Филипп присел на кровать, и я замерла.

— Ты хочешь помочь мне задрать юбку?

— Посмотрю колено.

— Ладно...

Муж вел себя, как настоящий лекарь: спокойно и даже поделовому сдвинул юбку, ни разу в ней запутавшись, открыл ноги в белых плотных чулках и вдруг резко поднял глаза. От прямого острого взгляда сердце пропустило удар.

— Придется снять чулки.

— Сейчас, — пробормотала я.

— Я сам. — Он мягко перехватил мои руки.

Через секунду стало ясно, что в лекаря Филипп уже поиграл, и вообще о лекарской науке речь не идет. Ни один профессиональный эскулап никогда не скользит ладонями по ноге до застёжки кружевного пояса, глядя глаза в глаза пациентке, отчего внутри у этой пациентки начинало полыхать. Да так, что было недолго до самовозгорания!

Его пальцы добрались до края чулка. Казалось, они уверенной нахальностью заскользят дальше, прикоснуться к самому сокровенному, но Филипп остановился. Каждый раз, когда маленькая пуговка выскальзывала из петельки, я делала крошечный судорожный вдох.

Скольльзящим движением Филипп спустил шелковистую ткань чулка. Ладонь легла на колено. От нее заструилось живительное, проникающее под кожу тепло.

— Так лучше? — Голос у мужа как будто сел.

— Да, — чуть слышно выдохнула я, хотя где-то между скольжением смелых рук под юбку и расстегиванием пуговиц боль в колене вытеснил жар, охвативший все тело. У меня в принципе прошло в тот момент все, что хотя бы немного ныло. Даже отбитое самоуважение.

Филипп выглядел очень серьезным, но в глазах отражалось напряжение. Не то напряжение, от которого хотелось лезть на стенку и было страшно пошевелиться, а напряжение другой природы. Словно он сдерживал себя, чтобы не сорвать дурацкий чулок, собравшийся на щиколотке нелепой гармошкой.

В следующий момент я резко подалась вперед, прижалась приоткрытым ртом к сомкнутым губам Филиппа и оцепенела, понятия не имею, что делать дальше. Мы замерли, глядя друг на друга с невероятно близкого расстояния. Он не предпринимал попыток

подсказать, что делать дальше. Разве что пальцы по-прежнему сжимали мою ногу.

Вообще, в книге что-то говорилось о красивом белье, свечах и прочих романтических атрибутах, создающих правильную атмосферу. У нас во всю горел свет, я сидела на кровати в нелепой позе с задранной юбкой, предпринимала смехотворные попытки соблазнить собственного мужа, а он не подавал признаков движения. Что-то явно шло не по книге...

Я оторвалась от его губ, отстранилась и пробормотала:

— Так и будешь смотреть или уже поможешь?

— Ты уверена? — совершенно серьезно спросил Филипп, по-прежнему не предпринимая ни одной попытки стать из номинального мужа официальным.

— Да.

Едва тихое признание прозвучало, его губы завладели моим ртом. Ох, эти божественные губы! Он целовался умопомрачительно, в прямом смысле слова. На некоторое время я выпала из реальности, и в чувство меня привел неуместный стук в дверь. Я обнаружила себя лежащей на спине, с расстегнутым до пояса платьем, без одного чулка и готова потерять не только второй чулок, но и абсолютно все: чем прикрывалась и что берегла для мужа, сейчас сделавшего очень глубокий вдох.

Люди из внешнего мира не догадывались, что в номере уже никого не интересовал ужин. Они нас очень хотели накормить. Видимо, поэтому из большого альтруизма постучались еще раз.

— Мы же не будем открывать? — тихо спросила я.

— Ни в коем случае, — лениво отозвался Филипп.

— Тогда приглуши свет.

Огни начали гаснуть, медленно и неохотно. Пронзительный свет потолочной люстры исчез, лишь один ночник отбрасывал неяркое мерцание. Спальня погрузилась в полумрак, нас обступили тени. Полагаю, тем самым Филипп признавал за мной право быть неопытной, неловкой и смущенной. Такой, какой бывает девушка, впервые оказавшись в постели с мужчиной.

И из платья я выбиралась неуклюже, неповоротливо ворочаясь на кровати. Такое счастье, что оно наконец отправилось на пол! Филипп застрял головой в свитере, когда я активно помогала ему раздеваться.

От чулка отлетела пуговица, исподняя сорочка зацепилась за остатки булавок. Булавки тоже разлетелись, и буйная кудрявая шевелюра немедленно начала лезть в глаза. Никакой изящности, право слово!

— Куда ты торопишься? — с улыбкой спросил муж, заправляя мне за ухо непослушный локон.

— Не хочу, чтобы кто-то еще постучался и помешал, — пробормотала я, наконец с наслаждением оглаживая его сильные широкие плечи.

Он опустил голову и, щекоча дыханием, хрипловато прошептал:

— Закрой глаза.

Рука, расслабленно лежащая на моем бедре, скользнула выше, по чувствительной нежной коже. Пальцы забрались под белье. От бесстыдного прикосновения я вздрогнула, судорожно вздохнула и почти съежилась, инстинктивно желая куда-нибудь... отползти. Не знаю даже куда. Видимо, забиться под подушку.

Смущалась я, правда, недолго. С первой волной удовольствия застенчивость исчезла. Тело охватила дрожь, с губ сорвался стон и еще один. Наверное, со стороны казалось, будто женщину в спальне мучали. Филипп глубоко, с языком поцеловал меня, и в этот момент тело накрыла волна острого наслаждения.

Мне плохо запомнилось, как мы избавлялись от остатков одежды. И все случилось естественно, никакой ненужной возни. Было больно до оцепенения и сладко до умопомрачения. Никогда не подозревала, что можно разрываться от желания все прекратить и необходимости продолжать. Захлебываясь от любви к мужчине, испытывать обиду за неизбежную, ожидаемую боль, а потом смотреть в потемневшие от страсти глаза и тут же проваливаться в щемящую нежность.

С последним толчком Филипп замер. Напрягся всем телом и крепко сжал в кулак подушку возле моей головы. Я сама сжимала руками покрывало, когда утопала в физическом удовольствии, но едва не спросила, все ли у него в порядке. Очевидно, что ему сейчас хорошо, и он пытался осознать реальность.

Удалось быстрее, чем мне. Видимо, сказывался опыт. Приподнявшись на локтях, Филипп тихо спросил:

— Все хорошо?

Я погладила его шероховатый подбородок кончиками пальцем и прошептала:

— Ты знаешь, что в первый раз должен быть на шелковых простынях?

— Неужели? — В его глазах заискрился смех.

— А мы даже кровать не расправили.

— Торопились.

— Почему мы не поторопились раньше?

— Ты боялась меня до паники.

ГЛАВА 9. Старая дева на выданье

Глубокой ночью, когда гостевой дом спал, мы все-таки попросили принести ужин. Вместе с едой подавальщик уверенно вручил утреннее меню. Видимо, намекал, что в такое время пора завтракать и заправляться омлетом, а не ягненком с черносливом.

Во мне бурлила энергия и захотелось прекрасного: откусать в элегантном зале с «огромными панорамными окнами с видами на горы». Не знаю, чем я думала (явно не головой), когда пожелала на завтрак подняться в ресторан под крышей. Чем при этом думал Филипп и почему пошел на поводу у жены, внезапной, как голодный леймар на передержке, большая загадка.

Стоило мужу усесться напротив за красиво сервированным столом, как перед мысленным взором в темпе бешеного вальса понеслись пикантные сцены вчерашнего вечера.

— Вкусно? — тихо поинтересовался Филипп.

— А? — Я непонимающе посмотрела на него.

Только что в воспоминаниях полностью обнаженный муж сидел в ванне с бурлящими пузырьками, на его расслабленном лице блестели капельки воды, на лоб падала влажная темная прядь, а губы изгибались в сексапильной улыбке. Честно говоря, отогнать этот образ оказалось сложновато. Сейчас Филипп был полностью одет, пил кофе и иронично изгибал бровь.

— Да, очень вкусно.

— Тогда в чем он провинился? — хмыкнул он и кивнул, намекая на еду в моей тарелке.

С недоумением я посмотрела на эту самую еду. Воздушный меренговый рулет с тонкой хрусткой корочкой казался размят вилкой в неаппетитную кашу, словно его за что-то наказали. Видимо, за кремовую прослойку.

— Будешь мой? — Он подвинул тарелку, на которой рядком выстроились четыре шоколадных шарика, а сбоку лежала веточка мяты.

Учитывая, что шоколад он предпочитал горький, практически без сладости, подозреваю, что вкусными эти конфеты назвал бы только

большой ценитель.

— Почти уверена, что ты ешь шоколад со жгучим перцем, а не с молочным пралине.

Нарочито скривившись на сверкнувшую в ответ насмешливую улыбку, я с любопытством оглядела элегантный зал. Среди прочей публики, с большим удовольствием угощавшейся утренними кулинарными изысками, за столиком на две персоны в гордом одиночестве сидела эффектная брюнетка, с которой мы столкнулись в холле. Она буравила на нас таким нехорошим взглядом, словно мы с Филиппом, попирая чувства воспитанных гостей, ели руками и облизывали пальцы, но тут же отвернулась.

Когда я все-таки попробовала шоколадный шарик и обнаружила в нем не жгучий перец, а морскую соль, что, на мой вкус, тоже было более чем отвратительно, прозвучал воинственный стук каблуков. Та самая женщина из холла прошла мимо нашего столика, покачивая бедрами. За ней тянулся шлейф благовония.

Элегантный проход заметили все посетители. Мальчишка лет семнадцати, сидящий за соседним столиком вместе с родителями, и вовсе повернул голову ей вслед, за что был немедленно одернут матерью. Филипп бросил равнодушный взгляд. Более того, он раздосадовано поморщился, словно благовония брюнетки, явно сделанные на заказ, дурно пахли.

— Перед аукционом мы с ней столкнулись в холле, — прошептала я, чуть склонившись к столу. — Вернее, я на нее налетела. Неловко вышло.

Глаза мужа неожиданно заледенели.

— Она с тобой говорила? — Голос тоже оказался пронизан холодом.

— Вообще, она сказала, что вы знакомы, — внимательно наблюдая за его реакцией, парировала я.

— Я не обязан помнить всех, кто со мной знаком, — с привычным высокомерием отозвался Филипп.

— Понимаю, — протянула я, пытаюсь развеять внезапно возникшее напряжение, — вы должны держать марку, господин Торн, любящий сладкий черный кофе, скучное чтение, несъедобные десерты... Что еще? Какая у тебя есть дурацкая привычка?

— Наблюдать за своей женой, — с ухмылкой подсказал он.

После завтрака мы отправились на склон. Филипп заявил, что погода отличная, как раз для катания, хотя небо затягивала серая завеса. Я ответила, что готова порадоваться за него, наблюдая из теплого шатра, где, по словам Рендела, подавали отличный грог.

— Ты же не пьешь ничего крепче цветочного чая, — хмыкнул муж, надевая свитер.

— Да, но в ясном уме и твердой памяти я отказываюсь смотреть на то, как ты пытаешься сломать себе шею, — проворчала в ответ.

Однако стоило двум профурсеткам в шапочках с нелепыми помпонами кокетливо попросить моего дражайшего супруга дать урок катания на лыжах вольным стилем, как я грозовой тучей выплыла из шатра. Казалось, Филипп только и ждал, чтобы жена возревновала и заявила, что сама не против обучиться вольному стилю катания на всем, что способно съезжать с горы. Даже на ногах.

Что сказать? Ревность ужасно не практичная штука! Не успела я осознать, что нашла приключений на то место, которое следовало прикрыть начесанными панталонами, чтобы не отбить о жесткую лыжную трассу, как уже разглядывала «учебную» часть склона. Судя по крутизне спуска, названную так по нелепой ошибке.

— Он пологий, — уверил меня Филипп.

— В каком месте? — вьедливо уточнила я. — Покажи пальцем! Мы поедем с него.

В прокатном шатре нам выдали инвентарь и защитный костюм. Спрятавшись за деревянной ширмой, я натянула штаны с пуховой прослойкой, облачилась в такую же куртку и почувствовала себя пухленьким пирожком. Мягкая, неповоротливая и не очень аппетитная. Мигом вспомнились девицы, одетые в изящные лыжные костюмы, с шапочками на головах... Большие помпоны как-то разом перестали казаться нелепыми.

С плетеной корзинкой в руках на негнущихся ногах я выкатилась к Филиппу. По-моему, лыжи мне были уже не нужны: легла на пузо и поехала с горы. Ветер в лицо, руки в стороны, носки ног в землю, чтобы тормозить. Главное, рот не открывать, чтобы не наглотаться снега.

Муж даже бровью не повел. Спокойно передал аккуратно сложенные вещи работнику и подбодрил:

— Отлично выглядишь.

— Ты неудачно пошутил или нахально поехидничал? — проворчала я.

— Еще вот это. — Филипп вытащил из-под мышки подозрительную круглую шапку-шлем, натянул мне на голову и игриво подергал за длинные уши: — Застегни под подбородком.

— Где шапка с помпоном? — В ужасе я похлопала себя по голове, вдруг осознав, что в этом, с позволения сказать, защитном головном уборе не услышу даже рев дракона, неожиданно налетевшего на Сиал. Воочию его тоже увидеть не смогу: голова не поднималась.

— У вас есть защитный шлем с помпоном? — С самой серьезной миной Филипп повернулся к работнику.

— Извините, господин Торн, — словно действительно огорчился отсутствием украшенного шлема, развел руками тот. — К завтрашнему дню обязательно пришьем. Какого цвета ваша супруга предпочитает?

— Какого цвета хочешь помпон? — с непроницаемым видом уточнил Филипп.

Вдруг представилась вот эта гладкая штуковина у меня на голове, похожая на лысину великана, а сверху торчит пришитый намертво мохнатый шар...

— Кажется, я сейчас стану вдовой, — недвусмысленно намекнула, чтобы он заканчивал балаган.

У меня и так моральная травма! В смысле, еще одна. Перед глазами стоял уже не потрясающий в своей обнаженности муж, а девицы в пышных бархатных юбчонках до колена и с тоненькими ножками, обтянутыми яркими леггинсами. Этакие экзотические цветочки на разноцветных стебельках и с лыжными палками в качестве подпорок. И я... в костюме арестантской подушки.

— Садись: подберем тебе лыжные сапоги. — Филипп указал на диванчик.

Обувь оказались похожей на колодки. На всю голень. Глядя на мужа в похожих сапогах, и не догадаешься, какие муки он испытывал ради того, чтобы рискнуть шеей. Стоило ему потуже затянуть кожаные ремешки, как я поняла, что все — готова аплодировать любителям лыж стоя! Ведь в этих пыточных сапожках было возможно только стоять, но не ходить.

— Хорошего катания, — вслед нам жизнерадостно пожелал работник.

Святые заступники, какой позитивный человек! Глядя на меня, разве можно надеяться на катание? До склона бы добраться.

Мы шли по тропинке, прочищенной между сугробами. Филипп гордо нес на широких плечах лыжи: нормальные и мои. С ромашками на широком полотне. Высоко поднимая колени, как лошадь на выставке, я гарцевала следом за мужем и тащила палки. Четыре демоновы штуки! По две в каждой руке.

Палки то выскользывали, то расходились в разные стороны, как маятники во время поиска магического кристалла. Может, конечно, я что-то не знала об острых наконечниках, и те чувствовали кристаллические залежи под толщей снега и горной породы.

До учебного склона, впрочем, добрались без вещественных потерь. Разве что я уже нагулялась, хотела горячего чая и избавиться от пыточных сапог. Радовало только одно: в этой части трассы никого защитным костюмом было не удивить! Нас таких, отчаянных лыжников, покоряло горы много. Конфузиться целым коллективом не так паршиво, как лично: позор делится на всех в равных долях. Да пояись на нашей делянке девушки с помпонами и бархатными юбками, их подняли бы на смех! Скорее всего. Или же всем склоном мы попадали бы от зависти. Летят они на лыжах вниз, а мы штабелями падаем... Какие отвратительные девицы!

— Ну вот мы и на месте! — страшно обрадовалась я, что больше не надо переставлять ноги. Теперь только ехать. Только скорость и ветер в лицо!

— Нам надо подняться наверх.

— Куда? — охнула я.

По мне, так и у подножья склона был весьма себе приличный спуск. Пристегивай лыжи и наслаждайся катанием! Но Филипп дернул подбородком куда-то в сторону. Невольно я всем корпусом повернулась в указанном направлении и обнаружила низкие деревянные ступеньки, упрямо ползущие вверх.

— Почему мы не останемся здесь?

— Пологий склон, — коротко ответил Филипп.

— А на плоской поверхности нельзя тренироваться? — с надеждой уточнила я, следя за тем, как неуклюже, выпячивая зад, на лыжах скользят люди. — У нас есть палки! Будем помогать себе палками!

Он не опустил до ответа и просто зашагал с лыжами к подъему. Пришлось ковылять следом. Кажется, даже его прямая спина сочилась высокомерием выносливого человека, трижды в неделю посещающего атлетические залы, перед слабой женой, ничего тяжелее лыжных палок в руках не державшей. И лыжные палки тоже впервые в жизни!

Через сорок ступенек стало ясно, почему я три раза попадалась стражам. Эта догадка возникла где-то между первым и вторым дыханием. Просто соратницы бегали лучше меня — у них сильнее ноги!

— Остановимся здесь. — Возле красного флажка, видимо, отмечавшего высоту, Филипп сошел на снег.

— Спасибо! — от радости едва не растеряв проклятушие палки, искренне поблагодарила я и чуть не добавила, что больше не хочу на лыжах.

Можно просто уложить меня на спину в позе «строго с севера на юг», сложить руки крестом и подтолкнуть в сторону подножья. Я без претензии и съеду просто так. Мне уже нормально.

Филипп помог прицепить лыжи мне, защелкнув жесткий крепеж, и занялся своими. Стоять на лыжах оказалось странно и неудобно: шаг не сделаешь, скользить тоже получалось, прямо сказать, не очень.

— Итак, Тереза... — Муж начал объяснять, как ехать, на какую ногу опираться при повороте, и каким плугом поставить лыжи, чтобы затормозить на спуске и не вмазаться в ограждение, превратившись в плоскую карикатуру на самого удачливого лыжника на учебном склоне.

Муж говорил и показывал, ловко проделывая все эти штуки, припадал на левую и на правую ногу. А за ним, на заднем фоне, какой-то везунчик не справился ни с одной из двух ног и со всего маху шмякнулся на снег. В неравной схватке с земным притяжением потеряв обе лыжи, он покатился по склону в позе человека, которому уже было без разницы, как он кувыркается: строго с севера на юг или с запада на восток. Очевидно, у него все части света перепутались.

— Филипп! — прервала я мужа на полуслове и сделала к нему быстрый шаг.

В смысле, скакнула, как лягушка. Шагать с пристегнутыми к ногам лыжами оказалось нереально даже при очень большом желании оказаться поближе к мужу.

— Послушай! У меня дурное предчувствие! Мы не подружимся с лыжами! — жарко объявила я мужу.

— Тереза, поверь, я отличный наставник.

— Ты-то да! Никаких сомнений! Я отвратительная ученица. И координация у меня тоже отвратительная.

— Не дрейфь, Тереза. Ты же смелая.

— Я?!

— Ты даже лестницу преодолела. Считай, половина дела сделана. Пара раз — и ты влюбишься в склоны.

— Кхм... — глубокомысленно не согласилась я.

Мне достаточно было влюбиться в тебя, дорогой супруг. И эта любовь свалилась на голову, как сосулька с крыши, оглушив и чуток ослепив. Не дайте святые заступники, испытать такое к склону! Со страстью припаду к снегу всем телом, сольюсь, так сказать, в крепких объятиях — и не видеть мужу супружеского долга как минимум неделю. Со сломанной ногой заниматься чем-то, кроме игры в пасьянс, затруднительно...

Вообще, если подумать, неплохой вариант. У нас накопится столько долгов, что после медового месяца не вылезем из спальни. Будем друг другу отдавать и отдавать.

— Поехали! — скомандовал Филипп. — Смотри, как делаю я, и не торопись.

Одним плавным движением он оттолкнулся палками и заскользил вниз. Для мастера склон был мелковат, но, на мой взгляд, даже на такой низкой (вовсе нет!) горке муж показал высший класс. Не просто покатался вправо и влево, но в финале сделал красивый разворот и встал ко мне лицом, сорвав аплодисменты престарелых леди.

Эти закутанные в меха и прикрытые пледами старушки сидели в плетеных креслах возле шатра со знаком лекарской на стене и внимательно наблюдали за тем, что происходит на спуске. Похоже, неуклюжие лыжники для них были кем-то вроде цирковых артистов, случайно от цирка отбившихся, но за кусок хлеба ежедневно устраивающих уморительные представления.

Муж махнул мне рукой, дескать, спускайся, дорогая супруга, жду тебя на финише.

— Угу. — Я решительно застегнула под подбородком длинные уши шлема и схватилась за лыжные палки. — Спускаюсь!

Согнула колени, как он меня научил, оттолкнулась посильнее и просто дернулась, толком не сдвинувшись с места. Уткнуться носом в снег мне не позволили, как ни странно, сапоги. Выскочить из них оказалось нереально. В полном недоумении я стояла на снегу, обутая в лыжи... И то ли лыжи сами не ехали, то ли я что-то делала неправильно.

Огляделась вокруг, пытаюсь понять, как трогаются с места другие люди. Надо сказать, удивительно вовремя! На меня с сосредоточенным видом катилась вываленная в снегу девица в защитном костюме. С поворотами у нее явно имелась проблема и объехать меня она не то чтобы не хотела — физически не могла.

— С дороги! — с высокомерием рявкнул высокий наставник, сопровождавший это неповоротливое создание.

— Арнольд?! — изумившись, признала я в наглом тренере жениха Киры и подалась всем телом вперед, ведь в меня, как в конечную цель, катилась вовсе не Кира, а какая-то незнакомая девица. Подозрительно незнакомая!

Тут-то лыжи, как по волшебству, поехали. Понятия не имею, как с них не скovyрнулась, а наоборот сгруппировалась.

— Еду... — пробормотала себе под нос.

И вдруг осознала, что не просто ехала, а стремительно набирала скорость. Лыжи скользили, и одним святым заступникам (да еще Филиппу) было ведомо, как их притормозить.

— Филипп, я еду! — заорала супругу.

— Вижу! — наплевав на условности, крикнул он. — Ты молодец! Конечно, я молодец и все такое, но...

— Как тормозить?! — завопила в ответ.

Неожиданно правое колено подломилось, и лыжи внезапно поменяли траекторию движения. Теперь меня тянуло не только вниз, но еще и в сторону. Несло куда-то, под горку, где не стоял Филипп, а склон выглядел угрожающе крутым. Просто никакой безопасной пологости!

— Плуг, Тереза! — понеслось следом.

Какой еще плуг? Он издевается? Да мне тут и серп не поможет! Сейчас взлечу к хмурому небу! От меня шарахались лыжники, падали и, кажется, желали крепкого-крепкого здоровья, но почему-то

ругательствами. Ясно расслышать их не удавалось: от паники кровь стучала в ушах. Горка ухнула вниз.

— Помоги мне боже! — пронеслось в голове.

Вдруг вспомнилось, как Филипп соединял загнутые концы лыж, указывал в них острием палки и говорил: «Это плуг». Так вот он какой спасительный плуг, способный останавливать скольжение.

— Спасибо боже! — мысленно возблагодарила я высшие силы за своевременную подсказку. Кто бы подумал, что, встав на путь настоящего спортсмена, можно уверовать.

Мгновенно развела пятки, и лыжи радостно наехали друг на друга. Никакого тормозящего плуга, у меня получился символический крест! Тот самый крест, поставленный на яркой и короткой карьере лыжника.

— Тереза, осторожнее! — разнесся по склону последний встревоженный выкрик.

— Филипп, просто останови меня!

Очевидно, он услышал испуганный вопль. Я нырнула вниз и вдруг под действием мягкой силы начала плавно останавливаться. В конечном итоге лыжи, притирая носок к носку, встали.

Помог не заковыристый плуг, а умелый супруг. Меня это вполне устроило. Зачем выходить замуж за мага в шестом поколении (если не считать, что он богат и красив), если нельзя рассчитывать на какое-нибудь волшебное-магическое спасение?

Обтерев влажное от снега лицо перчаткой, я оперлась о палки и глубоко вздохнула. Лицо горело. Оборачиваться было страшновато. Почти уверена, что за моей спиной, со стонами катались по снегу поверженные люди.

Да выпустите меня на лыжах на армию демонов — всех разметаю по сторонам, не придется прибегать к магии. Зачем, в сущности? Разрушительная сила Тереза Торн в девичестве Вудсток справится самостоятельно.

Филипп появился незамедлительно. Понятия не имею, где он кинул лыжи, но добрался на своих двоих.

— Не ушиблась? — тихо спросил он.

— Я не ушиблась, а просто ушибленная, если решилась на это все! — Я взмахнула палкой, намекая на склон. — Филипп, скажи, ты умеешь вышивать крестиком?

— Что? — натурально опешил он, видимо, решив, что ушибленность особенно ярко проявляется после пережитых волнений, но ответил: — Нет.

— А не хочешь научиться? — с надеждой посмотрела я ему в лицо.

Уголки его губ дернулись. В стальных глазах вспыхнул смех.

— Зачем?

— У тебя такие странные интересы! — воскликнула я. — Травмоопасные! Их решительно невозможно разделять.

— Другими словами, на сегодня с катанием покончено, — резюмировал он.

— На сегодня? — охнула я. — На всю жизнь! В следующий раз я сяду с теми милыми леди и буду хлопать в ладоши, когда ты начнешь красоваться. Всегда знала, что ревность до хорошего не доводит!

— Ты ревновала меня к старым леди?

— Нет! Я ревновала к бархатным юбкам и разноцветным помпонам. Какого демона они к тебе подвалили? Довели приличную женщину до лыж!

Не выдержав, Филипп рассмеялся и крепко прижал меня к груди. Заодно по голове погладил, но почему-то в защитном шлеме показалось, будто постучал по макушке. Видимо, пытаюсь выбить глупую ревность.

И он потерял лыжи! Некоторое время мы их искали, пытались выяснить у старушек, куда подевался инвентарь. Мнения у леди разделились: одни говорили, что лыж не было, другие заявляли, что на них кто-то уехал. Встал, защелкнул крепления и умотал в закат к Сумрачному пику. Учитывая, что время едва-едва приблизилось к полудню, версия не выдерживала никакой критики.

В конечном итоге выяснилось, что лыжи забрали работники и, желая непременно угодить придиричивому господину Терну, отнесли их в прокатный шатер. Они и мои вернули бы, но я на них умотала под горку, устроив на склоне большой бардак.

В холле гостевого дома, наперерез играющим в салки детишкам, со взволнованным видом к нам бросился распорядитель Сиала. Ему уже донесли о неприятности на склоне.

Новый Роджер немедленно предложил лекаря, носилки и нюхательные соли, хотя, судя по нервному виду, все это требовалось

самому Роджеру. И карамелька со вкусом валерьянки. Иначе казалось, что меня принесли на носилках и претензии предъявили лично новому распорядителю.

Пришлось уверить, что не пострадала ни я, ни лыжи, ни чувство собственного достоинства.

— Господин Торн, ваш секретарь оставил бумаги у портье, — успокоившись, с деловыми видом объявил Роджер.

— Благодарю, — кивнул муж.

Клянусь, я чуть не лопнула от любопытства. Когда мы направились к стойке, возле которой толпились постояльцы, все-таки не выдержала и спросила:

— Вилсон здесь?

— Нет, — сухо уронил Филипп с особенной интонацией, напрочь отбив желание задавать вопросы, словно у него пытались выведать королевские тайны.

Тут-то мы и столкнулись нос к носу с Арнольдом! Он что-то быстро засунул в карман, сделал шаг от стойки и мигом признал нас.

— Старина! — Как давний приятель, он поприветствовал моего мужа похлопыванием по плечу. — Хорошо покатался?

Арнольд по-прежнему щеголял в лыжной куртке, но пыточные сапоги сменил на удобную обувь, на шею щегольски замотал шарф крупной вязки и начал походить на парней, которые летали на ездовых драконах во время королевских драконьих гонок.

— Супруга осваивала учебный склон, — сухо ответил Филипп и кивнул портье, прося отдать ему оставленные документы.

— Надеюсь, она не попала в свалку. Какая-то деваха устроила настоящий ад. — Арнольд засмеялся.

Я почувствовала, как у меня вытягивается лицо. Филипп, протянувший было руку за конвертом с гербом Торнов, на мгновение замер и одарил хама взглядом, способным заморозить не только самого хама, но и покрыть льдистой коркой половину холла.

Фальшивый смех оборвался. Арнольд кашлянул в кулак и спросил:

— Так это был твой звездный проезд?

— Кстати, я видела вас на учебном склоне, — с улыбкой милой дурочки, прочиркала я и повернулась к мужу: — Представляешь, Филипп? Кира тоже здесь. Где она?

Я специально покрутила головой, делая вид, будто в людном холле, где носились дети, на диванах отдыхали лыжники и сновали коридорные, была моя бывшая соседка по общежитию.

— Кирилла осталась в деревне, — не капли не смутившись, оповестил Арнольд. — Смотрит, чтобы матушка не заскучала.

Как удобно, право слово. Обе женщины заняты, никто не мешает катать на лыжах наивных девчонок.

— А что за леди была на склоне? — с фальшивым удивлением округлила я глаза, и Филипп тихо фыркнул.

— Да какая-то... попросила показать парочку приемов, — невнятно пробормотал он, но тут же вернулся в образ нахального Арнольда: — Я же мастер! Скажу, но только вам, женщины же простые, как медный геллер. Согласна, Тереза?

— Нет, — незамедлительно ответила я.

Он не услышал и продолжил. Такие люди вообще слышат только себя и наслаждаются звуком собственного голоса. Поди, мысленно восхищаются, насколько хороши модуляции и привлекательна хрипотца.

— Вроде просят научить их кататься, а потом в отдельные домики зазывают, — с пожаловался он. — Представляешь, дружище Филипп? Почти женатого мужчину! Что за бабы... кхм... женщины пошли? Никакого понятия о морали.

Удивительно, как его лыжная куртка из дубленой кожи с меховым воротником не поменяла цвет на белый, а над башкой не засветился нимб. Стоит весь такой... чистенький, и ничего к нему не прилипает.

— Кстати, старина, может, пропустим по стаканчику, коль вот так запросто встретились? — предложил он Филиппу.

— Рано для выпивки, — сухо отозвался тот.

— Как насчет кофе?

— И поздно для кофе.

— А ты, смотрю, ведешь дела с Торнами, — не унимался Арнольд, видимо, дожидаясь, когда его прямым текстом пошлют к невесте с мамой, и кивнул на конверт.

— Всего наилучшего, Артур, — процедил Филипп, потеряв терпение, и — бог мой! — позволил себе раздраженные интонации.

— Арнольд! — с фальшивым смешком поправил тот.

— Я так и сказал.

В номере меня все-таки прорвало. Я стянула с себя свитер и грозно посмотрела на Филиппа, стоящего в гардеробной. Вернее, на его обнаженную спину.

— Какой все-таки неприятный тип!

— Ты о ком? — Он повернулся и бровь поползла вверх.

— Об этом Арнольде, конечно! Не представляю, как Кира в него вляпалась. — Я потрясла свитером. — Флиртовать с женщинами, пока невеста развлекает мамашу!

Губы мужа тронула ленивая улыбка, на мой взгляд, совершенно не соответствующая разговору.

— Что? Я наивная?

— Удивительно наивная супруга, — подтвердил он и, сделав шаг, обвил мою талию руками.

— Я, может, и такая... переполненная возвышенных идеалов!

Ничего себе завернула! Самой понравилось.

— Идеалов, значит, — с улыбкой пробормотал Филипп и, склонившись, нашел губами на моей шее какую-то на редкость чувствительную точку. Все идеалы, да и сознание, по большому счету, начали очень быстро растворяться. Сложно изображать идейность, когда колени превращаются в желе, а по телу пробегает приятная дрожь.

— Но жених Киры... — с трудом выдохнула я, все еще цепляясь за реальность, — от этого приятнее не становится.

— Ты действительно хочешь его обсуждать? — хмыкнул Филипп и сладко прикусил мне мочку уха.

Внешний мир, словно сжалившись над молодоженами, позволил побыть наедине, почувствовать, почему первые свадебные дни называют медовыми, а заодно выгулять по гостинной леймара. Если бы кто-нибудь вломился в то время, когда я под аккомпанемент ценных советов мужа, не подумавшего поднять с дивана зад, загоняла звереныша в клетку, хвостатый хулиган точно сбежал бы.

Правда, долго уединение не продлилось. Едва за окном начало смеркаться, как в дверь постучались. Мы решили, что коридорный привез заказанную еду, но в номер рвался очередной переполох в лице Марджери и Клементины.

Первая походила на грозовую тучу, готовую раскатать всех громом и осыпать разящими молниями. Казалось, что даже в ее прическе

потрескивало. Вторая выглядела сердитой, но незнакомо тихой, словно боялась запалом подорвать новоявленную подружку.

— Тереза, у нас проблема! — грозно объявила мадам Торн.

На мой взгляд, у нас были две проблемы, и обе только что ворвались в номер. Вернее, я их по ошибке впустила. В следующий раз надо сговориться с коридорным на особый стук, чтобы точно знать, что доставили ужин, а не неприятности.

— Проигрались за карточным столом, дамы? — лениво спросил Филипп, прервав полное погружение в очень умное чтение исторических хроник.

Пока я сидела с ним рядышком, прижимаясь к боку, пыталась заглядывать в эту полезную книгу. Срубилась на пятом абзаце. С другой стороны, мне советовали строить из себя милую дурочку, а не интеллектуалку. Вот и нечего начинать.

— Лидия, сбежала! — Марджери с чувством всплеснула руками.

— Допекли? — в своей обычной ироничной манере вымолвил Филипп. — Рендел от вас тоже сбежал? Искали в дегустационном зале?

— Мы его заперли в номере, — громким шепотом, словно ее кроме меня действительно никто не услышал бы, поделилась Клементина. — Никогда не видела, чтобы он выходил из себя. Как бес вселился!

— С чего вы вообще решили, что Лидия сбежала? — проворчала я. — Может, она с книжкой по парку прогуливается.

Невольно мы с тетушками посмотрели в окно. В горах уже темнело. Теория с чтением на морозе не выдерживала никакой критики. Разве что младшая тетка, стоя по колени в снегу, подставляла книгу к горящему уличному фонарику. Что тоже было весьма сомнительно. Может, опять палки лыжные искала. В обнимку со своим тренером. Такая горнолыжная романтика...

— Она оставила записку. — Клементина протянула мне скомканный листик.

Чтобы его расправить пришлось приложить усилия. Выяснилось, что записку не только свернули шариком, но еще и неровно разодрали пополам.

— Ты на ней злость, что ли, выместила? — Я продемонстрировала две измятые половинки.

— Рендел, — свалила она на дядьку. Наверняка соврала.

Соединив обрывки, с возрастающим удивлением я три раза перечитала коротенькое послание, ровным счетом ничего не объясняющее. В нескольких фразах, написанных аккуратными пузатыми литерами с хвостиками, Лидия обещала вернуться «совсем живой и бесповоротно замужней».

Кажется, она ничего не знала о разводах, превращающих «бесповоротное» бракосочетание во вполне обратимое. Впрочем, о них писали в брачных договорах, а не в любовных романах.

— Она действительно сбежала, — заключила я. — Полагаю, с лыжным тренером. Лидия говорила, что он замечательный мужчина.

— Какой кошмар! — Марджери вздрогнула, схватилась за сердце и покрутила головой, пытаясь выяснить, куда красиво осесть без чувств, но до дивана оказалось далеко, а осесть на пол было не по статусу. И не по возрасту. Хотя, на мой взгляд, возраст фальшивому обмороку вообще не помеха.

— Святые заступники, не зря говорят: седина в голову, бес в ребро! — поддакнула Клементина, подхватывая новую закадычную подругу под локоток и все-таки оттаскивая к дивану, куда та рухнула и театрально приложила ко лбу ладонь.

— Лидии тридцать два, — напомнила я, что до седин и бесов в ребрах младшей тетушке еще жить и жить. — И что за священный ужас? Сама говорила, что ей надо сбежать, чтобы выйти замуж.

— Я?! — Тетушка тоже схватилась за сердце, словно справедливый упрек тоже довел ее до приступа. — Когда?

— Да постоянно. Вот! Она сбежала и собирается вернуться «живой и бесповоротно замужней».

— Но не с лыжным же тренером! — воскликнула Марджери.

Филипп кашлянул в кулак, пытаясь замаскировать издевательский смешок. Ей-богу, ему не хватало пакетика с солеными орешками, чтобы следить за представлением вприкуску!

— Мой дорогой племянник! — Мадам Торн нанизала его на острый взгляд и сурово объявила: — Не вижу ничего забавного в этой непотребной неразберихе.

— Очень странно, — мгновенно парировал он. — Ты сама в тридцать лет сбежала с боевым магом.

У меня отпала челюсть. У Клементины, впрочем, тоже. Мы с восхищением воззрились на непрошибаемый оплот хороших манер, поборника условностей и ходячий учебник по этикету. Покрывшись красными пятнами, Марджери нервно поправила прическу и проворчала:

— И теперь знаю, чем заканчивается подобное легкомыслие!

— Замужеством? — хмыкнул Филипп.

— Вдовством!

— Помогите нам святые заступники, — очередной раз заделалась в сильно верующие Клементина. Не удивлюсь, если после возвращения из Сиала она действительно начнет ходить на воскресные проповеди. — Но, может, если человек хороший, то все к лучшему?

— Лидия скомпрометировала обе наши семьи! — категорично высказалась Марджери.

— По-моему, репутацию наших семей уже ничто не испортит, — отозвался тот с улыбкой и самым нахальным образом мне подмигнул.

Понимаете? Подмигнул при двух тетках, вдвоем представляющих опасность похлеще снежного бурана! Не дай святые заступники, Марджери прознает о приводах в участки. Да она мне плешь на кудрявой голове проест, презрев и мирный договор, и родственные связи.

— Он что, в курсе, как ты позорила отца? — через губу пробормотала Клементина.

— Вы о чем толкуете? — немедленно оживилась мадам Торн.

— Клементина, если ты волнуешься, с кем сейчас Лидия, то давайте выясним у распорядителя, с кем она занималась на склоне, — поспешно предложила я, хотя еще минуту назад не собиралась совершать никаких резких телодвижений. Очевидно, что тетке сейчас хорошо. — Вызовем его и спросим. Что скажете, дорогой супруг?

— Что дурная голова ногам покоя не дает, — поразил нас всех знанием провинциальных поговорок. — Дамы, Лидия — уже взрослая женщина и отдает отчет в том, что делает...

Перед приходом распорядителя, по всей вероятности, спешно принимающего успокоительные капли, мы все-таки выпустили из заточения Рендела. Он действительно оказался сердит. Войдя в номер, по-военному сложил за спиной руки и официально принес извинения

Филиппу. И тот принял так же официально, совершенно серьезно, ничем не задев гордость отставного военного.

— Знал бы! Отдал замуж за хозяина скобяной лавки! — в сердцах высказался Рендел.

— Да что же вы привязались к хорошему человеку? — проворчала я. — Бедняга уже пять лет женат, а вы его постоянно поминаете. Да он каждый день икает! Наверняка решил, что его прокляли...

— Тереза, — тихо и как-то веско перебил меня Филипп, присовокупив свой лучший взгляд, способный превратить человека в ледяное изваяние.

Непроизвольно я прикусила язык. Полагаю, если до этой минуты Рендел считал моего мужа просто нормальным мужиком, то теперь записал в герои, обладающие сверхспособностью останавливать женщин одной силой мысли.

Появление распорядителя ознаменовалось деликатным стуком в дверь. Он входил с вежливой, но несколько нервной улыбкой и точно не ожидал обнаружить в номере тайное собрание из Вудстоков и Торнов. И все с исключительно серьезными минами.

— Добрый вечер? — вопросительно вымолвил он, видимо, догадался, что вечер у нас не очень добрый, и заранее уточнил этот деликатный момент. — Чем могу быть полезен, господа... и дамы?

Рендел прекратил нервно мерить шагами комнату и остановился. По-моему, леймар, следивший за его перемещениями, был в душе крайне благодарен. Он тоже туда-сюда маячил по клетке и, судя по тому, как растянулся на ветке, утомился мельтешить.

— А где Роджер? — с потрясающим высокомерием уточнила Марджери.

— Я здесь, — подсказал он.

— Препжний Роджер.

— Ушел в отставку по выслуге лет, — спокойно пояснил Филипп и кивнул: — Роджер, присядьте. У нас к вам деликатное дело.

У распорядителя забежали глаза. Полагаю, он решил, что мы замыслили подать коллективную жалобу на Сиал.

— Пожалуй, постою, — отозвался он, словно прикидывал: сумеет ли дать деру, если услышит совсем дикое предложение лично вручить эту жалобу владельцу гостевого дома. — Чем могу быть полезен?

Выслушав короткое объяснение Филиппа, впрочем, ничего конкретно не объяснившего, но тонко намекнувшего на весьма неоднозначные обстоятельства, Роджер развел руками:

— Простите, господин Торн, ничему не могу помочь по поводу тренера.

— Вы не в курсе, кто прислуживает... — под гнетом коллективного недовольно взгляда Марджери выпрямила спину и исправила: — консультирует ваших постояльцев?

— Госпожа Вудсток не нанимала тренера из гостевого дома, — не дрогнув, пояснил распорядитель.

И я прилично напряглась. Выходило, что Лидия просто познакомилась с каким-то мужчиной на склоне, провела с ним пару дней в поисках лыжных палок, а теперь решила стать очень счастливой.

— Мы понимаем, Роджер. — Филипп кивнул. — Благодарим за помощь.

— Но я точно знаю, какой именно комфортабельный горный коттедж на сегодняшнюю ночь забронировала ваша родственница. — Он примолк, изучая реакцию уважаемых (или не очень) господ на его заявление. Реакция, право слово, была хороша: мы обалдели. — И оплатила чеком с личной подписью.

— Зато мы точно знаем, что она не уехала на другой конец королевства, — зачем-то высказалась Клементина, как-то разом дав понять, что Лидии мы этим днем не досчитались, а теперь активно разыскиваем. Филипп, конечно, предупредил, что дело деликатно, но в чем именно предусмотрительно промолчал.

— В получасе езды от замка, — подтвердил Роджер. — И полагаю, вас заинтересует, кто именно забрал второй ключ от этого домика.

Он замолчал. Мы тоже не произносили ни слова. Леймар в клетке вообще не подавал признаков жизни. В общем, в комнате сгустилась такая тишина, что можно было услышать, как в безлюдном коридоре, по большей части похожем на пустой музейный зал, кто-то тихо заговорил.

Дождавшись, когда слушатели окончательно придут в трепет, распорядитель пояснил:

— Господин Торн лично знакомы с человеком. Молодой человек в лыжной куртке. Вы с ним имели короткую беседу, когда забирали документы у портье.

Я почувствовала, как меняюсь в лице. У Филиппа поплыла вверх бровь.

— Могу еще быть чем-то полезен? — вежливо уточнил Роджер.

— Роджер, надеюсь, этот разговор останется между нами, — в своей обычной манере обличать просьбы в приказы подвел итог Филипп.

— Безусловно, господин Торн, — развел руками распорядитель.

Вообще-то, пришел время уйти, но он по-прежнему стоял посреди гостиной и никуда не отчаливал. Смотрел, странно улыбался и как будто ждал чаевых.

— Мы с супругом за вас помолимся, добрый человек! — поторопилась его уверить Клементина.

Молитвы на Роджера не произвели ровным счетом никакого впечатления.

— И отблагодарим, — с королевской улыбкой добавила Марджери.

— Можете рассчитывать на мои лучшие рекомендации, — закончил Филипп осыпать распорядителя благами и кивнул дверь: — Идите, Роджер, и попросите подготовить экипаж.

Едва за распорядителем закрылась дверь, как Клементина накинулась с расспросами:

— Он настолько молод, что у вас вытянулись лица? Или же он что, душегуб? — Тетушка почти подскочила на диване.

— Он Арнольд, — едва шевеля языком, вымолвила я.

— Ах, вот в чем дело... — Тетушка понимающе кивнула. — Теперь-то все ясно. Вам его имя не нравится?

— Он жених моей бывшей соседки по общежитию, — добавила я.

— Ну жених еще муж, — фыркнула Клементина.

— Совершенно отвратительный тип!

— Твой дядька, Тереза, скажем прямо, в юности тоже особенным очарованием не отличался, — заспорила она.

— Да помолчи уже, женщина! Язык без костей! — рявкнул Рендел, впервые на моей памяти подняв голос на дражайшую супругу.

Та прижала руку к груди и... действительно прикусила язык. Хотелось верить, что прониклась отвратительностью Арнольда, но скорее всего от изумления.

Пока шли соборы: мы одевались в гардеробной, а дядюшка у себя натягивал прихваченный на всякий случай охотничий костюм, тетки устроили дележку свободных мест в карете. Почему они спорили посреди нашей гостиной, история умалчивала.

— Клементина, мне непременно надо поехать! — заявила Марджери. — Как женщина, побывшая в подобной ситуации, я точно знаю, что сказать другой глубоко разочарованной в мужчинах женщине.

Я уже натягивала второй чулок и все еще не имела понятия, как преподнести младшей тетке новость, что она связалась с мерзавцем.

— Филипп? — с вопросом тихонечко позвала мужа, намекая, дескать, бери мадам. Она знает, что говорить.

Муж зашнуровывал высокие горные ботинки и, не подняв головы, коротко бросил:

— Нет.

— Я старшая сестра! — между тем, напомнила Клементина. — И просто обязана посмотреть в лицо негодяя, который ее соблазнил. Надо же понимать, насколько он негоден.

— Дорогая, а что мы спорим? — вдруг оживилась мадам. — Поедем вместе! Ты посмотришь, я поддержу.

— Поддержишь смотрины?

— На месте разберемся.

Судя по тому, как Филипп выразительно выдохнул, он находился в той степени раздражения, когда плевать хотел, что цветистый мат доведет благородных леди до нюхательных солей.

Натягивая на ходу короткую дубленую куртку, он вышел и ровным голосом объявил:

— Дамы, в карете четыре места.

А я-то почти ждала, что он изумит теток богатым запасом ругательств. Почему мне одной жить с этим замечательным знанием? Им даже ни с кем не поделишься — не поверят.

— Рендела усадим к кучеру, — немедленно нашлась Марджери.

— Хорошо, — легко согласился он, — решите, кто из вас пойдет за каретой.

Возникла напряженная пауза.

— Клементина, с другой стороны... — Мадам Торн, похоже, сконфузилась. — Вполне вероятно, Лидия уже достаточно разочаровалась и возвращается в гостевой дом. Должен же кто-то встретить бедняжку и заключить в теплые объятия.

— Вот и встретьте с Терезой, — немедленно предложила та. — Как старшая сестра, я хочу знать, кто соблазнил...

Я подхватила плащ и вернулась в гостиную как раз вовремя, чтобы категорично высказаться:

— Ты его не женишь на Лидии.

— Он *настолько* негодяй? — въедливо уточнила тетушка, не желающая расставаться с матримониальными планами. — Никакой надежды?

— Я не позволю!

— Хорошо, тогда мы вас останемся здесь. — Она подхватила юбки и намеревалась сесть на диван, но наткнулась на мой многозначительный взгляд. — Или лучше у себя в номере.

Рендел ждал нас на улице возле парадных дверей. С хмурым видом, заложив руки за спину, он мерил площадку под козырьком шагами. От дыхания в морозный воздух уходили клубы пара, словно он кипел, как готовый плевать пламенем дракон. Костюм плотно облегал покруглевшую за последние годы фигуру. Куртку застегнуть не удалось.

К костюму дядька очень хотел прихватить в поездку охотничье ружье. Даже пару раз заикнулся Клементине, что в горах превосходная охота на горных козлов. Тетушка молча покрутила у виска, дескать, где ты собрался искать горных козлов среди приличной публики. Но — погляди же, — один нашелся!

— Тереза, ты не взяла мою трость? — Не обнаружив карающего орудия, он недовольно свел на переносице кустистые седые брови.

— Ты не просил, — буркнула я, мысленно перепрятав трость из стойки для зонтов в гардеробную.

Хорошо, что тетушка не позволила упаковать в багаж ружье. Иначе за жизнь Арнольда, да и окружающих, никто не поручился бы. С тех пор, как Рендел добыл оленьи рога и пристроил их над камином, ружье висело на стене. Дядька явно соскучился по отстрелу парнокопытных. Ведь нет ничего печальнее, чем привешенное на

гвоздь, много лет пылящееся и не стреляющее по оленям ружье. Если вдруг его зарядят, то лучше прятаться в укрытие.

Домик, арендованный Лидией, назывался «охотничий», однако красивый одноэтажный коттедж со скошенной крышей ничем не напоминал охотничью заимку. На больших окнах были наглухо закрыты портьеры. Из каминной трубы к низкому звездному небу тянулся столб дыма. Под козырьком горел резной фонарик.

Филипп из деликатности остался в карете, а мы с хмурым Ренделом направились к дубовой двери. От мороза под ногами скрипел снег. Бронзовый молоточек покрывал иней. Я хотела постучать, но дядька отодвинул меня с дороги.

— Дай-ка!

Казалось, он задумал вынести дверь плечом. Эффектное появление родственников, конечно, часто описывали в любимых романах Лидии, но за порчу чужого имущества прилагался штраф.

— Подожди ломать, — проворчала я. — Хоть ручку подергай.

Домик действительно оказался не заперт. Я осторожно заглянула внутрь, опасаясь застигнуть любовников на какой-нибудь задорной непотребности. Большая комната, напоминающая гостиную, оказалась пуста. От ледяного сквозняка в камине затрепетали ленивые язычки огня, облизывающие почти прогорелые поленья. С отделанной камнем стены на меня обалдело вытаращилась оленья голова с такими ветвистыми рогами, что иным оленям и не снилось.

— Дорогая, что-то ты подзадержалась! Я полностью готов, — раздался подозрительно знакомый мужской голос.

Обладатель этого самого голоса вышел в гостиную. Арнольд был одет наполовину. Почему-то на верхнюю половину, а нижняя красовалась оголенностью. Ноги торчали из-под широкой рубахи и, как в стакане, болтались в голенищах сапог.

Обнаружив меня, он остолбенел и удивленно воскликнул:

— Жена Филиппа? Ты что, следишь за мной?

— Да кому ты нужен, убогий? — пробормотала я и спросила: — Где Лидия?

— Какая Лидия?

— Мы ошиблись дверьми? — Рендел втянулся с улицы бочком и при виде голоногого мужика оцепенел, словно непотребство того вовсе не прикрывала рубашка. Румянец от мороза плавно перетек на шею и

приобрел характерную крапчатость. Нехороший взгляд остановился в районе коленей. Дядька находился в тихом гневе!

— Это он и есть? — грозно и веско уточнил он. — Этот голенастый и есть соблазнитель?

Появление Лидии ознаменовалось страшным грохотом и звоном разбитой посуды. Мы повернулись к источнику шума и обнаружили тетушку в шелковом халате. У нее под ногами валялся опрокинутый поднос. По дощатому полу растекалась лужа с кофе, разлетелись фрукты и осколки тарелок, а веселый мандарин шустренько прыгал к середине комнаты.

— Как вы здесь очутились? — Лидия резко стянула на груди полы халата, хотя те вовсе не расходились.

— На карете приехали, — процедил дядька.

— Ты их знаешь? — с возмущением спросил Арнольд.

— Они мои родственники, — просительным тоном, словно сильно извинялась, что родство у нее подкачало, пояснила Лидия.

— Да мать божья! — охнул соблазнитель, прикрывая причинное место, хотя то прекрасно скрывала рубашка. Но, видимо, именно эту часть Арнольд считал самой важной в теле и старался сохранить. В общем, какие скромные пошли развратники!

— Они уже уходят! — поспешно объявила Лидия и рывкнула в нашу сторону с интонацией Клементины, заставляющей всех угощаться своим лучшим пирогом: — Вы зачем явились?

— Глупая женщина! — Рендел чуть не подавился воздухом. — Мы спасаем твое достоинство и нашу семейную честь.

— А я просила меня спасти? — Лидия уперла руки в бока и вообще начала походить на свою старшую сестру в лучшие годы.

— Тебя, может, не надо было, но семейная-то честь взывала! — заявил Рендел.

— Немедленно уезжайте! — Она указала трясущимся от возмущения пальцем на открытую входную дверь. — Тереза, увези своего дядьку в гостевой дом. Я же написала в записке: вернусь замужняя и счастливая. Вы мне счастья, что ли, совсем не желаете?

— Нет, постой, странная женщина! — воскликнул Арнольд, перестав прикрывать то, что было прекрасно прикрыто без его усилий.

— В каком смысле: замужняя? Ты решила, что мы с утречка прямо с гор скатимся в храм? Я на это не подписывался!

— Милый, ты что такое говоришь? — бледнея на глазах, словно собралась отчалить на тот свет от разочарования, потрясенно спросила Лидия. — Ты же сам говорил, что сделаешь меня очень счастливой, как в любовных романах.

— Так ты имела в виду венчание? — возмутился Арнольд, как будто его оскорбили в лучших чувствах, и тут же обратился ко мне: — Жена Филиппа, да я твою родственницу пятый раз в жизни вижу. А что сглупил и поддался на уговоры, так она три дня меня окучивала и зазывала. Понимаете, зазывала разными словами. Приманивала, как дичь! Вот! Я жертва и не виноват. Она меня охмурила и сюда затащила.

— Да как ты можешь так отвратительно врать?! — охнула Лидия с блестящими от непролитых слез глазами.

— Вру я отлично! — искренне возмутился Арнольд за попранный талант лжеца. — Но в чем же я соврал сейчас? Я несу чистую правду!

— Ты говорил, что испытываешь ко мне чувства!

— Знаешь, желание съесть отбивную — тоже чувства, — объявил нахал. — Я даже имени твоего не помню.

— Но я же тебе все отдала, — прошептала Лидия и вдруг принялась загибать пальцы: — Честь, гордость. И домик всеми своими сбережениями оплатила!

— Шею сверну... — со свирепым видом процедил Рендел и шагнул в сторону горе-соблазнителя.

Арнольд был выше дядьки на голову, но поменялся в лице, подобрался и неожиданно для всех юркнул в спальню В общем, в лучших традициях спас полуголый зад бегством. Мы опомниться не успели, как дверь с треском захлопнулась и категорично зазвенел шпингалет.

— Вернись обратно! И отвечай по совести! — Дядюшка добрался до двери и заколотил по ней кулаком.

В спальне загрохотала мебель. Видимо, Арнольд поспешно строил баррикаду.

— Рендел, остановись! — воскликнула я.

Но в дядьке, похоже, за много лет семейной жизни, когда приходилось сдерживать нрав, накопилась ярость, а теперь хлынула

неудержимой лавиной и грозила уничтожить если не все живое, то, по крайней мере, дверь. Он попытался высадить ее плечом, но наткнулся на преодолимую преграду и болезненно ойкнул.

— Ты убьешься! — Я бросилась к Ренделу, надеясь остановить штурм, но где-то между Лидией, заливавшейся беззвучными слезами, и почти погасшим камином наступила на проклятуший мандарин. Пол начал уходить из-под ног. Не упала только чудом и неожиданно проклюнувшейся ловкостью.

— Что у вас происходит? — прозвучал сдержанный голос Филиппа. — Я услышал крики.

В комнате мгновенно наступила гробовая тишина. Дружным трио мы обернулись к моему мужу, в некотором обалдении замершему в открытом дверном проеме. Комнату уже прилично выстудило, холодный воздух стелился по полу и тревожил портьеры.

— Господин Торн тоже приехал? — тонким голосом пролепетала Лидия. — Какой позор.

Она прислонила ко лбу руку и решительно собралась уйти, но не за вещами, чтобы остановить безобразие самоустранением из домика, а в глубокий обморок. С другой стороны, тоже самоустранение, только не очень продуктивное. Дескать, я пока поваляюсь, а вы тут сами разберитесь.

— Лидия, прекрати изображать падучую! У нас все равно нет нюхательной соли, — осекла я с раздражением, какого себе никогда не позволяла по отношению к тетке. Ведь она не Вирена и обычно не бесит странными заскоками.

Однако в книгах опозоренные героини в соусы себя не роняли ни носом, ни боком, ни филейной частью и шелковые халаты неопрятно не пачкали. Падать в лужу мясного соуса, глянцево поблескивающего на полу, Лидию не прельщало. Ей требовалась чистота. Поиск места, куда можно с изяществом опуститься, отвлек тетку от обморока. Пока она высматривала приличный клочок дощатого пола, окончательно передумала терять сознание и решила расплакаться.

— Где Арнольд? — между тем, требовательно спросил Филипп у дядьки.

— В спальне спрятался, — пожаловался тот. — И чем-то подпер.

Муж тихо выругался себе под нос одним из тех словечек, что ни в коем случае не предназначались для ушей благородных дам, и

категорично постучался:

— Арнольд, выходите! Иначе я вас выведу сам.

Из комнаты не донеслось ни звука. Филипп схватился за ручку. В разные стороны брызнула вспышка магического света, озарившая на секунду дверное полотно. Раздался грохот отодвинутой мебели. Со звоном сорвался шпингалет. Стоило магу разжать пальцы, как ручка выпала из гнезда, оставив сквозную дырочку.

Дверь открылась от легкого толчка. Из спальни потянуло холодом. Она оказалась пуста. Кособоко стоял отодвинутый комод, кровать была смята, в кресле валялось смятое платье и аккуратно висели на спинке длинные мужские носки. На открытом окне парусом надувалась занавеска.

— Он сбежал? — всхлипнула Лидия.

Я покачала головой:

— Надеюсь, штаны хотя бы натянул.

— Каков негодяй! — проворчал дядька. — Испортил приличную женщину и в кусты.

Филипп подошел к окну, внимательно оглядел снег под ним и с педантичной аккуратностью сомкнул створки. От деревянных рам в воздух всколыхнулось и опало золотистое магическое свечение, тонко намекнувшее, что вернуться сбежавший соблазнитель сможет только через парадные двери.

— Госпожа Вудсток, — обратился Филипп к Лидии, — соберите вещи. Мы возвращаемся в замок.

— Да я их еще и разобрать не успела, — пробормотала она, старательно разглядывая носы домашних туфель и теребя пояс на халате. — Мне надо одеться.

Мужчины оставили нас в спальне. Бледная и напряженная Лидия начала со злостью запихивать в дорожный саквояж платье. Туда же отправились яркие полосатые чулки. Я стояла в уголочке и следила за тем, как она вымещает обиду на вещах.

— Откуда вы знаете этого человека? — не оборачиваясь, спросила она.

— Он будущий муж моей однокурсницы.

— Выходит, он изменял своей невесте? — Лидия круто развернулась и прижала руку к груди. — Со мной?

Я дернула плечом.

— Какой кошмар! — прошептала тетка.

— Арнольд знакомился на склоне с женщинами, пудрил им мозги и соблазнял, — попыталась я успокоить ее совесть. — Откуда тебе было знать, какой он отвратительный.

— Я могла почувствовать! — воскликнула она и прошептала трагичным голосом: — Кто еще знает о моем... грехопадении?

— Приключении, — поправила я.

— Хочешь сказать, что в курсе все? — охнула Лидия.

— Как догадалась?

— Ты всегда избегаешь отвечать на вопросы, если ответы могут не понравиться!

Для трескучего мороза, сковывающего горы, она оделась она весьма условно: обула ботинки на голые ноги, накинула теплый плащ поверх халата. Взяла в руки домашние туфли.

-
— Я готова.

В холодную зимнюю ночь мы выходили в гробовом молчании. Гуськом пошагали к карете и обнаружили совершенно потрясающую картину. Арнольд стоял возле кучера и, задрав голову, как нищий на паперти, что-то ему втолковывал.

— Дружище, заплачу любые деньги, только увези меня отсюда! — прозвучало в тишине. — Пойми же, дружище. Меня хотели силой женить. Еле ноги унес.

Он так увлекся, что не заметил нашего приближения, а когда заметил, было поздно. Рендела никто не успел ни унять, не удержать, ни остановить. С молодецкой удалью, подстегнутой гневом, он налетел на соблазнителя. Сбил его с ног и, поскользнувшись, сверзился лицом в снег.

— Да я на вас жалобу стражам напишу! — заорал Арнольд. Его вопль разлетелся по тихой горной долине и наверняка где-то вызвал снежный оползень.

— Рендел, ты в порядке? — переборов изумление, вскрикнула я и бросилась к дядюшке. — Не убится?

— Ох, — пошевелившись, проскрипел тот.

Оказалось, что дядюшка не убится, но сломал ногу. Как выяснилось в лекарском крыле замка, в двух местах.

ГЛАВА 10. Третий лишний

— Плохой перелом, — объявил лекарь. — Господина стоит отправить в столицу к костоправу с магией. Чем раньше, тем лучше. В таком возрасте можно и без ноги остаться.

На этом более чем пессимистичном прогнозе Клементина охнула и полезла в карман за нюхательной солью. Баночки не нашлось. Вид у тетушки сделался такой, словно она не могла понять, что хочет больше: рухнуть в обморок или поколотить крайне честного эскулапа, перевидевшего переломов разной степени паршивости столько, сколько Лидия не прочитала любовных романов.

Через час во внутренний двор к выходу из лекарского крыла подогнали тяжелую карету на полозьях. В таких монументальных гигантах обычно путешествовали на дальние расстояния, а моего дядюшку с Клементиной планировали везти в порт, куда в срочном порядке отправили дракона Торнов.

Пришлось срочно собирать в небольшой дорожный сундук необходимые вещи, и пока багаж привязывали к карете, мы с тетушками забились в салон. Оказалось, что экипаж только выглядел просторным, но места внутри для четырех дам и спящего Рендела было маловато.

— Все из-за меня, — трагическим шепотом прорыдала Лидия и очередной раз утерла слезы вышитым носовым платком. — Сиал — это худшее, что со мной случилось! Зачем я сюда приехала?

— Справедливо говоря, милочка, — тон Марджери, зачем-то собравшейся вместе с нами к маленькому драконьему порту под горой, — ты горничная при племяннице.

Лидия на секунду замолкла, шмыгнула носом и сконфуженно пробормотала:

— Ох, точно! А я забыла и отдала этому человеку самое главное.

— Лидия, ты умудрилась полностью опустошить счет? — насторожилась я.

Клементина, сидящая рядышком, тоже прилично напряглась: выпрямилась, подобралась и, кажется, наплевав, что потревожит дядюшку, собралась орать.

— Я о душе! — воскликнула Лидия и, экспрессивно взмахнув руками, случайно шмякнула мадам Торн по гладкой щеке. — Душу свою я ему отдала!

Тетушка незаметно выдохнула и с азартом поерзала на лавке.

— Милочка, душа — вещь эфемерная, — философски заметила Марджери. — Не заметишь, как она к тебе вернется.

— А честь и достоинство! Их я не смогу вернуть.

— Лидия, в твоём возрасте надо радоваться, что на них кто-то прельстился, — проворчала Клементина, возмутив нас всех. Был бы Рендел в сознании, тоже вознегодовал бы.

— Что ты такое говоришь? — Я толкнула ее локтем.

— Истинную правду, — огрызнулась та. — Иначе носила бы на себе, как венец безбрачия, до самых седин. С седыми волосами вообще пора думать о цвете савана, а не о всяких любовях.

Мадам Торн подкрашивала полностью седые волосы прядками благородного розового колера, а потому многозначительно кашлянула. Дескать, причисляй себя к немощным старухам. Она-то, Марджери, еще ого-го.

Появление Филиппа погасило едва не разгоревшийся спор. Он заглянул в карету, оценил кучность рассадки и замер, прикидывая, куда вместиться. По всему получалось: только прилечь рядом с дядюшкой на место, предназначенное в экипаже для сна.

Некоторое время мы спорили, кому следует отправиться в драконий порт. Пока у Филиппа не закончилось терпение. Уехали без нас. Кутаясь от ледяного сквозняка в теплый плащ, я стояла в компании Лидии и мадам Торн и следила, как неповоротливый экипаж выкруливает к раскрытым хозяйственным воротам замка.

— Леди, — деловито вымолвила Марджери, — похоже, нам всем не мешает расслабиться.

— Выпить успокоительных настоек и лечь спать? — кисло уточнила Лидия.

— Выпить хереса, — поправила она. — Мы обязаны посетить дамский клуб. Леди Торн, что скажете?

— Можно просто лечь спать, — предложила я. — Не люблю крепкие напитки.

— Молочные коктейли в дамском клубе тоже подают, — заметила тетушка. — Но, поверь моему опыту, херес помогает справиться с

бессонницей.

— Я не страдаю бессонницей.

— Никогда не поздно начать, — кивнула Марджери и скомандовала: — Идемте, леди.

Лидия подхватила длинный плащ, чтобы в нем не путаться, и рванула за мадам. Я потянулась следом, прикидывая, что минут через пятнадцать сошлюсь на головную боль, голодного леймара, недочитанную книгу и с чистой совестью, уважив деятельную тетку, отправлюсь в номер дожидаться Филиппа.

Всегда считала, что дамские клубы похожи на гостиные в институтах благороднейших девиц. Не в таких, как наш — поблагороднее. Славные девицы в этих институтах не защищали животных и не продумывали акции по пристегиванию себя к клеткам в зоопарке (скверная идея, плюс один привод), а музицировали, прихлебывали цветочный чай и обсуждали украшения. Драгоценности, может, обсуждали, но заодно вели нешуточные схватки по игре в паззлы и пили крепкие напитки в хрустальных рюмках на тонких ножках.

Нам любезно помогли вытряхнуться из плащей, проводили за столик и каждой по очереди отодвинули стул, помогая расположиться.

— Завтра утром мы с Лидией займемся переездом, — объявила тетка Торн, расправив юбку, и недовольно разглядывая худенькое меню, словно каждое блюдо в нем вызывало резь в животе. — Она не должна оставаться одна.

— Да? — Лидия моргнула.

— Ни в коем случае! Ты сейчас очень ранимая! — Мадам потрепала ее по слабой руке, лежащей на столе. — Скажу горничным, чтобы они собрали мои вещи. Перееду в твои апартаменты, там как раз две спальни.

Я выразительно кашлянула.

— Или она может переехать ко мне, — поняла непрозрачный намек Марджери. — В моих апартаментах тоже две спальни. Конечно, не такие просторные, но тоже неплохие.

— Знаете, что-то у меня голова разболелась, — решила я, что достаточно уважила тетушку.

— У меня есть порошки от мигрени, — немедленно нашлась Марджери и действительно вытащила из кармана плаття крошечную

баночку со снадобьем. — Очень рекомендую. За минуту снимает боль. Не только в голове.

— А в душе? — прошелестела Лидия с надеждой.

— Для души тебе нужен херес! — Она махнула рукой, подзывая подавальщика.

— Ох, я забыла, что мне надо покормить питомца, — попыталась я дать деру.

— Разве к вам два раза в день не приходит зверолов? — Марджери изогнула ухоженные брови.

— Приходит, — созналась я под ее внимательным взглядом. — Я еще хотела почитать. Очень интересная книжка.

— Интереснее, чем судьба страдающей Лидии?

Они обе посмотрели на меня с укором. Понятно, что в искусстве манипуляций Марджери дала бы фору даже прожженному мошеннику. Но Лидия-то когда успела поднатореть?

— Хотя бы в дамскую мне можно выйти? — буркнула я, словно отпрашивалась у строгой преподавательницы немедленно отправиться в известное место.

— Мы тебя подождем, — улыбнулась мадам и отбрила подошедшего было подавальщика: — Почему не подали карту вин?

Я улизнула в дамскую комнату и, чувствуя себя шпионом на задании, специально спряталась за расписанной цветами деревянной ширмой, скрывающей две медные раковины.

В комнату кто-то вошел. Хотелось верить, что не Марджери.

— Делают вид, что ничего не происходит! — с ехидством заговорил незнакомый девичий голос.

— Им приходится держать лицо, — хмыкнула другая девушка.

— Объясните, что я пропустила, пока сидела в этом забытом святыми угодниками домике и ждала, когда отец настреляется по белкам! — всполошилась третья.

— Лиззи, ты не в курсе? Я слышала, как маменька говорила мадам Прэйм, что в Сиал на днях приехала Миранда Фарнет, любовница Филиппа Торна.

Кровь отхлынула от лица. В груди резануло, словно меня вдруг настиг сердечный приступ. Хорошо, что не паралич, иначе рухнула бы под столешницу с раковинами. Я бросила взгляд в зеркало в богатой

раме и не сразу в бледной, как привидение, девице с окаменевшим лицом узнала себя.

— У Торнов же медовый месяц! — возбужденно охнула та, кого называли Лиззи.

— В том-то пикантность! — с торжеством воскликнула первая сплетница. — Маменька сказала, что жену Торна видели в холле вместе с Мирандой. Они о чем-то очень мило беседовали.

Перед мысленным взором появилась красивая элегантная женщина в красном, и, как в насмешку, прозвучали слова Филиппа, сказанные таким ледяным тоном, что мигом веришь, будто он ни при чем стоит в кипенно-белом пальто: «Я не обязан помнить всех, кто со мной знаком».

— Какой скандал! — с восторгом громко прошептала одна из девушек.

— И дурной тон! — с не меньшим восхищением согласилась другая.

Оторопь вдруг превратилась в ярость.

— Знаете, что я думаю? Хорошо, что он не сделал предложение мне, — торжественно заключила первая. — Папочка никогда не отказал бы Филиппу Торну, а я не смогла бы смириться с изменами, как мирится эта провинциальная дурочка.

На мгновение прикрыв глаза, я глубоко вздохнула, и вышла из-за ширмы. На дамскую комнату обрушилась тишина. Сидящие на пуфиках девушки вытаращились на меня, как на воскрешенного мертвеца. У одной, стоящей возле зеркала в полный рост, выпала из рук баночка с красной помадой и звонко ударилась о паркетный пол.

Невольно я узнала в сплетницах участниц аукциона. Тех самых, четверть из которых ждали от Филиппа предложения руки. Как понимаю, сердце в этом процессе не обещалось ни одной из нас. Для сердца и всего прочего у моего мужа была Миранда Фарнет.

— Хорошего вечера, леди, — невольно копируя ледяные интонации собственного мужа, произнесла я и вышла с высоко поднятой головой, хотя в этой самой голове страшно шумело, словно по затылку огрели пыльным мешком.

В салоне было шумно. На негнущихся ногах я пересекла зал, возвращаясь к теткам. Казалось, что абсолютно все дамы смотрели мне в спину и перешептывались, с ехидством обсуждая, как под носом

у молоденькой супруги прожженный циник Филипп Торн проводил время с другой женщиной.

— На тебе лица нет. — Марджери внимательно ко мне присмотрелась. — Подурнело?

Хотелось немедленно устроить мадам допрос — уверена, она была в курсе дел, но не станешь же выяснять отношения на людях.

— Не то слово. В глазах потемнело, и сердце что-то зашало, — стараясь говорить ровным голосом, согласилась я. — Пожалуй, вернусь в номер.

Пусть думает, будто у меня мигрень. Наставленные ее племянником рога, знаете ли, знатно на голову давят, от их тяжести портится настроение. И еще под хвост попала вожжа. Все скопом, за один присест. Провинциалки, не видящие дальше собственного носа, вообще внезапные, как зимняя оттепель.

— У меня есть сердечные капли! — Мадам снова полезла в карман платья.

Не пойму, она всю аптечку, что ли, с собой таскает? На любые случаи жизни. А с виду-то и не скажешь, что тетушка — ипохондрик.

— Может, мне выпить сердечных капелек? — прошелестела Лидия. — А то в груди давит.

Вот и у меня давит. И в груди, и вообще везде.

— Пей херес, милочка, — скомандовала Марджери и указала на рюмочку, стоящую перед Лидией рядом с тарелкой нарезанных фруктов.

— А если сердечные капельки добавить в херес? — задумчиво протянула Лидия.

На этой во всех смыслах недурной идее, пока Марджери заливалась нравоучительной тирадой, я забрала у подавальщика плащ и поднялась в пустой номер. За полчаса, пока в руки не попала карта вин, аккуратно приложенная к стопке с прочими буклетами, успела десять раз передумать: говорить с Филиппом о той женщине и сделать вид, что ничего не знаю. Лучше хрупкая тишина или правда?

Эти мысли не оставляли, и когда взгляд скользил по незнакомым названиям благородных напитков. Они ни о чем мне не говорили. Зато какой приятный сюрприз ждал на обратной стороне с коктейлями!

Не то чтобы коктейли мне нравились, никогда не пробовала, но человек, составляющий перечень, определенно, что-то подозревал. Для

простоты он назвал напитки женскими именами: сладкая «Лидия», кроваво-красная томатная «Клементина» с морской солью, лаймовая «Марджери» и — венец мысли! — «Миранда» с горечью. Очевидно, от разочарования обманутых жен.

Через пятнадцать минут четыре коктейля в изящный хрустальный бокалах стояли на кофейном столике.

— Ладно, — пробормотала я, — сейчас и узнаем: смиряет ли алкоголь с жизнью.

Ответ нашелся очень быстро: не смиряет. Ни соленая «Клементина», ни кислая, как долька лайма, «Марджери», ни приторно сладкая ореховая «Лидия» не успокоили и даже не настроили на философский лад.

Филипп вернулся как раз в тот момент, когда я решила дать еще один шанс «Клементине», иначе от орехового коктейля слипались губы.

— Рендел с тетужкой благополучно улетели в столицу? — уточнила я, не размениваясь на приветствия. Побоялась, что не справлюсь с соблазном и швырну в мужа нетронутой «Мирандой». Уверена, она будет дивно стекать по его пальто.

— Его доставят к лучшему костоправу, — согласился Филипп.

Маленькая пирушка на одну леди заставила мужа удивленно изогнуть брови. Он небрежно бросил пальто на спинку дивана и едва заметно улыбнулся:

— Ты же не любишь алкоголь. Решила расслабиться?

— Увидела карту вин и не смогла устоять. Ты знаешь, что они называют коктейли женскими именами? — Пальцем я указала на ополовиненные бокалы. — Клементина, Лидия и Марджери. Помоему, очень иронично.

— У тебя завтра будет похмелье.

— Прекрасно! — развела я руками. — Со мной в Сиале столько всего случилось впервые! Самое время испытать похмелье. Кстати, Марджери не рекомендую. Она отвратительно кислая. Но ты вполне можешь попробовать Миранду. Заодно сравнишь с оригиналом...

На комнату опустилась такая тяжелая тишина, что, кажется, она давила на плечи. Глаза мужа похолодели, полуулыбка исчезла, губы сложились в тонкую линию. Он превратился в красивого чужого мужчину с портретной карточки, присланной летом.

— Перед нашей свадьбой ты порвал с этой женщиной? — тихо спросила я в манере Филиппа, любящего огорошить собеседника неожиданным вопросом.

Но разве его можно застать врасплох? Ответ был короток, честен и словно проткнул меня насквозь где-то в районе сердца:

— Нет.

— Планировал после возвращения домой?

— Нет.

— Боже, — прошептала я, потеряв виски, — ты мог бы пощадить мою гордость и что-нибудь соврать.

— Не вижу смысла лгать, Тереза. Прямые вопросы подразумевают честные ответы, — вымолвил он. — Я разорвал отношения с Мирандой, едва она появилась в Сиале.

— А если бы она не прискакала в наш медовый месяц, ничего не изменилось бы? — Не желая смотреть на него снизу вверх, я поднялась с дивана, и комната неожиданно качнулась перед глазами. — Ты, похоже, надо мной издеваешься, дорогой супруг!

— Пытаюсь мирно разрешить недоразумение.

В его жизни не случается катастроф — только мелкие недоразумения. Его никогда не ранят — невозможно ранить того, кому при рождении забыли отсыпать совести.

— Пока ты делаешь только хуже, Филипп.

— Тереза, мужчине абсолютно нормально иметь любовницу.

От негодования я едва не задохнулась и выпалила:

— Другими словами, я тоже могу завести любовника? Конечно, мне не приходило в голову рассматривать брак под таким причудливым углом. В нашей семье, знаешь ли, верность не считают нелепым пережитком. Но если мой умный, прогрессивный муж утверждает, что все нормально, как ему не верить?

Неожиданно этот прогрессивный муж, как последний паршивый варвар, дернул меня за руку и заткнул требовательным поцелуем. Я так опешила, что даже не успела укусить его за наглый язык, лизнувший мои сомкнутые губы.

— Филипп, ты уходишь от честного ответа на прямой вопрос!

— Я как раз объясняю, почему ты несешь полную чушь.

— Господин Торн, да уберите же свои руки от моего тела! — Попыталась я отстраниться. — В книгах пишут, что надо сначала

выяснить отношения, а потом заниматься вот этим всем. Никак иначе! Постель проблемы не решает.

— Выброси эту книгу. — Муж прижался губами к чувствительной точке у меня на шее.

Вкрадчивая ласка заставила разум тихо отплыть в закат. В свое оправдание спешу сказать, что тот, кто действительно желает мира, будет согласен на хрупкое перемирие. Пусть заключается оно, если верить книгам, самым не подходящим способом. И даже не на супружеской кровати.

Ранним утром, когда Сиал еще лениво просыпался и обсуждал, каким джемом намазать воздушную булочку на завтрак, я стояла возле стойки портье и, искренне надеясь, что не перепутала адрес, строчила записку. Название маленького гостевого дома «почти возле склона» Кира упомянула вскользь, когда хвалилась, что в комфортном номере у жениха превосходные настенные ткани. Сама-то бывшая соседка жила с будущей свекровью, а Арнольду «надо было хорошенько отдохнуть от службы». Он и отдыхал с размахом. Ни в чем себе, что называется, не отказывая.

Вспомнив о вечере в чайной, я так сильно припечатала магическую скрепку, что от листика пошел подозрительный дымок. При виде выжженного отпечатка взгляд портье, забравшего конверт для пересылки, сделался очень выразительным.

Взгляд Филиппа был не менее выразительным, когда вместе с завтраком и двумя экземплярами «Вестника» (каждому по одному, чтобы не дрались за самую интересную полосу) в номер принесли ответное послание от Киры. С важным видом коридорный вручил мне ничем не запечатанный, а просто сложенный надвое листик. Знакомым аккуратным почерком она написала, что сможет увидаться в полдень.

— Клементина? — сдержанно спросил Филипп, раскрывая газету.

— От тетушки вестей не было.

Когда я вернулась в номер, муж уже не спал, и утро мы провели в неуютном молчании, лишь изредка обмениваясь короткими, ничего не значащими фразами. Вроде накануне помирились, но никак не удавалось избавиться от ощущения, что оборванный на полуслове разговор витал над ними, как серая завеса, скрывающая солнце. И неловкость росла.

— Средство от похмелья? — ни с того ни с сего произнес Филипп.

— Чего? — забыв про изящные манеры леди Торн, переспросила я, как Тереза Вудсток, не всегда обремененная любыми манерами.

— У тебя дурное настроение, — кивнул Филипп.

— У женщин часто портится настроение, когда их вынуждают взрослеть в темпе драконьего полета, — не удержалась и все-таки «куснула» его. — Думала, что, как мужчина опытный, вы, дорогой муж, в этом неплохо разбираетесь.

Я попыталась раскрыть газету. Проклятущие листы не желали красиво распахиваться и сминались. Шелест стоял, как в мышинном логове. Аж нервный тик начался! Хотелось скомкать ее к демоновой бабушке, но Филипп посчитал бы жест совсем ребяческим.

— Так вышло, что моя жена плохо вписывается в привычные схемы, — невозмутимо произнес он.

— Сейчас вдруг стало обидно.

— Это был комплимент, Тереза.

— Неужели? — С фальшивым восхищением я посмотрела на него над краем смятого газетного листа. — Дорогой муж, еще потренируетесь и совсем обучитесь делать комплименты.

Усмехнувшись, он прихлебнул кофе и, казалось бы, вернулся к изучению газетной статьи.

— Какие-то планы на сегодня, дорогая жена?

Уверена, о план Филипп догадался и уже понимал, куда наострила лыжи жена, что задумала, а главное, какая причина заставила меня рано утром заняться активной перепиской.

— Хочу съездить в деревню, — не стала отпираться я.

— Надолго?

— Как получится.

Кира опоздала. Со сползшим с головы цветастым платком, румяная от холода она влетела в чайную и растерянно огляделась. Я помахала ей рукой, привлекая внимание. Живот свело судорогой от волнения. Никогда не выступала в роли гонца с дурной вестью, и при появлении бывшей соседки по общежитию решимости рассказать о «подвигах» ее жениха сильно поубавилось.

— Выпьешь чай? — нервно спросила я, когда она приблизилась.

— У меня всего пять минут, — резковато заявила Кира, скидывая дубленую куртку на соседний стул. — Арнольда сегодня срочно вызвали на службу. Он уехал за билетами на вечерний драконий дилижанс, а мама собирает вещи. Я соврала, что забыла купить мятных леденцов.

Невольно вспомнилось, как вчерашним вечером, с горем пополам под рыдания Лидии мы загрузили Рендела в карету, и Филипп отвел трусливого любовничка, пытавшегося бежать на нашем экипаже, в дом. Муж вскоре вернулся, а Арнольд остался в горном коттедже. Понятия не имею, о чем они говорили, но сегодня «ходок налево» срочно делал ноги с горнолыжного курорта.

— Что ты хотела, Тереза? — подогнала меня Кира.

Я нервно прихлебнула чай и, не давая себе передумать, произнесла:

— Ты должна знать, что для меня это очень сложный разговор, но я не могу допустить, чтобы ты узнала правду от чужих людей.

Бывшая соседка прилично напряглась.

— Арнольд тебе изменяет, — глядя ей в глаза, тихо вымолвила я.

Она поменялась в лица и вдруг выпалила:

— С тобой?

— Со мной?! — опешила я.

— Святые заступники! — воскликнула она, привлекая внимание местной публики. — А я-то думаю, почему он запретил мне с тобой общаться. Так вот в чем дело? Просто вы любовники!

— Кира, ты меня неправильно поняла... — нервно озираясь по сторонам, пыталась я остановить раздухарившуюся девушку.

— Я видела, как ты на него смотрела! Во все глаза! Просто тарасилась, а не смотрела. А тот красавчик, которого ты притащила на встречу. Он ведь тебе не муж, да? Просто прикрытие. Так и знала!

— Остановись, Кира! — охнула я. — Мы с Филиппом Торном действительно женаты!

Удивительно, но фамилия мужа снова сработала, как заклинание немоты. Мгновенная реакция! Бывшая соседка вдруг замолкла и выразительно моргнула.

— Так это ты леди Торн, о которой пишут в газетах? — вдруг спросила она.

Я дернула плечом, соглашаясь. Дескать, с газетами ничего поделать не могу. Не читаю светские колонки, но заочно бесит.

— Врешь! — заключила она.

— Как о таком можно врать? — даже удивилась я.

— И тебе хватает совести изменять такому мужчине с моим женихом?! — рявкнула она. — Какая ты дрянь, Тереза! Тебе что, своего мужа мало?

Народ уже не просто глазел, а перешептывался. Хозяйка чайной с тревогой посматривала на наш столик, подозревая, что две орущие, как потерпевшие, дамочки вцепятся друг другу в волосы и во время потасовки перебьют посуду.

— Твой жених соблазнил мою тетку! — выпалила я, взяв громкостью, а не здравым смыслом. Очевидно, что у второй стороны в переговорах этот самый здравый смысл принципиально отсутствовал.

От изумления Кира открыла рот, видимо, собираясь бросить еще какую-нибудь гадость, но так и закрыла. Ее покинул дар речи. Она схватилась за чайник, плеснула в мою кружку огненный цветочный напиток и сделала быстрый глоток. Зашипела, хорошенько ошпарив язык, и просипела:

— Клементину?

— А? — Я подавилась на вздохе, закашлялась, хлебнула из той же кружки и тоже сожгла язык.

Странно, как мы все еще могли говорить.

— Она же в годах, — прошептала Кира.

— У меня две тетки. Одна из них молода.

— Насколько?

— Относительно. — Я кашлянула, почувствовав неловкость.

— Ты видел, как он ее соблазнил?

— Да, — призналась я, невольно вспомнив отвратительную сцену в горном домике. — Все видели.

— Вы что, всей семьей им свечку держали? — недоверчиво хмыкнула Кира.

— Вчера ночью мы забрали Лидию из горного коттеджа. Она была с Арнольдом, — ответила я. — Он обманул ее и обманывает тебя.

Возникла странная пауза. Кира хмурила брови, кусала губы, а потом вдруг выдала:

— Вот что я скажу, леди Торн: мы с Арнольдом друг друга любим! Он хороший, заботится о своей маме. И еще он...

— Беспардонно использует тебя, Кира, — вырвалось у меня. — И рассчитывает, что ты возьмешь на себя надоевшую маменьку, будешь по вечерам приносить ему тапочки, смотреть в пол и всю жизнь мириться с грубостью. Еще ты всегда хотела преподавать. Он лишил тебя хорошей службы и пытается лишить друзей.

— А ты хотела поступить на судебного заступника! — вдруг буркнула она. — Но вышла замуж.

— Мы говорим не обо мне.

Бывшая соседка подняла на меня ледяной взгляд.

— Мне жаль тебя. Ты вышла замуж за богатого аристократа, а все равно завидуешь чужому счастью.

Припечатав этим нелепым обвинением, она сердито схватила со стула куртку и, одеваясь на ходу, торопливой походкой пересекла маленький зал. Звякнул колокольчик, входная дверь, пахнув холодом, захлопнулась.

Я была готова к любому исходу этого разговора. Думала, что она расплачется, готовила слова утешения и поддержки. Но никак не ожидала, что Кира мне просто-напросто не поверит.

Помощник хозяйки поставил на стол горячий чайник и тарелку с маленькими пирожными.

— Чай с ромашкой и мятой, — пояснил он и, видимо, заметив мой непонимающий взгляд, добавил: — Как вы заказывали. Сказали принести его попозже.

Парень налил терпко пахнущий напиток в чистую чашку и отошел. В итоге успокаивающий чай, купленный для обманутой соседки, пришлось пить мне. Нервишки он, правда, не подлечил, но язык обожгла отменно. Еще раз. Видимо, высшие силы намекали, что следовало держать его за зубами. Похоже, ни одно причинение добра самим добром обычно не заканчивается.

А в Сиале, между тем, случилось нашествие голубых плащей! С первой дамой я столкнулась в парадных дверях, вторую встретила, когда поднималась по лестнице в холл. Она натягивала на кудрявую светловолосую голову капюшон, отороченный мехом, и на мгновение показалось, что я прошла мимо зеркала.

Мигом в памяти всплыла детская страшилка, дескать, встретишь двойника — скоренько, всего-то через три часа, отбудешь на тот свет. От заупокойной молитвы в собственную честь остановило лишь то, что кудряшки у блондинки походили на жесткие пружинки, и над ними явно трудился мастер причесок, а не природа.

Людный холл я оглядывала диковато, боясь наткнуться на очередного двойника. Никого похожего не обнаружила, но пару знакомых плащей заприметила. Все сплошь цвета насыщенной небесной синевы! На их фоне мадам Торн и Лидия в изумрудных спортивных костюмах выделялись особенно колоритно.

Марджери, как всегда энергичная и надменная, шагала легкой походкой королевы в отличном настроении, а Лидия держалась за бок и ковыляла с видом человека, желающего скоренько отъехать на тот свет. Понятия не имею, что с ней делала тетка Торн, но лечение истерзанной души, определенно, ее почти доконало.

Очень захотелось спрятаться от них за какой-нибудь колонной или слиться со стеной, но колонн в холле не имелось, на фоне стены я выделалась, оставалось затеряться в параде голубых плащей. Даже мысленно возблагодарила хозяйку ателье, которая клялась, что такого идеального плаща ни у кого не будет, а сама, похоже, принарядила в них половину столицы. И эта половина скоренько прилетела на утреннем драконе в Сиал. Демонстрировать модную обновку.

План почти удался, но Марджери повернула голову... Плохим зрением она не страдала и, немедленно изобразив сдержанную улыбку, помахала мне рукой. В смысле, чуточку пошевелила пальцами, заодно продемонстрировав всем желающим крупный перстень из закромов Торнов.

Пришлось остановиться и с видом милой дурочки дожидаться, когда дамы в строгой иерархической процессии доберутся до меня. Одна почти танцевала, вторая за ней тихонечко ковыляла с видом человека, умирающего три часа кряду.

— Тереза, у нас чудесная новость! — воскликнула мадам. — Написала Клементина. Они благополучно добрались до места, и Рендела передали в надежные руки прекрасного костоправа. Решили срастить кости с помощью магии. Через две недели будет скакать, как горный козлик...

Возникла обескураженная пауза.

— Мадам пытается сказать: как горный олень, — промычала Лидия.

У меня поползли на лоб брови. За прошедшую ночь у них, определенно, проклюнулось взаимопонимание. Вот уже одна переводит на человеческий язык, что пытается сказать другая. Перевод, правда, тоже желал лучшего, но, возможно, у Лидии сейчас всем мужчины сравнялись с парнокопытными.

— Будет бегать, как в двадцать, — поправила Марджери и быстро перевела тему: — Ты с прогулки?

— Подышала горным воздухом. Голову проветрила, — согласилась я, не собираясь рассказывать о своей провальной встрече, и обратилась к Лидии: — Как ты себя чувствуешь? Выглядишь... усталой.

— После пробуждения у меня обнаружилась аллергия на херес, — отозвалась она с таким видом, словно тоже увидела двойника и теперь считала последние минуты до окончания трех отмеренных до полной кончины часов.

Никогда еще тяжелое похмелье не называли так изящно.

— Мы лечили ее уроками народных танцев, — объявила Марджери. — Но аллергия не прошла. Собираемся посетить термы — парилки наверняка помогут.

Цветом лица Лидия чудно гармонировала с великоватым, явно с плеча новоявленной наперсницы, спортивным костюмом. По-моему, единственное, что было способно вернуть ее к жизни — крепкая настойка от лекаря Эрлана Вестфольда.

Мимо нас в сопровождении помощника, что-то беспрестанно записывающего в маленький блокнот, проплыл распорядитель Роджер. С любезной улыбкой он с нами раскланялся и вдруг понизил голос до заговорщицкого полутона:

— Леди Торн, все готово.

— Что готово? — с недоумением уточнила я.

На лице распорядителя отразилось смятение.

— Ох! Похоже, я испортил грандиозный сюрприз.

— Роджер, мы требуем, чтобы вы нам рассказали! — возмутилась Марджери, что этот жестокий человек, который вообще-то был в курсе всех наших семейных трагедий, случившихся в Сиале, в самый

неподходящий момент, когда женщины приготовились внимать, передумал открывать секреты.

— Не уверен, что должен... — пробормотал он, но между тем оглядел с таинственным видом и, заставив склониться, как секретничавших в тесном кружке маленьких детей, что-то прошептал.

Марджери пожевала губами и прокомментировала:

— Вы очень интересно рассказываете, но мы ничего не услышали.

— Я говорю, что господин Торн готовит романтическое свидание для леди Торн! — с восторгом повторил он. — Сегодня он забронировал закрытый кабинет в ресторации на крыше. Между прочим, с самым лучшим видом на гору Сиал! На три часа дня. Но я ничего вам не говорил. Умоляю, леди Торн, сделайте вид, что крайне удивлены.

Откровенно сказать, я была не просто крайне удивлена, со мной случился шок. За несколько дней нашего короткого брака муж ни разу не проявил склонность к романтике. Как, оказывается, на него подействовала вчерашняя ссора!

— Вы, смотрите, в курсе всех местных дел, — протянула я.

— Пятнадцать лет служил помощником. Знать о постояльцах любые мелочи и подсказывать руководству, входило в мои обязанности, — вдруг пустился в воспоминания Роджер и обратился к Марджери: — Думаете, кто напомнил прошлому распорядителю об *особенной* бутылке с вином? Это был я!

Возникла сконфуженная пауза. Он кашлянул, почувствовав, что дамы прилично напрыглись.

— Что ж, служба зовет. Постояльцы ждут. Бенедикт, за мной!

Секретарь, названный Бенедиктом, вежливо раскланялся и потрусил следом за начальством.

— Тереза, ты идешь в термы с нами! — вдруг объявила Марджери. — Тебе это нужно.

— Зачем? — даже чуток испугалась я.

Наш мирный договор никак не подразумевал вечной любви и мелькания друг перед другом в простынях!

— Разве вы с Филиппом вчера не поссорились? — весьма пронизательно заметила Марджери. — Очевидно, он пытается загладить вину и извиниться. Прийти на такое свидание во всем блеске — святая обязанность женщины!

Я сама не поняла, как поддалась на искусную манипуляцию, и отправилась в подземелье замка, где располагались термы. Становиться красивой. Очень! Чтобы от переизбытка прекрасного у мужа потемнело в глазах, отпала челюсть и немедленно захотелось поклясться, что в нашей жизни не будет других женщин. Желательно, даже родственниц.

В отделанном мрамором фойе нам выдали банные принадлежности: сложенные в аккуратные стопки купальные халаты, пушистые полотенца, наглаженные простыни, а сверху пристроили сандалии на пробковой подошве, упакованные в холщовые мешочки с эмблемой Сиала. Банщица, одетая в цвета гостевого дома, пожелала хорошего отдыха и отправила в дамскую комнату для переодеваний.

— Сандалии — подарок от наших терм, — вдогонку бросила она.

Избавлялись мы от одежды за ширмами. Прижимая к животу полотенце, я застегнула на плетеном ящичке со своими вещами подвесной замочек и тихонечко вышла из укрытия. Простынь, больше напоминающая детскую пеленку, съезжала у меня с груди, халат волочился по полу, а сандалии были на два размера больше положенного и сваливались. Но, как любит говорить Клементина, дареному дракону крылья не измеряют.

— Что ж, мои дорогие, — Марджери окинула нас с Лидией орлиным взглядом, — мы полностью готовы к преобразованиям! Красота начинается отсюда!

С торжественной миной она толкнула дверь. В уборную. В глубоком молчании мы постояли на пороге и полюбовались на два начищенных до блеска клозета.

— Значит, сюда! — Мадам уверенно указала на другую дверь. — Добро пожаловать, в мир красоты и умиротворения!

Нам открылась сумрачная кладовая, куда банщицы относили ящички с вещами посетителей. Я великодушно воздержалась от комментариев, вспомнив, какой нечеловеческий конфуз испытала, когда на постоялом дворе под насмешливым взглядом Филиппа пыталась выйти в шкаф. Лидия, по всей видимости, побоялась подать голос.

С третьей попытки нам удалось прорваться в термы. Повезло, что в комнату для переодеваний впорхнули испаренные, намытые до

скрипа дамы во влажных халатах, как бы тонко намекающих, в каком именно направлении следовало двигаться.

Мир банной гармонии встретил влажной духотой, ментоловым благовоением и круглым бассейном, в котором дамы, закутанные в короткие простынки, сидели, как русалки в затоне. Захочешь поплавать — придется расталкивать конкуренток локтями.

Марджери между тем скинула халат и привесила его на пустую рогатую вешалку. Чувствуя себя так, словно попала на конкурс красоты и сейчас его провалю, я стянула с плеч тяжелый покров и пристроила его на вешалку. Вообще, предстать перед теткой Торн в чем мать родила, а сверху в детской пленке, мне не снилось даже в кошмарах. Но уверена, теперь-то непременно приснится.

— А если халаты кто-нибудь стащит? — заволновалась Лидия, стыдливо одергивая куцую простынку. — Они же просто так висят.

— Мы в приличном обществе, моя дорогая. Здесь никто и никогда не возьмет чужую вещь, — с высокомерием человека, никогда не посещавшего купален в банном комплексе Энтила, отозвалась Марджери.

Решительным жестом поправив на груди простыню (ей-то отреза не пожалели), она двинулась к широкому арочному проходу, над которым золотыми литерами тянулась надпись «ритуальный зал».

Название звучало тревожно. Складывалось впечатление, что во имя красоты женщин в термах действительно приносили в жертву. Выживала только каждая третья. Именно этим счастливицам доставалась вечная молодость, неземная прелесть и конское здоровье, подправленное в многочисленных парилках.

Круглый зал с каменным алтарем в центре был заполнен дамами в белых простынях. С маленькими плошками в руках они ходили возле этого алтаря и напоминали храмовых послушниц. Услужливые храмовницы, в смысле, банщицы, из больших мисок, стоящих на камне, насыпали и накладывали всевозможные косметические пасты, соляные кристаллы и сахарный песок.

На стенах зала висели мраморные таблички с «ритуальными» рецептами. В каждом объяснялось, что и куда втирать, а потом в какую парилку лучше нырнуть, чтобы вынырнуть полностью преображенной. Если, конечно, не угоришь и не выползешь на карачках, наплевав, что лицо обмазано пастой из цветной глины.

— Нам нужно омоложение! — категорично заявила Марджери, подхватывая пару деревянных плошек, чтобы наполнить их пастами.

Я многозначительно кашлянула. Тетка обернулась, окинула нас с Лидией критическим взглядом и прокомментировала:

— Не всем. Тереза, возьми «пробуждение богини».

Понятия не имею, что за богиня в конечном итоге во мне должна была воскреснуть, но пробуждать от летаргического сна ее предстояло травяной пастой, на вид и цвет совершенно гадостью. Специально два раза проверила рецепт на стене, еще у банщицы на всякий случай спросила. Надежды не было. Пробуждающее средство совершенно небожественно стекло с поварешки, как тягучая болотная жижа.

Видимо, мне предстояло превратиться в лесную деву. Но не ту, которая, не приминая сочной травы, как гибкая лань, бежит по цветущим поляна, а дуб-бабу с зелеными волосами, дальнюю родственницу бабы снежной.

— Возьмите еще тонизирующего сахара с морскими водорослями, — улыбнулась банщица.

И как будто мало мне всего травяного, обладающего запахом болотной жижи и, похоже, ею и являющегося, ложкой она щедро сыпанула сахарные кристаллы зеленоватого цвета и такого размера, что ими вполне можно стесать кожу до костей.

— А вот это намажьте на волосы. — Рядом с сахаром плюхнулась ложка сероватой кашицы. — Очень хорошо для кудрей. Нанесите и наденьте шлем.

Она вытащила из корзинки нечто похожее на детский чепчик. И с помпоном!

Я натуральным образом отшатнулась.

— Пожалуй, воздержусь.

— Ни в коем случае, не воздерживайтесь! — воскликнула она с фанатичным видом кастеляна, вручавшего Филиппу корзинку с леймаром.

— У меня руки заняты. — Пришлось продемонстрировать две наполненные плошки.

— Да вы засуньте под мышку. — Банщица действительно попыталась подсунуть мне чепчик. — Почувствуйте себя богиней!

— Я уже вполне себя ощущаю.

— Станете еще богичнее! Поверьте, хуже точно не будет.

В общем, эта фанатичная в деле преображений «храмовница» почувствовала во мне жертву и, фигурально выражаясь, вцепилась, как тростниковый дракон, от которого, если верить справочникам, ни одна жертва не уходила на своих двоих.

Но мне несказанно повезло! Мадам Торн решительно скомандовала отправляться в парилки, и я бросилась за нею следом, стыдно сказать, теряя по дороге сандалии и перегнав Лидию.

Марджери не успела открыть дверь, а я, наплевав на чувство собственного достоинства, манеры и строгую иерархию проходов через двери, сдвинула тетку и вперед нее протиснулась в горячее влажное нутро замка.

На облицованной камнем стене поблескивали две стрелки в разные стороны. Мадам немедленно зашагала налево. Мы с Лидией невольно посмотрели направо, потом с большим сомнением друг на друга. Опыт блуждания по коридорам подсказывал, что в Сиале лучше читать надписи, прежде чем куда-то выдвигаться...

— Не отставать, девушки! — скомандовала она.

Но кто мы такие, чтобы противиться невероятному напору аристократки в годах, неожиданно почувствовавшей себя главной? Как провинциалки, впервые приобщенные к благородным термам и прежде, когда случалась простуда или навязчивый насморк, посещавшие разве что городскую купальню с соляной пещерой, мы сами отдали в ее недрогнувшие руки бразды правления.

В общем, этот поход за красотой был обречен изначально...

— Тетушка Марджери, — обратилась я, когда мы, шаркая великоватыми сандалиями, нагнали энергичную мадам. И как в такой духоте у нее не случилось отдышки?

— Какая я тетушка? — буркнула она.

Очень смелая, судя по тому, как споро следовала только известному ей маршруту.

— Мадам Торн, — я мелочно перешла на официоз, — мне неловко спрашивать, но вы уже бывали в термах?

— Конечно, — с достоинством ответила она.

— В смысле, в этих.

— Верьте мне! — вдруг с большим пафосом призвала она, видимо, не желая признаваться, что этот край Сиала для нее дик и не познан. — Я никогда и нигде не путаюсь.

На этом спорном заявлении Лидия затравленно посмотрела через плечо и тихо пробубнила:

— Мы же вернемся?

— Непременно... — отозвалась я. — Когда-нибудь.

Кажется, мы все вздохнули с облегчением, когда добрались до парилок.

— Какие здесь изящные названия! — восхитилась Марджери и принялась вслух читать таблички: — Туманный лес, Горный ручей, Энтильский трактир...

— Энтильский трактир? — встrepенулась Лидия, видимо, подсознательное ей намекало. Не то чтобы она когда-то страдала похмельем и лечила его в любимом дядюшкином заведении, но, как говорится, на чужбине аллергию на херес и намек на малую родину лечит.

А я почувствовала глухую тревогу.

— Вам не кажется все это очень странным? — спросила у соратниц по банной красоте.

— Да ты права! — тоном преподавателя этикета согласилась Марджери. — Очень странно называть парилку в честь энтильского трактира. Они там что, камни элем с виски поливают?

— Давайте туда заглянем на минуточку, — с надеждой попросила Лидия, почуяв скоро избавление от недуга. Согласна, алкогольные пары вылечат ее куда как скорее, чем ментоловые благовония. Но остальная часть женского коллектива ни в чем не виновата и не заслужила похмелья после лечения теткиного похмелья.

— Да я не о том, — поморщилась я, оглянувшись через плечо на абсолютно пустой проход. — Вы заметили, что здесь нет ни одной дамы?

— И прекрасно! Не придется ютиться, — фыркнула мадам Торн и указала на дверь с надписью «Туманы Сумрачного пика». — Нам сюда.

Я скромно промолчала, что в моем ритуале обожествления упоминалось о чем-то сухом, но отбиваться от женского коллектива не хотелось.

Табличка не соврала, и внутри парной оказалось поистине туманно. Горячий и влажный пар ненавязчиво пах эвкалиптом. Сквозь густую завесу проглядывались очертания фонтана. С шипящим звуком

он выбрасывал к потолку опадающую струю воды, замирал на несколько секунд и снова шептался.

Мы нырнули в туман, наткнулись на деревянную полку, куда следовало садиться и вдыхать целебный эвкалиптовый аромат, и приступили к ритуалу. Раскрашивались быстро, в молчании. Не хотелось угореть прежде, чем свершится преобразование. А потом обалдевшие от заковыристых путей, ведущих к молодости и красоте, мы опустились на скамью. Преобразаться.

Булькал фонтан. От духоты медленно закипала кровь. Травяная маска упорно съезжала с лица. Я пыталась пошевелить бровями, то все тщетно. Большая капля затопила глаз, превратив меня в одноглазое лихо. Выйдет такая красота из тумана — всю жизнь за мгновение вспомнишь.

Тетки тоже были страсть как хороши! Лидия с толстым слоем разведенного вулканического пепла напоминала гоблина. Если бы он начал сереть. Мадам Торн красовалась цветом лица поизящнее: нежно-розового конфетного пралине. Оно покрывало лоб, нос и подбородок. В Марджери будто швырнули праздничный торт. И попали.

— Не пора ли нам умыться? — промычала я, не размыкая губ.

— Мм-м, — согласилась со мной Лидия.

— Еще рано, — неразборчиво пробубнила Марджери, сидящая посередке. — Красота требует жертв!

Не знаю, откуда ей была известна цитата из руководства по дрессировке мужей, но мы с Лидией, близко знакомые с содержанием иллюстрированных глав, пришли в единодушное восхищение.

— Дамы, — неожиданно прозвучал из тумана мужской голос, — неловко беспокоить вас в такой ответственный момент, но мочи терпеть нет. Мне срочно надо на воздух.

Из плотной завесы выступил коренастый мужичок, обмотанный простыней. Не глядя на нас, он суетливо прошаркал сандалиями по каменному полу и скрылся за дверью.

В обалделом молчании с минуту мы разглядывали густой туман и слушали шипением фонтана. Всем троим было очевидно, что тетка Торн завела нас на мужскую половину банного комплекса.

— Девушки, — медленно произнесла она, — поднимаемся, берем полотенца и уходим. Тихо, но быстро.

Спорить никто не стал. Мы синхронно поднялись с лавки, подхватили полотенчики и выскочили за дверь в пустой коридор. Никто не узнал бы о нашем позоре, но из «Энтильского трактира» вывалилась толпа мужиков.

Ничего необычного. Посетители всегда выпадали из дверей этого чудного заведения в самой неожиданных позах и формах. Кто головой перед, кто бочком, а кто-то на закорках лучшего друга. Но встреча произошла на мужской половине банного комплекса, куда дамам вход не то чтобы был запрещен, но наверняка крайне нежелателен.

Все дружно мы замерли, обалделые от нежданной встречи, и уставились друг на друга. Мы были такие прекрасные, что в зеркало страшно посмотреться, а мужские головы покрывали банные шапки, похожие одновременно на лыжные шлемы без помпонов и гигантские чепчики с длинными ушами. В общем, тоже сплошное позорище.

Узрев невыносимую красоту, мужчины вдруг сбились в кучку. Я принялась судорожно стирать с глаза пасту. Тот, кто оказался поближе, бородатый и патлатый, судорожным движением начал натягивать на мощное плечо простыню, словно кто-то действительно желал присмотреться к его добротному торсу.

— Пропустите благородных дам! — с королевским достоинством, словно была при параде, а не в розовой пасте и пеленке, потребовала Марджери. — И прекратите таращиться!

— Говорящая галлюцинация, — выдохнул один из мужчин.

— А я предупреждал, что долго сидим в парилке... — проворчал другой. — Смотрите, совсем угорели.

— Марджери, уходим. — Я подхватила ее под локоть. — Не время качать права, мы на их территории.

Лидия дернула по коридору первая. Скакала почти галопом, едва ее нагнали.

— Зачем ты произнесла мое имя? — ворчала Марджери. — Потом нас узнают!

— Да мы сами себя не узнаем, — буркнула я.

Направление оказалось верным. Лидия-то, в отличие от нас, не страдала топографическим кретинизмом. Мы вернулись на женскую половину. Нас встретили разговорами, обмазанными масками лицами и общей умывальней с лейками, торчащими из каменной стены. За

несколько минут мы привели себя не в божественный, а божеский вид и решили, что пора завязывать с красотой.

Когда мы вернулись к бассейну, обнаружили пустую вешалку. Какие-то ушлые дамы из благородного общества утащили наши халаты.

— А я знала, что не надо их оставлять... — обиженно пробубнила Лидия себе под нос, понуро труся за резкой, как сигнальный гудок, мадам, марширующей в сторону комнаты для переодеваний.

Из терм мы вышли глубоко разочарованными: с тремя парами сандалий и штрафом за потерянные во время преобразений халаты. В этот раз красота, требующая жертв, почему-то взяла жертву кронами.

После мытья и поспешной магической сушки на голове у меня торчало воронье гнездо. Было очевидным, что своими силами привести в порядок волосы не удастся.

— Мы идем к мастеру причесок, — скомандовала Марджери. — В Сиале служит настоящий волшебник!

К волшебнику после ритуальных терм не хотелось. По-моему, красота просто не стоила таких растрат. Но Лидия развела руками, дескать, не справлюсь. Думаю, она хотела угодить неожиданно приобретенной наставнице, умеющей неумемной энергией подавить любое податливое существо. Так я оказалась в кресле мастера причесок.

Под одобрительным взглядом Марджери и чуточку сочувствующим, но не искренне — Лидии, во мне снова начали пробуждаться богиню. Через некоторое время я решила посмотреть на себя в зеркало. Одна половина головы радовала удивительной гладкостью и абсолютно прямыми прядями, а с другой по-прежнему дыбились мелкие непослушные кудри. Смотреть страшно!

К тому времени, как все волосы превратились в шелковистый блестящий водопад, глаза подвели кокетливыми стрелочками, а ресницы приобрели угольный цвет и неожиданную длину, я безнадежно опаздывала. Наскоро попрощавшись с тетушками, бросилась в номер и удивлением обнаружила, что комнаты пусты. Филиппа в апартаментах не было.

Внутри шевельнулась глухая тревога. Я аккуратно пристроила плащ на спинку дивана и отправилась в ресторацию. Проверять

каждый кабинет, спрятанный от многочисленных посетителей за раздвижными дверями, было глупо.

— Господин Торн меня ждет, — не дрогнув, соврала подавальщику, и меня проводили к нужной комнате.

В душе я понимала, кого именно найду вместе с мужем. Дверь отъехала совершенно беззвучно. Филипп сидел за столом. Миранда Фарней в облегающем алом платье стояла рядом и, изогнувшись в поясище, прижималась губами к его губам...

Теперь я понимала, что чувствовал бык, глядя на красную тряпку, которой трясли перед его носом. Меня тоже ослепила ярость. Сама не поняла, как резко сжала кулак. Разгневанная магия, искрясь облаком золотистых блесток, в мгновение ока свернула длинные темные волосы любовницы жгутом и с силой отдернула от моего мужа. Миранда отлетела на пару шагов.

— Филипп, ты не в себе? — взвизгнула она, схватившись за голову.

Тот резко обернулся, обнаружил замершую в дверях супругу и поменялся в лице. Однако на физиономии отразилась вовсе не обескураженность и даже не сожаление, а чистый взаправдашний гнев. Полагаю, моему драгоценному супругу никто и никогда не устраивал сцен на людях. Хотелось еще потрепать соперницу, но чары уже растаяли, блестки осыпались. Меня затрясло.

Словно догадавшись о моем справедливом желании добыть скальп его любовницы, чтобы, возможно, потом, как охотничий трофей, повесить над камином рядом с оленьими рогами или вообще на них, Филипп оказался рядом. Все произошло в короткие секунды. Я не успела насладиться мстостью, а его пальцы сомкнулись на моем локте. Он вытеснил меня из обеденного кабинета.

За нашими спинами, отрезая истерящую женщину от зрительного зала, сами собой съехали дверные створки. Не понимаю, почему она пыталась распутать волосы, словно те были главным богатством, а не подняться на ноги. Может, высоченные каблуки мешались?

— Отпусти, — в полголоса с ледяными интонациями велела я мужу.

— Не смей ничего говорить, — едва слышно сцедил он.

За нами следил ресторан. Смотрели подавальщики и все благородное общество, решившее этим дурацким днем изысканно

откушать в ресторации с чудесными горными видами. Полагаю, сплетню о том, как молоденькая жена-провинциалка у всех на виду закатила скандал Филиппу Торну, будут обсасывать следующие пару лет.

Казалось бы, преодолев пару длинных лестниц и переходов, мы должны были успокоиться, но ничуть. К тому времени, как мы очутились в апартаментах, от нас самих сыпались искры. В номер входили в гробовом молчании. Муж подчеркнуто тихо закрыл дверь.

Я стояла посреди гостиной и сжимала кулаки. Первое потрясение прошло, в груди резало. От тишины звенело в ушах. Даже леймар и тот притаился в клетке, словно чувствуя, что от любого неосторожного шороха замок может взлететь к дымному небу горнолыжного курорта и разобратся по камушку.

— Ты сказал, что вы расстались, — резко произнесла я.

— Мы расстались, — подтвердил Филипп.

— Вы целовались!

— Давай будем справедливыми: Миранда меня поцеловала, — поправил он.

— А есть разница? — воскликнула я и резко повернулась к нему лицом.

— Принципиальная. — Муж стоял, сунув руки в карманы. Смотрел холодно и отстраненно. — Вчера Вилсон подготовил бумаги на передачу дома, в котором живет Миранда. Она попросила о встрече, чтобы сказать, что принимает подарок.

Я задохнулась от возмущения и не сразу сумела выдавить:

— Драконы вас раздери, какие вы оба воспитанные и благородные! Ты всем своим любовницам даришь дома, когда отправляешь в отставку? Мне тоже подаришь?

— Мы не любовники, — поморщился он.

— Да! Мы супруги! — согласилась я. — Но какой ты представляешь нашу семью, Филипп?

— А какого ответа ты ждешь, Тереза? — тихим, преступно мягким голосом вымолвил он. — Ты вышла замуж, чтобы обеспечить своих родных и спасти их от нищеты. Рендел разорен, его счет пуст, а дом заложен. Я женился, потому что так диктовало отцовское завещание. Так что ты от меня хочешь?

Перед глазами плыло от слез.

— Чтобы ты влюбился в меня так же, как я влюбилась в тебя? — жалобно и почему-то вопросительно, словно спрашивала разрешение на чувства к собственному мужу, прошелестела я.

Повисшая пауза пугала. На лице Филиппа ходили желваки, взгляд совершенно заледенел. Секунду погодя он развернулся и вышел, с треском захлопнув дверь.

ГЛАВА 11. Развод и девичья фамилия

Я уезжала от Филиппа. Хотелось сохранить — ладно, гордость, — хотя бы крупницы самоуважения. Пусть в нашем брачном договоре ничего не говорилось о семейном счастье, но, влюбившись, на меньшее я была не согласна, а он не собирался давать больше.

К сожалению, только в книжках героиня красиво уходила в закат, с гордо поднятой головой, в одном халате и без геллера в кармане этого халата. В реальной жизни уйти от мужа оказалось дорого и хлопотно. Пришлось опять залезть в родительское наследство, оставленное на черный день (хотя куда уж чернее?), обналичить чек за счетной стойкой в холле гостевого дома и через портье заказать билет на драконий дилижанс.

До последнего я ждала, что Филипп попытается остановить отъезд. Полагаю, распорядитель гостевым домом ему донес, какую бурную деятельность развила леди Торн. Пока я собирала вещи придумала десяток колких фраз, приготовилась парировать, несомненно, логичные доводы, а он не появился. В порт отправилась с тяжелым сердцем, полегчавшим счетом и почти пустым дорожным саквояжем. Очень гордая своим решением и настолько же несчастная. Одна, без мужа. И даже без леймара. Очевидно, со мной зверенышу вряд ли светила комфортная клетка и манго на завтрак.

Подаренное Филиппом кольцо осталось на туалетном столике.

В переполненный драконий дилижанс я ворвалась за несколько минут до отлета. Удивительно, как проводник меня впустил и закрыл дверь не перед носом, а за спиной.

Под шепотки пассажиров по узкому проходу бочком добралась до противоположного конца салона и обнаружила, что сяду лицом к Кире с Арнольдом. Они мигом отвернулись к окну.

Соседнее кресло занимала дама средних лет. По всей видимости, родительница жениха. Она окинула меня недовольным взглядом, словно я летела «зайцем» и обязана прятаться в багажном отсеке возле днища, а не теснить приличных людей, купивших билеты.

— Кирилла, мне решительно неудобно! — громко и недовольно объявила дама. — Поменяемся местами.

— Успокойтесь, мама, — буркнул Арнольд, не повернув головы.

За два часа полета мы дружно испытали минимум десятков оттенков неловкости. Особенно дурацкий конфуз случился, когда дракон ухнул в воздушную яму, видимо, не справившись с потоками воздуха, и дилижанс прилично качнуло. С полки свесилась ручка моего саквояжа, чудом никому не свалившегося на голову, а Кира испуганно схватила жениха за руку. Арнольд же с раздражением эту свою неприкасаемую руку отдернул, словно невеста жалилась.

Его мама тоже схватилась за руку. Мою. Впиалась пальцами так, что чуть кости не хрустнули. Очень сильная женщина! Дракона на лету остановит. От удивления у меня поползли на лоб брови, а она отцепилась, выразительно обтерла ладонь о плащ и буркнула:

— Не надо хвататься за меня, девушка!

— И вы за меня не хватайтесь, мадам, — сама от себя не ожидая, ответила я. — Вы сильная, а у меня руки не казенные.

— Арнольд! — с особыми интонациями позвала сына мама.

— Сидите, — буркнул тот. — У вас лучше вид.

В ослепшем окне можно было разглядеть только отражение салона и наших каменных лиц.

Казалось, этот бесконечный дурацкий день хуже сделаться просто не может, но в почти пустом зале прилетов столичного драконьего порта меня встречал Вилсон. Он, как всегда, выглядел чрезвычайно озабоченным, словно мысленно решал, как к завтраку купить свежие булочки, отправить депешу и не забыть завоевать мир. Все одновременно, и голова чуток пухла.

— Леди Торн! — позвал он на весь зал, заставив обернуться решительно всех, даже Арнольда с Кирой и мамой, проходивших мимо. — С прилетом!

— Что вы здесь делаете, Вилсон?

— Господин Торн написал, что вы вылетели в столицу и велел вас встретить. Второй час дежурю. Никуда не уходил, боялся пропустить.

— Филипп вам написал? — рассеянно переспросила я.

Секретарь настойчиво пытался забрать из рук саквояж. Он был серьезно настроен причинить добро. Пришлось отдать. Хочет подержаться за сумку, пусть подержится.

— Жаль, вы не предупредили, что планируете прилететь в столицу. Мы бы отправили дракона, — пожурил меня Вилсон. — Как

прошел полет?

— Сносно.

— Идемте, карета вас ждет.

Ни Вилсон, ни карета мужа в мои планы не входили. Я собиралась купить билет до ближайшего к Энтилу драконьего порта, но в растрепанных чувствах зачем-то пошагала к выходу.

Странный получался побег от Филиппа. Да и на побег он все меньше походил. Гордо уйдя насовсем, я никуда не ушла. Ни насовсем, ни вообще.

Вилсон помог мне забраться в салон, дал какие-то быстрые указания кучеру и уселся напротив. Мы тронулись. В растерянности я следила, как за окном проплывают огни драконьего порта, и мысленно прикидывала, сколько по времени займет дорога до Энтила на карете.

— Попросил кучера отвезти нас в особняк, — между тем объявил Вилсон. — Сегодня уже поздно ехать в лечебницу. Я провожу вас к дядюшке завтрашним утром.

— Я не планировала заезжать в лечебницу, — спокойно объявила я.

Не хотелось, чтобы тетушка с Ренделом немедленно узнали о нашем с Филиппом громогласном скандале. Магическое лечение тяжелое и без волнений за брак единственной племянницы.

— Да? — Вилсон явно растерялся. — Но господин Торн написал, что вы срочно вылетели, чтобы лично поговорить со знахарем. Поверьте, вашим дядюшкой занимается лучший знахарь столицы!

— Не сомневаюсь, что фамилия Филиппа творит чудеса, — согласилась я, пытаюсь переварить официальную версию, почему леди Торн, как внезапный городской голубь, сорвалась с места и примахала крыльями в столицу. Господин Торн при этом задержался в медовом месяце.

— Может, я неправильно расшифровал записку? — Секретарь озадаченно нахмурился. — Между нами говоря, у меня сложилось впечатление, что он писал в некотором подпитии.

— С чего вы так решили, Вилсон? — опешила я от неожиданного замечания.

— Никогда не видел, чтобы у господина Торна в письмах гуляли строчки и прыгали литеры.

— Куда?

— Что?

— Куда прыгали?

— По листу, — пояснил Вилсон и пальцем продемонстрировал прыжки. — И еще он сделал две грамматические ошибки. Я даже три раза прочел, чтобы убедиться. Невиданное дело! Мне кажется, он там в хлам... Кхм... В смысле, сильно нетрезв.

Некоторое время мы ехали в глубоком молчании.

— Леди Торн, может быть, еще уточните, а то господин Торн не дал никаких указаний...

— О чем?

— Вы планируете вернуться в Сиал или отправитесь в поместье?

— Простите? — У меня поползли на лоб брови.

— Ну как же? — Вилсон почувствовал, что сел в лужу, и поерзал на сиденье, словно пытаюсь проверить, как сильно промокли портки. — Перед венчанием господин Торн приказал приготовить поместье «Южный ветер» к вашему переезду. Слуги ждут не дождутся новую хозяйку.

От новости, что Филипп с самого начала не хотел настоящей семьи, внутренности свернулись крепким узлом. Видимо, наследников он собирался заводить, наведываясь с редкими визитами. По большим праздникам. Крайне неприлично в такие дни проводить время женатым холостяком.

— Когда сам Филипп планировал переезжать? — с ледяными интонациями уточнила я.

— По-моему, он не планировал, — прошелестел Вилсон, понимая, что не просто сидел в луже, а утопал в ней. — Простите, леди Торн! Уверен, я что-то напутал. Думаю, лучше дождаться возвращения вашего мужа...

— Вилсон, остановите карету, — проронила я.

— Вы собираетесь выйти? — тонким голосом охнул он.

— Нет, выйти собираетесь *вы*, — усмехнулась я. — Нам не по пути.

— Но куда... — закинулся он.

— Домой, — перебила я и пояснила для определенности: — Обратно в Энтил. Надеюсь, господин Торн наградит своего кучера за эту внезапную поездку.

— Но что я скажу вашему мужу, леди Торн? — Секретарь был в панике.

— Что я развожусь с ним, Вилсон.

Повисла ошеломленная пауза. По ошеломленному лицу секретаря плыли пятна от уличных огней.

— Я должен передать ему, что вы с ним разводитесь? — тихо и внятно повторил он, словно пытаюсь осознать смысл простой фразы. — Пощадите! Он отправит меня в отставку!

— Вилсон, вы понятия не имеете, сколько раз Филипп хотел отправить вас в отставку, но вы по-прежнему ведете его дела.

— Я неплохой секретарь, — приободрился тот.

— Не в этом дело, — усмехнулась я и, отвернувшись к окну, присмотрела удобное место для остановки. — Он заслужил такого... исполнительного помощника, как вы.

— А?

— Попросите кучера остановить прямо здесь. — Указала я пальцем в оконное стекло. — У пешеходной мостовой стоит свободный кеб. Вам не придется долго искать извозчика.

В Энтил я добралась в середине ночи. На улочках, как всегда, не горело ни одного фонаря, и карета пробивалась к дому тетушки через густой мрак. Оставив кучеру денег на постоянный двор, я попрощалась и с трудом открыла кованую калитку. Старый особнячок с темными окнами утопал в снегу, к двери пришлось пробираться, высоко поднимая колени. Ботинки моментально промокли, на плащ налип снег.

Ключа у меня не было. Пришлось по-простому взламывать замок с помощью магии. В белесой темноте сверкнула яркая вспышка, осыпались затухающие золотистые искры. Дверь раскрылась с неприятным скрипом. За несколько дней комнаты заметно выстудились. В воздухе витал запах влажности и тяжелого одиночества.

Я пробудила на стене ночник и немедленно прошла в гостиную, чтобы зажечь камин. В комнате сохранились следы наших шумных и даже скандальных сборов в столицу: на спинке дивана висели оставленные дома вещи, на круглом столе, покрытом вышитой Лидией скатертью, лежала стопка любовных романов. Клементина с воплями вытащила из дорожного сундука.

Пламя в камине занималось неохотно. Наконец огонь окреп и заструилось тепло. Я плюхнулась на холодный диван. Хотелось плакать и спать, но спать почему-то больше. Кажется, я заснула быстрее, чем закрыла глаза.

Утро началось с ворчливого и громкого кряканья почтовой шкатулки. Клементина специально попросила мастера настроить артефакт так, чтобы его было слышно из любого уголка дома. Слышно не было, но в гостиной, когда приходили письма, все неизменно вздрагивали и хватались за сердце.

От резкого звука я подпрыгнула и мигом пришла в чувство. После ночевки в неудобной позе тело ныло, как у старушки, голова гудела. Крышку на шкатулке удалось открыть со второго раза — пальцы не слушались.

Внутри лежал сложенный надвое листок. Заставить шкатулку крякать ранним утречком могли или кредиторы, или муж. Странно, но первое показалось предпочтительнее. Я запретила себе нервничать, но живот все равно подвело от судороги.

Единственная строчка, отправленная Филиппом, радовала педантичной ровностью. Буквы не прыгали, почерк был тверд. Краткость, которая сестра таланта, вернулась. Но, судя по тому, с какой силой он вдавливал перо в бумагу, краткость была вынужденная. Муж просто выдал все приличные слова, которые выхватил из потока мысленной брани.

«Леди Торн, как погода в Энтиле?»

За окном вьюжило. Комнату заливали седые сумерки, гасившие бледный свет по-прежнему зажженной на столе лампы под тканевым абажуром.

«Снежно», — накарябала в ответ на той же записке, но не успела сунуть перо обратно в письменный набор, как шкатулка крякнула.

Теперь на записке лежало кольцо, оставленное на туалетном столике в номере Сиала. Филипп не побоялся отправить драгоценность ненадежным почтовым артефактом, изредка теряющим письма на середине дороги. Полагаю, если однажды все записки, документы и мелкие пакеты, растворившиеся в пространстве, вернуться к адресатам, то мир утонет в найденной корреспонденции.

«Вы забыли свое кольцо», — написал муж, не пожелав доброго утра.

Очевидно, шестое утро после венчания для нас было не просто недобрым, а по-настоящему отвратительным. Куда как хуже всех остальных. Он мучился от похмелья и недоумения. Я от разбитого сердца и холода. Есть тоже хотелось.

«Я не забыла, а вернула».

Раз мужу не жалко случайно лишиться наследства покойной матери, то и мне жалеть нечего. Кольцо отправилось вместе с запиской обратно в замок на горнолыжном курорте. Если Филипп не потребовал от распорядителя Роджера принести почтовый артефакт в апартаменты, то сейчас половина холла следила, как обычно сдержанный господин Торн строчит короткие записки и швыряет в шкатулку дорогое украшение.

«Тереза, это смешно!» — вышел из себя Филипп, вернув кольцо.

«Смех продлевает жизнь. Долгих лет, господин Торн», — с желчью нацарапала я на чистом клочке исписанного листочка и вместе с кольцом бросила на дно.

Раздухарившись, перо уронила туда же, но крышка захлопнулась и брызнула магической вспышкой раньше, чем мне удалось его вытащить. Все содержимое улетело из Энтила в Сиал. Продолжать эпистолярную ссору оказалось нечем.

И только я отошла от стола, как снова раздалось хрипловатое кряканье. Записок Филипп больше не писал. Видимо, решил, что присланное перо — тонкий намек замолчать. Оно, к слову, исчезло. В шкатулке по-прежнему лежало злосчастное кольцо. Пришлось вытащить, чтобы свадебный подарок на радость портье не отправился обратно в гостевой дом.

К середине утра особнячок начал медленно начал оживать. В тех комнатах, куда я заходила, просыпались проведенные в полу теплые жилы. Постепенно согрелась вода в старых гудящих трубах, и после завтрака напроць сгоревшей яичницей мне удалось помыться, не превратившись с сосульку.

Том по теории права, купленный пару лет назад, хранился в сундуке с учебниками и был надежно заложен книгами по бытовой магии. В жизни бы не подумала, что он действительно пригодится!

О невеселом положении семьи я узнала из разговоров с тетушкой в начале лета и поступила именно так, как все от меня ждали: заказала у местного портретиста две цветные карточки для столичной свахи. До

пояса и в полный рост. Не знаю, какая в итоге попала в руки Филиппа, на обеих я выглядела бледной и почему-то испуганной. Истинная сиротка, вопрошающая мужчиной защиты от огромного мира и по гроб жизни благодарная за любое внимание. Клементина была счастлива. Рендел угрюмо промолчал. Лидия одухотворенно предрекла мне большую любовь, как в книжке. Сглазила, что ли?

В тот момент она читала роман, где главная героиня выходила замуж по расчету, однако влюбилась в супруга и начала портить ему жизнь. В смысле, она «пылко и с юношеской страстью» добивалась от него ответных чувств, но, кажется, просто превратила приличного аристократа в буйного неврастеника с замашками властного чудака. Лидии, помнится, замашки особенно нравились.

Новый громкий крик почтовый шкатулки огласил дом в тот момент, когда я перечитывала прошение о разводе, переписанное из учебника, и прихлебывала ромашковый чай. От неожиданности питье пошло не в то горло. На будущей официальной бумаге расцвели влажные кляксы. Недобро глянув на светящуюся полоску под крышкой громогласного артефакта, я с раздражением скомкала испорченный лист.

Оказалось, что все усилия мне отрякала Марджери. Мадам торопилась заявить, что поддерживает решение уехать из горнолыжного курорта. Дескать, она сама в воспитательных целях два раза сбегала от супруга к родителям. Средство для усмирения действенное и проверенное многими леди! Но почему я не отправилась в ее поместье в пригороде столицы? Из него возвращаться к мужу сподручнее и быстрее.

Не найдя ни одного приличного слова, я решила, что никакого письма не видела. Оно растворилось в неизвестности с сотнями других писем, не нашедших адресатов. Новое прошение о разводе заняло у меня больше часа и со злосчастливым кольцом отправилось в личную почтовую шкатулку в столичном особняке Торнов.

Филипп ответил поздним вечером. В Энтил за мной он не поехал. Кто бы сомневался! Эта мысль отозвалась резью в животе.

«Леди Торн, объясните любопытное послание в моей почтовой шкатулке», —спросил он. Кажется, я наяву могла услышать ироничные интонации, с какими он произнес бы эту фразу.

«Что именно вам непонятно в прошении о разводе? Второй экземпляр отправится к вашему стряпчему», — стараясь, чтобы почерк не выдавал, как сильно трясется рука, вежливо ответила ему.

Кутаясь в вязаную шаль поверх теплой ночной сорочки, я принялась буравить шкатулку пристальным взглядом. Она молчала добрых десять минут. Сомневаюсь, что, размахивая прошением, Филипп прыгнул в карету и дернул в Энтил лично выяснять отношения. Очевидно, проверенное аристократическими леди средство на него вообще никак не подействовало. Скорее всего он переваривал! В смысле, не сжевал от ярости бумагу, запив водичкой, а мысленно смирился, что этот брак действительно станет самым коротким в истории славного магического рода Торнов. Такой позор на седины Марджери!

Раздался сиплый крик. Наш старенький почтовый артефакт никогда столько не напрягал порталные мускулы, как сегодняшним снежным днем. На дне лежало аккуратно сложенное прошение. Каждая строчка была расчеркнута красными чернилами. И даже исправлены две запятые. Слово мы — демоны дери! — готовились к экзамену по изящному письму.

«Мой стряпчий на редкость въедливый тип. Не благодарите», — совершенно по-хамски прокомментировал Филипп.

У меня задергался глаз и скулы свело от злости. Он не хотел воспринимать ситуацию всерьез и думал, что его действительно пытаются приручить? Ха-ха три раза. Нет, четыре! Но все равно невесело.

Плюхнувшись на стул, я выхватила из ящичка чистый лист писчей бумаги и переписала прошение. В пункте с причиной развода крупными, четкими литерами вывела «измена супруга». Пусть подавится этим своим политесным «не сошлись характерами»!

«Надеюсь, теперь вам понятнее», — добавила я на клочке бумаги.

«Я говорил, что у тебя красивый почерк?» — невозмутимо ответил он.

«Господин Торн, если мы разведемся в ближайший месяц, вы еще успеете найти себе подходящую жену до тридцатилетия. Не благодарите!» — рыкнула я. Почерк у меня уже красивым не был, строчки гуляли, как бы тонко намекая, что супруга в тихом бешенстве.

«Спорное утверждение, леди Торн».

«До юбилея не подберете невесту? Я полагала, вы развешиваете портретные карточки и бросаете дротик. Используйте проверенный способ!»

«Неплохой совет, но в ближайший месяц развод невозможен».

«Ваш стряпчий ушел в загул?»

«Возможно, ты уже беременена моим ребенком. Нельзя допустить, чтобы наследник родился бастардом».

Скрипнув зубами, я написала то, в чем убедилась сегодняшним днем.

«Господин Торн, официально заявляю, что в этом браке наследников вам не светит!»

«Как ты можешь быть в этом уверена?»

«Догадайся с трех раз, гений дедушки!» — откровенно рывкнула я и с такой силой захлопнула крышку шкатулки, отправляя ему послание, что в разные стороны рассыпались золотистые искры. Буквально фонтан из магических светляков, озаривших гостиную.

От злости я хлопнула рюмку успокоительной настойки, стоявшей в кухонном шкафу. За конец семейной жизни и нерушимость нервной системы. И еще одну вдогонку для закрепления результата. Без закуски лечиться гадостью, собственноручно сваренной на последнем занятии по зельеварению в пансионе, оказалось невозможно. Скривившись, зажевала сухариком. И зачем Клементина хранила настойку! Может, из теплых воспоминаний, как родитель, бережно хранящий детский рисунки чада? Очевидно, что меня не примут даже в подмастерья к зельевару.

Внезапно в холле скрипнула входная дверь. На затылке зашевелились волосы. Взломать-то замок я взломала, а запереться за сутки так и не сподобилась! Заходи, кто хочешь — бери, что хочешь. Вот незваные гости и зашли на огонек в гостиной.

И тут на меня нахлынуло удивительное спокойствие. Никак настойка начала действовать! Зря наговаривала на хорошее средство, а с сухариком вообще успокоительный эффект вышел божественный. Разведусь и подумаю о службе в аптекарском дворе. Вдруг доверят заполнять бланки и капать милым старушкам в травяной чай капельки от повышенного кровяного давления.

С хладнокровием я сняла с крючка тяжелую чугунную сковородку, сжала ручку и, стараясь ступать бесшумно, прокралась к кухонной двери. Человек в полутемном коридорчике тоже ступал тихонечко и с опаской, но его выдавал поскрипывающий пол.

— Стоять! — рявкнула во весь голос и выскочила, фигурально выражаясь, из-за угла, но на самом деле из дверного проема.

Мы встретились! Незнакомый мужик с квадратной лопатой для чистки снега, и я с занесенной над головой сковородой. Нерешительно замерли и в обалдении уставились друг на друга, словно примиряясь, кому ударить первым.

— Ты кто? — спросила я.

— Кучер, — ответил он.

— Грабить пришел?

— Вора скрутить.

Я окончательно уверилась, что передо мной наглый грабитель, и сурово подняла сковородку повыше. От тяжести ныли мускулы. Чугунная посуда грозила устранить меня саму раньше, чем отправит в летаргический сон ночного гостя.

— Не подходи, — предупредила я. — Зашибу! И стражей вызову!

— Святые заступники и мать божья! — раздался переполошенный голос Клементины. — Тереза!

Растрепанная тетушка в съехавшем на затылок платке вынырнула из-за его спины.

— Ты как здесь очутилась? — воскликнула я, с облечением опуская сковородку. Еще минутка и отдохнуть бы мне напротив кухни, отправив саму себя в глубокие слои подсознания. — Почему не в лечебнице?

— Так еще вчера вечером вылечились, — бойко заявила она и быстрым движением одним пальцем заставила нос лопаты смотреть в пол, а не мне в живот. — Господин кучер, опустите лопату, пока никого ненароком не зашибли. Уже все в порядке. Моя племянница с мужем приехали в гости. Не пугайте благородную леди!

Она похлопала в ладоши, стараясь пробудить дремлющую под потолком лампу, но дом местами не очухался. Мы остались в потемках, разбавленных лишь косой полосой света из холла.

— А где Рендел? — не поняла я.

— На улице, — махнула рукой Клементина.

— Ты его в сугробе, что ли, оставила?

— В карете, — почти обиделась тетушка. — Ему сказали ногу беречь. Твой муж на втором этаже?

— В столице, — подсказала я, мысленно радуясь, что стариков действительно не беспокоили и дали без лишних волнений вернуться домой.

— Не приехал в гости? — охнула она.

— Тоже ноги бережет.

Клементина мигом смекнула, что разговор о моем дорогом супруге не для лишних ушей. Ударившись в рьяные благодарности, она незаметно вытащила из рук кучера страшное оружие против воров и увлекла его в холл.

С удивлением я обнаружила, что руки заняты: в одной лопата, в другой сковорода. Обе тяжелые, как моя влюбленность в Филиппа. Лопата была немедленно пристроена в уголок, но тут же поехала по стеночке на пол. Поймать ее я, конечно, попыталась, но сковородку выронила. Грохот поднялся ужаснейший. Дом содрогнулся, словно в Энтиле началось землетрясение.

Уходящая парочка резко обернулась. Как по заказу, на потолке вспыхнул светильник. Теперь было видно, что леди одета, мягко говоря, не в бальное платье. Странно, как у них не случилось коллективного сердечного приступа. Не от моего провокационного вида девицы, готовой ко сну, а от жуткого грохота.

— Упали, — невозмутимо развела я руками.

— Идемте, дорогой. — Тетка шустро потащила возницу к выходу. — Мы с леди Торн непременно за вас помолимся. Такие хорошие люди стоят недели молитв в храме.

— А как же золотые кроны? — проворчал он, давая понять, что влез в дом с лопатой наизготовку и, можно сказать, рисковал жизнью не ради молитв, а за вполне определенную плату.

— Деньги молитв не исключают, — отрезала тетушка. — Мы обязаны заботиться о душе всех, кто нам помогает.

Сказала женщина, за все годы в Энтиле не посетившая ни одной воскресной проповеди. Полагаю, местный храмовник заочно предал всех Вудстоков анафеме.

Рендел входил в дом, опираясь на трость. Он был бледен, заметно прихрамывал, но держал спину по-военному ровно. Мы с

Клементиной принялись вокруг него кружить. В смысле, окружать заботой, но почему-то выглядело так, как будто носились, словно взбесившиеся чайки над рыболовецким судном.

— Слышал, что зять остался в столице? — проворчал дядюшка, усаживаясь в любимое кресло, и я немедленно подставила ему табуреточку для ноги. — Сбежала от него или гордо ушла?

Я выпрямилась. Дядька хмурил брови и смотрел сердито. Он словно предложил сразу вывалить дурные новости. Если тянуть, лучше они не станут.

— Гордо сбежала.

— Ну... милые бранятся только тешатся, — проворковала Клементина.

— Я развожусь с Филиппом.

Тетка с размаху уселась на кушетку и чуть не промахнулась. Та в свою очередь обиженно скрипнула, процарапав по полу гнутыми ножками.

— Знаю, что подвела вас, — быстро проговорила я, давая понять, что прекрасно осознаю последствия этого решения. — Мы обязательно справимся без этой семьи...

— Дочка! — вдруг перебил меня Рендел.

В последний раз дядька называл меня дочерью, когда мы сломали руки. Он спрятал под моей кроватью трость и очень просил не говорить тетушке, куда именно.

— Я позволил Клементине подтолкнуть тебя к этому браку.

— Да что ты такое говоришь? Послушать, я заставила Терезу бежать под венец! — перебила тетушка, но наткнулась на строгий мужнин взгляд.

— Запудрила девочке голову! Знала же, какая она, — обругал он ее. — Брак с мужчиной, к которому у Терезы не лежит душа, никогда не сложится.

— Но мне нравится Филипп, — тихо призналась я и добавила: — Больше, чем нравится.

— Тогда что за блажь с разводом? — всплеснув руками, с искренним недоумением воскликнула Клементина.

— Филиппу нужна послушная и, главное, незаметная жена, — с горечью выпалила я. — Чтобы не мешалась под ногами и не

устраивала скандалов, когда на глазах у половины Сиала его целует другая женщина.

Возникла натужная пауза. Казалось, что сейчас они велют мне вспомнить о выгоде, вернуться в столицу и притвориться незаметной. Подобные советы перед свадьбой давала Клементина. Быть не собой, а удобной.

— Разводись. — Сурово велела она и отправилась на кухню. Видимо, пить божественное успокоительное.

На следующий день Лидия дала о себе знать. В смысле, не вернулась домой, а робко написала, дескать, мадам Торн пригласила ее погостить в поместье. Дурак бы догадался, что она взяла младшую тетку в оборот и не планировала отпускать от себя безропотную компаньонку, согласную на любые ее причуды. Даже на танцевальную разминку в глубоком похмелье.

Клементина была страшно недовольна!

— Предательница! — заявила она, помахав письмом перед носом Рендела, когда тот преспокойно читал свежий «Вестник» и вообще никого не трогал. — Она переметнулась на темную сторону!

— Вишенка, уверен, что твоя приятельница взяла Лидию в заложники, — хмыкнул дядька и расправил газетные листы. — Хочет обменять на Терезу.

— Мы с ней не приятельницы!

— А в бридж играли весьма энергично, — подколот Рендел.

Клементина недовольно фыркнула и снова перечитала послание от младшей сестры, словно пыталась между строк отыскать призыв о помощи.

Почтовая шкатулка крякнула.

— Твой муж? — оживилась Клементина.

— Стряпчий, — поправила я, вскрывая письмо.

Филипп, и впрямь, ведь день хранил нервирующее молчание. Негодяй!

Законник нашелся по объявлению в утреннем «Вестнике». Колонка оказалась самой крупной на полосе, бросалась в глаза и сразу вызывала доверие. Печать, правда, мне пришлось поставить старую, на имя Терезы Вудсток. Новую для леди Торн сделать не успели.

С раздражающим оптимизмом стряпчий ответил, что с радостью поможет освободиться от мужа и предлагал ознакомиться с расценками. Запрошенный гонорар, мягко говоря, заставил брови поползти на лоб. Сразу стало ясно, отчего объявление у этого мошенника в законе самое крупное среди прочих. С такими ценами на разводы можно покупать целые газетные полосы и обводить их фигурными рамочками!

— Дешевле нанять бандитов и стать вдовой, чем разведенной женщиной, — тихо прокомментировала Клементина, впечатлившись суммой.

Я недовольно на нее покосилась.

— Ты права! Нечего брать грех на душу из-за изменника. Я столько не молюсь! — передумала она причинять добро единственной племяннице. — Обратимся к местному стряпчему. Они с Ренделом давно знакомы.

Мы зачем-то посмотрели на дядьку.

— Уверены? — не поднимая взгляда от газеты, уточнил тот.

— Ужасная идея, — согласилась я.

Не то чтобы его приятель — профан в семейном праве, но он болтун, каких свет не видывал, и понятия не имеет, что такое тайна клиента. Не успеешь выйти из конторы после консультации, как весь город начнет обсуждать развод новоявленной леди Торн. Они помолвку в энтильском храме полгода обсасывают, а тут новость минимум лет на десять незатухающих сплетен.

— У меня еще остались деньги от наследства, — принялась я рассуждать. — На стряпчего должно хватить. В газете несколько объявлений. Напишу и в другие конторы.

— Половину на свадьбу, половину на развод, — фыркнула тетушка. — Да твои родители с небес проклянут меня пожизненной изжогой!

Она вышла, а я, страшно расстроенная, отправилась на кухню заваривать крепкий чай. С успокоительной настойкой. С Филиппом невозможно развестись без помощи божественного средства, способного за минуту распутать комки нервов и превратить их в стальные канаты. Но пока засыпала заварку в чайник, поняла, что средство прекрасно и само по себе. Без чая. Хлопнула рюмку и заела энтильскими орешками.

Спокойная, как табуретка, и соображающая уже не лучше этой самой табуретки, я отправилась успокаивать Клементину. Не настойкой, а добрым словом. Постучала в ее спальню, осторожно приоткрыла дверь и остолбенела на пороге.

От расстройства тетушка устроила погром! Постель была перевернута. Многочисленные подушки и одеяло валялись на полу. В воздухе летал пух и кружили разноцветные перья, а Клементина, срывая злость, ожесточенно колотила ладонями по испорченной перине.

— Клементина, не громи комнату! — вскрикнула я и звонко чихнула от пуха.

— Чего? — Она обернулась в мою сторону. В волосах торчали перья.

— В чем провинилась кровать?

— Да ни в чем она не провинилась, — отмахнулась тетка. — Я же говорила, что у меня сто крон зашито в перине. На законника попроще хватит.

От изумления у меня поползли на лоб брови. Помнится, тетушка действительно что-то такое упоминала перед отлетом в Эрминские горы. Но кто воспринимает всерьез слова паникующей леди в летах?

— Так вот теперь не могу найти! — всплеснула она руками, заставив плавающий в воздухе пух завернуться белой метелью, и вдруг замерла. — Я же их в подушку зашила!

Мы вместе посмотрели на пяток одинаковых подушек в бордовых бархатных чехлах. Они были обречены, но пострадали напрасно. Сто крон отыскиались под вторым дном в шкатулке с долговыми расписками.

Хорошо, что я действительно владела заклятиями бытовой магии, потому как с невообразимым перьевым хаосом, воцарившемся в комнате тетушки и стремящимся вырваться наружу, могла справиться только магия. Собственно, за уборкой меня и застал неожиданный стук дверного молотка, тревожным набатом разлетевшегося по всему дому.

На сумасшедшую секунду я решила, что приехал Филипп. От волнения невольно потеряла контроль над заклятием, и последняя подушка фонтаном выплюнула перья к потолку, словно внутри взорвалась шутиха. В воздухе снова заплавал пух, а я с замирающим сердцем прислушалась к разговору из холла.

— Господин... — в голосе Клементины слышалось разочарование, словно она тоже ждала моего мужа, а имя визитера съело расстояние. — Возьмите метелочку, отряхните снег.

Послышалось невнятное мужское бормотание. Я решила, что уборка от меня никуда не убежит, и перья из спальни тоже не сделают ноги, поэтому быстро спустилась вниз. Зажимая под мышкой секретарский портфель, Вилсон отряхивал метелкой заснеженные брюки. Дорожку мы так и не почистили, и пробираться к двери по-прежнему приходилось по сугробам.

— Леди Торн, добрый день! — страшно обрадовался он и тут же зачастил, не давая с ним толком поздороваться: — Я по поручению господина Торна. Он велел отвезти вам это.

Не сходя со своего места, Вилсон суетливо сунул метелку в пустую подставку для зонтиков и вытащил из недр портфеля отделанную речным перламутром квадратную шкатулку с золотым гербом Торнов на крышке.

— Ваша печать. Я только сегодня утром ее забрал от артефактора, — пояснил секретарь. — Господин Торн приказал немедленно отвезти.

— В Энтил?

— Вы же сейчас здесь, — приветливо улыбнулся Вилсон.

— Логично.

В задумчивости я приняла шкатулку. В этой печати мне виделся открытый вызов. Филипп словно пытался проверить, насколько взбрыкнувшей жене хватит упрямства довести дело до конца, но был уверен, что не хватит. Совсем скоро супруга, хорошенько саму себя воспитав побегом, с опущенной головой вернется, чтобы потом всю жизнь изображать безмолвную, по гроб жизни благодарную и очень удобную женщину.

— Господин Торн сказал, что вам предстоит заполнять много официальных бумаг и печать крайне необходима, — пояснил Вилсон, видимо, заметив мой задумчивый взгляд, и кашлянул в кулак от неловкости. — Я, наверное, поехал обратно? Скажу, что печать доставлена...

Он мялся на пороге. Отправлять человека, минимум протрясшегося три часа в карете, было бесчеловечно. Полагаю, Филипп на это и рассчитывал, когда отправлял парламентаря, да и мне

хотелось узнать, что именно собирался передать мне муж. Не печать же, право слово.

— Выпейте чаю прежде, чем отправляться обратно, — предложила я мужнину парламентеру. — Вы наверняка утомились.

— С самого утра света белого не видел, — охотно подтвердил Вилсон.

Невольно я глянула в окно. Из-за низких снежных облаков свет на улице казался белесым.

От еды, несмотря на страшное смущение, секретарь тоже не отказался. Заправившись, чем бог послал, вернее, Клементина от нервов наготовила, разомлел, подобрел и утерял добрую долю нервного напряжения.

— Господин Торн никогда не отличался простым характером, — вздохнул он, собирая кончиком пальца в ложку крошки от пирога, — но вчера приехал как-то по-особенному злющий. Честное слово, он похож на этого страшного зверя, которого с собой притащил.

— Филипп не сдал леймара в королевский питомник? — удивилась я.

— Лучше бы сдал, — покачал головой Вилсон. — Он же терпеть не может всех этих домашних зверюшек.

В кухне повисла выжидательная пауза.

— Вилсон, почему вы исправили мое резюме? — прямолинейно спросила я. — Вам так сильно понравился мой портрет или очень хотелось сделать гадость хозяину?

Бедняга подавился чаем и с трудом справился с дыханием.

— Вышло недоразумение... Понимаете, господин Торн тянул с выбором спутницы жизни и, так сказать, матери его будущих детей, а потом увидел ваш портрет... — Вилсон кашлянул в кулак, стараясь прочистить горло. — День знакомства уже назначили и все так хорошо складывалось, и тут я под папками нашел досье от сыскного агентства. Летом было так много дел, совсем забыл... Господин Торн немедленно отправил бы меня в отставку, всплыви эти незначительные подробности. Подумаешь, три привода в участок!

— Еще вы подправили мои оценки, — несколько ошарашенная признанием, что именно секретарь выступил в роли главной свахи, напомнила я.

— Дополнительный сервис будущей леди Торн! — выпалил он.

— Спасибо, — зачем-то поблагодарила. — Я оценила масштаб вашей услуги.

— Леди Торн, какая вы все-таки милая, — неожиданно отвесил комплимент Вилсон. — Между прочим, я был лучшим за последние десять лет выпускником юридической академии. У меня золотая медаль имеется. И красный диплом! И что? Год служу верой и правдой у вашего мужа. Ношусь по городу, как под зад... как угорелый, во всем ему помогаю, и ведь ни унции благодарности!

Неожиданно его голос истончился. Вилсон приложил к глазам ладонь и громко обиженно всхлипнул. Я оцепенела. Мне, конечно, приходилось успокаивать подружек, но истерящих молодых людей, лучших выпускников юридических академий, ни разу в жизни.

— Вилсон, вы в порядке? — Я мягко похлопала его по руке.

— Нет! Я совершенно не в порядке! — прорыдал он. — Расклеился, как ваш брак!

Успокоиться ему помогла моя чудодейственная настойка, правда, налитая в щедрый стакан с бренди из дядюшкиных запасов (тишком от Клементины дядюшка тоже не пренебрег подлечить нервную систему). Вилсон быстро пришел в благодушное настроение, когда человек любит весь мир вокруг просто за факт его существования. Глаза заблестели, на бледном лице вспыхнул румянец.

В столицу он засобирался после двухчасовой кухонной исповеди, в которой бедняга припомнил обо всех обидах и даже о сломанной старшим братом деревянной коняшке. На этой-то коняшке я и осознала, что без волшебной настойки с бренди нам, должно быть, расстроенного гостя из дома не выставить. Вдруг пойдет топиться в энтильском промерзшем до дна озере и заболит?

— Леди Торн, может, вы и для своего супруга передадите этого замечательного средства? — с шальной улыбкой промямлил он. — Во имя всех его служащих, которых он может отправить в отставку. Останется ведь один, как сыч. Нет! Как хвостатая белка.

— Полагаю, у моего мужа нервы покрепче ваших, — отозвалась я. — В отличие от вас, он настойку не заслужил.

— Тереза! — воскликнул Вилсон, заставив меня на всякий случай отступить на шаг назад. — Кстати, можно называть вас Терезой?

— Не стесняйтесь, — дала я отмашку на панибратство.

— Вы большой души человек. Знаете, как сказать доброе слово, — принялся расхваливать меня секретарь, а потом заявил: — Я буду вам писать! Не надо давать адрес своей почтовой шкатулки, за эти месяцы я выучил его наизусть.

Помоги мне святые заступники...

— И вы тоже мне пишете, Тереза! Ах! Вы же не знаете куда!

Вилсон залез в портфель, вытащил оттуда смятый лист и грифельный карандаш. Балансируя на одной ноге, он уложил под этот портфель согнутое колено и что-то размашисто накарябал.

— Держите адрес мой личной шкатулки.

Я забрала листик исключительно, чтобы он вышел на свежий воздух. Настойка с бренди его достаточно успокоили, чтобы его начало развозить в тепле нагретого дома.

— В любое время пишете! Слышите? В любое! — яростно потребовал секретарь и, пожелав нам всем самых добрых дней, наконец удалился.

Мы с Клементиной припали к окну и с замиранием сердца проследили, как, высоко поднимая колени и размахивая сумкой, он по сугробам пробирается к карете.

— Думаешь, упадет? — вдруг спросила Клементина.

Вилсон кувыркнулся вперед и уткнулся носом в снег.

— Упал, — прокомментировала она. — Хороший парень.

— Неустойчивый только.

— Будь моя неблагодарная сестрица здесь, поженили бы, — заключила со вздохом тетюшка.

Остаток дня я убила на рассылку прошений во все конторы столицы, по неосторожности давшие объявления в «Вестник».

Ближе к ночи, когда мы уже разошлись по комнатам, дом вздрогнул от истошного криканья. На секунду я решила, что силой медвежьего храпа Рендел снес звуконепроницаемую дверь в своей спальне, когда-то переделанной из кабинета, но хриплый тревожный сигнал повторился. На знакомый храп он не походил.

В коридор мы выглянули одновременно с Клементиной и недоуменно переглянулись. На голове у тетюшки красовался чепчик, украшенный бантиками.

— Что за шум? — нахмурилась она, прислушиваясь к тишине.

Судя по всему, особенная дверь в комнате Рендела, стоящая на страже ночного покоя, по-прежнему не пропускала ни звука. Внизу снова рыкнуло-квакнуло.

— Почтовая шкатулка, — догадалась я. До чего довели старенький артефакт! Он уже не сигналил, а хрипел.

— Кто в такое время присылает письма? — проворчала Клементина.

Пока я спускалась со второго этажа в гостиную, разнесчастная шкатулка кричала, квакала и рычала, словно у сказочного монстра из шкафа случился приступ неудержимой икоты. Оказалось, что деревянный корпус старенького артефакта разбрызгивал в разные стороны золотые искры. Хорошо, что бытовая магия ничего не воспламеняла, иначе на столе загорелась бы скатерть. Вот бы было веселье!

Стоило поднять заметно нагревшуюся крышку, как изнутри вылетело облако жиденького дымка и вывалилась куча записок. Вилсон добрался до дома, встретился с хозяином... и теперь ему остро требовалось дружеское плечо. Филипп все-таки отправил его в отставку!

Я решила, что лучше выглядеть плохим человеком, чем полночи приводить в чувство бывшего секретаря, и сделала вид, что почтовый артефакт приказал долго жить. Но крышку до утра на всякий случай оставила открытой. Во избежание нового потока «дружеской» корреспонденции и приступа икоты у несчастной шкатулки.

Следующие два дня ко мне приходили вежливые, но категоричные отказы ото всех столичных стряпчих, к которым я обратился. На третий день из «Вестника» исчезли объявления юридических контор!

Мы с Ренделом по очереди проверили, попеременно подозревая себя то в сумасшествии, то в слепоте. Перетрясли всю газету! На первых полосах, как всегда, рассказывали о королевской семье, на третьей выпустили нормальные новости. Светские сплетни, гороскоп и некрологи никуда не делись. Объявления о распродаже заговоренной посуды тоже было на месте, а конторы стряпчих развеялись как дым!

С упрямством, применение которому лучше и не придумаешь, я снова обратилась к законнику, запросившему гонорар в стоимость драконьего крыла. С неизменным дружелюбием он прямо заявил, что в нашем королевстве не найдется безумцев, готовых пожертвовать

карьерой ради этого развода. Но если мне придет в голову отсудить о богатых родственников антикварный столик, то можно смело к нему обращаться. В финале он даже пожелала нам с «господином Торном, известным своим стальным характером» большого счастья в браке.

У меня задергался глаз.

«Объяснитесь, господин Торн!» — проорала мужу очень крупными, почти печатными литерами, чтобы он с полпинка понял силу моего гнева.

Шкатулка скрипнула, проглотив письмо. Я в сердцах швырнула перо в чернильницу. Рендел посмотрел с большим сочувствием и, тяжело поднявшись с любимого кресла, полез в тайник с бренди. Секретная ниша была вделана в торец камина, открывалась нажатием невидимой пружинки. Клементина помалкивала, что знает о тайнике.

— Рано праздновать! — рявкнула я, на самом деле на Филиппа, но вышло, что на Рендела. — Он еще не знает, как я зла!

— Но я-то уже знаю... — невозмутимо отозвался дядька, обнаружил, что бренди закончился еще на Вилсоне и со вздохом вернул бутылку на место.

Вообще, не ожидала, что Филипп ответит быстро, но складывалось впечатление, что он не выходил из кабинета или носил почтовый артефакт под мышкой. Или же этот артефакт за ним таскал бедняга Вилсон. Но наша шкатулка захрипела, словно подыхающий вебрь, крышка выпустила сноп искр и явила записку.

«Уточните, леди Торн», — любезно предложил муж и добавил: «Кстати, добрый день!»

«Отвратительный этот день! Вы организовали заговор стряпчих! При моем имени они разбегаются!»

В доказательство швырнула ему и послание от сильно любящего деньги законника, но не настолько сильно, чтобы представлять мои интересы.

«Всегда считал стряпчих мудрыми людьми», — невозмутимо ответил Филипп, не признаваясь, что запугал все юридические конторы города, но и не опровергая злодеяние.

«Нечестно играете!» — возмутилась я.

«Я полагал: вы со мной разводитесь, а мы все лишь играем в развод? В таком случае, дорогая супруга, не пора ли вернуться домой? Я не сторонник ролевых игр».

Кхм... Я нахмурилась. Что такое ролевые игры? Хотела спросить у опечаленного отсутствием бренди Рендела, но, похоже, в этой фразе скрывалось нечто глубоко интимное и скандально неприличное. Не дайте святые заступники, странными вопросами довести дядьку до трактира и заново сломанной ноги.

Пришлось ответить обтекаемо:

«Нет!»

«На какой из вопросов?» — съязвил он.

«На оба!»

«Леймар разносит особняк», — сдержанно поделился Филипп.

«Пришлите леймара вместе с моими вещами в Энтил!» — потребовала я вернуть застрявший в его особняке сундук с нарядами. Конечно, носить старые домашние платья уютно — это же *ретро!* — но гардероб хотелось бы обратно. Он дорог моему сердцу и кошелек тоже обошелся недешево. Еще в заложниках остался мой любимый халат!

Минут десять с азартом прождала, чем ответит муж, но он оборвал переписку. Может, и лучшему. Почтовый артефакт уже не выдерживал накала страстей, а мне хотелось ругаться дальше.

С тем же азартом я принялась искать на столе адрес получившего отставку лучшего выпускника юридической академии. Смятый листик куда-то запропастился. Не то чтобы его кто-то бережно хранил, но точно не выкидывал!

— Рендел, ты не видел адрес Вилсона? — спросила я.

Дядюшка только покачал головой.

— Сегодня Клементина твои бумажки складывала. Может, переложила?

С самого утра тетушка пребывала в отвратительном настроении. Снег дал передышку, и она решила выйти в люди, в смысле, купить на рынке муки. Вернулась со сплетнями и большим желанием когонибудь поколотить тростью.

Оказалось, что по городку поползли слухи, дескать, за дурное поведение муж выгнал меня, а заодно и все семейство, в Энтил. Тетушка не хотела, чтобы я засветилась перед соседями, что не пустила на порог доставщика. Пришлось нам на пару волоком тащить мешок муки через весь холл и коридор. Чуть спины не сорвали!

— Она готовит? — спросила я, с тоской глянув в дверной проем гостиной.

— Как посланница из ада, — согласился Рендел.

Клементина, как всегда, успокаивалась готовкой. С возвращения домой нервничала она непрерывно, и в нас с дядюшкой перестала помещаться еда. Я намекнула, что тетушке пора бы отведать убойного успокоительного снадобья, на что она купила муку и начала стряпать очередной пирог с печенкой. Мы с дядюшкой с затаенной надеждой ждали, когда запас печени из морозильного шкафа наконец подойдет к концу.

— Пойду к ней, — вздохнула я.

— Удачи, — искренне пожелал Рендел. — Если что, возвращайся. Мы запремся в гостиной.

Тетушка как раз разжигала очаг. Обычно она использовала старые газетные листы, но сейчас в нашем доме появилось много исписанной бумаги. В ее руке как раз расцветал нежным огненным лепестком белый листочек.

— Клементина, ты не видела адрес Вилсона? — спросила я. — Он лежал на столе.

В некоторой растерянности она посмотрела на горящую бумажку, и меня прошиб пот.

— Туши!

С перепугу она стремительно сунула лист в кувшин с водой. Из широкого горла потек тонкий ручеек жидкого дыма.

— Ой. — Тетушка посмотрела на меня виновато.

Мокрый, спаленный с одного края лист был с превеликой осторожностью разложен на столешнице. Имя и фамилия Вилсона оказались уничтожены безвозвратно и превратились в размытые пятна. Адрес почтовой шкатулки чуток расплылся, но последней цифрой полакомился огонь. От нее не осталось даже хвостика.

— Ты последнюю цифру помнишь? — задумчиво поинтересовалась я, склонившись поближе к листу.

Тетушка задумалась, выдала наобум пару вариантов, что она понятия не имеет, чем именно заканчивался адрес бывшего секретаря.

— Зачем он тебе понадобился? — наконец не выдержала она.

— Я нашла дешевого законника.

— Он ведь помощник твоего мужа, — не поняла тетка.

— Вилсон был его помощником, — поправила я, — а будет моим представителем. Зря мы его, что ли, бренди поили. Между прочим, лучший выпускник юридической академии за последние десять лет. С золотой медалью! Есть чем гордиться.

— Этот медалист когда-нибудь стряпчим служил?

— Понятия не имею, — вынужденно призналась я. — Уверена, он возьмет энтузиазмом.

Если не пошлет меня куда-нибудь в Эрминские горы напрямиком к снежной бабе.

Пришлось перебрать все комбинации, подставляя к адресу последнюю цифру. Самое противное, что Вилсон ответил на первое письмо. На остальные зря потратила силы, время и бумагу. Идея выступить в роли законника привела его в страшное возбуждение, а исправленное самим же Филиппом прошение вызвало восторг. Дескать, как грамотно вы все описали, будущая госпожа Вудсток и почти бывшая леди Торн!

Под конец обсуждения всех деталей несчастная шкатулка не просто подпрыгивала с подозрительным присвистом, а вдобавок плевалась дымом. Ей-богу, дорогой муж победил карму, когда отправил энергичного Вилсона в отставку, ведь фонтанирующий энтузиазм бывшего секретаря было сложно преодолеть. Даже почтовый артефакт переносил с трудом и падал в обморок.

На следующий день, хоть Клементина и пыхтела, как забытый на очаге котелок, я вышла из дома. Погода в Энтиле окончательно наладилась. Низкие тучи разошлись, открыв далекое холодное солнце. В его лучах бриллиантовая снежная крошка слепила глаза. Но чем ярче солнце зимой, тем крепче мороз — холод щипал щеки и забирался под перчатки.

По закону подлости по дороге к зданию Ратуши, в котором находился и монетный двор, я столкнулась с самой злостной сплетницей Энтила. Завидев меня, госпожа Персенваль рванула через мостовую, едва не угодив под карету. Хотелось проделать такой же маневр, но в обратную сторону. Бегала я по-прежнему не очень, так что пришлось встретиться с главной врагиней тетушки, что называется, нос к носу.

— Тереза! — Она растеклась в масляной улыбке. — Слышала, что ты приехала погостить к родным.

— На пару дней, — уклончиво отозвалась я. — На курорте с дядюшкой случилась большая неприятность.

— Да-а, целая трагедия. Муж остался в столице? — резко спросила она и тут же ответила, даже ничего придумывать не пришлось: — Конечно, он ведь очень занятой человек. И как тебя отпустил?

— Как от сердца оторвал, — проскрипела я и изобразила улыбку милой дурочки.

Врагиня вдруг странно моргнула и кашлянула. Видимо, в моем озверелом состоянии милая дурочка больше походила на дурного маньяка, готового прикончить любую сплетницу с неосторожными вопросами.

Попрощались мы любезно, и она немедленно рванула к лавке женских штучек мадам Руфьи, видимо, рассказать последние новости. Да так торопилась, что из корзинки выпал кусок ветчины, завернутый в пергамент. Когда госпожа Персенваль спохватилась, ветчину утащил бродячий пес, за что был обруган разными неизящными словами.

Через полчаса я сидела в кресле перед массивным письменным столом степенного распорядителя монетного двора и озадаченно рассматривала закрытые долговые расписки Вудстоков. На них стояла личная печать Филиппа.

— Когда их оплатили? — уточнила я.

— На прошлой неделе, леди Торн, — подсказал он и назвал дату.

В этот день мы встречались в чайной с бывшими сокурсницами. После безобразной сцены в ресторации, я посчитала, что он задержался из-за любовницы, а муж-то, похоже, решал проблемы моей семьи.

Возвращалась я большой задумчивости и с удивлением обнаружила, что к входной двери тянулась ровная вычищенная дорожка, похожая на широкий коридор с идеально ровными стенками. На дороге остались следы от полозьев зимней кареты и лошадиные копыта, укатанные этими полозьями.

Посреди холла стоял большой дорожный сундук. С недоумением я нахмурилась. Вряд ли Вилсон приехал бы к нам с приданым. Конечно, может он притащил целую библиотеку с законоведческими учебниками? Строить злодейский план по разводу бывшего хозяина и

тут же сверяться с буквой закона, насколько могут загрести в участок за особенно сочные пункты.

— Клементина! — позвала я, быстренько стягивая с плеч тяжелый плащ. — Привезли мои вещи? Леймара тоже прислали?

— Твой свадебный подарок остался дома, — раздался мягкий голос мужа, вызывавший у меня практически сердечный приступ, так сильно сжалось в груди.

Филипп собственной персоной стоял в дверях гостиной.

ГЛАВА 12. Примирение по Филиппу Торну

При взгляде на супруга меня разрывало от самых противоречивых эмоций. Филипп выглядел осунувшимся, но вокруг него по-прежнему бурлила слепящая энергия, и он притягивал, как самым сильным связующим заклятием. Хотелось одновременно кинуться ему на шею и выставить взащей. Оба желания оказались настолько сильны, что я просто не сходила с места, смотрела и пыталась отыскать в сознании умение выстраивать слова в фразы.

— Здравствуй, — прервал молчания Филипп.

— Ты решил лично привезти мои вещи? — тщательно следя за голосом, холодно спросила я.

— В сундуке мои вещи, — поправил муж.

— Тереза, — позвал из гостиной Рендел, — подойди сюда. Мы с господином Торном обсуждали кое-какие вопросы.

Интонации у него были суровыми, да и сам он восседал в кресле в позе генерала в отставке, уложив вытянутые руки на набалдашник трости. Клементина нервно ерзала на кушетке. Чисто по-человечески их можно было понять: наверняка они уже узнали о сюрпризе с долговыми расписками и оказались между двух огней. Выставить за порог человека, оплатившего их долги, даже не напоив кофе, было бы прескверным.

Поднос с кофейником, к слову, на столе стоял, а все бумажные завалы исчезли. Красовалась только старенькая почтовая шкатулка.

— Филипп, можно тебя на минуту? — с неприятной улыбкой попросила я.

— Если ты настаиваешь.

— Очень настаиваю!

Я развернулась и, сердито стуча каблуками, зашагала в кухню. Было слышно, как Филипп сдержанно извинился перед хозяевами дома.

Ждала его во всеоружии, в смысле, уперев руки в бока. Сердитый вид мужа никак не впечатлил, его в принципе впечатляло только то,

чего он не ожидал. Жена, желающая дать ему пинок под аристократический филей, сюрпризом явно не являлась.

Он вошел расслабленный, пряча руки в карманы, и осмотрелся. В тот единственный раз, когда господин Торн прикатил в Энтил на помолвку, традиционно проводимую у невесты, дальше гостиной он не зашел. С вежливым интересом посмотрел на рога, отказался от еды и дернул в столицу с такой поспешностью, словно будущая жена отправила за его экипажем разозленного дракона. Остановить, насильно накормить и заставить еще чуть-чуть полюбоваться на легендарные олени рога!

— У тебя не все дома? — резко проговорила я, вообще-то, понимая, что не очень правильно начала разговор и следовало держаться отстраненно, но не выходило. Мне еще предстояло поднатореть в скандалах тихим ледяным голосом.

— У меня не все дома, — согласился он. — Супруги дома нет.

Надо же, как изящно вывернул!

— Уточните, господин Торн, о каком сейчас доме идет речь? О вашем городском особняке или о поместье?

Мы скрестились взглядами.

— Почему ты молчишь? — не вытерпела я повисшей паузы.

— Я забыл о поместье, — неожиданно признался он и обескураженно почесал бровь.

Святые заступники, я готова возненавидеть в себе восторженную, влюбленную девчонку, которой нравился этот жест!

— Хорошо, теперь напомнила. Зачем приехал к нам?

— Твои родные приглашали меня нанести визит, — с аристократической наглостью заявил он.

— Хорошо, нанес, — согласилась я. — Вещи с собой зачем привез? Не можешь приехать на пять минут без сменной рубашки?

— Погостить мне тоже предлагали.

— Тебя не смутило, что приглашение было сделано до того, как я попросила развод?

— Приглашение никто не отменял.

— Другими словами, прошение, которое ты любезно отредактировал, никак не намекнуло, что в этом доме тебе не рады? — Я начала злиться сильнее. — Не понимаешь, в какое неловкое

положение поставил моих родных? Они не могут указать тебе на дверь. Ты оплатил их долги.

— Я взял на себя обязательства и выполнил их, — проронил Филипп. — Ровно это же я сказал Ренделу, когда он предложил вернуть деньги. Мы ведь женаты, Тереза.

— Но мы разводимся!

— Нет, это ты хочешь со мной развестись, — поправил он.

— Напомнить причины?

— Не стоит. Я не жалуясь на память, — отказался муж.

— В любом случае, мой законник советовал не вести с тобой разговоров до официальной встречи у стряпчего.

— Смотрю, у тебя неплохой законник, — протянул муж, отвечая по-мужски красивой улыбкой. — Кто?

И зачем, подлец, улыбнулся? Сердце сразу подозрительно заняло.

— Ты недавно дал ему отставку, — намекнула я, что имя представителя ему тоже известно. — Поэтому, Филипп, спасибо за визит. Выход там!

Раздалось сдержанное, но сердитое покашливание. Мы повернулись. Тот самый выход, горячо рекомендованный в качестве свободного, загораживал собой Рендел. Дядька опирался на трость, хмурил густые кустистые брови и по-прежнему выглядел генералом на военном совете.

— Господин Торн, — официально обратился он, — давайте-ка прогуляемся.

— С большой охотой, господин Вудсток, — торжественно согласился тот.

Дядюшка развернулся и с важным видом растворился в коридорчике. Не будь дураком, Филипп немедленно двинулся следом.

— Куда? — Я ошарашенно моргнула.

Ведь хорошо ругались! Может, еще чего-нибудь придумала бы обидного, как задорно выставить его на мороз, а он взял и сам выставился. Какой высокомерный тип!

— На выход, — невозмутимо подсказал муж.

Даже не нашла, чем возразить. Хотя попыталась: рот открыла, руку выставила для вдохновенной отповеди, но опустила обратно и варежку захлопнула. Он ушел. Я добилась цели, но очевидно, что не

добилась ровным счетом ничего. Удалился-то Филипп в принципе, а не в столицу.

— О чем Рендел хочет с ним поговорить? — накинулась я на Клементину, вырвав из ее рук чашку и сделала глубокий глоток. Остывший чай горчил. — Что за гадость ты пьешь?

— Кофе, — подсказала она.

В общем, чай не горчил, а был просто кофе.

— Оставь их в покое, пусть прогуляются, — посоветовала тетка, возвращая себе чашку. — Поговорят по-мужски. Твой муж оплатил наши долги, Тереза. Какое решение ты ни примешь, мы с Ренделом обязаны проявить уважение. Но, заметь, я даже не стала предлагать ему присесть к столу.

Одним глотком, словно мысль о неласковом приеме ее угнетала, Клементина прикончила кофе и принялась убирать посуду.

Два часа прошло, мужчины не появились, а у меня началось неожиданное веселье. Почтовая шкатулка вдруг начала принимать письма. Казалось, в ней открылась черная дыра, и все потерянная когда-либо корреспонденция хлынула в наш дом! Теория не отвечала только на один вопрос: почему все эти странные люди обращались напрямую ко мне.

Началось почтовое бедствие почти невинно: какой-то чокнутый ни с того ни с сего потребовал никогда ему больше не писать и забыть его адрес. Минутой погодя совершенно незнакомый тип предложил знакомство с «мужчиной широкой души, страстной натуры и богатой комплекции».

Понятия не имею, что это значило, но из письма выпала портретная карточка, чуток кривовато перерисованная с иллюстрации в женском альманахе. Той самой, где красивый подтянутый мужчина демонстрировал дорогие часы. Они, к слову, на карточке тоже имелись.

Не успела я возмутиться, как в следующем послании мне посулили абсолютно всех королевских подданных превратить в писаных красавиц и красавцев. Главное, намазать на лицо чудодейственную пасту «Краса Эрминских гор». Стоила «краса», как весь горный хребет с Сумрачным пиком и живущей в его пещере снежной бабой. Конечно, если бы наш король когда-нибудь решил продать Эрминские горы.

Потом мне предложили не упустить уникальный шанс и немедленно вложиться в строительство курорта. Судя по приложенной карте, в этом месте не было ничего, кроме фермерских полей. Сомневаюсь, что фермеры в курсе, какое немислимое курортное счастье им светило вместо хозяйственных угодий.

На письме от конторы ритуальных услуг у меня задержался глаз. Они с восторгом напоминали, что никогда не рано подумать о достойном погребении! У них сейчас идет распродажа гробов, и эту необходимую в хозяйстве вещь следовало заготовливать заранее. Тем более за сущие гроши.

— Что у тебя происходит? — не выдержала Клементина, выманенная из кухни почти непрерывным громким кряканьем почтовой артефакта.

— Ничего не понимаю, — протянула в ответ. — Откуда они узнали наш адрес?

Перед мысленным взором всплыл прошлый вечер, когда я, пытаясь вычислить номер Вилсона, устроила собственную рассылку писем.

— Святые заступники... — пробормотала я, потеряв переносицу.

Шкатулка печально крякнула, полностью со мной согласная. Она не справлялась, уже не разбрызгивала задорные искры, не вспыхивала магическим огоньком, а грустно выпускала жиденькие облачка дыма.

— Долго их нет, — протянула Клементина, поглядывая на входную дверь.

Действительно прогулка затянулась. Солнце постепенно укатывалось за крыши домов, тени в комнате перебежали с одной стены на другую.

— Они в таверне, — заключила я.

Тетушка поменялась в лице.

— Да быть не может! Твой дядька — здравомыслящий человек. Он не потащил бы аристократа в шестом поколении в эту дешевую питейную.

— Мага.

— Тем более! — фыркнула Клементина.

За окном постепенно смеркалось. Незаметно мы зажигали лампы. Тетушка уже открыто подходила к окошку возле входной двери и поглядывала на пустую дорогу. Ни мага в шестом поколении, ни

прихрамывающего дядьки, которому требовался покой, не наблюдалось.

— Тереза, иди-ка сюда, — позвала она.

Сложив руки на груди, тетушка за кем-то следила через окно.

— Идут?

Сама от себя не ожидая, я с такой резвостью вскочила с кушетки, что уронила с колен открытый томик по основам права. Изучение буквы закона меня очень успокаивало. Не так, как божественная настойка, но вполне прилично.

Оказалось, что по вычищенной дорожке к входной двери несся весь цвет самого отборного общества сплетниц Энтила. Возглавляла процессию сама госпожа Персенваль!

— Явились голубушки, — процедила Клементина, и по всему было заметно, что она хотела врагинь приголубить. Желательно мужниной тростью, но трость улизнула из дома вместе, собственно, с мужем. Оставалось забористым ругательством.

— Что им надо? — нахмурилась я.

— Сейчас выясним, — пообещала Клементина и, выразительно задвинув засов, заперла дверь.

Отчего-то в Энтале дожидаться, пока хозяева откроют, было неприято. Разок постучались и тут же вломились в дом. Останавливала разве что табличка, что в доме живет очень злая собака или зажжена магическая защита. Да и то, особенно недоверчивые соседи умудрялись проверить предупреждение опытным путем.

Выглядела встреча гостей форменным издевательством. Представительницам вражеской стороны пришлось стучаться молоточком, пока мы на них смотрели из окна. Госпожа Персенваль начала делать какие-то энергичные жесты руками. Клементина не осталась в долгу и тоже ей помахала.

— Да открой же им уже. Может, в городе Ратуша горит, а мы не в курсе, — буркнула я, отпирая засов.

Вместе с приоткрытой дверью в теплый холл ворвался поток морозного воздуха. Женщины, едва не сметя меня с дороги, ворвались в дом. Обтоптали чистый пол, натрусили снегом и о чем-то наперебой загалдели.

— Тихо, дамы! — рявкнула Клементина, заставив абсолютно всех заткнуться.

В повисшей паузе на весь дом крякнула почтовая шкатулка, принявшая очередное послание от неизвестного отправителя.

— Что у вас произошло? — величественно спросила тетушка.

— У нас ничего не произошло! — с достоинством объявила врагиня Персенваль. — У вас произошло, дорогая госпожа Вудсток и милая леди Торн. Драка! Тереза, твой муж в участке.

— Мой?! — поперхнулась я на вздохе.

— Вместе с Ренделом, — добавила другая визитерша.

Мы с Клементиной ошарашенно переглянулись.

— Они между собой подрались? — дрогнувшим голосом спросила я.

— Если бы! Они подрались с господином Персенвалем! — потрясая кулаком, объявила госпожа Персенваль. — С моим уважаемым мужем.

Перед мысленным взором появился плюгавенький господин, много лет служивший писарем в Ратуше. У Клементины вырвался громкий издевательский смешок.

Судя по тому, как скривилась главная врагиня, лучше бы снова крякнула почтовая шкатулка.

— Вообще-то, подралась вся таверна. Ваш муж, госпожа Персенваль, сбежал самым первым и привел стражей! — затараторили женщины вразнобой. — Так что, если хорошенько подумать, то виноват-то во всей неразберихе ваш дражайший супруг!

И мигом стало ясно, что сейчас в нашем доме случится женское побоище, как в паршивой таверне, и снова придется вызывать стражей.

— Он чтит городской порядок! — воскликнула она, вдруг схватилась за сердце и поковыляла к дорожному сундуку, по-прежнему гордо стоящему в холле.

Сплетница из нее была куда как лучше, чем актерка, но товарки поверили. Они громко раскудахтались и бросились помогать не очень уважаемой даме добраться до сундука. Одна схватила под локоток, другая ладошками принялась махать ей перед лицом, а остальные просто сочувствовали. Стражи, похоже, отменялись, а нам срочно требовался лекарь. Некоторым даже по душевным болезням.

— Клементина, принеси же нюхательные соли! — потребовали от тетушки, которая даже снега в зиму злостной врагине никогда не подала бы.

— И воды! — проохала болезная, удобно плюхнувшись на сундук, и принялась расстегиваться.

— Запить соли? — любопытствовала я. — Их не надо глотать, только нюхать.

Весь коллектив посмотрел на меня с неммым укором, но госпожа Персенваль, похоже, надумала окопаться в нашем холле как минимум до извлечения дебоширов из участка и возвращения их домой. По всей видимости, хотела удостовериться, что в Энтил не приехал никакой приبلудный мужик, нанятый специально для отвода зорких глаз местной публики, а мой законный (пока!) супруг.

— Дамы, давайте выпьем чаю, — смиряясь с неизбежным набегом нежеланных гостей, предложила она.

Мадам Персенваль немедленно забыла про дурноту. Дружной толпой женщины отправились уничтожать запасы травяного чая, а если нам сильно повезет, и пирога с печенью. А я... никогда не думала, что буду забирать собственного мужа и дядьку из участка. Главный страж Энтила имел собственные представления о воспитании дебоширов, и без подтверждения личности кутил, на свободу никого не выпускал. Даже тех, кого знал лично.

Участок находился в приземистом здании с маленькими окошками. Посередке зала с парой конторских столов в глубокой металлической чаше на треноге горел огонь. Вообще, он символизировал магическое пламя королевской династии, якобы дарующее подданным безопасность, но зимой в Энтиле чаша по большей части использовалась вместо печки, а летом ее гасили, чтобы не помереть от духоты. Другими словами, королевскую благодать в дальней провинции, безусловно, ценили, но не очень искренне.

Закутанный в плед Рендел сидел у треноги.

— Пришла за своими? — вместо приветствия спросил пожилой страж, когда я с ним поздоровалась. — Остальных уже забрали.

При звуке моего голоса дядька поерзал на скрипучем стуле, повыше поднял подбородок и приобрел вид оскорбленного, но не сломленного поражением в мелкой битве, генерала.

— Ты тоже участвовал в драке? — строго спросила я, убедившись, что и сам Рендел, и его хромая нога целы.

— Сочувствовал, — проворчал он, не поворачивая ко мне головы.

— В таком случае, почему его не отпустили домой, господин страж? — возмущенно накинулась я на блюстителя порядка. — Между прочим, он больной человек! Ему нельзя сидеть в ваших холодах!

— Я трость сломал, — буркнул Рендел.

— Вместе со столом, по которому тростью шарахнул, — уточнил страж, объясняя причину задержания.

— Понятно. — С серьезной миной я кивнула, хотя вообще ничего не поняла, да и не очень-то хотела разбираться в тонкостях мужских потасовок. — А где мой муж?

Просторная камера с толстыми прутьями, куда обычно в ожидании жен со скалками и сковородками усаживали проштрафившихся кутил, была пуста.

Скрестив руки на груди, мой драгоценный супруг стоял в тесном закутке, спрятанном за толстой решеткой. В этой крошечной узкой клетке стражи хранили метлы и лопаты для чистки снега, а теперь и «господина Торна, известного своим стальным характером». Хозяйственный инвентарь убрать не подумали: усадили дебошира к имуществу участка. Мерзнуть и, по всей видимости, превращаться в приличного семьянина.

Я остановилась перед одноместной темницей, где он в принципе был не самым главным гостем. В отличие от метел.

— Добро пожаловать в Энтил, господин Торн.

С иронией, видимо, догадываясь, что супруга наслаждается видом, он посмотрел из-под бровей.

— Добрый вечер, леди Торн.

Тусклый свет попал на лицо, и у меня отпала челюсть. У аристократа в неведомом поколении, как у шального докера, оказались разбиты губы! Возле рта темнел кровоподтек от чьего-то впечатанного кулака. И ладно аристократ, всего неделю назад учивший меня манерам... как маг позволил разукрасить себе физиономию под эрминский елочный шар? В дешевой питейной провинциального Энтила!

— Почему ты молчишь? — поинтересовался разукрашенный маг.

— У меня нет слов. Как?! — Я взмахнула руками, намекая на кулачные художества у него на лице.

— Защищал честь нашей семьи.

— Какой из них?

— Вообще.

— Емко, — с ехидством прокомментировала я и обернулась к стражу: — За десять крон довезете нас на карете до дома? Очень холодно возвращаться.

— За двадцать, — не стал противиться тот.

Филипп в клетушке поперхнулся на вздохе.

— Господин Торн заплатит, — объявила я.

— Тереза, подойди поближе, — проскрипел муж, обязанный оплатить доставку спасительницы, подельника и себя самого до дома, где будет потеплее и поуютнее.

Я приблизилась к клетушке.

— Еще, — позвал он, между тем подходя к решетке, и пробормотал через разбитую губу: — У меня есть только ассигнации и мелочовка в кармане.

— Сколько?

— Мелочовки? — Он полез в карман пальто, но наткнулся на мой выразительный взгляд и попытался припомнить содержимое собственного портмоне: — Чеки по сто крон.

— Ничему вас жизнь не учит, дорогой супруг.

— Учит.

— Да что-то непохоже. — Я покачала головой и повернулась лицом, так сказать, к залу, а страж с Ренделом, между тем, в едином порыве вытянулись и пытались прислушаться к нашему перешептыванию. — Господин Торн, так благодарен, что заплатит за карету сто крон.

На вздохе подавились все. Дядюшка со стражем, так понимаю, от потрясающей щедрости столичного богача. Столичный богач от того, что потрясающую щедрость, по всей видимости, продемонстрировать не намеревался и пытался намекнуть на торг.

Но кто торгуется с блюстителями порядка? Не успеешь глазом моргнуть, как окажется в ледяном чулане в компании лопат и околелого мага в шестом поколении, а неподкупные королевские стражи оформят привод. Спасибо, но больше не хочется. Меня только-только от первых трех избавили.

К дому мы подкатили в недобрый момент, когда из дверей вывалилась толпа сплетниц. Расходится они не торопились и с интересом проследили за нашим торжественным выходом из

арестантской кареты. Встреча была неизбежной. Мысленно я порадовалась, что тетушка сэкономила на магическом освещении и не зажигала фонарь под козырьком. Темнота всегда сглаживала неловкие шероховатости. Даже те, что появлялись на лицах мужей от встречи с чужими кулаками.

— Здравствуйте, дамы, — проговорил Филипп глубоким голосом, особенно эффектно звучащим в ночных потемках.

Очарованные мягкими интонациями дамы с непривычки едва не полегли в снег. Вразнобой они пожелали доброго утра, спокойной ночи и крепкого здоровья. И никто не заметил, что Рендел опирался не на трость, а на длинную прокопченную кочергу из участка стражей.

Клементина оценила печальный вид в полной мере. Безжалостный свет потолочной люстры ничего не скрывал. От изумления тетушка осела на дорожный сундук и открыла рот, силясь выдать звук.

В любой непонятной ситуации слова из нее лились бурным потоком, цветистые и сочные. В этот раз ситуация была понятна, но до такой степени абсурдна, что госпожу Вудсток покинул дар речи. Впервые на моей памяти.

— Отстаивали семейную честь, — коротко пояснила я и стянула плащ, не дождавшись помощи от мужчин.

У престарелого защитника семьи руки были в саже, и он, оставив черный мазок, тихонечко обтер одну ладонь о пальто.

— Трость пала в неравной схватке со столом, — пояснила я. — Стол тоже пал. Штраф неизвестен.

Тетушка в немом вопросе бессильно указала руками на Филиппа.

— Ты сама говорила, что нашу репутацию в Энтиле уже не испортишь. А господину Торну очень надо смыть следы героической битвы, — с желчью прокомментировала я.

— И переодеться, — тихо добавил тот.

— Умыться и переодеться. Какое счастье, что для визитов он берет с собой сундук сменной одежды. Правда, господин Торн?

К своей чести, муж предпочел проглотить шпильку, а когда в ванной комнате снял пальто, стало очевидным, отчего ему не хотелось расстегиваться в холле. На рубашке не осталось ни одной пуговицы. Она разъезжалась в разные стороны и демонстрировала обнаженный торс, способный донести любую женщину до неуместного

богохульства против развода. Никогда еще моя сила воли не подвергалась такому испытанию!

Я сломалась: буркнула себе под нос, что принесу целенькую рубашку, и обратилась в позорное бегство. По первому этажу из кухни неслось ворчание Клементины. Она отчитывала Рендела, но без привычного огонька. Может, выяснила причину массового побоища, доведшего дядьку до прокопченной кочерги?

К Филиппу я возвращалась с первой вытащенной из сундука рубашкой. Оказалось, что, не глядя, схватила исподнюю сорочку со шнуровкой на вороте, но копаться в вещах мужа постеснялась.

Полуобнаженный муж вытирал мягкой салфеткой умытое лицо и, задев губы, поморщился от боли.

— Давай обработаем рану, — предложила я, передавая рубашку.

— К утру заживет. — Он быстро оделся, замер и посмотрел на меня. — Пожалуй, ты права. Стоит обработать.

Скрестив руки на груди, Филипп сидел на краю медной ванны с высокими бортиками и с вежливым интересом следил за суматошными приготовлениями. Ноги у него были какие-то очень длинные. Все время натыкалась, пока искала, куда Клементина засунула плетеную коробку с лекарскими эликсирами. Не понимаю, каким образом мой муж умудрялся заполнить собой абсолютно все пустое пространство. Как вода, право слово.

Намочив уголок салфетки в заживляющем снадобье, я предупредила:

— Будет жечь.

— Может, подуешь? — предложил он.

— Ты ребенок? — фыркнула я и аккуратно промочила салфеткой рану.

Филипп скривился и с шипением втянул воздух.

— Больно? — всполошилась я и вдруг поняла, что действительно принялась ему дуть на рану.

Мы замерли. Он обалдело смотрел на мои надутые щеки. Кашлянув, я отодвинулась.

— Нет, подуй еще разок. — Он призывно помахал рукой и даже повернул для удобства голову.

— Обойдешься, — буркнула я и выругалась: — Как ты вообще позволил себя ударить? Ты же боксом занимаешься!

— Они неудачно пошутили, что я прикупил себе жену, но выставил из дома, потому что попалась *бракованная*, — спокойно пояснил Филипп. — И сватали какую-то девицу, а бракованную предлагали вернуть Ренделу. Тут бокс не поможет, только большая драка.

— Ладно... теперь я злюсь чуть меньше, — проворчала я. — Но ты маг в шестом поколении! Ты можешь раскидать толпу взмахом руки.

— И точно знаю, на какой срок потушат искру, если при свидетелях ударить с помощью магии, — уверил он и вдруг добавил: — Или оттаскать за волосы неодаренного человека.

— Не могу поверить, что ты меня отчитываешь. — В раздражении я швырнула салфетку в раковину. — Лечение окончено. Ты заслужил одну ночь помучиться. Может, дойдет, что не надо этими губами целовать неодаренных любовниц на глазах у жены.

Я хотела развернуться, но Филипп мягко перехватил меня за запястье.

— Пстой, Тереза. Я должен сказать... Прости за ту абсурдную ситуацию в Сиале. Мне жаль.

— Насколько жаль? — чисто из принципа уточнила я, хотя не собиралась позволять себя... охмурять.

— Очень, — вымолвил он, и невольно припомнилось, как каждое утро у нас начиналось с моего сакраментального «мне очень жаль».

— Тогда отправь эту женщину за четыре королевства от Энтила, — брякнула я первое, что пришло в голову.

— Уже, — вдруг признался Филипп, и у меня поползли на лоб брови.

— Пинком под зад?

— Вернее, на драконьем дилижансе, — поправил он. — Она решила, что шантажировать нападением — неплохая идея. Пришлось купить ей билет в один конец и поехать за своей упрямой, несговорчивой женой.

— Ты заплатил за ее билет? — презрительно фыркнула я. — Хотя бы на деньги от продажи ее дома?

— Когда ты стала такой кровожадной, Тереза?

Он попытался улыбнуться, но тут же скривился от боли. Я только покачала головой и насмешливо прокомментировала:

— Кажется, я понимаю, в чем ваша проблема, господин Торн. Вы не умеете выбирать женщин.

— По-моему, я великолепно выбираю женщин, — парировал он. — Я удачно женился.

Мы встретились глазами. Почему всего неделю назад его глаза казались холодными, как лед? Какая глупость! Они напоминали обжигающий расплавленный металл.

Неожиданно я осознала, что ладони мужа незаметно перебрались ко мне на талию, и разделяющее нас расстояние катастрофично для людей на пороге развода! Видимо, на такой поворот и намекал Вилсон, когда советовал не разговаривать с супругом до официальной встречи у стряпчего. Филипп Торн — очень коварный мужчина.

Я дернулась, пытаюсь освободиться.

— Вернись, Тереза, — тихо произнес он, заставив меня замереть. — Без тебя вокруг пугающе тихо.

— Думала, что тебе нравятся тишина и спокойствие, — иронично протянула я. — Разве ты не хотел в жены тихоню? Я честно старалась, но не способна соответствовать вашим высоким стандартам незаметности, господин Торн.

— Тереза, Торны — достойный род, но семьей никогда не были. Я не знал, что можно жить по-другому.

— Шумно и с драками в дешевых тавернах? — насмешливо уточнила я. — Конечно, сейчас тебе интересно, Филипп. Спору нет, новизна всегда освежает. Но что ты сделаешь, когда шум надоест? Сошлешь меня в поместье и заведешь послушную немую любовницу?

— Я завязал с женщинами! — сообщил он.

Повисла пауза. Я вытянула губы трубочкой и вопросительно изогнула брови.

— Со всеми, кроме тебя, — спохватился Филипп. — Другие женщины — табу! Мне бы с женой справиться.

— Со мной не надо справляться, Филипп, — прошелестела я и отвела взгляд. — Мы заключили брачный договор. В нем много пунктов, и ни один не обещал мне женского счастья. Я думала, что понимаю, под чем подписываюсь, и готова принять правила, но нет, Филипп. Не могу.

— Хорошо, — вдруг уронил он. — Давай разведемся.

Он действительно убрал руки с моей талии, уперся ладонями в край бортика, невольно демонстрируя сбитые костяшки на пальцах. С возрастающим недоумением я следила за его движениями. Брови ползли на лоб.

— Ты согласен на развод?

— Да, давай разорвем брачный договор. — Он согласно кивнул. — И начнем все заново. По-человечески. Без договоров и медового месяца. Возможно, тебе захочется, но второй раз медовый месяц я просто не переживу.

— О чем ты говоришь? — окончательно запуталась я.

— Прошу дать нам шанс, Тереза, — абсолютно серьезно проговорил он. — Возвращайся, у нас все может быть по-другому. Просто подумай. Обещаю не давить.

«Не давил» Филипп по-особенному. Он не отправился из ванной комнаты напрямиком в столицу, а преспокойно спустился следом за мной в кухню.

Клементина указала на накрытый стол, во главе которого восседал Рендел.

— Мы ждали вас. Садитесь с нами ужинать, господин Торн.

— Благодарю.

— Филипп уже уезжает, — остановила я нахального захватчика моих территорий в полуприседе к стулу.

Неловко прочистив горло, муж выпрямился.

— Даже не накормишь в дорогу? — охнула тетушка.

— Извините, дамы, что вмешиваюсь, — влез он, — но днем я отправил кучера обратно в столицу.

Коварный аристократ! Специально дотянул до темноты, когда в Энтиле, кроме тюремной кареты, других экипажей не найдешь.

— Ночевать останешься в спальне Лидии, — ворчливо scomандовал Рендел и ответил на мой выразительный взгляд: — Все равно комната стоит пустая. Садитесь за стол.

— Вообще-то, я не планировала кормить тебя коронным блюдом, но ты сегодня заслужил, — прокудахтала тетушка и поставила перед гостем блюдо с разогретым печеночным пирогом.

От румяной корочки шел дымок. Коронное блюдо умело маскироваться под аппетитное и сытное лакомство.

— Благодарю, — отозвался Филипп.

Он с честью доказал, что не зря носит звание человека, известного стальным характером! Очевидно, печеночный пирог традиционно не удался. С ехидством я поглядывала, как муж, сняв первую пробу, отчаянно пытался сделать несъедобное блюдо съедобным. Добавил сквашенных сливок, посолил, поперчил...

— Зелени? — Я кивнула на нарубленную петрушку.

С самым серьезным видом Филипп насыпал зелени и любезно спросил, не торопясь снять пробу:

— Разделишь со мной коронное блюдо нашей уважаемой тетушки?

— Ни в коем случае! — отказалась я. — Наслаждайтесь, дорогой супруг. Вы сегодня защитили мою честь. Как можно лишить вас удовольствия?

— Удовольствием надо делиться, — заметил он.

— Нет, — коротко отказалась я давиться ненавистным пирогом.

— Кушайте-кушайте, господин Торн, — закудаhtала крайне польщенная Клементина. — В столице таким не накормят.

— Вы правы, госпожа Вудсток, — выслужился он. — В столице такого пирога не найти.

— Так бери еще! — Она перегнулась через стол, схватила лопатку и шмякнула в тарелку к Филиппу здоровый кусок. — Приятного аппетита.

С душевной болью муж посмотрел на подросшую порцию. Помоему, пришло время изобразить приступ благородного гастрита, но он с честью принял вызов и начал жевать.

Филипп еще не догадывался, что пытки только начались. Ему предстояла ночевка в комнате Лидии в окружении вышитых салфеток, вязанных крючком наволочек и целой библиотеки любовных романов.

— Понравилось коронное блюдо Клементины? — подколола я, когда мы поднимались на второй этаж, и Филипп держался за перила. Похоже, сытная трапеза призывала его чуток отдохнуть на ступеньках, а потом вновь покорять лестницу.

— Никогда не пробовал ничего вкуснее, — с нарочитым воодушевлением ответил Филипп. Видимо, догадывался, что хлебосольная хозяйюшка, притаившись в холле, трепетно подслушивает наш разговор.

— Рискуешь получить его на завтрак, — тихонечко пробормотал я.

— Вилсону пирог тоже понравился. Искренне рекомендовал! — еще немного польстил тетушке муж, пытаясь заработать парочку дополнительных очков к карме, а потом добавил сквозь зубы: — А я в сердцах отправил его в отставку.

— Ты выставил секретаря из-за пирога? — не поверила я своим ушам.

— Зря, — признался Филипп в фатальной ошибке. — Но так, паршивец, нахваливал...

— Ел он с большим аппетитом, — согласилась я, вспоминая, как секретарь за обе щеки уплетал коронное блюдо Клементины.

— Значит, не зря.

— Какое ценное блюдо! Ты разозлился, мне достался законник. Он и не понял, за что ты отправил его в отставку.

Мы остановились возле комнаты Лидии, и я толкнула дверь. От движения вспыхнул свет. Повеяло жасминовым благовоением, и пахнуло холодом. В последние дни сюда никто не заглядывал. Теплые жилы в полу по-прежнему дремали, и спальня выстудилась.

— Располагайся, — произнесла я, наблюдая, как Филипп вошел и замер при виде огромного книжного шкафа, занимающего добрую половину пространства. Романы были расставлены на полках в строгой гармонии: по цветам, от темного оттенка до светлого.

— Можешь, что-нибудь почитать на ночь, — в шутку предложила я.

— «Невеста не для дракона»? — с высокомерной иронией любителя умных книг, а не этого презренного читива, процитировал муж. — Почему частица «не» в скобках? Это какой-то каламбур?

— Что ты придираешься? Наверное, автор не определился с названием и оставил на откуп читателю, — прокомментировала я. — Помнится, Лидия очень рекомендовала этот роман.

Одна бровь у Филиппа вдруг знакомо поползла вверх.

— «Ночь любви с драконом»? — прочел он на очередном корешке и покосился на меня: — Мне просто интересно, как это можно повернуть... анатомически?

— Наверное, как в той книжке по домоводству, — с трудом сдерживая смех, вспомнила я о подарке своих соратниц. — Прочтешь,

потом расскажешь.

— Или покажу, — с нахальной миной промурлыкал он и действительно вытащил томик с полки. — Когда ты передумаешь со мной разводиться.

— Ты не дракон.

— Да, я твой муж.

— И все время мне этом напоминаешь.

— Рассчитываю, что эта мысль снова начнет тебе импонировать. — Филипп с ухмылкой раскрыл книгу и, кивнув на открытую дверь, намекнул, что мне пора отчаливать: — Спокойной ночи, Тереза.

Признаться, я ждала ночной осады и в глубине души даже предвкушала, когда он возникнет на пороге. Театральным жестом сдерет с себя полотенчко и, осветив темноту слепящей наготой, заявит, что готов поделиться впечатлениями от эротической прозы... Героически наплевав на прошение о разводе, разбитые губы и Клементину за стенкой!

Четверть ночи я чутко вслушивалась в тишину старого дома, мысленно репетировала сварливую отповедь, но Филипп повел себя как порядочный мужчина. Он не появился.

Одного не пойму, если эротику на ночь читал он, почему зазорное непотребство приснилось мне? Во всех подробностях! И утром я проснулась резко, откровенно говоря, глубоко оскорбленная этим внезапным пробуждением — была уверена, что на соседней подушке обнаружу мужа. На соседней подушке обнаружилась только наволочка с вышитым Лидией цветочком. Воплоти Филипп Торн не появился.

Дорожный сундук из холла исчез, и на меня нахлынуло страшное ощущение абсолютно пустого дома. Похоже, муж мастерски разворошил у меня внутри осиное гнездо из жалящих чувств, довел до снов с раздачей брачных долгов и вернулся в столицу.

— Клементина, когда уехал Филипп? — врываясь на кухню, выпалила я и резко остановилась.

Мой драгоценный супруг стоял возле зажженного очага и разбивал в скворчащую сковородку куриное яйцо!

— Я все еще здесь. — С обаятельной улыбкой Филипп обернулся. — Доброе утро.

— Угу.

Казалось, что меня занесло в альтернативный мир, где жил совершенно другой Филипп Торн. Он не побрился! Волосы, обычно лежащие в идеальном порядке, были растрепаны, словно после пробуждения он торопливо пригладил их пятерней и отправился осаждать кухню. О вчерашней драке практически ничего не напоминало, а бледные следы спрятала темная щетина.

— Что ты делаешь? — медленно спросила я, подобрав отпавшую челюсть.

— Готовлю тебе на завтрак глазунью, — жизнерадостно объявил он.

Он в курсе, какое сложное блюдо — глазунья? Я пыталась ее жарить целых три раза. Ни разу не удалось. Да она королева яичниц!

— Филипп, ты когда-нибудь что-нибудь готовил? — с надеждой спросила я.

— Нет, — излишне бодро признался он. — Но Клементина объяснила, что и зачем идет. Ничего сложного. У меня отлично получается!

С важным видом королевского повара он разбил яйцо о край сковороды и, оставив на стенках белые полосы свернувшегося белка, вдохновенно отправил в раскаленную сковородку. Скорлупа упала следом. Раздраженно цыкнув, Филипп попытался пальцами выудить лишние элементы из будущего завтрака. Потом схватил вилку и принялся шуровать в сковородке.

— А где сама Клементина? — осторожно приближаясь к очагу, спросила я.

— С Ренделом ушли в участок вернуть кочергу и подать жалобу на оскорбление семейной чести и достоинства. — Он все-таки вытащил из яичницы большой осколок скорлупы и бросил в тарелку. — Я пообещал им своего законника, если дело не выгорит.

Я с опаской посмотрела внутрь шипящей сковороды. Наслоенные друг на друга яичные кругляши, местами побелевшие, местами жидкие, называть вкусным словом «глазунья» было преступлением против законов кулинарии.

— Что думаешь? — поинтересовался Филипп.

Что мы обречены как минимум на несварение. Уверена, это будет достойным завершением нашего медово-бедового месяца и брака в целом... С другой стороны, повара обидеть может каждый. Не каждый

потом сможет убежать! Вполне вероятно, правдолюба догонят и насильно накормят свободной вариацией на тему глазуньи.

Вряд ли Филипп поступил бы, как кулинарный маньяк, но бегала я по-прежнему плохо и решила быть дипломатичной:

— Может,ждемся Клементину?

— Сам справлюсь! — заявил он и озабоченно посмотрел вокруг:
— Она что-то говорила о соли и перце...

— Филипп, буду откровенной, но эту глазунью уже не спасти! — резко высказалась я. — Она нас покинула! Снимай сковородку, пока есть что хоронить. Иначе она похоронит нас.

— Повнимательнее посмотри, леди Торн! Она похожа на приличную еду...

— Сейчас же!

Мгновение позже сковородка взлетела в воздух и застыла. Из круглого отверстия вырвались языки пламени от перегретого очага. Вокруг них заплясали магические искры, и огонь медленно погас. На кухню опустилась тишина, разбавленная ворчливым шипением неудавшегося завтрака в сковороде.

— Тереза, ты чудесно выглядишь, — вдруг произнес Филипп и как-то ловко начал оттеснять меня к кухонному прилавку.

— Чего?

— Мне нравится твое платье, — продолжил он.

Нахмурившись, я покосилась на скромное серое платье в мелкий белый цветочек, купленное еще во время учебы в пансионе.

— Оно старое.

— Тебе очень идет, — уверила альтернативная версия моего высокомерного мужа, попавшая в наш мир из параллельного. — Ты поменяла прическу?

Невольно я пригладила свободно торчащие, неприбранные кудри, спадающие до самой талии.

— Просто плохо расчесалась.

— Вот как? Тебе идут твои волосы. Они такие...

Тут до меня дошло, что за внезапный приступ лести случился у моего здравомыслящего (но не сегодняшним утром) мужа.

— И какие у меня волосы? — вкрадчиво уточнила я.

— Кудрявые и длинные.

— Про руки тоже что-нибудь скажешь? — Я продемонстрировала ему ладони. — Ноги тоже можешь похвалить. Как считаешь, они мне подходят?

— Как по тебе сшиты, — с трудом сдерживая улыбку согласился Филипп.

— Было бы обидно, будь одна длиннее, а другая короче, — с ехидством добавила я. — Но ты все равно бы отвесил им комплимент. Так?

— Без сомнений. Несовершенства делают людей непохожими.

Филипп уперся ладонями в край столешницы и, фактически заключив меня в капкан рук, склонился.

— А еще у тебя удивительные глаза, Тереза, — тихо проговорил он, и я замерла. — Я начал осознавать, что потеряюсь в них в тот момент, когда в храме поднял тебе фату. Ты смотрела с любопытством. Никакого жеманства. Мне следовало тогда понять, что наша жизнь не будет скучной.

— Господин Торн, вы пытаетесь помириться по инструкции о дрессировке мужей? — с горящими щеками тихо прошелестела я.

— Я решил, что мой способ несвоевременен.

— Верно, — прошептала я. — Вам стоит еще чуточку мне польстить.

— Я люблю тебя, — произнес он.

Кажется, мир в этот момент погрузился в полную тишину. Сердце замерло, а потом с оглушительным грохотом забилося в груди. Перед глазами вдруг вспыхнули звезды.

— Повтори, — выдохнула я.

— Я впервые в жизни влюбился, леди Торн, — послушно повторил Филипп и ласково погладил меня по горячей щеке. — В тебя.

Он начал медленно опускать голову. Его губы неизбежно приближались к моим.

— Когда ты понял? — за мгновение до поцелуя выпалила я.

Филипп замер, посмотрел на меня непонимающе. Как на чокнутую. Дернул же драконий демон открыть рот не для поцелуев, а поболтать! Что за дурацкая натура?

— Когда... — Он словно пытался собраться с мыслями. — Когда вернулся в номер, а тебя там не оказалась. Хотя нет, я мало что

соображал. Наверное, когда осознал, что четыре дня таскаю с собой почтовую шкатулку и боюсь пропустить записку из Энтила.

— Вообще-то, я с тобой ругалась!

— Да, и это лучшее, что со мной происходило после возвращения из Эрминских гор. Что-то еще хотите узнать, леди Торн? Спрашивайте...

Я резко подалась вперед и прижалась приоткрытыми губами к его губам.

Второго намека не потребовалось. Филипп вообще был проницательный, особенно, когда дело касалось брачных долгов. Он мгновенно перехватил инициативу и принялся доказывать, что его способ примирения не менее действенен, нежели тот, которому учила сомнительная книга по воспитанию домашних драконов. Тем более, мой дракон уже недвусмысленно сказал, что сам пришел ко мне в руки.

Мы целовались непристойно и разрушительно, сметая со столешницы деревянный ящик со столовыми приборами. С грохотом рухнула на очаг сковородка. Ни шум, ни вилки под ногами — ничто не могло нас отвлечь!

Как мы оказались у обеденного стола, я не поняла. Филипп усадил меня на чистую столешницу и забрался рукой под юбку.

— Мы не станем осквернять стол Клементины, — запротестовала я, одергивая подол. — Она заставит отскоблить столешницу и заново покрыть лаком.

— Она не узнает, — пробормотал он мне в губы.

Кажется, мой дорогой супруг переоценивал нашу удачу! Уверена, в самый ответственный момент дорогие родственники появятся в кухне и схватятся за сердце.

— Да, но я не смогу за ним есть! — заспорила я, пытаюсь слезть на пол.

— Хорошо, — сдался Филипп и помог мне спуститься, — но ты много теряешь.

— В твоём кабинете наверстаем.

С хохотом, спотыкаясь, прижимаясь к стенам для очередного жаркого поцелуя, мы добрались до холла. Возле лестницы нас настигло громкое кряканье почтовой шкатулки. Как всегда, внешний

мир словно чувствовал, что супруги Торн решили отдать брачный долг и начинал активно вмешиваться в процесс.

— Что за криканье? — не понял Филипп.

— Не отвлекайся, дорогой муж. — Я как раз задрала ему свитер и с наслаждением прижалась к гладкой коже на груди. — Это Вилсон нас разводит.

Мы замерли и переглянулись. У Филиппа вопросительно изогнулась бровь.

— Ой! — Я резко прижала ладони к горящим губам и покосилась в гостиную, где на столе тихо и печально плевалась дымом шкатулка. — Надо же Вилсону сказать, что мы помирились. Хотя... он же не разведет нас за полчаса, да?

— Полчаса? — даже оскорбился он. — Думаю, пару часов у нас точно найдется.

— Клементина же вернется!

— Что-то мне подсказывает, что никто не появится в доме до вечера, — прошептал он мне на ухо.

Он, что ни удивляло, ошибся. Внешний мир был коварнее даже моего супруга и всегда умел несвоевременно напомнить о своем существовании! Как по команде, входная дверь отворилась, и с потоком холодного воздуха в холл внесло переполошенную тетушку. За ней бочком пролез Рендел, подставив в смыкающуюся щель незнакомую трость с тяжелым набалдашником в виде бульдожьей головы. Помнится, на помолвку господин Персенваль заявился именно с этой тростью. Ну и с дражайшей супругой на локте.

Мы с Филиппом мгновенно расцепились. Я начала поспешно поправлять пуговицы на платье, но наш разобраный вид буквально кричал, что у молодых супругов Торн возобновился прерванный на попытку развода медовый месяц.

— Вы помирились, — заключила Клементина.

Скажу больше, по нам было видно, что мирились мы энергично, разными способами: по-книжному и естественным, но неприличным. Нас застали как раз за вторым.

— Тогда скажите нам с Ренделом: так и было задумано? — Она выхватила из плетеной продуктовой корзинки свернутый трубочкой утренний «Вестник» и протянула в нашу сторону. — Посмотрите!

Кашлянув от неловкости, Филипп забрал газету. На третьей полосе, той самой, с главными новостями, красовался огромный заголовок: «Сенсация! Чета Торн разводится через две недели после венчания!»

Я почувствовала, как от изумления открыла рот. К счастью, в заметке главной темой был именно факт развода, а про обстоятельства репортер ловко умолчал.

— Что это такое? — голос Филиппа был обманчиво ласков.

— Должно быть Вилсон, — протянула я, в изменившихся обстоятельствах чувствуя себя, прямо сказать, чуток смущенной.

Помнится, новоявленный законник с большим энтузиазмом писал о гениальной идее. Дескать, план беспроигрышный, но шумный. Вообще, я не очень поняла, что он задумал, а Вилсон, оказывается, сумел напечатать новость в газете и объявить о нашем разводе на весь белый свет. Да что ж он такой энергичный? Драконы его раздери и отдай скальп снежной бабе!

— Я сейчас напишу, что мы помирились и развод отменяется, — быстро уверила я. — Немедленно! Не будем откладывать дело в долгий ящик. Он как раз там что-то прислал...

Стоило поднять крышку старенькой шкатулки, как на волю вылетело облако черного дыма. Артефакт печально встряхнулся, выпустил из-под днища золотистое свечение и замолк. Стало ясно, что письмо, лежащее на лакированном дне — последнее, полученное им в этой жизни. Шкатулка приказала нам долго жить.

— Похоже, все-таки сломалась... — резюмировала я, вытаскивая послание, и с удивлением обнаружила на нем печать стряпчего Филиппа. — Похоже, это тебе.

Нахмурившись, муж быстро вскрыл конверт. По мере чтения, лоб у него разглаживался, а обе брови поползли наверх, что означало или нечеловеческое изумление, или высшую степень озверения.

— Я дам отставку этому паршивцу! — рявкнул он, сминая письмо в кулаке.

Все-таки вызверился...

— Стряпчему? — не поняла я.

— Вилсону!

— Ты уже...

— Тогда ты дашь ему отставку! — заявил он.

— За что?

— За то, что хорошо выполняет свою работу! — сцедил он, заставив меня вжать шею в плечи. — Мой поверенный написал, что сегодня после обеда твой паршивый законник назначил ему встречу с мировым судьей.

— И что это значит? — тихо спросила Клементина, как оказалась топтавшаяся рядом с нами.

— Нас разведут без личного присутствия, — подсказал Филипп.

— А так можно? — усомнилась я, наткнулась на ледяной взгляд и кивнула: — Видимо, можно.

— Собирайся, леди Торн, если мы не хотим жениться заново. Мы ведь не хотим жениться заново? — мягко спросил он.

— Что ты со мной разговариваешь, как с милой дурочкой? Поверь, мне одного раза за глаза, — поспешно уверила я, всем невозможно кротким видом давая понять, что готова сотрудничать.

— Тогда выезжаем в столицу. — Он направился он из гостиной, видимо, демонстрировать сборы на личном примере, и бросил на ходу: — Найдем экипаж в городе.

Мы всей семьей Вудстоков замялись и невольно переглянулись.

— Что такое? — уточнил Филипп, чуя подвох. — В Энтиле не нанять экипаж?

— Да найдем, конечно, — протянул Рендел и нервно огладил ладонью лысеющую голову.

Отыскать свободного извозчика, готового немедленно рвануть в столицу, в Энтиле было проблематично. Обычно с возницами договаривались за неделю, а если в нужное время карета не появлялась, приходилось отправляться на почту и ждать почтового дилижанса, искренне веря, что местечко найдется хотя бы на крыше.

— Ну... можно, конечно, зайти в ритуальную контору, — предположил Рендел. — Я знаком с их хозяином. Вряд ли они за достойную оплату откажутся дать катафалк...

— Господин Вудсток, вы серьезно? — не поверил своим ушам Филипп, видимо, живо представив, как мы лихо подкатим к конторе стряпчего на карете из покойницкой.

Удача пришла, откуда не ждали. Вернее, она приехала на дорогушем экипаже из самой столицы и заколотила дверным молотком с такой яростью, что в доме содрогнулись стены. Потом удача не

дождалась, когда нерасторопные хозяева откроют, и вломилась без приглашения.

Внеся в холл холодный воздух, через порог влетела Марджери Торн в дорогом пальто и (неожиданно) с тюрбаном из полотенца на голове. Следом тихонечко, как мышка, проникла незнакомая элегантная леди и скромно прикрыла дверь. Только со второго взгляда мне удалось узнать Лидию. Недели не прожила у мадам, а уже приобрела столичный лоск!

— Мы приехали! — презрев манеры, сдержанность и необходимость здороваться, рявкнула Марджери с визгливыми интонациями. — С утра прочитали новости и бросились сюда. Как знала, что вы оба в Энтиле! Разводиться удумали?

— Зависит от того, как быстро мы доберемся до столицы, — ответил Филипп, соображавший получше нас всех и мгновенно решивший проблему доставки. — Ты на своей карете?

— На катафалке! — рявкнула тетка, неожиданно выказывая, что она совершенно нормальный человек, способный выходить из себя. — Я думала, вы разводитесь, а у вас что же, медовый месяц продолжается?

— Почему прозвучало так, словно ты глубоко разочарована, — хмыкнул Филипп.

— Тогда откуда статья в «Вестнике»? Чудовищный удар по идеальной репутации Торнов!

— Роковое недопонимание, — патетично объявила я и кивнула Лидии: — Ты чудесно выглядишь. Столица тебе к лицу.

— А что на тебе надето? — рявкнула Марджери.

— Платье в стиле ретро, — категорично отрезала я.

— Дорогая супруга, вам тоже будет к лицу столица, когда мы до нее доберемся, — подогнал меня Филипп. — Марджери, мы забираем твой экипаж. Кстати, у тебя полотенце на голове.

Мадам Торн с дурацким видом, насколько он мог стать дурацким у великосветской дамы с розовым тюрбаном, потрогала полотенце и поменялась в лице. Пока мы натягивали верхнюю одежду, она изливала обиду:

— Да что же вы молчали? Я как увидела статью, так и прыгнула в карету, в чем была! — Марджери кивнула на нас с Филиппом. —

Ладно, от этих одни неприятности, но ты-то, Клементина, женщина высоких моральных принципов.

По-моему, она тетушке сильно польстила.

— Я решила, что в вашу столицу пришли странные высокие моды, — съехидничала та.

— А ты, Лидия? — обиделась тетка Торн.

— Постеснялась сказать, мадам. Сегодняшнее утро выдалось нервное и суматошное, но обычно-то вы безупречны.

На что Клементина, явно ревнующая младшую сестру к Марджери, громко и издевательски фыркнула. Стало ясно, что в доме Вудстоков начинается веселье, и момента удачнее, чтобы уехать без лишних разговоров, не найдется.

Полагаю, к тому времени, как наш экипаж минул городские ворота, родственники три раза передрались и допили припрятанный в полке херес, разбавленный конской дозой успокоительной настойки. Теперь сидели перед камином дружным квартетом. Невозмутимые, как святые заступники... И безмятежно любовались на оленьи рога с пыльным разноцветным шариком, свисающим на длинной серебристой нити.

В том, что суровое здание мирового суда находилось напротив центрального храма, была большая ирония. В одном женили, в другом разводили. За этим наблюдали статуи святых заступников с одной стороны и фигура богини правосудия — с другой.

В приемной мирового судьи нас встретил нервный молодой человек в ладно скроенном костюме и со значком законника на лацкане пиджака.

— Господин Торн, все ждут только вас, — с крайне уважительной интонацией произнес он, посмотрел на меня и признался: — А леди Торн... не ждут.

— Не сомневаюсь, — сдержанно отозвался муж, обдав беднягу знакомым ледяным взглядом. — Идемте, леди Торн.

Он даже двинулся в сторону двустворчатых дверей, но резко остановился.

— Лучше посижу в приемной? — с надеждой уточнила я.

— Нет уж, — хмыкнул он, бросив на меня насмешливый взгляд.

И таким этот взгляд был говорящим! Очевидно, муж предлагал леди Тон взять в руки черпак и расхлебать кашу, которую она

талантливо заварила на пару с энергичным поверенным. Мой дражайший супруг прекрасно справлялся с дрессировкой домашних драконов. Даже специальная инструкция не требовалась. Видимо, все исходило от души и от хваленого характера, которым он и был знаменит в королевстве.

Между тем, пока я соображала, как избежать явления леди в кабинете мирового судьи, он вытащил из кармана знакомое кольцо. В сердцах возвращенный подарок вспыхнул, рассыпавшись бриллиантовым блеском.

— Позвольте? — Филипп протянул раскрытую ладонь.

— Ты таскал кольцо в кармане пальто? — тихонечко спросила я, следя за тем, как драгоценность легко скользит на мой палец. — Твоя матушка упала бы в обморок.

— Но ты же его отправила почтовой шкатулкой, — усмехнулся он.

— Туше, — сдалась я.

Кабинет оказался монументальным с высоким потолком, длинный, как рукав, и с большими окнами. Судья тоже выглядел монументальным. Он восседал во главе полированного стола и отчаянно скучал.

При первом же взгляде стало ясно, что Вилсон в большой беде. Напротив него собралось трио из поверенного семьи Торнов и двух его помощников, обложенных бумагами. Бывший секретарь, похоже, только для вида что-то черкал в блокноте. Перед ним была раскрыта папка с копией брачного договора. Я сразу узнала этот многостраничный грозный документ, который осенью изучила от корки до корки.

Вообще, я слабо представляла, как мы заявим всему честному собранию, что собрались-то они напрасно. Скажем хором, держась за руки? В этом случае нас обоих примут за милых дурочек.

При виде меня (или господина Торна?) мужчины поднялись. Филипп со всеми сдержанно поздоровался и поблагодарил за встречу. Я полагала, что сейчас мы перейдем к самому главному, а потом быстренько отчалим домой, но случилось незапланированное паскудство! Нас разделили.

Я уселась рядом с всполошенным Вилсоном, а Филипп устроился между помощниками стряпчего, словно мы действительно собирались разводиться и только ждали, когда судья подпишет документы.

— Тереза, что вы тут делаете? — зашептал Вилсон, отгородившись от стороны противников ладонью.

— Приехала вместе с Филиппом, — пояснила я, глянув на мужа, который тоже что-то тихо говорил стряпчему.

Судья, между тем, широко зевнул и, в последний момент спохватившись, прикрыл рот.

— Вилсон, у меня две новости. Вам с какой лучше начать? — тихо спросила я.

— Давайте с хорошей, — решительно кивнул он. — Вы договорились полюбовно?

— Можно сказать и так, — согласилась я. — Развода не будет.

— Святые заступники, — искренне испугался он. — А какая же тогда плохая новость?

— У меня есть подозрение, что опровержение в «Вестник» придется оплачивать из вашего гонорара.

— Господин судья, я резко против! — вдруг вскочил Вилсон. — На мою клиентку надавили!

В кабинете возникла ошеломленная тишина. На нас скрестились изумленные взгляды. Судья страшно обрадовался, что произошло хоть что-то веселое, и даже придвинулся к столу.

— Вилсон, что вы несете? — смущенно пробормотала я сквозь зубы и дернула поверенного за рукав, призывая пристроить зад обратно на стул. — Мы с Филиппом просто помирились.

— Эта женщина, — Вилсон указал на меня, — хочет быть разведенной немедленно.

— Вилсон, остановитесь, — вкрадчиво произнес Филипп с теми самыми интонациями, от которых хотелось каяться даже в грехах, совершенных соседом. — Мы с леди Торн пришли к мирному соглашению. Так ведь, леди Торн?

Я почувствовала, как губы сами собой расплываются в предвкушающей улыбке, и протянула:

— Все верно.

— Что он вам пообещал, Тереза, если вы резко передумали разводиться? — прорычал Вилсон.

— Открыть питомник вымирающих магических тварей имени Филиппа Торна, — начала я перечислять, и поверенный этого самого

Филиппа Торна подавился воздухом. — Создать фонд имени Филиппа Торна.

— Для сохранения этих ваших тварей? — усмехнулся муж.

— Для разных добрых дел

— И, должно быть, выпустить на волю всех выведенных в неволе драконов на фермах? — с иронией подсказал он возвышенную, но разорительную для нашей семьи идею.

— Драконы прекрасно живут на фермах, — отказалась я.

— Господин судья, это не повод менять жизненные планы! — воскликнул Вилсон. — Отсудим компенсацию, и вы, Тереза, откроете притон... притомник... питомник!

Мгновением позже под действием невидимой магической силы брачный договор взорвался мелкими клочками. В разные стороны разлетелись обрывки страниц, в воздухе словно закружили крупные хлопья снега. Они усеивали пол и стол. Мировой судья с азартом отряхнул от обрывков договора пиджак.

— Надеюсь, теперь яснее, что развода действительно не будет, — прокомментировал мой муж.

Сквозь бумажно-снежную пелену мы с Филиппом смотрели друг на друга. Мне хотелось смеяться.

— Вы уничтожили оригинал, — тихо заметил стряпчий.

— Я знаю, — невозмутимо отозвался он. — Зачем нам договор? Мы с леди Торн планируем жить долго и счастливо. Вместе...

— Но если надумаете развестись, то, пожалуйста, позовите другого судью, — чисто по-человечески попросил судья.

— И другого законника, — буркнул Вилсон.

На следующий день на третьей полосе «Вестника» появилась статья. Репортер уверял читающую публику, что произошла страшная ошибка, и супруги Торны вообще-то не разводятся. И знаете? Мне кажется, эта была самая достойная новость в нашем королевстве за последние пару лет.

Эпилог

Особняк блестел от чистоты. Слуги находились в полубморочном состоянии. Повар тоже хотел бы упасть в обморок, но держался и с перерывами на успокоительные капли гонял по кухне помощниц. Мы с мужем не нервничали, хотя не каждый день к нам с неофициальным визитом приезжала ее величество. Королева пожелала сделать взнос в благотворительный фонд имени Торнов (по совету его величества, благословите святые заступники этого замечательного человека). Событие века, достойное первой полосы «Вестника»!

Когда Филипп Торн-младший, десятилетний маг в седьмом поколении, демонстрируя свои лучшие манеры, осторожно постучался в двери и протиснулся бочком в туалетную комнату, у меня выпала из рук сережка. Я глянула на сына сквозь зеркало и мрачно покачала головой, мол, не смей говорить, что тебе очень жаль. Не сегодня! Твоя мать месяц готовилась к этому вечеру! Твой отец купил новый смокинг и уже готов изображать гостеприимного хозяина. Ты просто не можешь сказать, что тебе жаль...

— И все-таки мне очень жаль, — правильно расшифровав мой взгляд, вздохнул сын и опустил кудрявую темноволосую голову. — Он сбежал из моей спальни.

— Кто? — окончательно убедившись, что случилась большая беда, нараспев выдохнула я.

— Дракон.

— Какой еще дракон?! — Я резко крутанулась на пуфике, чтобы посмотреть в лицо маленького хулигана, так сказать, со всем положенным укором.

— Предположительно карликовый, но папа вчера за ужином мне сказал, что карликовых драконов нет. В общем, или маленький дракон, или я сдаюсь.

— Ты хочешь сказать, что притащил в дом неведомую зверюшку? — охнула я. Хорошо, что сидела, иначе упала бы.

— Он совсем ручной! — уверил сын. — Ничего не натворил. Только сгрыз ножку у кресла. И учебник по начертательной геометрии. И еще...

— Остановись, — прикрыв глаза, попросила я, сделала глубокий вздох и очередной раз прониклась сочувствием к Клементине, которая с честью переживала появление в доме котят, щенят и прочих подобранных четвероногих найденышей.

Но последним-то у меня был леймар, потом я поумнела. Сейчас он старенький и счастливо обитает в клетке. В кабинете у мужа.

— Я уже договорился с одноклассником, — уверил сын. — Завтра он его заберет. Вы вообще ничего не узнали бы, но дракон сбежал.

— И?

— И я его не нашел. — Филипп развел руками. — Все комнаты проверил.

Другими словами, у нас осталось меньше часа до прибытия высокой гостьи, а по дому бродило неизвестное существо.

— Папе сказал? — Подскочив с пуфика, я подхватила длинное вечернее платье, чтобы случайно не наступить на кружево и не отодрать подол. — Быстро к нему! Он поможет искать.

— Дорогая матушка! — Филипп резко выставил вперед руку, и от изумления я остолбенела. — Давайте не будем в этот важный вечер беспокоить нашего уважаемого отца.

— Филипп Торн-младший! — в сердцах рыкнула я. — Забыл, что сказал твой отец, когда неделю назад ты притащил в дом пса размером с лошадь?

— Что я пошел в тебя? — уточнил он, рассматривая меня ясными и честными папиными глазами.

— Кроме этого, — проворчала я.

— Что надо любить братьев наших меньших?

— Что ты можешь любить братьев наших меньших, но отправишься на каникулах на драконью ферму, если приведешь хоть одно блохастое существо в дом! — напомнила я.

— Но ведь драконы не блохастые, — не понял он суть претензии, если озвученный запрет нарушен не был.

— И сейчас я склонна согласиться с отцом!

Стуча каблуками по паркету, через супружескую спальню я ринулась в гардеробную мужа. Мимо большой кровати, длинного комода, уставленного портретными карточками нашей семьи, фонарика из Энтила, висящего над каминной полкой на оленьих рогах.

Красота переместилась сюда после переезда тетушки и дядюшки в восстановленное шесть лет назад поместье Вудстоков.

Сын топал следом. Надеюсь, преисполненный раскаянья за то, что подвел уважаемых родителей под монастырь. Давненько репутация достойной семьи Торнов не подвергалась такому риску! Драки в школе вообще не в счет.

Муж стоял перед зеркалом и как раз вставлял в петельку на лацкане смокинга значок женского клуба защиты вымирающих тварей. Вообще-то, наше общество давно распалось. Как первому мужчине (моему супругу) торжественно вручили значок, так и распалось. Полагаю, что для Филиппа значок был ироничным символом, как один человек может развалить целую организацию! При этом не совершая вообще никаких телодвижений.

За эти годы в темных волосах мужа появились седые пряди. Он раздался в плечах и в поясе, как и положено хорошему семьянину, но вокруг него по-прежнему бурлила энергия, заставляющая чужих людей цепенеть. И мы по-прежнему были влюблены, как в медовый месяц.

Филипп-старший перевел на нас предупреждающий, хмурый взгляд и покачал головой. Мол, не смейте говорить, что вам очень жаль. Я выразительно кивнула сыну.

— Глубокоуважаемый отец... — неожиданно начал он.

Казалось, что он снова попал на сцену в театральном клубе и, вытянув руку, отыгрывал роль набедакурившего принца. Актерского таланта, в отличие от магического, нашему сыну природа пожадничала, но его преподавательница по изящной словесности мадам Кирилла считала, что воспитание детей обязано быть гармоничным.

В воспитании детей, как показывала практика, я вообще плохо разбиралась и близко дружила с бывшей соседкой. Она-то умела найти подход к... неокрепшим талантам ввергать семью в хаос.

К слову, Кира давно была замужем за чудесным человеком, преподавателем начертательной геометрии. Тот разговор в чайной курортной деревушки не прошел впустую. Подруга присмотрелась к жениху, неожиданно выяснила, что он со вкусом изменял ей с Виреной, и сбежала от адской семейки.

— Кто? — тихо спросил муж, мигом угадав, что реплику из пьесы демонстрируют не просто так, а по большой неприятности.

— Карликовый дракон, — покаялся сын и коротко добавил: — Сбежал. Не нашел.

— Нам обоим очень жаль! — поспешно добавила я. — Но твоему сыну жальче.

— На ферму... — заледенев взглядом, было начал ругаться Филипп-старший.

— Не время, дорогой муж! — перебила я. — Вы маг в шестом поколении. Выманите это существо с помощью заклятия.

— Ты тоже маг, — напомнил он и рывкнул на сына, немедленно вжавшего шею в плечи: — Он тоже маг.

— Мы все тут маги, но только ты знаешь заклятия поиска, — напомнила я.

— Чему их в магическом лицее учат? — скрипнул он.

— Не заклятьям поиска, — уверила я.

Сын скромно помолчал, что заклятия поиска он успешно провалил, еще не пересдал, но этот страшным секрет мы бережного хранили от отца. Зачем волновать занятого человека? Репетитор все равно уже найден.

— Поверите не могу, что в такой вечер... — сцедил муж сквозь зубы и широкими шагами направился в спальню. — Дочь!

— У тебя сын, — напомнила я, стараясь от него не отставать. Сын тоже семенил следом и даже не возмутился, что его перепутали. Вот как проникся чувством вины!

— Я хочу дочь!

— Зачем? — растерялась я. — В поисках поможет только магия.

— Да, но мне остро необходим человек, который разделит мою нелюбовь к этим вашим... домашним питомцам! — громыхнул он. — Кто-то же должен пойти в меня?

— Вообще ты опять рискуешь, — зачем-то заметила я и резко остановилась под гнетом ледяного взгляда. — Ты прав! Самое время для дочери. Но не сию минуту. Сейчас я никак не могу предоставить тебе дочь.

— Мама, — тихонечко проговорил Филипп-младший, когда мы дружным строем выбрались в коридор, — если у меня появится сестра, я смогу претендовать на взрослую комнату? Я ей уступлю детскую. Там дракон все равно всю мебель погрыз.

— А ты не промах, — поразила я. — Весь в свою бабушку Марджери! Сначала звереныша найди, потом будешь торговаться.

Между тем хозяин дома уверенно шагнул к лестнице, ведущей в холл.

— Дорогой! — позвала я. — Может, начнем поиск отсюда?

— Ваш питомец в твоём кабинете! — сцедил он через плечо.

— Ох, так ты его уже почувствовал, — с фальшивым восхищением протянула я. — Ты великолепный маг...

Муж резко остановился и задумался.

— Нет, в моём кабинете. В кухне. В гостиной... Филипп, ты точно притащил в дом одного дракона?

— Может, он размножился? — на голубом глазу предположил сын.

Перед мысленным взором появилась гостиная, кишущая маленькими новорожденными дракончиками, а ступенчатая карликовая мать возлежала в любимом кресле моего мужа и взираала, как мелкие гаденыши с азартом грызут ножки у антикварной мебели.

— Давайте поделимся! — резко предложила я и вперед мужа бросилась к лестнице в холл, чтобы спасти свой рабочий кабинет от нашествия неведомой зверюшки.

Но в строгой комнате с книжными шкафами и тяжелым письменным столом неведомых зверей не нашлось. Только Вилсон, мой несменяемый законник, поправлял на стене чуток скособоленную рамочку с последней статьей из «Вестника».

Вообще, он давно превратил кабинет в музейную экспозицию с благодарностями за работу фонда. На их фоне мой диплом об окончании юридической школы и наш с Филиппом семейный портрет, мягко говоря, несколько терялись.

За последние годы Вилсон заметно раздобрел, чуток полысел, обзавелся очками и превратился не только в грозу столичных стражских участков, но и в отца большого семейства. Понятия не имею, каким образом он действительно женился на Лидии (никак Клементина сглазила), но они уже были родителями четырех дочерей.

— Вилсон, у нас проблема! — прямо объявила я.

— Королева отменила визит? — в его голосе прозвучал неподдельный ужас.

— У нас сбежал дракон. Быстро на поиски!

Не произнося ни слова, Вилсон ринулся за мной следом, но где-то в дверях вопросы все-таки появились.

— С фермы сбежал?

— Какая еще ферма? Из спальни Филиппа сбежал дракон.

— У какого из Филиппов? — въедливо допытывался законник.

— По-моему, ответ очевиден, — начала раздражаться я.

— Как хоть этот дракон выглядит? — не унимался Вилсон и требовал новых подробностей. — Кого мы ищем?

— Хотела бы я знать, — пробормотала я себе под нос, не забывая крутить головой.

Вдруг карликовый дракон или существо, под него маскирующееся, ползает где-нибудь под столиком с вазой. Или прогрызло дыру в стенной ткани, а теперь, спрятавшись за покровом, штурмует стену?

— Мама, он здесь! — крикнул сын.

Мы выскочили из коридора и остановились в холле. Здесь собрался весь штат прислуги. Включая, полуобморочного повара с поварешкой. Кое-кто из горничных притащил венички для пыли и швабры. Двое Филиппов тоже присутствовали.

Судя по тому, как ходили желваки на лице у хозяина дома, он находился в таком озверелом настроении, что любой, кто посмел бы дать ценный совет, упал бы замертво. Видимо, поэтому все, как на последней секунде театральной постановки, значительно молчали и с серьезными минами таращились в потолок.

Чувствуя, что шею защемило от нервного напряжения, я тоже посмотрела вверх. Лучше бы не смотрела, право слово! Существо размером с кошку, отдаленно напоминающее ящерицу с крыльями, испуганно таращило глазенки и цеплялось когтистыми лапами за гипсовую драконью башку. Этот, с позволения сказать, интерьерный изыск являлся неотъемлемой частью лепнины. Понятия не имею, как он еще не отвалился под тяжестью карликового дракона. Или что там к нему прицепилось.

— Просто сбей его заклятем! — резко приказала я мужу.

— На него магия не действует, — мрачно отозвался тот.

— Я уже говорил, что мне очень жаль? — подал голос Филипп-младший.

— Да! — совершенно непедagogично сседили мы с отцом.

— Ну так вот, мне по-прежнему очень жаль, — вздохнул сын. — Просто, чтобы вы учили, когда будете меня наказывать драконьей фермой...

Более неподходящего момента для приезда королевы было не придумать. Входная дверь резко отворилась, и в холл ворвался переполошенный лакей. При виде целой толпы народа он затормозил, словно вмазавшись в невидимую стену, махнул рукой и беззвучно открыл рот.

— Едет? — охнула я. Сама же отправила хорошего человека последить за воротами.

— Уже! — только и выдавил он.

Слуги дунули в разные стороны. Я на ходу оправляла платье. Филипп одергивал пиджак. Вилсон приглаживал лысину. Сын вообще на приеме не должен был присутствовать, но в общей суматохе мы встречали долгожданную гостью всем семейством. С улыбками блаженных маньяков. В позе портрета из гостиной: мать, отец и мальчик с торчащими в разные стороны кудрями. Законник случайно прибился.

И на потолке сидело странное существо.

Визит был неофициальный, поэтому с королевой приехала не целая свита, а только часть. Всего-то три десятка придворных. Она была невысока ростом, степенна и улыбчива. В каждом движении чувствовалась значительность. Королевская кровь всегда считалась самой сильной магически.

— Благодарим за визит, ваше величество, — выпрямившись из поклона, произнес Филипп.

Взглядом я украдкой косилась на лепнину. Крылатый заморыш решил переместиться! Он осторожно переползал с гипсовой драконьей башки на завитушку.

— Это я благодарю за теплый прием, — отозвалась ее величество, всегда отличавшаяся приветливостью. — Леди Торн, ваш сын удивительно похож на отца. И на вас. Не могу понять, на кого больше. Дитя, подойди!

Она протянула руки. И то ли заморыш решил, будто для него подстелили соломки, то ли просто сорвался, но в эти самые королевские руки сверзилось крылатое, хвостатое существо, отдаленно напоминающее ящерицу. Инстинктивно королева схватила его в

охапку, прижала к вечернему платью и уставилась в зубастую глазастую морду. Секундой позже морда выплюнула ей в лицо облачко черного дыма.

Оцепенели все. Я почувствовала, как под нашими ногами рушится не просто карьера, а жизнь.

— Поздравляю, ваше величество! — вдруг торжественно проговорил Филипп. — Вы официально приняты в женский клуб защитниц вымирающих магических тварей.

— Он же распался, — за каким-то демоном пробормотал Вилсон. Не иначе, как от шока.

— Мы его только что возродили, — сквозь зубы едва слышно буркнула я и одарила новую соратницу своей самой чарующей улыбкой очень умной женщины. — Ваше величество, позвольте вам вручить значок нашего клуба.

Кажется, я содрала проклятуший значок с лацкана Филиппа с «мясом». Какое счастье, что муж никогда с ним не расставался!

На следующее утро на первой полосе «Вестника» напечатали портрет ее величества с крылатым заморышем на руках. На его шее был ошейник, а на груди у королевы значок возрожденного женского клуба защитниц вымирающих магических тварей имени Филиппа Торна.

Конец